

АССОЦИАЦИЯ «ЛЕРМОНТОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ»
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД «ДОРОГА ЖИЗНИ»

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСК ЕЖЕГОДНОГО АЛЬМАНАХА «ДЕНЬ ПОЭЗИИ»
70 лет с момента первого выпуска альманаха (1956)
и 20 лет с момента возрождения альманаха (2006)

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

XXI век

2026 год

ПОСВЯЩАЕТСЯ
памятным датам отечественной поэзии:

205-летию Н. А. НЕКРАСОВА

140-летию В. Ф. ХОДАСЕВИЧА

115-летию А. В. СОФРОНОВА

95-летию Г. Я. ГОРЬБОВСКОГО

90-летию Н. М. РУБЦОВА

85-летию Ю. П. КУЗНЕЦОВА

80-летию Л. Г. ГУБАНОВА

75-летию Н. А. ГРАНЦЕВОЙ

УДК 050.9+821.161.1+82-822

ББК 84(2Рос=Рус)6+94.3

Д34

РЕДАКТОРАТ, РЕДКОЛЛЕГИЯ И ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ АЛЬМАНАХА «ДЕНЬ ПОЭЗИИ — XXI ВЕК. 2026 ГОД» ОТ ЛИЦА ВСЕХ АВТОРОВ БЛАГОДАРЯТ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД «ДОРОГА ЖИЗНИ» (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ЗА СОДЕЙСТВИЕ В ВЫПУСКЕ АЛЬМАНАХА

НЕКОММЕРЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются.

День поэзии — XXI век. 2026 год.

Д34 Альманах: стихи, статьи. — Санкт-Петербург:

Издательство, «Эталон» 2026. — 300 с.

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА:

Андрей ШАЦКОВ (Руза-Москва) – главный редактор

Виктор ПЕТРОВ (Ростов-на-Дону) – выпускающий главный редактор

Максим ЗАМШЕВ (Москва) – креативный главный редактор

Анастасия ЕВМЕНОВА (Санкт-Петербург) – художественный редактор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Виктор КИРЮШИН (Москва) – председатель

Марианна ДУДАРЕВА (Иваново-Москва)

Кирилл КОЗЛОВ (Санкт-Петербург)

Наталья РОЖКОВА (Москва)

Юрий РЯШЕНЦЕВ (Москва)

Евгений ЮШИН (Москва)

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

Михаил ЛЕРМОНТОВ (Москва) – председатель

Николай БУРЛЯЕВ (Москва) – сопредседатель

Дмитрий МИЗГУЛИН (Санкт-Петербург) – сопредседатель

Виктор ЛИННИК (Москва)

Валентина РЫБАКОВА (Санкт-Петербург)

Николай САПЕЛКИН (Воронеж)

Александр СОКОЛОВ (Москва)

Оксана ШЕЙКИНА (Овстуг, Брянская обл.)

Издательство зарегистрировано

в Федеральной службе по надзору за соблюдением

законодательства в сфере массовых коммуникаций

и охране памятников культурного наследия.

Рег. ПИ № ФС77-25467 от 25 августа 2006 г.

ISBN 978-5-6055912-2-1

© Коллектив авторов, 2026

© Ассоциация «Лермонтовское наследие», составление, 2026

© Издательство «Эталон», 2026

СОДЕРЖАНИЕ	ГОНТОВСКИЙ Аркадий.	62
	ИМЕНА	
	Глебу ГОРБОВСКОМУ – 95 лет	
	Елена КРЮКОВА	65
РУССКАЯ КЛАССИКА	ПАМЯТЬ	
ПОЭТИЧЕСКИЙ МЕМОРИАЛ	Наталье ГРАНЦЕВОЙ – 75 лет	
Николаю Алексеевичу	Евгений ЛУКИН, Евгений СТЕПАНОВ,	
НЕКРАСОВУ – 205 лет	Андрей ШАЦКОВ.	71
Юрий КОЗЛОВ	7	
ПАМЯТЬ	10	
ПОЭЗИЯ	ИМЕНА	
АВРУТИН Анатолий	14	Леониду ГУБАНОВУ – 80 лет
АЛЕЙНИКОВ Владимир	17	Владимир АЛЕЙНИКОВ.
АЛИХАНОВ Сергей.	19	75
АНТИПИН Андрей	22	ПОЭЗИЯ
АРТЁМОВ Владислав	24	ДЪЯКОВА Нина
АРТИС Дмитрий	27	80
АРУТЮНОВ Сергей.	29	ЕРОФЕЕВА Валентина
БАНЦЕРОВА Людмила	31	82
БЕЛИКОВ Юрий.	35	ЕФИМОВА Ольга
БЕЛЯЕВ Андрей	38	84
БЕЛЯЕВА Виктория.	40	ЁМКИН Геннадий.
БЕРЗИНА Любовь	42	86
БОБРОВ Александр	44	ЗАМШЕВ Максим
БОРСКИЙ Николай.	46	87
БРАГИНА Людмила	49	ИВАНОВ Геннадий
ВЕРШИНСКИЙ Анатолий	51	90
ВИТАКОВ Алексей.	53	КАЛАШНИКОВ Геннадий
ВОЛОДИНА Екатерина.	55	92
ВОРОНИЧЕВА Анастасия	57	КАРГАШИН Сергей.
ВОРОТНИН Юрий.	59	96
		КВАШНИН Владимир.
		97
		КЕКОВА Светлана
		99
		КИРЮШИН Виктор.
		102
		КИТИК Владислав
		103
		КЛИМОВ-ЮЖИН Александр
		106
		КНЯЗЕВА Надежда
		108
		КОВАЛЁВ Максим
		111
		КОЗЛОВ Кирилл
		112
		КОЗЛОВ Сергей
		115
		КОЛЕСНИКОВА Елена
		117

КОРОВИН Андрей	119	НОВИКОВ Андрей	190
КОРЧАГИН Юрий	121		
КРЮКОВА Елена	123	ОРЛОВ Александр	192
КУБЛАНОВСКИЙ Юрий	127		
		ПАРСАНОВА Татьяна	195
ИМЕНА		ПАТШИН Алексей	197
Юрию КУЗНЕЦОВУ – 85 лет		ПЕРЕЯСЛОВ Николай	199
Виктор ПЕТРОВ	130	ПЕРМИНОВ Юрий	202
		ПЕТРОВ Виктор	205
ПОЭЗИЯ		ПИЕТИЛЯЙНЕН Елена	208
КУНЯЕВ Станислав	136	ПОЛЯНСКАЯ Екатерина	209
КУПРИЯНОВ Вячеслав	139	ПОПОВ Андрей	212
		ПОПОВ Сергей	214
ЛАВРЕНТЬЕВ Максим	142	ПОПОВА Нина	216
ЛАТЫНИН Валерий	144	ПУНЖИНА Наталия	219
ЛЕОНТЬЕВА Светлана	146		
ЛЕСИН Евгений	149	РЕВЯКИНА Анна	221
ЛОБАНОВ Валерий	151	РОЖКОВА Наталья	224
ЛОБАНОВ Сергей	153	РЯБОВ Олег	225
ЛУКИН Евгений	155		
		ИМЕНА	
МАКАРЕНКОВ Владимир	157	Николаю РУБЦОВУ – 90 лет	
МАЛОВ Иван	159	Марианна ДУДАРЕВА	228
МАМЕДОВ Садиг	160		
МАРКИЯНОВ Андрей	162	ПОЭЗИЯ	
МИЗГУЛИН Дмитрий	163	РЯБУХИН Михаил	231
МИНИН Евгений	165	РЯШЕНЦЕВ Юрий	233
МОГУТИН Юрий	168		
МОЖАЕВА Виктория	170	ЭССЕ	
МУРЗИН Василий	173	САПЕЛКИН Николай	237
НЕКРАСОВ Вячеслав	175	ПОЭЗИЯ	
НЕРВИН Валентин	176	СЕРКОВ Виталий	241
НЕРПИНА Галина	177	СКРЫЛЁВА Юлия	242
НЕСТРУГИН Александр	179		
НЕЧИПОРУК Иван	182	ИМЕНА	
НИДВОРАЕВ Николай	185	Анатолию СОФРОНОВУ – 115 лет	
НИКОЛАЕВА Олеся	186	Виктор ПЕТРОВ	245

СТЕПАНОВ Евгений	247	ЧЕРКЕСОВ Валерий	271
СУХОВ Валерий	249		
		ШАЦКОВ Андрей	273
ТАЛАНОВА Галина	251	ШЕМШУЧЕНКО Владимир	276
ТРУНИН Александр	254	ШИГИН Борис	278
		ШОРОХОВ Алексей	280
ФАЛИКОВ Илья	256	ШУВАЛОВА Маргарита	282
ФЕДОСЕЕНКОВ Михаил	258		
ФИЛИМОНОВ Алексей	259	ЩЕРБАК-ЖУКОВ Андрей	284
ФЛЯРКОВСКАЯ Ольга	261	ЩЕРБАКОВ Юрий	286
		ЩЁЛОКОВ Иван	288
ИМЕНА			
Владиславу ХОДАСЕВИЧ – 140 лет		ЭРАСТОВ Евгений	291
Илья ФАЛИКОВ	264		
		ЮШИН Евгений	293
ПОЭЗИЯ			
ХОХЛЕВ Владимир	270	ЯГОДИНЦЕВА Нина	297

50 лет

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

ЕЖЕГОДНЫЙ АЛЬМАНАХ

2006

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

ЕЖЕГОДНЫЙ АЛЬМАНАХ

2007

2008

ДЕНЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ПОЭЗИИ

200 лет Александру ШОКШЕВУ
200 лет Антону КОЗЛОВУ
100 лет Михаилу ДЕРЖАВИНУ

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

Ежегодный альманах

2009

100 лет Михаилу Александровичу ГОЛУБИНСКОМУ
100 лет Ивану Ивановичу ПЕТРОВИЧУ
100 лет Александру Григорьевичу ВОЙНИЧУ

XXI ВЕК ДЕНЬ ПОЭЗИИ

2010

Ежегодный альманах

День поэзии XXI ВЕК

2011 год

125 летию Надежде СЕМЕРЯКИНОЙ
120 летию Марии ЦЕГЛОВОЙ посвящается

XXI ВЕК ДЕНЬ ПОЭЗИИ

2012

Ежегодный альманах

270 летию Гавриилу ДЕРЖАВИНУ
110 летию Николаю ЗАВОЛЖИКОМУ
170 летию Валерию МАКОВСКОМУ
100 летию Иринеи СМЕЛЖКОВОЙ
210 летию Федору ТЮТЧЕВУ
260 летию Михаилу ЛЕРМОНТОВУ посвящается

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

XXI ВЕК

2013

200 летию Михаилу Юрьевичу ЛЕРМОНТОВУ посвящается

XXI ВЕК ДЕНЬ ПОЭЗИИ

2014

Ежегодный альманах

2015-16

Иванов ГИГОРЕВ 95 лет
Сергей ЕСЕНИН 120 лет

ЕЖЕГОДНЫЙ АЛЬМАНАХ

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

XXI ВЕК

Алексею Толстому – 200 лет

XXI ВЕК ДЕНЬ ПОЭЗИИ

2017

Ежегодный альманах

250 лет ИВАНУ КРЫЛОВУ

220 лет АЛЕКСАНДРУ ПУШКИНУ

200 лет ИВАНУ ТУРГЕНЕВУ

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

XXI ВЕК

2018/19

200 лет Николаю НЕКРАСОВУ

200 лет Афанасию ФЕТУ

150 лет Ивану БУНИНУ

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

XXI ВЕК

2020/21

220 лет Федору ТЮТЧЕВУ

205 лет Алексею ТОЛСТОМУ

200 лет Аполону ГРИГОРЬЕВУ

150 лет Валерию БРОСОВУ

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

XXI ВЕК

2022/23

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСК

70 лет Ивану Ивановичу ПЕТРОВИЧУ
100 лет Александру Григорьевичу ВОЙНИЧУ

20 лет Валерию МАКОВСКОМУ
70 лет Валерию МАКОВСКОМУ
100 лет Валерию МАКОВСКОМУ

ПОСВЯЩАЕТСЯ СВЕТОЙ ПАМЯТИ УШЕДИХ ПОЭТОВ:

205 летию Николаю НЕКРАСОВУ

140 летию Валерию МАКОВСКОМУ

115 летию Антону КОЗЛОВУ

95 летию Гавриилу ДЕРЖАВИНУ

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

XXI ВЕК

2026

[РУССКАЯ КЛАССИКА]
ПОЭТИЧЕСКИЙ МЕМОРИАЛ

НИКОЛАЮ НЕКРАСОВУ —

205 ЛЕТ

ТРЕТИЙ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

На похоронах Николая Некрасова (10 декабря 1821 – 8 января 1878) Фёдор Достоевский поставил его на третье место в русской поэзии после Пушкина и Лермонтова. Однако присутствовавшие на церемонии политизированные студенты (народовольцы уже начали охоту за императором Александром Вторым) прервали писателя криками: «Он выше, выше!»

Николай Некрасов – поэт, публицист, издатель, один из лидеров общественного мнения второй половины девятнадцатого века – соединил в своём творчестве глубинную пушкинскую народность и лермонтовский мятежный гражданский пафос. Образ бичуемой кнутом музы с подачи Некрасова стал одной из визитных карточек российской поэзии на долгие годы. Хотя, досужие историки установили, никак не мог поэт видеть эту сцену «на Сенной» в описываемый день «часу в шестом», поскольку публичное наказание кнутом было отменено Николаем Первым за несколько лет до написания проникновенного стихотворения. Сочини Некрасов только три произведения: «Дедушка Мазай и зайцы», «Железная дорога», «Кому на Руси жить хорошо», он бы всё равно остался в истории отечественной словесности, как певец и защитник «униженных и оскорблённых», враг насилия, мечтатель о светлом будущем народа. Хрестоматийные строчки о русском народе: «Вынесет всё, что Господь ни пошлёт» и по сию пору претендуют на роль национального «мема». Как и строчки о «женщинах в русских селеньях»: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт».

К правящему образованному сословию Некрасов относился куда более строго, полагая, что оно не понимает душу доброго и терпеливого народа. Гражданский пафос в его творчестве сочетался с глубокой депрессией и неверием в то, что «царящее зло» можно одолеть. Современники отмечали противоречивость суждений и поведения поэта. Он, к примеру, много рассказывал о плохих отношениях с отцом – «деспотом, крепостником и развратником», однако, поддерживал с ним хорошие отношения, а в конце жизни признался, что был к отцу несправедлив. Некрасов очень ценил, как сотрудника Белинского, но, к удивлению коллег, не сделал того акционером «Современника», оставив «неистового Виссариона» на гонораре. Некрасов не был ангелом – жил в «треугольнике» вместе с Авдотьей Панаевой и её мужем Иваном; играл в карты в Английском клубе, превратив это дело в доходное предприятие; барски (с включением повара в обслуживающую свиту) охотился, причём иногда в крестьянских полях, топча «полоску несжатую»; обедал с цензорами в дорогих ресторанах. Журнальные коллеги это не одобряли, им виделись виртуальные жирные пятна «соусов от Тюссо» (дорогой петербургский ресторан) на страницах журнальных корректур. Когда в результате случайного выстрела погибла любимая собака, Некрасов впал в долгую депрессию, а потом установил на её могиле памятник.

Он был поэтом слома эпох, победительного шествия русского капитализма, изуродовавшего, по его мнению, экономическую и общественную жизнь страны, выпустившего на волю демонов наживы, индивидуализма, презрения к традициям: «Нынче тоскует лишь тот, кто не украл миллиона». Власть видела в Некрасове соратника Чернышевского, зовущего Русь к топору экстремиста. Но поэт не был революционером или врагом прогресса, напротив, ратовал за наделение крестьян помещичьей землёй,

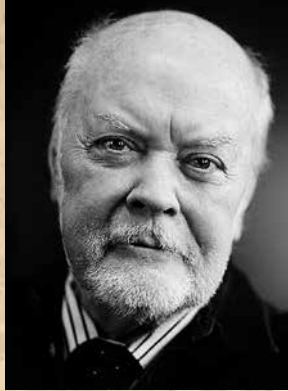
видел будущее в естественном поступательном развитии России, просвещении народа, но никак не в революционном терроре. Ужаснувшись разгулу терроризма в стране, Некрасов написал оду графу Муравьеву, назначенному председателем Верховной комиссии по делу о покушении на царя Дмитрием Каракозовым. За это был назван прогрессивной общественностью отступником и трусом, воспевающим «вешателя».

Но время расставило всё по своим местам. Успешный многолетний издатель двух лучших русских литературных журналов «Современник» и «Отечественные записки», Некрасов способствовал вхождению в литературу Тургенева, Гончарова, Островского, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Толстого, многих других авторов, составляющих ныне славу классической русской литературы. В творческом наследии Некрасова черпали вдохновение многие поэты: Маяковский, Есенин, Блок, позже – Евтушенко, Рождественский, Николай Рубцов, Юрий Кузнецов. Удивительно, но гневная антикапиталистическая лирика Некрасова сегодня отлично перекладывается на рэп. Его депрессивная лирика в сочетании с гражданским пафосом и упованием на Бога, как единственную силу, способную вывести Россию на путь истинный, наполняется особым смыслом во дни, как писал Иван Тургенев, сомнений «при виде всего, что свершается дома». Достоевский не ошибся. Некрасов – третий в русской поэзии.

«... ДРУЗЕЙ МОИХ ПРЕКРСНЫЕ ЧЕРТЫ
ПОЯВЯТСЯ И РАСТВОРЯТСЯ СНОВА»
(Белла Ахмадулина)

ПАМЯТЬ

ОНИ УЧАСТВОВАЛИ В СОЗДАНИИ АЛЬМАНАХА
«ДЕНЬ ПОЭЗИИ — XXI ВЕК» (2006—2026)

АННИНСКИЙ
ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ
(07.04.1934 — 06. 11.2019)
Участник редсовета альманаха
2009, 2010, 2011, 2013, 2014, 2017,
2018–19 годов

ВАСИЛЬЕВА
ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
(23.11.1935 — 27.02.2018)
Участник Попечительского совета
альманаха 2009 года.

ВАНШЕНКИН
КОНСТАНТИН ЯКОВЛЕВИЧ
(17.12.1925 — 15.12.2012).
Участник Попечительского совета
альманаха 2006 года

ГРАНЦЕВА
НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА
(12.10. 1951 — 11.02. 2024)
Участник редсовета альманаха 2009,
2010, 2011, 2012, 2013, 2014, годов

ДЕМЕНТЬЕВ
АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ
(16.07.1928 — 26.06. 2018)
Участник редсовета альманаха 2008
года. Участник Попечительского со-
вета альманаха 2006 года.

ДУДАРЕВ
ВАЛЕРИЙ ФЁДОРОВИЧ
(16.06.1963 — 16.11.2019)
Участник редсовета альманаха 2007,
2009, 2010, 2011, 2013, 2014, 2015–16,
2017, 2018–19 годов

КАЗАКОВА
РИММА ФЁДОРОВНА
(27.01.1932 — 19.05.2008)
Участник Попечительского совета
альманаха 2006 года

КАЗИНЦЕВ
АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
(04.10.1953 — 7.12.2020)
Участник редсовета альманаха 2013,
2014, 2017, 2018–19, 2020–21 годов

КОСТРОВ

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
(21.09.1935 — 26.10.2020)

Участник Попечительского совета
альманаха 2006, 2012, 2013 годов

МНАЦАКАНЯН

СЕРГЕЙ МИГРАНОВИЧ
(04.08.1944 — 29.06. 2021)

Участник редсовета альманаха 2006,
2007, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013,
2014, 2017, 2020–21 годов

РОМАНОВ

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
(02.01.1945 — 28.05.2014)

Участник редсовета альманаха
2010 года

ТЕР-МАРКАРЬЯН

АРШАК АРСЕНОВИЧ
(19.01.1938 — 06.03.2024)

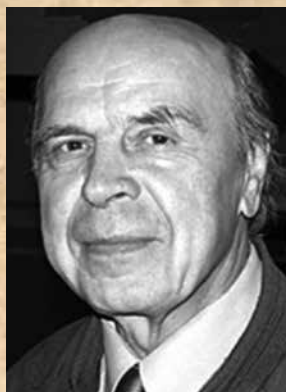
Участник редсовета альманаха 2007,
2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015–16,
2017, 2018–19 годов

ФИРСОВ

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ
(26.04.1937 — 17.11.2011)

Участник редсовета альманаха
2008 года

ШАМШУРИН

ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ
(19.03.1939 — 26.12.2023)

Участник редсовета альманаха
2011 года.

АНДРЕЙ ШАЦКОВ

ПЛАЧ ПО РОССИЙСКИМ ПОЭТАМ

В небеса пошлёт прощальный глас
Колокол людского покаянья...
Скольких нас не стало? Сколько нас
За чертой признанья и призванья?

Скольких нас не стало! Сколько нас
Приняла Российская равнина.
Ждал на Чёрной речке алый наст,
Эшафот – в утробе равелина!..

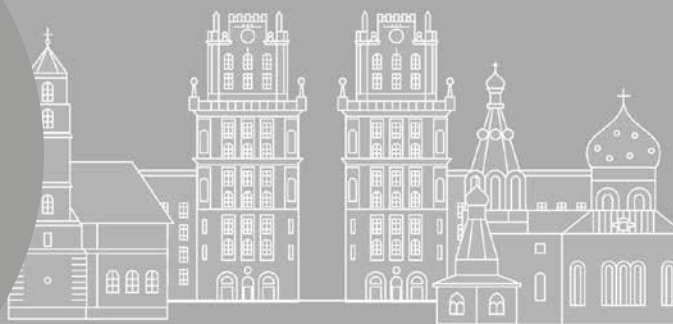
Скольких целовала вьюга в лоб!
Скольким вслед струился шип змеинный!
Положи, Елабуга на гроб
Асфодель Кавказа для Марины.

А душа – зегзицей со стены,
Мыслью с древа – грянется на травы...
Мы ещё вернёмся с той войны.
Где стихи – горящий край державы!

И пройдем по россыпи листов
Пасквиелей, доносов и наветов.
И не хватит Родине крестов –
Как наград посмертных для поэтов!

*Анатолий
АВРУТИН,
Минск,
Беларусь*

* * *

Снова ветер поёт мне свою бесконечную песню,
От которой и сам он в бескрайнем пути изнемог.
Я, конечно, умру, и, конечно же, снова воскресну,
Тень свою уронив на шальное скрещенье дорог.

И в повторном пути я, конечно же, снова услышу,
Как в ночи созревает в саду золотистый ранет.
Как, созрев, упадёт он лениво на сонную крышу,
И припомнится вдруг то, чего даже в памяти нет.

Будет на голоса распевать мне весёлая птаха,
Будет робкая ветка стыдливо в оконце стучать,
Будет парусом белым вздуться ночная рубаха,
А на бледные щёки слезами стекать благодать.

И послышится мне, как деревья звенят золотые,
А невзгоды с обидами станут навеки не в счёт.
А что мокро щекам, то слезами стекает Россия –
Из горючей слезинки и Волга начало берёт.

И тогда, может быть, снова ночью холодной приснится,
Под шуршание ставен и скрип поржавелых завес,
Что кричала в ночи о тревожном бессонная птица.
И от крика ты умер... Но снова наутро воскрес.

* * *

«Я встретил вас...» Какая благодать,
Когда так сладко слушать и молчать,
Как хорошо молчать и только слушать!
И пусть о чём-то лжёт телеэкран,
Плывёт по морю новый Магеллан,
И хочется молчанья не нарушить...
Я помню лишь одно: «Я встретил вас...»
С разливом безмятежно-серых глаз,
С улыбкою районной Моны Лизы...
Пусть трин-трава растёт хоть сверху вниз,

Под шторами сгибается карниз,
Мне безразличны шаткие карнизы.
«Я встретил вас...» Другое ни к чему,
Пусть яркий свет сменяется на тьму,
И вёроны кружат над пепелищем,
Пускай последний аист улетел,
Пусть князь Гвидон покинул свой удел...
Всё ищем мы того, чего не сыщем.
«Я встретил вас...» Ещё издалика
Узнал ваш голос... Узкая рука
Порой перчатку светлую роняла,
Неверный свет мерцал на маяке,

И песня зазвучала вдалеке –
 В той песне ни конца и ни начала.
 Я посмотрел в окно в который раз,
 И вспомнил, что, когда я встретил вас,

Всё так же звёзды в небе голубели...
 Какой там год? Какое там число?..
 Давно всё с дымом горьким унесло,
 Бессонница... И ветер дует в щели.

* * *

Пусть река широка, но душа всё же шире и звонче.
 Здесь смеются задорно, а если рыдают – взхлёб.
 Здесь дорога бежит от погони уставшею гончей,
 А убогие хаты похожи на тени трущоб.

Здесь косматый старик, поразмявший усталые кости,
 Так взмахнёт топором – только щепки летят на ветру.
 Здесь погост не растёт – нету новых могил на погосте –
 Опустело селенье с безносым домком на юру.

Ну а птицы кричат... Ну а птицы кричат ошалело.
 Глухари-то не глухи... Вот люди – почти глухари.
 Только пепел остался, когда всё в душе отгорело,
 Он и в сердце стучится, и мечется где-то внутри.

А захочешь кричать – поперхнёшься... И не закричится,
 Только хлопнет калитка давно поржавевшим замком.
 Поднебесная нежить, влажна, потечёт по ресницам,
 Да под горло подкатит, спирая дыхание, ком...

То Отчизна моя мне до боли стесняет дыханье,
 То Отечества дым, стоит чуть задышать невпопад,
 Забирается в кровь, от меня добиваясь молчанья,
 Чтобы вдруг не спросил: «Кто же в той нищете виноват?»

Всё бегут по Руси от раздолья уставшие реки,
 Да извечную тайну хранит говорливая тишь.
 И подумаешь вдруг: «Это ж сколько всего в человеке!..»
 И зачем-то на память кленовый листок сохранишь.

И зачем-то погладишь шершавые руки осины,
 И зачем-то запустишь в полнеба заливистый свист.
 Осенившись крестом, на родимое глянешь повинно,
 Удивившись, что крест над церквушкой небесно-лучист.

Вдруг поймёшь – сентябрит...Нынче рано краснеют рябины.
 Птичий клин в поднебесье... И путь его страшно далёк.
 Опустели сады. И леса сиротливо-пустынны,
 Но к весне под корой встрепенётся живительный сок.

* * *

С каждым шагом пустынной дорога,
Где попутчиков нету почти...
Было прежде приятелей много,
Нынче стали безлюдны пути.

И дороженька стала увечной –
Сплошь ухабы, бурьян да гранит...
И какой-то шофёр бессердечный
Белой пылью виски серебрит...

А в висках всё стучит: «И куда я
Волокусь по дороге пустой?..»
Вот и листья, с дерев облетая,
Упокоясь, легли в травостой.

Что нас ждёт за дорогой увечной,
Коль Всевышний прикажет: «Ложись!..»
Там, где жизнь превращается в вечность,
Там, где вечностью сделалась жизнь?

* * *

Такой порой ни вскрикнуть, ни всплакнуть...
Того гляди, печаль раздавит грудь,
И не дано здесь, кажется, иного...
Всего одна слезинка на щеке,
Всего одна искринка вдалеке,
Всего одно несказанное слово...

Ещё шажок... Оступишься, и вот
Никто тебя от боли не спасёт,
Никто не спросит имени и званья...
Всего одна неясная печаль,
Всего одна обманчивая даль,
Всего одно последнее свиданье.

Всё позабыто – мысли и слова,
От горечи кружится голова,
И невозможно молвить про иное...
Всего один трагический излом,
Всего одно словечко о былом,
Всего одно безмолвие ночное.

МУЗЫКА

Послушная движенью нервных рук,
Мелодия, как девочка, дрожала.
И были в ней и горечь, и испуг,
И чья-то кровь на лезвии кинжала.

Ей нужен был скрипичный хруст костей,
Немое натяженье сухожилий,
И чёрный свет, и бешенство страстей,
Божественность... И дикий храп кобылий...

От страсти задышался дирижёр,
Зал онемел, мелодии внимая.
Казалось, что Всевышний распростёр
Всесильность крыл, даря и обнимая.

Кричало сердце, выл гемоглобин,
И рёбра раздвигались не от гнева.
И в каждом подступала из глубин
Очередная трепетная Ева.

И я забыл, что сделалось потом
С моей душой, когда умолкли звуки.
Но что-то всё саднило под ребром,
И женщина к плоду тянула руки.

* * *

Банальней не придумать:
«кровь» – «любовь» ...
Летят года... И жизнь, увы, мгновенна.
Измена... Ложь...
Судьбе не прекословь,
«Любовь» на «кровь»
меняя постепенно.

ЕСТЬ ИМЯ

Есть имя у неистовости дней –
 Зовут её июньскою порою, –
 И тянемся, отверженные, к ней,
 И там, где восприятие полней,
 В язык вникаем пламенного строя.

Распластанная плещется листва –
 Она ещё так мало бушевала, –
 И по ветру летящие слова,
 Не понятые близкими сперва,
 На улицах кружатся как попало.

Толпятся у порога беготни
 Акации, белками нависая
 Над берегом, где руку протяни –
 И что-то невозможное верни –
 И сразу же поддержит, не бросая.

Цветению словутому – хвала!
 Томлению воздушному – осанна!
 И лишь полураскрытые крыла
 Подскажут, что любовь твоя была
 Подобием звучащего органа.

Для карих бы раздаривать очей
 И город сей, и вечер тонкобровый,
 Где столько зажигается свечей,
 Что струйки сквозняковые речей
 Камедью въявь сгущаются вишнёвой.

Венцом терновым нас не удивить –
 Несём его по очереди, зная,
 Что каждого из грешных, может быть,
 В разлуке ни за что не позабыть,
 Когда-нибудь с надеждой вспоминая.

ПРЕДГРОЗЬЕ

Увы, роднее наших дней – не будет,
 Они уйдут, овеяны тоской, –
 И память грешная хрустальный шар
раскрутит –
 Предгрозя час, нависший над рекой.

Не возражай! – истерзан иль наивен,
 Минувя прошлое, пойду я напрямик
 Туда, где дол, предчувствующий ливень,
 Был в ожиданье так разноязык.

Лазурным роздыхом иль трепетом
стрекозным
 Пусть будет каждый миг заморожен, –
 Пускай сады, застигнуты предгрозем,
 Воспримут мглу, похожую на стон.

А гром ворчит, ворочая раскаты,
 Свинцовые, с налётом серебра,
 И ртутные, текучие палаты
 Выстраивает в мире для добра.

Никто вокруг не ведает, когда же
 Начнётся ливень, – вот оно, «чуть-чуть!» –
 И тяжесть неба, в скорби о пропаже,
 Ничтожной капле точный чертит путь –

Упала, вздрогнула, в пыли, дыша, забилась,
 Почти изгнанница, отшельница почти, –
 И ничего уже не позабылось,
 И рубежа ещё не перейти.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Глубинный запах от земли,
Столбы седые испарений,
Холмы лиловые вдали,
Куда избранники брели
Из мглы каштанов и сиреней.

Кому бы нынче рассказать,
Что дождь всю ночь гулял по саду?
Какой бы узел развязать,
Какие свитки в руки взять,
Чтоб осознать его прохладу?

Жара не в силах наверстать
Того, что прежде упустила, –
И вот, изгнаннице под стать,
Рыдать не может перестать –
Она обиды не простила.

Кукушка голос подаёт,
Играет иволга на флейте,
И день взволнованный встаёт –
В нём каждый дышащий поёт –
О неумехах пожалейте.

Кружится бабочек чета
Над огурцами и фасолью, –
Неумолимости черта,
В темнице мнений заперта,
Давно тоскует по раздолю.

И сердоликовый простор
Примет и слёз, корней и граней,
Уже пройдя сквозь птичий хор,
Восходит прямо на костёр
Во имя новых испытаний.

ДВЕ МЕЛОДИИ

Есть две мелодии во мне, –
Одна – о том, что днесь я вижу,
О том, что речь намного ближе
Ночей, не сгинувших в огне.

Другая же – о днях былых,
О том, что свежесть их безмерна,
Что откровенность беспримерна
И неизбежна горечь их.

Когда густеют облака
И ропщет гром среди природы –
И зыблет призрачные своды
Его тяжёлая рука,

Покуда, радуясь родству,
На мир гармония нисходит –
И что-то в сердце происходит
В дожде, купающем листву,

Пока раскрытого окна,
Чтоб свет узреть, мне слишком мало, –
Уже звучит, как встарь бывало,
Неразличимая струна.

И вслед за нею слышу я
Иное музыки касанье –
Души доверчивой метанья
Меж испытаний бытия.

Так сочетаются порой
Порыв земной и дар небесный
В неизъяснимости чудесной,
Где рождены и смысл, и строй.

Знакомы ль вам они? – Бог весть! –
То знаки вечности-вещунии,
То жизни зов при полнолуние,
Певучей подлинности честь.

СОСТОЯНИЕ ДУШИ

Есть состояние души,
Непостижимое для многих, –
Оно рождается в глуши
Без лишних слов и правил строгих.

Оно настигнет наобум,
Неуловимо-затяжное, –
И там, где явственнее шум,
В листве встречается со мною.

Переливаясь через край,
Оно весь мир заполонило –
И в одиночестве решай:
Что сердцу бьющемуся мило?

Покуда дождь неумолим
И жребий брошен, как ни странно,

Бессонный мозг заполнен им,
Как храм – звучанием органа.

Давно разбухшая земля
Уходит в сторону прибоа,
Как будто смотрят с корабля
На брег, прославленный тобою.

Среди немислимых запруд
Есть что-то, нужное влюблённым,
Как будто лебеди живут
За этим садом затенённым.

И, словно в чём-то виноват,
Струится, веку в назиданье,
Слепой акаций аромат,
Как предвкушение свиданья.

Велик страдальческий искус –
Его почти не замечают –
И запах пробуют на вкус,
И вкус по цвету различают.

И в небесах без тесноты
Непоправимо и тревожно
Пустые тянутся мосты
Туда, где свидимся, возможно.

И как собою ни владей,
В летах увидишь отдаленье,
Где счастье прячут от людей,
Но прочат нам его в даренье.

ПРИЩЕПКА

На Командорах, где тяжёлый ветер
Бечёвку оборвал с сырым бельём,
Рыбачке я помог его собрать:
Догнал у кромки пены свитерок –
Как колобок, свалывшийся комок,
Катился по песку вдоль океана.

Там у прибоа старую прищепку
На память подобрал я – и вцепилась
Она в шпагат на нашей шумной кухне,
Как верный пёс налаженного быта.

А хлеб отогреется чёрствый,
Достаточно одному.
Хватило бы только упорства –
Работа научит всему.

Туда-сюда сную, вступаю в зрелость.
На севере, в поморское окно
Я заглянул – взаправду там вертелось,
Наматывая нить, веретено.

И тотчас внёс я в книжку записную
Вот этот путевой, поспешный стих,
Что мельком заглянул я в жизнь иную,
И столь же странен был мой вид для них.

БУТЫЛОЧНИЦА

Чтоб жизнь свою продлить, спитого выпью чаю
И снова побегу трусцою поутру.
И на пути своём опять тебя встречаю
С набитым рюкзаком в Серебряном бору.

Хоть боязлив твой взгляд, но в нём недоуменье –
Куда? – в такую рань! – и надо же бегом.
Но снова мысль пронзит, что тают сбереженья,
И палочкой опять зашаришь под кустом.

Как радуешься ты бутылке из-под пива! –
Ведь пенсия одна – откуда денег взять
Для мебели, ковров, для кооператива –
Впридачу тут ещё и непутёвый зять.

Я верю, этот труд твой будет не напрасным –
Щедра теперь трава вдоль берега реки.
Была всю жизнь свою наставником ты классным,
И крепко стали пить твои ученики.

* * *

Жил в коммунальной я каморке,
Внимал соседке-тараторке,
И думал долгие года
О тех, кто был хоть раз в Нью-Йорке,
И тех, кто не был никогда.

Предметом зависти и злобы
Средь грязных улиц небоскрёбы
Стоят вокруг, куда ни глянь.
Когда я прожил миг особый,
Какую преступил я грань?..

ПУШКИНСКИЕ ТЕТРАДИ

Равнину снежную заносит –
Был след полозьев и исчез.
Стих стук копыт, снежинок россыпь
На своде гаснущих небес.

И на потеху, на подмогу,
И словом разгоняя тьму,
Вновь взял черновики в дорогу –
Они везде нужны ему.

В путях пребудет невредимый –
И как сиянием икон,
Своим же росчерком хранимый –
Впредь, и сейчас, и испокон.

Черновикам – под солнцем место!
И наизусть, и на помин,
Вёз в сундуке, спас от ареста,
Листки не полетят в камин.

С тетрадями и мёрз, и грелся,
Из Кишинёва, и в Арзрум.
И в зеркало души гляделся, –
Над ними был не «празден ум»*...

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЕЗД В МОСКВУ

Здесь, под шатровым сводом,
Под ключьями извёстки,
И тем же узким входом,
Найти Указ Петровский

* А. С. Пушкин – «Дар напрасный, дар случайный». Восемнадцать тетрадей своих черновиков А. С. Пушкин возил с собой, во всех своих изгнаниях и путешествиях. Сейчас эти тетради хранятся в Пушкинском доме в специальной бронированной комнате. Факсимильное восьмитомное издание Пушкинских тетрадей было выпущено 30 лет тому назад тиражом 800 экз.

Намеревался Пушкин
В заботах неизбывных.
Но в синекуре ушлых,
Тех «юношей архивных»,

Не прошибить ни разу –
Темны, чванливы лица.
И жизнь не по Указу,
И смертью расплатиться...

НА МАМАЙКЕ

«Не славой – участью я равен был тебе».
А. С. Пушкин

Боек стоик в совке, и в прохладе усадьбы,
Счёт вчерашнего матча хотелось узнать бы, –
А сакральных не хочется тем.
Здесь Овидий, здесь Пушкин в изгнании были!
Вот сейчас бы клеймо тунеядца вlepили
По вещдокам античных поэм!

Аромат улетучится при перевозке.
Отложи-ка заумные – эти наброски:
Смысл – в вине самогонном твоём!
Койкосдача нужна притомившимся людям,
Мы же спорами дачников всех перебудим, –
За сезон разживись-ка рублём!

И дождись – вновь Богиня взойдёт из прибоа,
С ней сваргань соглашение трудовое,
И вернётся твой внутренний мир.
Спрячем сети и удочки от рыбнадзора,
И за Пушкина выпьем, да и за Назона,
Прямо с веток съедая инжир!

* * *

Завсегдатай клуба, Метрополя,
Щедро раздававший серебро,
Подниму картофелину с поля,
Положу в дырявое ведро.

Накрывая для бригады ужин,
Строчки бормочу я – всё не сник,
Потому что я сегодня нужен
Как водитель, повар, истопник.

Лишь бы мне не сгинуть ненароком,
Лишь бы оказаться мне нужней,
Лишь бы ближе – тем ли этим боком –
Всё равно кем быть среди людей.

*Андрей
АНТИПИН,
пос. Казарки,
Иркутская обл.*

* * *

Не из книжных червей. И, придя в этот мир,
Не со слов полюбил его – древний, целинный.
Там дорожную даль отворяет шарнир
И скрипит, имитируя крик журавлиный.

Догорает огонь в огородах, и днесь
Белый дым по глазам ударяет жестоко.
Так смыкается высь, но рассветную весть
На хвосте неизменно приносит сорока.

А зима на носу. Но тебе не впервой
Равнодушие и снег, словно пули в затылок.
И стоишь на ветру, извлекающем вой
Из ружейных стволов, проводов и бутылок.

Прощаться потом, подвязаться узлом,
Разрыдаться, щекою коснувшись заплота.
Уходя, подпереть по старинке колом,
Чтобы бурей ночной не разбило ворота.

* * *

Перекроют каналы и реки,
Но поэтам не страшен зажим.
Мы, как дикие гордые зэки,
От стихии в стихах убежим.

Этим – рельсу лужёному вторя
Под стальной колотушкой стенать.
Мы – чужие в налаженном хоре,
Легче души и рты разорвать.

Нам – под русским ощеренным небом,
Где цветы и жужжит мошкара
И кемаришь в телеге нелепой
С огнестрельной дырой от костра.

* * *

Жутко в поле, в лесу ещё жутче,
Жёлты листья на чёрной воде.
Осыпаются с треснувшей кручи
Камни сами собою – к беде.

Старый бор кособок и нестроен.
Где дубы, что пойдут на гробы?
То глухарь, то обугленный корень
Промелькнёт на изгибе тропы.

Улететь бы отсюда немедля –
Тесно в небе от пущенных пуль.
И на шею кидаются петли –
На изюбров, лосей и косуль.

Всё ольшаники, гари, болота –
Этот Богом затерянный край.
Хоть бы песенный встретился кто-то,
А не то пропаду невзначай.

ПЕСНЬ О РОССИИ

В огонь, и в песнь, и в тень берёзы,
В замах есенинской петли
Твои, Россия, боль и слёзы,
Печаль и чаянья легли.
Сгореть тебе в кромешной бездне,
Уйти в Содом, в тартарары, –
Что душу вытряхнуть из песни,
Берёзу вынуть из коры.
Картавый, вычурный, гриппозный
И лживый голос подлеца.
А твой звенит, как в день морозный
Стеклянный воздух у лица.
Пускай для русских он не внове,
Но только память сковырни –
И навернётся каплей крови

Среди бескровной комарни.
 И неспроста, во мгле тараща
 Осмысленный и злобный зрак,
 Тебе не попускает враг:
 Волшебный обруч – от летящих,
 Дубовый посох – от собак!
 Оступишься – и под микитки
 Сведут за тридевять дорог
 За то, что на живую нитку
 Снизала Запад и Восток.
 За то, что крепкая на рану,
 И, сколько ни пыталась мгла,
 От океана к океану,
 От Каспия к Хамар-Дабану
 Ни сдуть, ни сдвинуть не могла.

СТИЛЬ

Один начитанный костыль
 Вещал, как мухомор скукожась,
 Что это всё – знакомый стиль,
 И хоть сейчас его – в утиль,
 А ты, мол, выдай непохожесть.

Но стиль, друзья, не пластилин,
 Чтобы себя лепить инако!
 И есть в моём роду, однако,
 Отец и мать. И я им – сын,
 А не приبلудная собака.

* * *

По-над Леной кричат журавли,
 За эпохой проходит эпоха.
 И живёшь ты, художник земли,
 На распутье печали и вздоха.

И печаль, словно даль, голуба.
 Ну а вздох, как последствие встрясок,
 Это боль, и ладони у лба,
 И смеркание слова и красок.

А меж тем на закате горит,
 И пророчат синоптики стужу.
 Но перо против ветра летит,
 Наполняя движением душу.

* * *

Между тем как весна заливаётся трелью синицы,
 Лёд ещё не пошёл, но обсох во дворе тротуар.
 И так соком берёз набираются за ночь криницы,
 Как стихами – страницы, которые пьёшь, как отвар

Этих сказочных трав, а тем паче – сибирских, таёжных,
 Тех, что в детстве твоём наготовила бабушка впрок...
 Вот и бабушки нет! Но цветёт, как при ней, подорожник,
 Чтоб, к душе приложив, ты утишить волнение мог.

А как боль отойдёт, как увянет и жечь перестанет,
 То воспрянешь и ты, рукава засучив наяву,
 И посмотришь вперёд основательно, будто крестьянин,
 Что пришёл на покос и с восторгом глядит на траву.

По веленью строки, по весеннему крику глухарки
 Зашатается лёд, разольётся река по края
 И слетятся опять, словно голуби к рваной буханке,
 Уходящая жизнь и последняя радость твоя.

* * *

Деревушка. Вид с луной,
С красным факелом осины.
Поутру – грибов корзины,
Ну а лучше – дождь грибной.

На закате – тихий плёс,
Чтоб, не считывая числа,
Надо мною ты нависла
Грудью, запахом волос.

Пусть бы эдак лет до ста
На воде играли блики
И качались возле рта
Две тугие земляники.

ВЕСЕННИЕ СТАНСЫ

А в небе, как раньше, плывут облака
Без всякой причины.
Внизу, под угором, уносит река
Последние льдины.

Весенние вербы над яром цветут,
Как было и будет.
И топятся печи, но в избах живут
Последние люди.

Последние тропы уходят в леса,
А дальше – развилка...
На солнце сверкает, как Божья слеза,
Пустая бутылка.

Под крышей последние лепят стрижи
Последние гнёзда.
Последних святынь бережёт рубежи
Штакетник погоста.

Последние гуси гогочут во мгле
Сквозь морок столетний.
Последний, живёшь на отцовской земле –
На русской, последней.

Снедает, как язва, могильная ржа,
Спивает, как лужу,
И вряд ли отпустит... Но ищет душа
Последнюю душу.

*Владислав
АРТЁМОВ,
Москва*

ВОРОЖЕЯ

Баллада

Помолясь за дальних и за ближних,
Шёл, ни зги не видя впереди.
Боль моя, простая как булыжник,
Тяжело ворочалась в груди.

Шёл я ночью по кривой дороге,
На глаза надвинув капюшон.
Вот он, дом...

Споткнулся на пороге,
Постоял.
И всё-таки вошёл.

Робко, словно битая собака,
Я стоял в колеблющейся мгле,
Чьи-то рожи скалились из мрака.
И свеча горела на столе.

Тьма давила, тяжело нависала,
Шевелясь, сгущалась на печи,
Тень моя горбатая плясала
И кривлялась в пламени свечи.

Тьма сверкнула чёрными очами,
Молча поднялась из-за стола,
Как бы раскалёнными лучами
Дрогнувшую душу обожгла.

Я вздохнул, снимая крестик с шеи,
Весь как есть раздавлен и распят,
И спросил у тёмной ворожеи,
Старой ведьмы с древних гор Карпат:

«Ты ответь мне, демонская сила,
Видишь ли, смертельно ранен я,
Чем меня так больно присушила
Женщина любимая моя?»

Отчего как волк ночами вою,
Выгораю и схожу с ума,
Тьма сплошная за моей спиной,
Впереди – ещё страшнее тьма.

Жизнь моя ущербна и убога,
Сам же я не смею, не прерву...
Лёгкой смерти я просил у Бога,
Бог сказал: «Живи!»
И я живу...

Это тело годы не согнули,
Погляди, я крепок, зол и крут,
Я хотел бы умереть от пули,
Но на фронт сгоревших не берут!»

Покривилась, помолчала малость,
Отпустила ворона с руки,
Медленно и зло расхохоталась,
Выставляя жёлтые клыки:

«Сокол мой, да ты почти железный,
В этой силе – вся твоя беда,
Потому тебя и манит бездна,
По-простому звать её – Звезда.

Ты силён, но если ты мужчина,
То не устоять тебе, герой,
Перед этой тёмною пучиной,
Перед этой чёрною дырой.

Попроси – и колдовскою силой
Я порушу всё в её судьбе –
Всё ей станет тошно, всё немило,
Будет сохнуть только по тебе.

Ты же наконец задышишь вольно,
И на жизнь посмотришь веселей,
От любви несчастной станет больно
Не тебе,
А женщине твоей...»

Молча я глядел на ворожею...
Темень расступалась...
А затем –
Я надел тяжёлый крест на шею,
Поклонился и ушёл ни с чем.

РЫСЬ

И днём, и ночью думаю о ней,
Я эти мысли прочь гоню, но тщетно,
Нет ничего обидней и больней,
Чем в женщину влюбиться безответно.

Я выгорал, тоскуя – ну и пусть,
Страдания не даются нам напрасно.
Я дотерпел, и – выровнялся пульс,
Моя любовь как будто бы угасла.

Забуду всё, забуду ад земной,
Освоюсь в мире суетном и пошлом,
Тоску свою оставляю за спиной,
Пусть всё больное остаётся в прошлом.

Но я не знал ей подлинной цены,
Любовь была жестока и капризна –
Подобралась коварно со спины,
Набросилась и горло перегрызла!

ПТИЦЫ БЕЛЫЕ

Что-то я загоревал, затосковал,
Птицы белые то плачут, то поют.
Для меня ли кандалы мороз сковал,
Не меня ли по метели поведут.

Не меня ли по метели, по пурге,
В край глухой, куда я сроду не ходил,
Не плутал по той Сибири, по тайге,
Где на каждых три двора по сто могил...

А метель уже под самыми дверьми,
Знать, пришла пора из дому уходить,

Обними меня покрепче, обними,
И вдогонку не забудь перекрестить.

Не студи мне душу, ветер ледяной,
Где ни спрячешься, везде они найдут –
Над планетой, над Россией, надо мной
Птицы белые и плачут, и поют.

Что-то я загоревал, затосковал,
Птицы белые то плачут, то поют.
Для меня ли кандалы мороз сковал,
Не меня ли по метели поведут...

ДВЕ БАБЫ

Как ни считай, а жизнь всего одна,
Что у бродяги, что у полководца...
Я молча наблюдаю из окна,
Как ссорятся две бабы у колодца.

А я опять с похмелья на мели,
Небритые почёсываю щёки, –
Не обо мне ль, голубушки мои,
Заспорили, уткнувши руки в боки.

Мне любопытно слушать и смотреть,
Не знаю, кто упрямей, кто капризней,
Но я уверен в том, что баба-смерть
Вовек не переспорит бабы-жизни.

Я с бабой-жизнью жил бы лет до ста,
Ведь так удобно мять её и тискать,
Она – ряба, смешлива и толста...
А баба-смерть – красива, как артистка!..

Необъяснимы тайны бытия,
Все как один, – не верите, проверьте,
Примерные и верные мужья,
В конце концов, уходят к бабе-смерти.

Соблазн силён и как тут ни держись,
Слепая страсть подхватит и завертит...
И схватится за сердце баба-жизнь,
Застукав нас в объятьях бабы-смерти.

КРИВАЯ ДОРОЖКА

Не затем чтоб украсть, обмануть, обдурить,
Выбираю кривую дорогу,
Просто в детстве, когда я учился ходить,
Оступился на левую ногу.

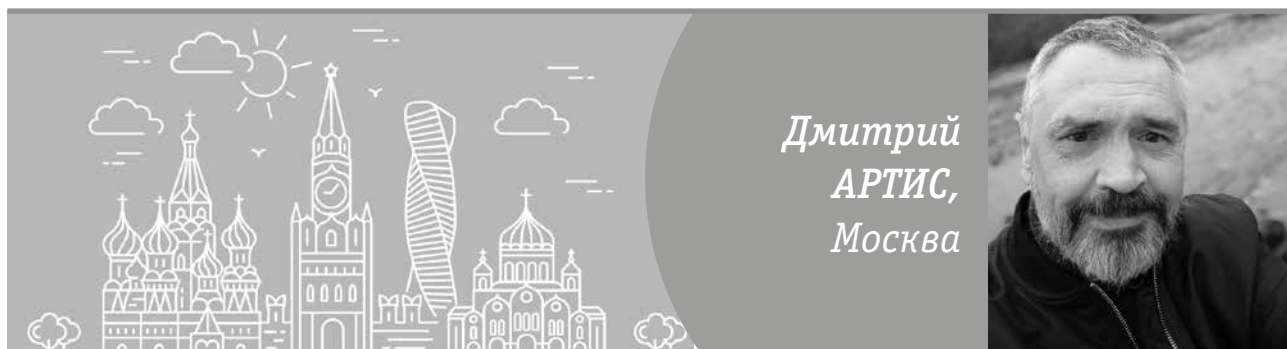
То что в детстве сложилось – навек прижилось,
Мне привычна походка хромая,
Вроде, прямо иду, а выходит, что вкось,
Мне любая дорожка – кривая.

Про кривые дороги спроси у судьбы,
И с усмешкой она отзовется,
Что прямыми бывают лишь только столбы,
А деревья растут, как придётся.

Над широкой рекою иду по кривой,
Мне кивают цветы полевые,
Это только каналы текут по прямой,
Ну а реки живые – кривые.

Босиком по воде, по траве, по росе,
С каждым шагом душа оживает,
Напрямую прочерчены только шоссе,
А тропа полевая – петляет.

Мы пойдём не прямым, а окольным путём,
И однажды кривая дорога
После долгого спуска – уйдя на подъём,
Доведёт нас до неба и Бога...

Дмитрий
АРТИС,
Москва

* * *

В миру ли на ветру, в молитвах и борьбе
я точно не умру от жалости к себе.

Как три копейки прост, продлив отца и мать,
я буду в полный рост безвременье встречать.

На вороном коне без отдыха и сна.
Удача будет мне, как женщина, верна.

Под орудийный бит, открыв клыкастый рот,
архангел протрубит победных восемь нот.

С поддержкой огневой в пыли святых дорог
вы будете со мной, и с нами – русский Бог.

* * *

Ничего не чувствовать –
это лучше,
чем чувствовать всё.

На кончике пальца жизнь
целой вселенной.
Под ногами их тысячи тысяч.
На плечах и того больше.

Таскаешься с ними,
ходишь по ним,
касаешься.

Не желая того.
Потому что своей достаточно.
От неё не уйти,
а тут ещё тьма чужих.

Проживай
и чувствуй каждую
как свою.

* * *

Поле боя,
где солнце по-летнему
подрывает себя
на закат,
ветераны покинут
последними,
прикрывая
отход салажат.

Непонятен приказ
к отступлению.
Слабакам
в колотун горячо.

Только-только ведь
кровушка вспенилась,
и почти
раззуделось плечо.

Здесь пока
всесоюзная здравница!
Но, слезу
вышибая из глаз,
даже если солдату
не нравится,
он обязан
исполнить приказ.

Города и селения
пройдены,
отступить –
это значит предать.
Не такому
учила нас Родина,
беспощадная
Родина-мать.
Потому
ветераны упорото
отползать в камыши
не спешат,
прикрывая
не нюхавших пороха
и не знавших войны
салажат.

* * *

Отречённые братья выходят на свет,
по бесчестию каждый разут и раздет
и, прикрыв наготу ароматом,
улыбаются встречным солдатам.
Ковыляют неспешно один за другим,
озираясь по-детски как будто благим
и таким непосредственным взглядом,
что никто не ударит прикладом.
Безобидные люди, хоть пальцем крути,
но торчат вместо рук роковые культи,
где набиты, как ценник на пластик,
черепа в обрамлении свастик.

* * *

Едем на раздолбанных КамАЗах,
тишину колёсами размазав,
в сторону вчерашнего ристалища
забирать погибшего товарища.

Он один лежит на поле боя,
всматриваясь в небо голубое
белыми, как облако, глазищами,
не двумя глазищами, а тыщами.

Едем по колдобинам и пашням
за как будто без вести пропавшим,
чтобы от прекраснейшего воина
было хоть чего-то похоронено.

* * *

Немытые руки раскинув,
подпрыгнув и завереща,
вернётся на родину Киев
откушать с устатку борща.

Хромая на правую ногу,
протиснется ближе к столу
и скажет: – Насыпьте немного
борща дорогому хохлу.

И будет плести небылицы
в кругу сердобольных мещан
о том, как худел за границей,
скучая по русским борщам.

О том, как чужбина достала,
как недруги выгрызли бок...
Наевшись борща до отвала,
уснёт головой на восток.

А завтра, от наглости взмокши,
как чёрт изогнётся плющом,
подсядет к русне или к мокше
и плюнет в тарелку с борщом.

* * *

Леса дымятся,
рощи, пашни,
и воздух
молнией крещён.
Прошу прощения
у павших
за то, что жив
пока ещё.

Я видеть вижу,
слышать слышу
и на своих
ногах стою.
Мне алкоголем
сносит крышу,
а не осколочным
в бою.

Но свято верю,
в скорой жизни
и я пойду

на передок
отдать
затравленной
Отчизне
сыновний долг.

* * *

Пока ещё не понимаю:
дом убивает меня
или вытягивает из той тьмы,
в которой оказался
по возвращении с войны.
Здесь точка, только точка.
Вопросительный знак
не поставишь.
Потому что констатация.
Метания между тьмой и светом
внутри ожидания
завтрашнего дня.

ГУМИЛЁВУ

Когда судьба мне виделась отжившей
На берегах и мгlistых, и холодных,
Облитых чёрно-серебристой жижей,
Скопившейся на мангровых болотах,

Я потерял счёт времени. Трясина,
От века флегматичная, как шпала,
Была со мной почти не агрессивна —
Не зажевала, но во рту держала,

Как будто бы реки упорной петли
В сердечный рокот вбили экстрасистол,

И отщёлкнуть не дали портупей,
Когда мне руки снизу кто-то стиснул

И поволок, я понял: с анакондой
Ножа не вынуть, не дослать патрона,
А стать ничем, как далью заоконной,
Что так же легковесна, как утробна.

Такую гибель не воспеть в кантатах,
В расчёт не взяв охотничьих инстинктов.
Я к смерти изготовился, когда вдруг
Он снял зажим свой, берега достигнув...

Пылала ночь, развеиваясь в пепел,
От криков палачей и жертв глумлива,
И верил я в спасенье и не верил,
Поправ легендой однозначность мифа.

ЛУБОК

Тихим нравом только плохи,
Льдами дюжими шала,
Далеко уплыли лодки
От родимого жилья.

По нутру, видать, раздолью,
Наша радость и беда –
Так и брызжет жидкой солью
В расщеплённые борта.

Альбатрос присел, потяфкал –
Что нас ждёт за эпизод?
Вон стена, за ней сам дьявол
Высотой локтей в пятьсот

Перекидывает ногу
Через горную гряду,
Призывает нас к итогу
Когтем водит по хребту,

Но уж с выправкой завидной,
Славен, боек и усат,
Сам Господь идёт с дубиной
Загонять его назад.

Скрипнет небо, точно лапоть,
Гром раздастся, молодежав,
Участь наша – ждать и плакать,
Руль в белёсых пальцах сжав,

Или с видом деловитым
Болт забив на звёзд кунжут,
Взять и сдать тем глубинам,
Где не любят и не ждут.

* * *

К двадцатому веку прямая отсылка
Прочитывалась чрезвычайно легко –
С десяток детей на площадке у цирка,
Гимнаст в полосатом трико.

О, юноша светлый! Невмочь параноие
Прильнуть к твоему камельку.
– А можете сальто двойное, тройное?
– Двойное? Тройное? Могу!

И смог, и пред ними стоял он, как вкопан,
Под звуки спортивного попурри,
Преодолевая восторженный гомон,
Кивнул пацану: Повтори!

Шутил он, конечно. В каких бы повторах
Не мучь ни себя, ни других,
Лишь те, кому образ предчувствия дорог,
Запомнили сальто-тройник.

* * *

Я понял бы сознанием полудетским,
Кто скуп на излишества, кто падох,
Но споры прекратил, поскольку не с кем,
И не о чем, и незачем вдобавок.

Отслеживая поутру в каналах
И ложь, и бред в разводах сернокислых,
Один к ним только подберёшь аналог –
Мимические спазмы синхронисток,

А там, где речь и всплеск, и обвиненье,
В единственном ещё не разуверен,
Что из окопов небеса виднее,
Чем с небоскрёбов или из кофеен...

* * *

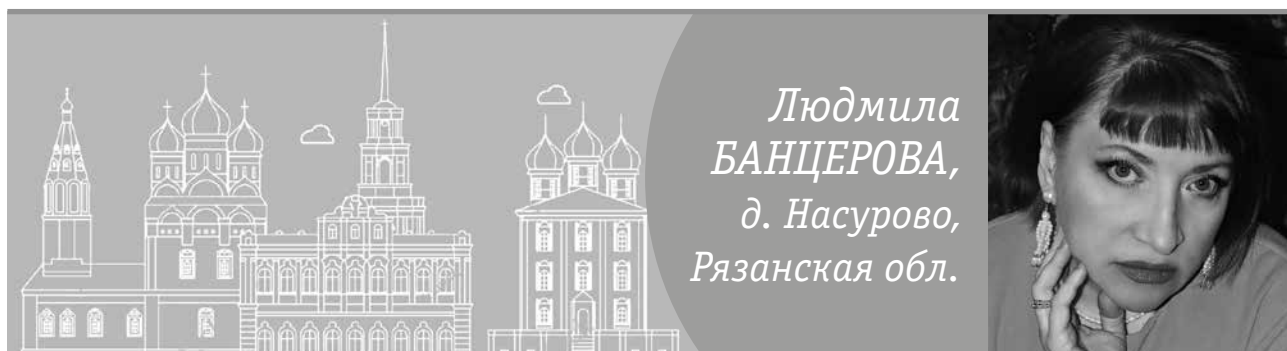
Наговорив на три статьи
Той правды, что всегда конкретна,
Подумаешь – какого хрена,
Когда две трети позади,

Вся эта даль обретена
Такой невероятной близью,
И пользуется походку лисью
Оставшаяся треть одна,

И, будто перегар спиртной,
Бежит след в след, не отставая,
Забвенья кукла ростовая,
Когда две трети за спиной,

И меркнут прежние грехи,
И даже шея не зажата,

Когда заблещет из ландшафта
Последний поворот реки.

* * *

Говори со мною, Боже, говори
утомлённым голосом предзимья.
Глянь, полощутся в тумане фонари,
холодеют эти дни невыносимо...
Говори со мной, заблудшим мотыльком
в ветреном ненужном ожиданье.
Смерть, война – они придут потом,
и рождение потом, и состраданье...

Переулок мой исхоженный затих –
по шагам меня, по лёгкости узнает.
Говори со мной! И в днях мирских
что прибудет, что доковыляет?..
Расплескалась где-то юность по дворам...
Может, пригожусь в чужой окраине.
Прирасту к деревьям тонким, облакам.
Я давно твоею раной ранена...

Говори со мною, Боже, говори
лунным светом, днями окаянными.
Песнь моя – дороги, пустыри,
песнь моя – до дрожи покаянная...
Говори со мной, не мешкай в ноябре,
словно окнами небесными, субботними...
Жизнь мою пока ещё не отняли.
Вот и снег пошёл... тире, тире, тире...

* * *

В холодном небе почерк воробья
скользит, и я ему почти что верю.
Сжимается пространство бытия.
Крестообразный снег летит за дверью.
Недолго будет так, лишь до весны,
до первого земного притяженья...
Как хочется привычной тишины,
да Божьего вселенского прощенья...
Но длится ночь, дыханье затаив.
Вот улица – ей фонари подвластны.
Вот человек – входящим снегом жив,
в миру живёт себе негромогласно.
А между тем земная благодать –
попынных, мёрзлых островков сраженья.
Я запишу в лучистую тетрадь:
ветвей длинноты, сердца отраженья...
Сожму в руке пространство бытия –
оно откликнется – звездой, снегами,
и зазвонит негромко полынья,
как будто бездна вспыхнет под ногами.

ТЕЛО ТВОЁ

Долго шептать, согреваться от райской лучины
женщине давних времён, под конвоем грачей.
Тело твоё молодое когда-то болело мужчиной,
яркими красками солнца и страхом ночей.
Словно ничей этот снег, остракизмом проверенный,
входит во тьму, создавая собой полотно.
Женщина давних времён растворится у берега –
снегом уйдёт голосащим, метелью – не всё ли равно?..

Тело твоё молодое, о Боже, болело дождями,
судными днями! Идёшь и волочишь свой крест.
Только вот сердце кричит – прибывают гвоздями,
где-то в безветренных куцах незлобных божеств.
Так и плывёшь, и стоянье над небом своё проклинаешь.
Улицы те, что вдали разбрелись и смеются в ответ.
В доме твоём полынья, но ты всё-таки домохозяешь.
Ветер под окнами – время присядет на твой табурет.

Вбит перекрёсток судьбы в огневые проталины.
Вот деревушка да холмик на брэнной скользящей земле.
Тихо в домах, засиделись Степановичи да Витальевны.
Птицы лютуют в гнездовьях, отпущены – навеселе.
Дом на окраине, пёс – всё когда-то ведь было же?..
Зрелое семя снегов прорастёт там, где вязнет сапог...
Только и вспомнит родня о тебе – голубиное крылышко –
милая схимница, хрупкая пташенька зимних дорог.

Ветками мёрзлыми бейся в окно, может, кто-то услышит.
Плачь перед Богом, беззвучно живи в снегопад.
Время уже наострило сегодня страдальные лыжи.
Время уже заприметило твой немигающий взгляд...

* * *

А я сегодня слышу, снег опять пошёл –
и так неистово, невероятно, гибло.
Вот так, наверное, в раю бывает хорошо
до сотворенья мира – нервного изгиба.
Иду легко по саду. Брошенный теперь –
за всю мою неверность и злословье.
Я приоткрою тишину, открою дверь
в назначенное кем-то мне зимовье...

А снег идёт. Он кажется всю живым –
таким иным, без причитаний и уловок.
И только, может, мой надмерный мирный дым
спасёт меня от скудных, мёртвых зарисовок.
Шагнуть в просвет и встретиться живьём

с продрогшею травой, которая под снегом.
И тяготы не различать – окна проём –
на этой частоте остаться человеком...

Сейчас со мною только снег... Мой долгий день –
штрихом в гравюре Дюрера теперь отмечен.
И мнится, снежится прицеленной картечью
пространство сельское застывших деревень...
Здесь время холодов течёт, и мне не приподнять,
не осознать доверчивость того, кто умер,
кто, в предрассветном сотрясаясь трюме,
уже не смог весны дожждаться и понять...

* * *

Мне говорят: не застужай желёз, не выходи из дома,
ведь только тут энергия твоя и смысл живой.
Ещё меня не встретила безликая завьюженная кома.
Ещё меня не растерзал вдали от дома холод пожилой.
Я по ступеням поднимусь, что помнят революции
и новую войну, меня и силу связей родовых.
В дороге если буду, помолюсь! В своём напутствии –
порасскажу всего, поднаклюю слова, во-первых. Во-вторых,
мне до какой ещё глуши идти, ползти до скрипа сосен?..
В каком безвременье – живу, в каком безвременье – умру?..
Я в дом войду, не совершив чужих ошибок вовсе...
В кристаллы всматриваюсь белых окон, двери отопру.
Войду в свой давний дом: он тих пока и не порочен.
Он так светительно высок, что не подняться никому.
Войду в его хребет – древесные хрящи. И у обочин
дождусь предзимних перемен и снеговую в поле кутерьму.
Войду, и не останется желанья потеряться где-то,
растрчивая воды неба, отзвуки земных теней.
Я в сад спешу, пока в синичкино крыло одета.
Я с повелительных ветвей вспорхну – и нет меня простей...

Мне говорят: не выходи, не вылезай в предзимье это,
оно сразит тебя, смахнёт когда-то медленным крылом,
снегами скрученных ветвей и дальним километром,
застудит мысли, взгляды, жернова – и дальше напролом...
Я в дом войду: я вся завишу от древесных этих клеток,
от придорожных сонных лип, ростков сезонного дождя.
Но тихий летний день в моей обители, как предок,
оставит мне тепло своих углов, пчелиной песнею гудя...

* * *

Весною ранней чьи-то губы целовать,
роскошествовать вволю, не найдя начала.
Душою тонкой оттолкнуться от причала,
в дощатой лодке плыть – вот благодать!
... И вот ведь, Господи, такого воздуха нагнать –
такого, может, первородного смятенья
и скорого на целый шаг перерожденья,
и всё в зеркальном облике зарифмовать.

Так велено теплу, и я пока что здесь,
ниспосланы сегодня лёгкие хожденья,
пчелы злачёная навязчивость гуденья.
Господь, возьми и эти дни уравновесь...
Во днях – есть только воздух, млечны вечера –
рассыпаны до одури, плывут по рекам –
воинственными римлянами, греками...
Ох, как же ты, река моя, ко мне добра.

Одной ни умереть, ни скурвиться в ночи.
Ведь это время, как блуждающие строки –
как девушка, забывшая свои пороки,
как прилетевшие на родину грачи...
И только воздух – небо в почерке моём,
разбушевавшимся сатиновым креплением.
Моё безрадостное, скудное моленье
не погасить уже прошедшим февралём...

* * *

Ночную темноту люблю, пугливый перелесок –
я к ним одним стремлюсь – они у краешка земли.
Старинные, забытые дома, похожие на фрески,
мой провожают мерный ход, лампадок фитили.
Мне кажется, я знаю эту горестную местность,
мужчину, женщину в дожде, дорогу напрямки.
Вливаюсь в эту улицу, как в тихую безвестность –
вне времени, вне гравитации и вне строки.

Ко всем теням прислушиваюсь – к их взрывным минутам.
Ещё натерпимся, находимся с поводырём.
И смотрит сад на яблони свои и ветер ртутный...
К нам холода пришли, давай немедленно сойдём!
На миг сойдём, иль в темноту, не рассказав о главном:
о скорой гибели листвы и потайной травы.
Теперь не за горами, скоро снег придёт державный
от дерева до дерева – к гнездовьям восковым.

Мне кажется, я здесь была, входила в эти двери.
 Срывала с петель грусть в садах, просилась на ночлег
 на тот порог живых ветвей, где всем дано по вере.
 И слушала: вгрызалась тьма в осенний первый снег...
 А там, у Бога на крыльце, пятиконечные подвески.
 Отрезки времени ловлю – приток венозных рек.
 Я темноту люблю и в отдаленье – перелески,
 а там рукой подать до скрипа ангельских телег...

Хожу в дожде, знакомлюсь с этой длинной ночью.
 Подсаживаюсь на скамейку к тихим фонарям.
 Когда-нибудь в ночи и я увязну в эту почву,
 когда-нибудь и я уйду на откуп к снегирям...

СЛЕЗА ТЯГУЧАЯ

Слеза предсмертная, тягучая, она –
 как будто создана из стекловолокна –
 текла, покуда мама умирала...
 Слеза была как с линзой внизу –
 неужто зонд вживлён был в ту слезу? –
 и матушка слезы не утирала.
 Что ей открылось через зонд слезы?
 Какие виды, бездны и азы
 попеременно множились, вращаясь?
 И чем она была сокрушена,
 раз безутешно плакала она,
 с оставленным и явленным прощаясь?

И вдруг забились, заметалась вся,
 запричитала, истово прося,
 ошеломлённо сдавливая горло:
 – Стрельба... И много крови впереди...
 В каком-то холле... Ты предупреди!
 Но не отвёл я холод «Крокус-холла».
 ... Стоял стакан с водой сорок дней
 пред фотоснимком матушки моей,
 потом я воду из стакана вылил
 в горшок с китайской розой, и она
 в день моего рожденья – вот те на! –
 дала бутон за десять лет впервые.

ПОДАРОК ЛАРИСЫ ВАСИЛЬЕВОЙ

Ничто не убрано. Ни мамины носки –
 я снял их, положив на батарею.
 Они согрелись за зиму. И в приступах тоски
 я к сердцу их прижму – и сердце отогрею.
 Носки, носочки шерстяные! Над ними моль роится...
 Они лежат на батарее уже, наверно, год.
 Их маме подарила Васильева Лариса,

как будто ведала, что мама в них уйдёт.
 Лариса ведала! Она, чтоб тайный труд
 сокрыть, «Кремлёвских жён» запальчиво писала.
 «Есть книги, что прочтут, а есть, что не прочтут», –
 сверкало в ней вселенское кресало.
 Не убрано ничто! И на странице 300
 раскрыта «Василиса» у мамы на столе...
 И непрочтенье длится-длится-длится
 по всей переиначенной Земле.
 Ничто не убрано! И мамин карандашик
 оставил не прочтённый интеграл
 для всех, тот интеграл не увидавших:
 «Будь Бог один...», «Но с кем Он со-творял?»
 Ничто не убрано. И я живу неубран.
 Небрит, нечёсан. И почувствую, привстав
 с кровати маминой, где сплю: однажды утром
 меня погладит по лицу её рукав
 плаща на вешалке, а после обнаружу,
 что вывернут другой рукав напополам.
 Я этой формы жизни не нарушу –
 ни в стирку и ни в церковь не отдам!
 И пыль на мебели серебряною стала.
 Нагрянет хищница, чтоб всё смести в утиль.
 – Не тронь! – скажу я хищнице устало. –
 То мамина серебряная пыль...

ЗАПОЛОШНЫЕ СТРОФЫ,
 ДОПИСАННЫЕ В ПОЕЗДЕ
 «МОСКВА-ХАБАРОВСК»

На Москве теперь пахнет ханкою –
 я откашляться не могу.
 И в Хабаровске лишь отхаркиваю...
 хр... нахрапистую Москву.

Разорённой бобровой хаткою,
 заводской трубой, что мертва...
 Раздирая тайгу, отхаркиваю –
 не отхаркивается Москва!

Залетели ко мне в девяностые
 заполошные две строфы.
 Я их сам придушил: «Несносные!
 Не из той вы, поди, страны?..»

Но, коль весть прибыла, не бálуйся,
 на пути у неё не стой.
 Нынче нету Москвы без Хабаровска,
 ты и сам из страны не той.

Где ты, где ты, «Москва кабацкая»?
 И есенины – с тех крылец?
 – Не «кабацкая» ты – хабадская! –
 так Хабаровск решил, хабрец.

Гой, вы, дровяники-сараяшки,
 ямы-погребы, в них – чертей...
 Волны нищих опять стараются
 захлестнуть берега церквей.

И, как битая жёнка – фингалами,
 вновь кичится в поверьях своих
 кудеярами Русь да фургалами,
 возводящая татей в святых.

И доколе же в земли путные
 псевдорусские терема
 будут вкручивать юры трутневы, –
 не расколется Колыма.

У Хабаровска – полоумие?..
 Но готовы к нему примкнуть
 все поля на Руси в полнолуние,
 все леса, вся подземная чужь.

ПРИТЧА О ТУМАНЕ

Бог в тумане творил. Из тумана кроил.
И туман застилал Его взор.
И творенье своё Он в тумане сокрыл.
И туман не иссяк до сих пор.

Но случайно ли властные кисти лучей
извлекают, вторгаясь в туман,
из тумана, что был изначально ничей,
ближний план, а за ним – дальний план?

И я Родину вдруг под собой узнаю,
так, что шляпа летит в котлован.
И что сам я у края каньона стою –
поспешает открыться туман.

* * *

Матушка! По-над могилою ветер колышет цветы...
Как же я чувствую, милая, то, что не чувствуешь ты!
Нет, не душой изболевшею, Тот прозревающей свет, –
плотью твоей не истлевшею – той, что во мне вопиет.

Это же плоти присутствие, а не души толокно –
медную – в длани трясущейся – в сторону поволокло
проволочку над запроваженным ложем твоим, что решил
я всколыхнуть не проявленным даром, которым грешил.

Матушка! «Шторы не стираны!» – молвила ты, уходя.
Дынями, чёрными дырами, стуком по жести дождя,
соприкасанием на плечиках блузок в шкафу платяном,
синих, малиновых, клетчатых, белых рубаш – об одном

Свет загустел: о прощении, в снедь возвращении, в сныть –
есть, чтоб открыть, угощение, есть, из чего воскресить.
Матушка! Если почувствовать, то, что не чувствуешь ты,
кажется, можно *почудствовать* – Божьей достичь правоты.

Боже! Сквозь толщу минувшего чуждая паства Твоя
разве почувствует нужное – то, что не чувствую я?

ЛИНЬ

Этот лень, этот ливень подводный,
этот женский, ажурный чулок,
из залива мелькнувший свободно,
словно сделала заводь шажок!

Только снасти надёжны. И точен
острожный заброс рыбака.
И как жабры твои кровоточат,
никогда не узнает река.

И полюбишь ты хриплые краны,
что прикажут, тебя оживив,
в форме ванны проплыть, в форме ванны –
без песка, без ракушек, без ив.

И когда тебя с грустью или сдуру
в реку выплеснут, чтоб не пропал,
ты начнёшь высекать, как скульптуры,
из реки за овалом – овал.

БЛУЖДАЮЩИЙ ГОЛОС

Мой голос, Москву рассекавший Батыем,
болтливым Мамаем угас.

Каурья годы, потом вороныя
везли его долго, как глас.

– Я голос твой слышу! – ты, вздрогнув, сказала.

Я тоже свой голос узнал.

Давно околевший, достиг он Урала
и дальше пошёл – за Урал.

Как лопнувших звёзд заторможенный просверк
летит к нам из лет световых,
сперва голоса добредают, а после
хозяев привозят немых.

*Андрей
БЕЛЯЕВ,
Смоленск*

Ты – не звезда, а свет свечи в окне.
Боюсь дышать, чтоб пламя не потухло.
Люблю молчать, но даже в тишине
Есть необъятное, опасное для слуха:

Словами, не сорвавшимися с уст,
Скребнутся травы, согнутые ветром.
А воздух, словно кров забытый, пуст,
Как месяц на заре, лишённый света.

И слово-птица в клетке бьёт крылом,
Забить не в силах разговор вчерашний.
Так в нераскрытых почках под дождём
Дрожащим листьям ночью было страшно.

ЛОСЬ

Взывает ветер, словно чьё-то имя
Желает сбросить с губ в оглохшей мгле.
Вода ещё дрожит в следах лосиных,
А плоть уже свежуют на столе.

Всё кажется полураздетым рощам,
Что лось несётся, напрягая слух,
Ещё дрожа от страха телом тощим,
Уже не зверь, уже почти что дух.

Ещё версту, ещё совсем немного!
Беззвучен стук сияющих копыт...
Выходит лось на лунную дорогу
Созвездием Стрельца в короне Бога
И забывает, что уже убит.

Перед глазами – вечная охота:
 Всё ближе лай, собак не обмануть.
 И чуткий зверь с вершины небосвода
 Своей лосихе освещает путь.

* * *

*Как от кровавых очей Святополка
 Скачут лошадки Бориса и Глеба.*

Борис Чичибабин

Кровоточит калина на снегу,
 Как пальцы, огрубевшие от ветра.
 Ещё не поздно – мы на берегу,
 Где наша песня сүрином не спета.

Чернеет лес, как души от грехов.
 Посмотрит Бог: как много червоточин!
 Борисов конь, скача по свету, топчет
 Всех, разделявших с ненавистью кров.

Конь видел всё: спускалась ночь к шатру,
 Когда враги святую кровь пролили.
 Но кажется, на северном ветру,
 Что князь живой – не ветер – треплет гриву.

* * *

Какие нам теперь приснятся сны
 Из тех, что мы ещё не просмотрели?
 Цветные из медовой акварели
 Иль серые, войной задымлены,

Что не понять, где явь, где вещий сон:
 Сосед то бредит, то кричит ночами –
 Всё кажется, что сын звенит ключами,
 И звон правдивей эха похорон.

А иногда такая снится жизнь,
 Что не сравнить с реальностью безликой:
 Там сын живой! Он ловит солнца блики!
 Пришли к соседу, тормозат: «Проснись!..»
 Но он уже не слышит этих криков.

СОМ

Умеет ли плакать рыба?

В. П. Астафьев

В глазах сома ослизлая тоска:
 Хозяин дна, но не хозяин жизни –
 Как иглами сетями рыбака
 Уже давно весь водоём пронизан,

Лишь разукрасит гладь воды восток,
 Разгонит дрёму рёв моторной лодки,
 Трещат хвостами рыбы о песок,
 Как масло в раскалённой сковородке.

Ко всем ловушкам старый сом готов,
 Но жаль мальков, что выются на рассвете.
 И рябь с утра идёт не от ветров –
 То плачет сом, запутывая сети.

* * *

Ведут еловые пунктиры
 К объятьям свежего креста.
 Художник смахивает миро
 Дождя с размокшего холста.

Рисуют капли или портят
 Пейзаж села, где женский плач,
 Где серый купол как на торте
 Уже задутая свеча?

Перенести на холст бы крики
 Вдовы, тоску её и дрожь!
 И дождь слезой выводит лики,
 Что еле-еле разберёшь...

* * *

Мёрзлые дети антоновки
 Спят на сухом чердаке,
 Пугало в старой будёновке
 Мается на сквозняке.

Марья в ночи пред иконами
 Думает: «Люди поймут,
 Если одёжу покойного
 В холод накину ему...»

Ватник на плечи еловые
Бабкой наброшен с утра.
Взглянет в потёмках, и снова ей
Видится сын у плетня.

Смотрит сквозь стёкла немые,
Жалобно кличет: «Сынок!»
Пугало скрипом, как всхлипами,
Ей подаёт голосок.

* * *

Опять глумитесь: «Знаешь ты Завет?
Кто Руфь такая? Кто такой Иаков?»
Давно в мороз у окон мальчик плакал.
Пока я вышел, лишь остался след...

Признаюсь вам, мне чужероден слог
Священного еврейского покроя.
Вы усмехнётесь: «Ну а как же Бог?»
А Бог со мной, раз совесть раной ноет.

Что ладан жечь? Что плавить в церкви воск,
Блаженствуя от «пробывания в Боге»?

Тогда тот мальчик был и худ, и бос –
Кровавый след оставил на дороге.

Хотел догнать, но исповедь не ждёт –
Я в храм спешил. Бродяге Бог поможет!
Зачем он снится мне который год,
Укутанный, как саваном, порошей?

* * *

Густой туман, как седина старухи,
Искавшей поутру в лесу ягнят,
Прислушиваясь к небесам в пол-уха:
Что там о нас, о грешных говорят?

Какой тропой брести в нездешних сёлах,
Чтоб дом найти, где пустят на ночлег?
Войти в него вновь девочкой весёлой –
Чтоб разливался половодьем смех!

Река замёрзла, и скрипят полозья,
И снег под шалью, а не седина.
Открыты двери, но никто не просит
Как в детстве, чтобы ноги обмела...

*Виктория
БЕЛЯЕВА,
Ростов-на-Дону*

ПАСХА

Приснился брат и говорит: «Я жив.
Отец со мной. Костюм льняной пошил
и носит, носит, носит не снимая.
И дед живой. И бабушка живая.
А ты, сестра, не плачь. У нас, учти,
от слёз твоих солёные дожди,
и деда ноги ноют в непогоду.
Отец ворчит – прошло четыре года,
а ливням нет ни края, ни конца.

Не плачь, не обижайся на отца.
Купи нам табаку, халвы, сгущёнки,
Сестра, тут с этим делом напряжёнка.
Здесь много рыбы, яблок и вина,
И здесь у нас другие имена.
Они со вкусом ладана и мяты,
И благодатью вечною объаты
Они легки и сизы, как дымы.
Как будто в доме у застепья мы –
завёл себе собаку и кота:
живые тоже. Тоже навсегда.

Садимся с ними в лодку на рассвете,
вдоль перистых потоков сносит ветер...
И в вашей отражаемся воде.
Пошёл. До Дня Победы много дел.
Среди свободы черемши и ржи
рукой маши. Я жив, сестра, я жив».

* * *

Лесная полоса, и мы по ней бежим,
понятен мир пока, хотя непостижим.
Налево – путь домой, направо – благодать
и жить пока легко, не зная, как терять.

Вдоль рощицы ещё колышется закат –
в нём кладбище горит, как розовый агат,
и первый, кто уйдёт, разрушит свет такой.
И дальше ни найдём утраченный покой,

но это всё потом. Сквозь лесополосу
в берёзовый туман я хлеб тебе несущу
и книгу, где добро, как в сказке, победит.
Давай до темноты сегодня посидим.

* * *

Янтарным колокольчиком души
звучит внутри: пиши меня, пиши.
Звенит, растёт стремительное слово.

Я принимаю, я его пишу,
как будто в тёплой комнате дышу
и ничего не будет в мире злого.

И пусть наивна эта благодать,
но между строк меня целует мать,
и я опять надеюсь – время вечно,

и снова с наступлением весны
сирень вернётся нежной белизны
и слово прорастёт, не покалечив.

* * *

Казалось, что спасенья больше нет,
что легче жить, не сколотив ковчеги.
Но выпал снег крещенский дымно-пегий
на все следы непоправимых лет.

Из накоплений – книжный город слов.
Продержимся в натопленном пространстве:
всё временно, как наше постоянство,
как древний город в зарослях веков.
Мы верим в снег, рождённый от воды,
в крушение кристаллов о ладони.
Снег плачет – значит, смерть его антоним.
Спасаемся дыханием одним.

* * *

Вчитываюсь в звёздную афишу:
столько близких и далёких вижу.
Из созвездий лица достаю.

Вглядываюсь в лунное свечение –
матушка садится на качели
за чертой, в надтундровом раю.

Чешуя притока небо тянет.
Ночь поёт, а после перестанет –
крик зари погасит серебро.

Лягут спать на той границе света.
Нежность упадёт в меня кометой.
Ляжет слева, под седьмым ребром.

* * *

Идём по Щепкинскому лесу:
прозрачно-розовый отрезок
снежи́т акации цветением.
От нас сбегает наши тени.

И плачут, и чиричат птицы,
и эхом падают к границе –
там громче крика шёпот речки,
там обретают смелость речи.

Ты отпускаешь руку молча,
и светлячок наш обесточен.
По темноте идём обратно
без двух теней неаккуратных.

РАЙСКИЕ ЯБЛОКИ

Говорит: «Всё в мире от яблока, милый ты мой воробушек,
сердцевина – есть жизни косточка, из неё прорастёт дощечка-веточка,
да и крест нательный, венчальный, могильный, колышек.
В колыбели земли хранится горсточкой, тёплым светочем».

И глаза у бабушки – камешки, самоцветы синие, а в ладонях хлебушек.
На ладонях старость в морщинках прячется, точно лучики-звёздочки.
В красный угол с прищуром глядит – на иконы, на фото дедушки:
«Царствие всем небесное, яблоки всем вам райские, дайте весточку!»

И берёт свой белый, как тело, хлебушек, и бросает его птенцам в окошечко:
«Вот вам, птахи, еда, зацветает весна, и песни, для сердца добрые, зачиричите.
Зацветёт антоновка, соберу урожай и сварю я варенья на зиму хоть немножечко.
Прилетишь ты ко мне, а меня уже нет, но варенье стоит из яблочек, дожидается.
На земле всё временно, всё от яблока, из сердцевинки-косточки.
Не кончается.
Не кончается».

* * *

Из страны, где синий луг не кошен,
где в дожде не слышно голосов –
по ночам ко мне приходит лошадь,
сквозь прохладный призрачный песок.

Подставляет яблочную спину,
лунной гривой машет и молчит –
Знает, я опять её покину,
лишь петух рассветный прокричит.

Любовь
БЕРЗИНА,
Москва

* * *

Грызёт пространство поезд длинный,
Недолго ждать уже зимы,
Ну, здравствуй, русская равнина,
И перелески, и холмы!

На ржавый строй берёз и клёнов
Посмотрит поздний солнца луч,

И, красотой покорённый,
Утонет взгляд в провалах туч!

И бесконечные просторы
Открыты сердцу моему,
Забуду я про поезд скорый
И прошлой жизни кутерьму.

И птиц взволнованная стая
Мне машет крыльями вослед!

Я вместе с ними улетаю
Туда, где остановки нет!

Туда, где облака на сини,
И дремлют жёлтые поля,
Необъяснимая Россия,
И стая поздняя, и я.

СТАЛИНГРАД

*Моему отцу,
Александру Алексеевичу Берзину,
рядовому Великой Отечественной войны*

С берега до берега –
Птица не летит.
На полоске берега
Мой отец лежит.

В него пули целятся,
Как снега, густы.
А сквозь их метелицу
Взрывы, как цветы.

Не поднять головушки,
Холодна постель,
И в чужой во кровушке
Вымокла шинель.

Ах, как мало пройдено
В каше кровяной.
За спиною Родина,
Волга за спиной.

Он сжимает рацию
И лежит, безус,
Землю сталинградскую
Пробуя на вкус.

Сколько крови отдано
За клочок земли.
Чтоб к Берлину, к Одеру,
Русские пришли.

ВОЛГА

У Волги, медленной реки,
Луна и звёзды велики –
А всё же путь её конечен.

Бескрайний совершив бросок,
Она лизнёт морской песок,
Расправив берега, как плечи.

Она пространна, как строка,
Как жизни код, как ДНК,
Закручена крутой спиралью.
Вода запоминает всё
И тело хрупкое моё
Обнимет с лаской и печалью.

О, Волга, русская река,
Привыкла двигать берега,
Раскинувшись вольней и шире,
Бросая волны в рукава,
Где дурит рыбаков плотва,
А Волга их с пространством мирит.

И дарит блеск звезды в волнах
Тумана привкус на губах,
И мы, как зрители немые,
Глядим, как вдаль бежит вода,
Не завершаясь никогда,
Качая небо и суда,
И отражения живые.

* * *

Вот кровь закатная лесов
И неба голого остуда.
Любить доверчиво врагов
Я никогда уже не буду.

Пусть гаснет свет бывшего дня,
Но всё же расточатся беды:
Мой друг погибший, жди меня –
На облаке к тебе приеду.

Через волнения и дым,
Пух тополиный, снега замять,
Нельзя прорваться молодым
И сохранить печаль и память.

Но неизбывное тепло
Спускается с небес, оттуда,
Где встретились добро и зло,
И жизни совершилось чудо.

Что ж, напоследок солнце грей,
Дай силы мне, реке и полю,

Чтоб лебеди прошедших дней
Навеки вырвались на волю.

* * *

Под одеялом облачной гряды,
Под солнечными вспышками в просветах,
Не постигая неба высоты,
Зачем молчишь, не находя ответа?

Под небом только птицы не молчат,
И ветры то ли плачут, то ли воют,

Но что сказать, когда глаза глядят,
Но тайну этой дали не откроют.

Непостижимы скаты и холмы,
Где взгляд, как птица лёгкая, приволен,
Где в небо поднимаются дымы
И звон живой высоких колоколен.

И сколько в даль пустую ни гляди,
Всю не обнимешь, не охватишь взглядом,
И высота России впереди,
Как вечная загадка и награда.

*Александр
БОБРОВ,
Москва*

ЩЕДРАЯ УДАЧА

Сентябрь 25-го года,
Природа не верит в смерть,
Такая стоит погода –
Леса не хотят желтеть.

Зелёный наряд не вечен,
Над просекой – лёгкий дым,
Но каждый листок просвечен
И кажется золотым.

В чащобе трава не смята,
Подходишь к любому пню –
Кустами растут опята,
Подгнившие на корню.

В корзине – почти что пусто.
Последний пройдёшь завал
И вдруг испытываешь чувство,
Что будто бы опоздал.

Куда и к какой раздаче?
Накатит ненастный час –

Оценишь масштаб удачи:
Как щедро и в самый раз!

МИШЕНЬ ПАУТИНЫ

Осеннее утро. Чарующий вид.
Родные картины.
На солнце, слепящем рельефно, блестит
Мишень паутины.

Какая эпоха – такой разговор
В игре светотени,
Припомнит рука автоматный затвор
И контур мишени.

Неужто не встретим желаемый мир
До смертного часа?..
Идиллия утра. И луч – как пунктир
На карте Донбасса.

ГОРЬКОЕ И СИНЕ-ЗОЛОТОЕ

Нет у нас ни моря, ни предгорий,
Но благоухают вдоль реки
Зверобой и голубой цикорий
Или же Петровы батоги.

Разнотравье сине-золотое
Мне об Украине говорит –
О стране, что под нацизмом стонет
И к России злобою горит.

А какие песни мы спивали!
И под борщ сидели хорошо,
Украинок смуглых обнимали,
Расхрабрясь на суржике: «А шо?».

А вот то, что жизнь необратима,
И, хотя сердечный есть запал,
Друг армейский – больше побратима
В бездне этой киевской пропал.

Ничего не ведаю о доле...
У Сквороды в закатный час
Пили мы горилку на Подоле
И не знали, что в последний раз.

ХЕРСОН. ПРЕДСКАЗАНИЕ

Дышат низовья озоном,
Напряжена тишина,
Всходит над древним Херсоном
Русская наша луна.

Что бы ни думал уродец
В майке зелёных тонов –
Город возвёл флотоходец –
Русский паша – Ушаков.

Всё здесь пока что разбито,
Всюду приметы войны –
От идеалов до быта,
Семьи разделены.

Ну, ничего – восстановим,
Справимся, соединим
Город старинных становий
С русской луною над ним.

РАСПУТИЦА

Танки грязи не боятся
Присловье

Дорога выходит из мрака,
Машина скользит, накренься,
На южных просторах – муляка,
Почти непролазная грязь.
Страшней не бывает распутиц,
Водил угнетая до слёз,
Она достаёт не до ступиц,
А выше машинных колёс.
Огнём горизонт опоясан,
Десантники входят в азарт,
И танки муляки боятся,
Особенно – «Леопард».
На натовском танке в муляку
Бандеровец угодил.

А нас поднимает в атаку
Архангел – святой Михаил.

МАМА ГЕРОЯ

Ольге Дорохиной

Венецианова богини
На полотне серпами жнут.
Какие сёстры их, что ныне
Сынов с фронтов славянских ждут!

Ещё вчера казалось бредом
Шеврон отличьяшивать,
И с вековым своим соседом
Врагом друг друга называть.

Но весть ползла по всем дорогам,
Виски у мамы серебра:
Елецкий паренёк Дорохин
Взорвал нацистов и себя.

А Ольга вновь находит силы,
Чтоб в горе утешать других...
Бесценны женщины России
Без украшений дорогих!

НА ФРОНТОВОЙ РЕКЕ

Пахнут травы приречные душно –
Пижма, донник и болиголов.
Серебрится прохладная Зуша,
Где рыбачил поэт Старшинов.

Жаркий полдень. Звенящие звуки,
Плещут щуки у мыса травы.
Подросли загоревшие внуки
Вдалеке от кварталов Москвы.

Как прочерчено по небосводу:
Тут – фашисты, напротив – свои.
Больше года в любую погоду
По-над Зушей гремели бои.

Здесь репей и татарник – до шеи,
Память – колет, как злая трава.
До сих пор не оплыли траншеи...
Потому и Россия жива.

ПОКА ПОЁТ ВНУК

Грозят крылатые ракеты
И беспилотников полёт,

Казалось бы, что песни – спеты,
А внук – Крылатова поёт,
Не отработывает номер –
Поёт!..
И отступает смерть,
Пока поёт со сцены Фёдор,
Пока и я могу подпеть.

* * *

На кладбище слышно, как падает лист –
Такая стоит тишина.
У каждого смертного путь свой ветвист,
Конечная точка – одна.

Не ведаешь, как отодвинуть её?
И надо ли?
Вечный приют.
Заметил, что здесь не орёт вороньё,
Лишь поздние птицы поют.

Осенние блики прощально горят,
Напомнив о скудном тепле,
О том, что и внуки мой путь повторяют
По русской, любимой земле.

*Николай
БОРСКИЙ,
Мытищи,
Московская обл.*

НОВОЕ ЛЕТО

Ядрёное лето. Солирует кочет,
И солнце над речкой, как пламенный щит.
Ворона горланит, сорока стрекочет,
Кузнечик, и тот, сукин кот, верещит.

Пора воспарять. Не всегда же проблемы,
Забитость, разруха, долги, платежи,

Начальство и прочие низкие темы.
Заехал в избу – и живи не тужи!

В заречных лугах пропадай до заката,
Вдыхай на свободе простор полевой.
Великой печалью Россия богата,
Велик и её богатырский покой.

В обиде она, но ещё не пропала
С библейской надеждой – «И это пройдёт».

Отрадных примет замечаю немало.
Бог даст, о достоинстве вспомнит народ.

Стоять на своём только надо упрямо.
И, хоть на подъём россиянин не скор,
Всё реже борзуют заморские хамы,
Поскольку уже получают отпор.

Повязка цела, и цепочка сохранна,
Не молкнет звук жёрнова, бьётся родник.
И вновь человек поднимается рано,
Когда петушиный доносится крик.

Пути не ужасны, высоты не страшны,
Мрачиться не следует, глядя в окно.
И лёгок кузнечик, звенящий отважно
С моей восхищённой душой заодно.

ПОЭТ БОРИС СЛУЦКИЙ

«Я говорил от имени России» –
Ответственные строгие слова.

В печать спокойно это пропустили,
Политбоец имел на них права.

Поэзия у Слуцкого простая,
Не суггестивна, к прозе сведена,
Но, из реальных фактов прорастая,
До высших истин выросла она,

До главных смыслов. Жёстко. Без рефлексий.
Как протокол о быте и труде.
Стиль разговорный, рубленый и веский,
И убеждённость в личной правоте.

Не подражаю (презираю зависть),
Предпочитая быть самим собой.
Всё ж кое в чём на Слуцкого равняюсь,
Как первогодок, вставший в общий строй.

Тянусь, тянусь, гражданственности верный,
Следя, как нашей Родины сыны
Вновь бой ведут с глобальной лютой скверной
Во имя и от имени страны.

РУССКИЕ РЕКИ

«Каждый помнит какую-то русскую реку», –
Где-то лет сто назад написал один русский поэт.
Как не помнить! На то и даётся судьба человеку,
Чтобы с детства хранить в ней текучий серебряный свет.

Плёсы, омуты, яры, пески, перекаты, излуки,
Перелесок вдоль поймы и синяя даль в два конца,
По ночам иногда непонятные, странные звуки,
Балаганы рыбачьи, в талах золотая коса.

Как не помнить закат и тугую под вёслами воду,
Плеск леща при луне, в лодке краткий, как обморок, сон,
Полотняный шатёр, укрывавший в любую погоду,
Молодёжь у костра, островная любовь на сезон...

Это уж навсегда. Потому что потом не увидишь
Никогда этот край. В городской суете проживёшь.
И речушка твоя будет в грёзах всплывать, словно Китеж,
В пенье иволог, жаб, соловьёв, в шуме-шелесте роц.

Хоть молчком – вопрекор цифровому болтливому веку,
До последнего вздоха – чужбине любой вопреки,
Каждый помнит какую-то русскую реку,
А уж если поэт – то до самой последней строки.

НОСТАЛЬГИЯ

Сеня-друг с женой Галиной и дочуркой Катериной
Закатился на Самарку, возлюбив речной простор,
Где купался и рыбачил, углублялся в бор старинный,
Щёлкал «Никоном» – он в этом был до тонкостей востёр.

Пил культурно с рыбаками, виртуозами уженья –
Постарались аксакалы, преподали мастер-класс:
Выбрать место научили, чтобы ровное течение
Тихо снасть несло в проводку, даже выдали баркас

Типа сельской плоскодонки – хоть с женой и дочкой плавай,
На воде встречай восходы, над поклёвкой трепещи.
Сеня сроду не рыбачил, но добытчик был упрямый
И однажды на рассвете изловил-таки леща.

С этих дней прошло лет тридцать. Кореш мой с родным семейством
После путча из России в Джерси-сити умотал.
В сити том по меркам местным стал фотографом известным,
И по возрасту теперь он сам премудрый аксакал,

Уберёгшийся от стресса в девяностые лихие
В лоне тамошней мишпухи ради верного куска.
Но куда деваться Сёме от славянской ностальгии?
Часто мучит иудея непонятная тоска.

Знает ведь, что перемерли на Самарке старожилы,
Их рыбацкая заимка заросла быльём давно,
Рыбу в омуте тротилом браконьеры порешили
И в бору старинном живность истребили заодно.

Только сердцу не прикажешь. Не накласть на память вето.
Это же не пиццу скушать – откачнуться за бугор.
Видно, счастлив сионист был в то лазоревое лето,
И что в сказке жил тогда он, утверждает до сих пор.

Людмила
БРАГИНА,
Белгород

* * *

Найди меня, ветер!
Развей, как песчинки
По белому свету,
Из сердца морщинки.

Приди ураганом,
Приди суховеем,
Хоть бризом туманным –
Мы всё одолеем.

Мы светом хранимы
Чистейших пожарац.
Ко мне, мой любимый
И верный товарищ!

* * *

Сегодня в небе – ледоход.
Как льдины, облака теснятся,
Из глубины холодных вод
К разливам солнечным стремятся.

А на земле рябины свет
Зарёй окрашивает лица.
Душа порхнёт за птахой вслед
И в небе синем растворится.

УТРО НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ

Река парит, скрывая отраженья
Деревьев, берегов и камышей.
Недвижно всё. И всё полно движенья,
И жизни пульс всё трепетней, слышней.

Туман уносит быстрое течение,
За ним вдогонку утка шлёт утят.

В селе на горке петухов волненье
Перекрывает дружно птичий гвалт.

Всесильно и безудержно светлеет...
И вот уже сиянье над водой!
И луг седой, проснувшись, молодеет
И светится улыбкой золотой.

* * *

Защити меня, любовь,
От страстей и от соблазнов.
Повторяю вновь и вновь:
Только ты, любовь, прекрасна.

Защити от ворожбы,
От лукавого дурмана,
От печали и вражды,
От горячего тумана.

От измен убереги,
Исцели в сердечной боли,
Стань мне берегом реки,
На котором дом и воля.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

О. Р.

На краю ночного неба
В пропасть чёрную срываюсь
И лечу из были в небыль,
Забываю, забываюсь...

В одиночестве безмерном
Так меня осталось мало.
Лишь души комочек верный,
Но безвольный и усталый.

И за гранью узнаванья,
Чьё-то лёгкое дыханье,
Словно, к небу обращаясь:
– Возвращайся...
– Возвращаюсь...

* * *

Была иль не была тому причина,
Гадать уж поздно, старый разговор.
Вы расстелили с видом властелина
Нежданной страсти выцветший ковёр.

И что для вас укоры и тревоги,
Не знаете и не хотите знать.
Зовёте, словно тать с большой дороги:
«Иди ко мне! Забудь отца и мать!»

Вас не пугает дробь моих сапожек,
Вы бредите, и взгляд у вас шальной.
Мне показалось: тень двух острых рожек
Мелькнула вдруг над вашей головой.

Но утром месяц лезвие наточит
И полоснёт по стынувшей заре.
И хлынет свет... А можно и короче:
Ноги моей не будет на ковре!

БЕЛЫЙ НАЛИВ

Ты слишком умён или просто труслив?
Я не пойму до сих пор.
Ведь яблочко спелое, белый налив,
Свесилось через забор.

Вечерними звёздами листья летят,
Слух привлекая и взор.
Но ты опускаешь испуганно взгляд
И убегаешь, как вор.

Ты просто труслив или слишком умён?
Я до сих пор не пойму...
И сад, в ожидании лучших времён,
Светит плодами во тьму.

* * *

На плечи дня ложится синий сумрак.
В нём звон сверчка и сонный шелест трав.
Он проникает в каждый закоулок,
В прохладных снах блуждает до утра.

Ночной туман таинственной природы
Скрывает всё, что днём имело цвет.
И будит звук живительные воды,
Бурлящие в земле миллионы лет.

Кто говорит, что утро мудренее,
Быть может, прав, но верить не спешите.
Послушай ночь и ты поймёшь скорее
Сокрытые движения души.

* * *

Спасибо, вам, враги мои,
Я стала сильной и упрямой.
И лести злые соловьи
Не вскружат ум надеждой пьяной.

Вы возвышаете меня
Предательством своим и ложью.
Порою истинным друзьям
Такое сделать невозможно.

А что же я? Я – вам не враг.
И не надейтесь на отмщенье.
Но заклеят ваш каждый шаг
Моё смиренное прощенье.

Я вам прощаю.

* * *

В мире сгоревших звёзд
Зябну душой нетленной.
Путь для меня не прост –
Хрупкой и драгоценной.

Но остаюсь верна
Каждому всплеску воли.
Туго звенит струна –
Ветер гуляет в поле.

МЕЖА

Чтобы вместе встать на супостата,
в Новгороде-Северском, у врат,
ждёт из Курска Всеволода-брата
Игорь Святославич, старший брат.

А куряне – добрые рубаки,
вскормлены они с конца копья,
знают все холмы и буераки
на пути в кипчакские края...

Русичи сражались не за тем ли,
чтобы общий дом от зла сберечь?
Северщина, Северские земли –
русская на них звучала речь.

Но, покуда спорила со Степью
слабая до времени Москва,
русский юго-запад рабской цепью
спутывали Польша и Литва.

Долго Русь терзали лихоимцы:
вкус и толк познали в грабеже
половцы, ордынцы, ляхи, крымцы,
а теперь – и сродники уже.

Только не по-польски, не по-тюркски,
не на мове галицких громад –
в Новгороде-Северском и Курске
жители по-русски говорят.

Что же так упорен, так неистов
в ненависти к нам славянский брат?
Для заморских, истинных, нацистов
он расходник, меньшая из трат.

А куряне – справные соседи:
вражьей кровью сыты их поля;

Анатолий
ВЕРШИНСКИЙ,
Раменское,
Московская обл.

за душой – уверенность в победе,
за спиной – Российская земля...

Как вернуть меж братьями согласие?
В памяти людской ещё свежа
ставшая границей в одночасье
в сущности семейная межа.

ЛЕТЯЩИЕ С ЮГА

Желтеющий лесок продрог насквозь,
завяли на лугу пырей и клевер,
но с миром что-то странное стряслось:
не в южные края, а к нам на север
крылатые создания летят.
Не аисты муштруют аистят,
совсем другого рода эти «птички»,
недаром имя их берут в кавычки.

Они смертельный груз несут сюда,
в далёкие от фронта города,
в безжалостных к живым твореньям лапах.
Так хищники спешат на плотский запах.
Тараня по пути высотный дом,
они летят бомбить аэродром –
тот самый, на котором в сорок третьем
базировался лётный полк отца:
он в том полку сражался до конца
войны с её звериным лихолетьем.

Казалось бы, чудовище мертво,
но вылупились отпрыски его
и бесятся в потугах бесполезных
доставить гибель нам в когтях железных...
В урочный срок, победною весной,
покончим с необъявленной войной,
и дети не заплачут от испуга,
увидя в небе птиц, летящих с юга.

ДИКОЕ ПОЛЕ

Вольные непаханные дали –
степи между Доном и Днестром –
Диким полем русичи назвали,
их сиротство чувствуя нутром.

Вот бы стало дикое домашним,
вот бы вместо мётел ковыля,
как велит обычай добрым пашням,
хлеб родила здешняя земля!..

Тщетно жатвы ждали земледельцы:
с тучной чернозёмной целины
гнали их кочевники-пришельцы,
чьих коней бессчётны табуны.

Лошади вытаптывали нивы,
всадники вылавливали тех,
кто годился в качестве поживы –
на продажу для срамных утех.

Никакой хронист иль песнопевец
не ответит, сколько и куда
православных парубков и девиц
умыкнула крымская орда.

Лишь Екатериною Великой
натиск южный был повёрнут вспять,
и страну, считавшуюся дикой,
стали Новороссиєю звать.

Новой Русью древняя Россия,
думалось, навеки приросла.
Но страшной нечистой свиты Вия
слуги одноглавого орла...

Сгиньте, бесы! Больше не позволим
в отчих землях учинять погром.
Сызнова не станут Диким полем
степи между Доном и Днестром.

БОР

Говорят, что деревья, как люди,
ощущают угрозу и страх.
Отдалённые залпы орудий
отзываются дрожью в борах.

Обмирают на ветках иголки:
к сосняку приближается бой,
и стволы принимают осколки,
закрывая пехоту собой.

Бьют по соснам фугасные взрывы,
рваных ран не заклеить смоле,
но и павшие замертво – живы,
если живы их корни в земле.

Если в почве, как в древнем ковчеге,
сохраняются их семена,
то пробьются весною побегои,
а иначе зачем же весна?

Даже ад приводящие в трепет
грозовые раскаты войны,
русский лес принимает и терпит.
Он, как люди, защитник страны.

КОЛЬЦА

В Ливийской пустыне Долиной Планет
урочище это назвали арабы.
На поле песчаном, где, кажется, нет
ни жизни самой, ни намёка хотя бы
на что-то живое, лежат валуны:
одни – будто ядра, другие – как диски.
Какой великан из безвестной страны
их бросил на месте недолгой прописки?
Напрасно безжизненным видится дол:
в пустыне, где голодно даже травинкам,
снаряды, что кинул циклоп-дискобол,
тихонько ползут по незримым тропинкам.
И медленно-медленно дышат они:
то чуть возрастут, то уменьшатся малость.
В холодные ночи и жаркие дни
ползучие камни ломает усталость,
и кольца тогда на изломах видны –
не то годовые, не то вековые.
А значит, саженные те валуны
и вправду подобно деревьям живые?
Но если живые, то, верно, жива
Земля, потеснившая сушею воды,
и скалы – живые её существа,
а вовсе не скопища мёртвой породы.
Выносит планета и магму, и лёд,
и гнев богоборца, и боль богомольца...
Надломится – кто уцелевший сочтёт
её вековые несметные кольца?

Алексей
ВИТАКОВ,
Москва

* * *

В рай попадут солдаты и дети.
Ворон низко уходит в полёт.
Кто будет брать интервью у смерти?
Военкорам, два шага вперёд.

Ветер разлуки – на то Божья воля.
Запевала сквозь горечь зачнёт...
Кто будет брать интервью у боли?
Военлитам, два шага вперёд.

Вышли танкисты, вышли связисты.
Поклонилась им в ноги трава.
Вышли шахтёры, вышли таксисты,
Повара, засучив рукава.

Вышел казак – покачнулся крестик
Под рубахой. Священник встал в строй.
Только один остался на месте –
Был он маленький с медной трубой.

Словно из прошлого телеграмма,
Из другой, из забытой войны.
Чей ты? Давай по-взрослому, прямо:
Трубачи нам сейчас не нужны.

Он, от обиды внутри сгорая,
Всё ж крепился, стоял, хоть стреляй!
– Дядя, а можно просто сыграю?
– Хорошо. Бог с тобою. Сыграй.

Бредит земля. Небеса оглохли.
Род людской прокликает судьбу.
Кто ты такой? Из какой эпохи,
Над воронкой поднявший трубу?

К меди её солнце в страхе жалось.
Пыль дороги сходила с ума.

Просто играть – вот всё, что осталось.
И воронки бездонная тьма.

Мы уходили в гибельный ветер.
Где под выстрелы ставили лбы.
В Рай попадут солдаты и дети –
А ещё звук помятой трубы.

* * *

Жильё – слой гари, дыры и побелка.
Картину ночь рисует на стене,
Где тень солдата дремлет над тарелкой,
Стараясь меньше думать о войне.

Свистит окно к беде и к непогоде.
Луна... и словно длится от крыльца
Тень дочери солдатской. И проводит
Рука её по волосам отца.

Осенний сад. Плоды роняет слива.
Деревьям снятся золотые сны.
Солдат и дочь. Мгновение до взрыва –
Набросок в исполнении войны.

В глазницы окон заползают реки
Тягучей тьмы. Далёкий свет огней.
Солдат и дочь. Их больше нет вовеки –
Лишь графика оставшихся теней.

* * *

Снова отходим, рваный брезент.
Стынем в седом дожде.
Где ваша армия, президент?
Наша, простите – где?
Снова солдату держать ответ
Нужно за этих, тех.

Перекрестите его вослед.
Он разгребёт за всех.
Сколько пройдёт он сквозь дым и хмарь,
Страшно неся свой крест?
Перекрестите его, как встарь.
В небе немного мест.
Вот он идёт. Сужается твердь.
Звуком его шагов.
Перекрестите его на смерть,
Просто, без лишних слов.
Горько он шутит: «адю, мусьё! –
С ветром былых эпох.
Перекрестите его, и всё.
Дальше – рассудит Бог.

* * *

Прилетело. Влупило жару.
На войне всяк прилёт с характером.
В небо выкурил чёрт сигару.
Напиши ей забытым дактилем.

Напиши ей и так закончи:
«Звёзды здесь – вы таких не встретите...
Катя, звёзды меня прикончат,
Если вы ко мне не приедете!

Здесь сады, Катя, в ранней рани
Так цветут! А над ними прямою –
Ветка тоненькая «герани»
И – «пионы» ваши любимые.

Вы же знаете, Катя, ночью
Ваше фото может – белиссимо,
Вызывать эффект тамагочи –
Не простая, скажу, зависимость!»

Расскажи о морском рассвете.
И о брендах: какие в лидерах.
Напиши ей. Она ответит,
Хоть ни разу тебя не видела.

Опиши, как умеешь, лето.
Между явью и сном – что-то среднее.
Для неё важно знать, что это
Сообщение не последнее.

* * *

Скажи-ка, дядя... Друг мусью..
Гул пушек. Торжество лакеев.
Бросают русские Изюм
И оставляют Балаклею.
За шагом шаг. Видна вдаль.
Граница. Пыль, колёса, грузы.
Дорога. Взрыв – столбом земли
Навис над осенью Кутузов.
... Мы долго, молча... До поры.
Серёга снайпер, он же – «Зяма».
... Привет вам, суки, от Пахры
И от московского «Динамо».
В крови Серёга Бородин.
Над ним кружит чужая стая.
Ушли колонны, он один
В листву изюмскую вырастает.
Догонит, если повезёт...
И берцы сам свои износит.
Он целит осени в живот.
И сам становится – как осень.
В дыму не видно ничего.
Кутузов встал над пепелищем,
И глаз единственный его
Бородина Серёгу ищет.
Как эта осень не права!
Он их прикроет. Пыль дороги.
И пьёт изюмская листва
Из перебитых ног Серёги.

* * *

Едем, едем, стелется
Путь домой.
А глазам не верится,
Боже мой!
В небо лес аукает,
Пух от крон.
Вот и церкви луковка,
Дон-дон-дон.

А была дороженька
Нелегка.
Ноги мои, ноженьки –
От виска.
На смертельном холоде
Снилось им,
Как идут по Вологде –
Снег без мин.

А была степь тёмная,
Боем опалённая,
Ночка похоронная,
Боль и стон.
Но хранила луковка,
На запястье буковка,
Да сестрицы пуговка,
Дон-дон-дон.

Пятятся за Днепр враги.
Лупит ТОР.
Руки-ноги береги,
Брат-сапёр.

На смертельном холоде
Как без них.
Я хожу по Вологде
На своих.

Пустота в мобильнике,
Сердцем пуст.
В фуре-холодильнике
Тяжкий груз.
Всё леса с болотами,
Церкви звон.
Да, простят двухсотые –
Дон-дон-дон.

Тайну русского холода не разгадает никто
В городе синих морозов, забытых имён.
Там не спасает ни кофе, ни чай, ни пальто —
Вечная стужа замёрзших далёких времён.

Холод черёмух, крещенский могучий мороз,
Февральские вьюги, ознобы, зазимки, сугробы,
Долгие зимние сны рябин и берёз,
Реки, озёра схватило в морозные скобы.

Ветру, морозам, чертям и всему вопреки!
В ночь прорастает сила души первоцветов,
Снова морозный узор чистой, юной строки –
Холод рождает солнечных русских поэтов.

Не ищите здесь яркие краски.
Ароматов затейливых нет.

И морозы за сорок – не сказка,
Утомляемый солнечный свет.

Наше лето – как нежный клевер.
Чуть согрешавшая земля.

Здесь другие красоты: Север –
Строгость звонкого хрусталя.

Веет в воздухе крепким кедром,
Вкус малины лесной на губах.
Словно сказка, соковища в недрах
И в сибирских людских сердцах.

Наше чудо – белые ночи:
Не до сна мне, бывало, порой;
И ничто не сравнится, точно,
Красотою с царицей – сосной.

Для меня нет дороже края.
Пусть измерю я даль и ширь,
Повидав все красоты рая:
Сердце, сердце моё – Сибирь.

* * *

Сосульки с крыш заглядывают в окна...
Звенит в сердечном клапане капель,
И в воздухе – любовные волокна,
И ты, родной мой, – воплощённый Лель.

Весна! Полёт твой на запеве года!
Долой бездушный ворд, и яндекс прочь!
Вот одухотворённая природа –
Мне приворот её не превозмочь.

* * *

Летняя память – не преломляясь в лицах,
В полдень, в жару, в июле варим варенье,
Перелистнув очередную страницу,
Словно роман, вишнёвое сотворенье.

В сладкие пенки оса погружает лапки,
Смело копается в липкой тайне,
И поднимаются вверх кипучие шапки –
Жизнь обретает новое содержанье.

Как расточимы потёки страсти, сласти,
Не обжигаться мы зарекались впредь.
Это варенье – воспоминанье счастья,
Им одиночество сможем зимою согреть.

* * *

В каждый день вхожу, как в Божий храм.
Благодать какая на рассвете,
Посмотри вокруг по сторонам:
Победивший тьму – уже бессмертен.

Вестью во врата твои спешу,
Новой строчкой, светлыми стихами.
Господи, спасибо, что пишу.
Слышу лиры звук под небесами.

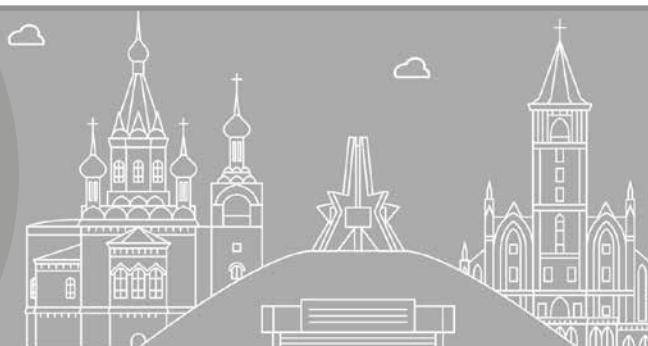
* * *

Слышно, как зорюют петухи.
Солнце ранним жаворонком взмыло,
Собирают стадо пастухи...
Просыпаться! – утро наступило.

Тьма ли, свет ли – сердцу всё одно.
До утра я не смыкала очи...
На беду? На счастье? Всё равно!
Забывать... Не забываю ночи.

*Анастасия
ВОРОНИЧЕВА,
Брянск*

* * *

Вышла музыка из берегов –
Мне её не сдержать. И не нужно.
Сколько раз, улыбаясь натужно,
Я скрывала её от врагов.

От врагов и от злых языков,
От предателей, добрых наружно.
Вышла музыка из берегов –
Мне её не сдержать. И не нужно.

Из земных вырываясь тисков,
Накрывая постылую сушу,
Ни единой свечи не потушит
Наводнением нот и стихов.

Вышла музыка из берегов.

* * *

Отзвуки обидных слов трещотками
Проросли в привычной пустоте.
На ладонях – линии нечёткие,
На бумаге строчки – все не те.

На судьбу не буду наговаривать:
Знать, и ей писалось на авось.
Может, и она хотела набело –
Просто нужных строчек не нашлось.

* * *

Забылись прежние потери,
Исчезли в солнечном тепле.
А значит, снова нужно верить,
Что всё возможно на земле,

Что даже здесь, вдали от рая,
Есть чьё-то твёрдое плечо,
И чувствовать, что вновь живая,
И тихо плакать – ни о чём.

* * *

Все заблуждения ума,
Все знаки, поданные свыше,
Всё! – даже то, что ненавижу,
Я прежде выбрала сама.

И беспросветные года,
Как тени, павшие на солнце,
И мой талант канатоходца –
Из прошлой жизни щедрый дар;

Земное мужество и страсть,
И боль, и смех в одном флаконе,
И одиночество – такое,
Что хочется порой упасть...

Но темнота и пустота –
Лишь декорации в той драме,
Где радугою меж мирами
Сверкнёт в финале красота.

* * *

Всходит зимнее солнце несмело.
Может быть, никогда не любя,
Я полжизни придумать сумела –
Я боюсь лишь придумать тебя;

Замечтавшись, расслышать неточно
Зазвучавший мотив вдалеке.
Ты пока – только первая строчка
Новой песни, не петой никем.

Пусть удача порою капризна,
Пусть не видно дороги сквозь снег,
Может, ты – первый вдох новой жизни,
Не ступавшей на землю вовек.

* * *

В тот день зима над нами колдовала,
И сны, и явь сплетая в ворожбе,
Спеша весь мир накрыть девятым валом
И лестницу, ведущую к тебе.

И в снежном море, будто в зыбкой пене,
Я шла на ощупь, словно в темноте,
И волнами казались мне ступени,
Но я дошла бы даже по воде.

Всё было белым, будто бы бумажным,
И вьюга, стихнув, плакала опять,
Но было в ней первостепенно важно
Нам – встретиться, а миру – устоять.

Увековечить ставшее непрочным
И, если не погаснем в суете,
Успеть оставить на бумаге строчки –
Ступеньку за ступенькой в пустоте.

* * *

До поездки дальней времени немного.
Скоро, оттеняя пёстрый путь земной,
Словно наважденье, зимняя дорога
Снежной полосой ляжет предо мной.

И неважным станет всё, что будет после,
Будто растворится всё, что было до...
В белизне бескрайней притаится космос.
Я его погреться заберу в свой дом.

И когда, согревшись, непроглядной ночью
Вновь на небо пылью ляжет золотой,
Засверкают звёзды в каждой новой строчке –
Чтобы стал на Млечный Путь похож
земной.

* * *

Пусть всё, о чём мечталось мне,
Однажды чем-то отзовется –
Нежданно выглянувшим солнцем,
Случайной помощью извне...

И, невозможного ища,
Я свыкнусь с жизнью понемногу,
Чтоб непрерывность диалога
Сияла в будничных вещах.

Пусть вечность говорит со мной
И не смолкает в мире этом,
И мой роман с нездешним светом
Продолжится в любви земной.

* * *

Ошибиться в темноте так просто,
Но она лишь пустоту таит.
Тайна скрыта в самых светлых звёздах –
В том огне, что их испепелит

И зажжёт однажды им на смену
Новые лучистые миры...
Всё во тьме утрачивает цену,
Как в разгаре карточной игры.

Так, лишившись ясности покоя,
В дикий шторм, не зная, что творит,
Напоказ выбрасывает море
Редкие сокровища свои.

Так людская зависть торопливо
Губит тех, кто не угоден ей...
Я прошу: молитесь за счастливых –
Им всегда приходится трудней.

* * *

Сколько духу хватает – мороз да мороз,
Сколько зренья – просторы в снегах,
Я сквозь мёрзлую землю корягой пророс
И у чёрта зажил на рогах.

Я бы сгинул во тьме и исчез без следа,
Кровь моя захрустела б стеклом,
Но вцепилась в меня, как в живого, звезда
И вскормила небесным теплом.

Я рождением своим был уже виноват,
Но тому был взыскующий перст,
И струилось тепло от макушки до пят,
И земля оживала окрест.

Знаю, пламя меня низведёт изнутри,
Надломлюсь на прожогах в коре,
Но успею увидеть – цветут пустыри,
И трава от росы в серебре.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Из хляби небесной, из лютых мест
Себя возвратил домой,
И вдруг замечаешь – живёшь, как перст,
Один на один с зимой.

И в печке огонь, и хлеб на столе,
И в ноги – домашний зверь,
Но маятник мечется в голове,
И настежь входная дверь.

И трудно родным твоим крест нести,
Но будут все прощены,
Коль смогут от мира тебя спасти,
Как ты их спас от войны.

* * *

Я на жизнь и на смерть никогда не играл,
Только жил между жизнью и смертью,
И из бездны людской сам себя добывал,
Словно рыбу, тягучею сетью.

Я цеплялся за край, трепетал тяжело,
В одиночестве было мне тесно,
И отсвечивал берег, ещё нежилой,
И темнела обжитая бездна.

* * *

Сколько в кровь мою впало живых ручейков,
Сколько врезалось в память событий!
Потянуть бы успеть из забытых веков
За дорожки, за жилки, за нити.

Покатить пред собою клубок шерстяной,
Чтоб трава перед ним припадала,
И монгольскую гарь часовой шестернёй
Закатать от Литвы до Урала.

И всё дальше туда, где Христос не воскрес,
И смотреть, как в летящем рапиде,
С Византийских столпов на языческий лес
И себя за деревьями видеть.

УГРА

Мы отданы в зимнее иго,
Глаза открываем с трудом,
И наша заветная книга
Железным запаяна льдом.

Хватило бы силы небесной,
Достало бы веры земной,

Чтоб выдержать холод отвесный,
Чтоб наст продышать жестяной,

И путь, начиная от печки,
Увидеть сквозь мрак и пургу –
Войска наши встали у речки,
А враг на другом берегу.

* * *

Будет снег, будет темь, скрутит бремя вины,
Скажут: «Кара отпущена свыше»,
А начало зимы, как начало войны,
Запасайся старанием выжить.

Ледяные морозы ударят под дых,
Душу вытянет ветер-растрига,
И пойму я, что скрепы собратьев иных
Пострашнее монгольского ига.

Покачнусь в темноте, отряхну пелену,
Открещусь, отмолюсь на удачу,
И увижу свою и чужую вину,
И по всем виноватым заплачу.

ОТЦУ

Вот она, последняя дорога
По еловым веткам в благодать,
И уже рукой подать до Бога,
До небес уже рукой подать.

Я тебя жалею с опозданием,
Мне немного выпало успеть,
Целовать последним целованьем
И последней жалостью жалеть.

* * *

Мы рядом не ходим, мы вместе – гроза,
Удел наш – движенье по кругу,
Но если встречаются наши глаза,
Нас тянет невольно друг к другу.

Не выдержу вдруг и на встречу с тобой
Я выйду в хрустящей сорочке,
И наши дороги по хорде тугой
Сойдутся в негаданной точке.

И молния внутренний круг озарит,
И лёд пограничный растает,
И тракт золотой, что над миром царит,
Наш прах в колею закатает.

* * *

Говорил, говорил, как слова доставал из колодца,
И заплакал потом, и давай причитать-голосить,
Будто горло пробил наконечник стрелы инородца,
И рванула из горла тоска и печаль по Руси.

Не по родине плач, что гремела державным железом,
По Руси гой еси, что лишь в гусельных сказах жива,
Где семь вёрст до небес, только семь, но всё лесом и лесом,
А за каждым кустом колдуны, ведуны, татарва.

Он плетёт языком, но какие узлы расплетает,
Отмывает слезами, что жизнь накопила во мне,
Красно солнце встаёт, Ясный сокол с запястья взлетает,
И в воде не тону, и опять не сгораю в огне.

Я семь вёрст пролечу, отобьюсь, отмолюсь по дороге,
 Меч заветный в руках, сапоги-сороходы не жмут,
 И увижу свой дом, и узнаю родных на пороге,
 И услышу, как птицы и ангелы вместе поют.

* * *

Живу, умру, воскресну,
 Как выдержу обряд.
 У заглянувших в бездну
 Навек тяжёлый взгляд,

Поверенный ожогом,
 Проникший под ледник.

Всю жизнь живём под Богом,
 А рядом только миг,

Когда встают отвесно
 На землю небеса,
 Когда выходит бездна
 Смотреть глаза в глаза.

* * *

Чем ухабистей путь, тем красней на обочинах храмы,
 И чем легче земля, тем небес неподъёмнее спуд,
 Здесь во веки веков каждый мёртвый не ведаёт срама,
 Здесь живые до смерти с виной пред собою живут.

Я из этих глубин, я из этих густых бездорожий,
 Я за миг до рожденья виной был крещён и клеймён,
 Что раздумья мои по сравненью с молчанием Божьим,
 Что исканья мои по сравненью с потерей времён.

Никому на земле не узнать – мы куда и откуда,
 А у мёртвых спросить, не отыщешь в миру толмача,
 Солнце выдержит круг, не навеки дожди и остуда,
 Жизнь рубахой на мне, тяжела, но с родного плеча.

* * *

Встревожит сердце памятная вежа,
 Потянет в бездну, в топи-кисели,
 И стану я не только старше века,
 А старше жизни, неба и земли.

Не убоюсь, не сгину, не завою,
 Слеза удержит сердце на плаву,
 И предо мной, как лист перед травой,
 Семь дней творенья встанут наяву.

*Аркадий
ГОНТОВСКИЙ,
Прокопьевск,
Кемеровская обл.*

РОДИНА

В твоих глазах то ночь печальная,
То день ненастный, то привет,
То вдруг увижу в них венчание
Весенних дней и зрелых лет.

Но мне дороже те мгновения,
Когда из горькой немоты
На мир душа глядит в смятении,
Ища тепла и простоты.

ЛИВЕНЬ

Он лил и лил не уставая,
Сполохи дыбились окрест,
Из одинокого трамвая
Был виден храм, над храмом крест

Вздымался в отсветах, и снова
Всё плыло в серой пелене,
И тихое рождалось слово,
И слово было о войне:

Что где-то там, где стон и морок,
В облатках порванных небес
Израненный, но гордый город
Несёт над миром русский крест;

Несёт сквозь вой и хохот града
Голодного на кровь свинца,
И бьётся в рукопашной правда
Со смрадом лживого словца

За жизнь... за хрупкий смех ребёнка,
За капли ливня на стекле,
За всё, что так светло и тонко
На нашей горестной земле.

* * *

Чай нальёшь у окна и подолгу
В потемневшие выси глядишь,
Вот мелькнула звезда, – на иголку
Время нижеет вечернюю тишь.

Нужно только начать, будет вышит
За мгновенье вселенский узор.
Время тихо приляжет на крыши
И покатит луну в каждый двор.

В этой созданной Богом картине
Есть одно неприметное «но»:
Станет всё безымянной пустыней,
Если некому глянуть в окно.

СКАЗКА ВЕТРА

Мир хотел быть похожим на сон.
Сон любил этот странный мир.
Между ними был горизонт:
Может, миг, может, сотни миль.

Мир искал. Он верил в резон
Точных формул, казалось – вот...
Но там был другой горизонт,
Уходящий за небосвод,

Где в сиянии звёздных миль
Спят легенды погасших солнц.
Сон любил этот странный мир,
Заглянувший за горизонт,

И не гасла в ночи свеча
Между ними.
Внезапно, вдруг
Всё рассыпалось в мелочах,
Потеряв горизонтов круг.

И остался слепой пунктир,
Где слепые поводыри
Обещали построить мир,
Ослепительный изнутри.

* * *

Тишина. И свет усталый.
Снег идёт, ложится снег
На дороги, на кварталы,
На страну, которой нет.

Зачарованная снегом
Спит она, и снятся ей
Города под мёртвым небом
В блеске призрачных огней.

Снятся праздные витрины
И, от блеска в стороне,
Среднерусские руины
В нескончаемой войне.

Кто их вспомнит? Кто ответит?
Кто вернёт им день былой?
Снится им – февральский ветер
Снова бродит над землёй.

Снятся банки и вокзалы,
Телеграф и поезда...
И над всеми свет усталый
Льёт погасшая звезда.

* * *

Жизнь приближается к развязке,
От перемен устав уже.
За все утраченные сказки
Подайте нищенке-душе.

Она не помнит, как смирилась,
Когда, срываясь и скользя,
То Богу, то ветрам молилась.
А по-другому здесь нельзя.

А по-другому – свалит ветер,
Поволочёт по мостовым.
Жить нелегко на белом свете,
Где всё изменчиво, как дым.

И лишь на донышке на самом,
Куда не влезут бить под дых,
От всех и вся хранят туманы
Её вишнёвые сады.

* * *

За грозою шёл дождь, как живая вода,
Словно небо на дольки порезали,
И, как зёрнышко, с неба упала звезда
Тихим светом полночной поэзии.

Дождь искрился во мгле, будто призрачный
плащ.
Кто в нём шёл, не запомнилось облика,
Только помню слова: если горько, поплачь,
И пойдём погуляем по облаку;

Если сходишь с ума, то сходи до конца,
Пусть пространство с тобой ходит об руку
По земле, по воде ли – не нужно венца,
Нужно просто довериться облаку:

Там в тумане дрожит и рождается свет,
Там сам Бог ворожит над треножником.
И я слушал и верил во весь этот бред,
Уходя в облака вслед за дождиком.

ЭЛЕГИЯ

1

Выйти в ночь из прокуренных комнат,
По урочищам сонным брести.
В этих снах отыскать светлый омут,
Пить туманные звёзды с горсти́.

Просто быть. Просто слушать как рошу
Наполняет ласкающий свет,
Как он пробует звуки на ощупь
Серебристою нитью в листве.

2

Позабыться. И вровень с туманом
По мерцающим в дрёме лугам
С белоснежным идти караваном
К очарованным берегам.

Только сны. Только сны и дорога.
Только проблеск чего-то во мгле,
Что нельзя объяснить и потрогать,
И словами сказать на земле.

3

Там, где долгого вздоха немая печаль
Поднимается к небу осенней рекой,
Словно кто-то незримый снимает печать,
Отпуская тебя за ожившей строкой;

И живая вода, отразив небеса,
Отворяет пространство пределов Его,
Там светло задрожит в поднебесье слеза
У твоих очарованных берегов.

В РОЩЕ

... Вздохну, присяду под берёзой,
Травинку разомну в руке.
Ах, осень, осень, что за прозой
Стоит в твоём черновике,

Когда ветра костры полощут,
Срывая листья наугад?
Я буду здесь, я в эту рощу
Вхожу, как в позабытый сад,

И слушаю дыханье сада:
В непроходимом волшебстве
С напевной грустью листопада
Тут сердце русское в родстве,

В родстве с дождём и с небом вровень,
Когда в нём кличут журавли.
Тут в каждом эхе голос крови
И голос матери-земли.

Пройдя отмеренное веком,
Над бездной замедляя шаг,
Я тоже здесь останусь эхом.
И, может быть, моя душа

Однажды возвратится в рощу,
Сойдёт с дождями в листопад,
Когда ветра костры полощут,
Срывая листья наугад...

[ИМЕНА]

Глебу ГОРБОВСКОМУ –

95 лет

Елена КРЮКОВА

СВОЯ СТЕЗЯ

Вот живём мы на свете, живём, гоним прочь пугающую нас мысль о смерти, поём жизнь, хотим жить кто как – кто в полную силу, кто тихо и осторожно, «как бы чего не вышло», – и совершенно не знаем, что же такое Время.

Не можем его объяснить. И – изъяснить. В искусстве. А надо ли?

Есть поэты, художники, музыканты, что ведут себя во Времени не как в тюрьме, а как на широкой разудалой воле, на грозовом просторе: нагло, расстёгнуто, распахнуто, ветер насквозь, хочешь, залётная пуля меж рёбер воткнись; хочешь, дикий ветер с ног сбей, а я всё равно свободен, ибо я – не инерция и не послушание, не покорность и не приспособленчество: аз есмь воля вольная!

Это редкие личности. Они обречены на высокое страдание внутри Времени своего, но ведь они сами свою стезю выбрали. Бог даёт право выбора всем: и тем, кто верует в Него свято, и тем, кто следует иному.

Жизнь поэта необъяснима, непредсказуема. В стихах своих он – наиболее настоящий; и вдвойне счастлив тот поэт, чья судьба равновелика его стихам, – тот человек, про коего невозможно сказать: в стихах он один, а в жизни (был, есть...) совсем другой. Подлинность и убедительность стихотворений в этом случае проверяется лакмусом поступков. Жестов. Можно молчать. Но – протянуть руку. Можно не написать очередные стихи; не опубликовать их в очередном журнале! А просто привести замёрзшего на улице, голодного, дрожащего – домой, накормить его, согреть...

Мне возразят: стихи, ведь это тоже поступок!

Да, это поступок. Поступь, шаг по дороге жизни. Если ты, художник, по завету Льва Толстого, во главу угла творчества своего ставишь искренность, искренность, искренность.

Поэзия – не лицедейство. Поэзия – не лживый пафос.

Поэзия – это биение сердца твоего. Однажды оно остановится. И, значит, ты должен спешить. Не терять ни минуты из назначенного тебе на Земле сердечного огня, суждённой тебе работы духа.

Таким поэтом, на разрыв аорты, на полную открытость миру, Богу, жизни и смерти, был Глеб Яковлевич Горбовский (1931–2019).

И жил и творил он в городе, знаковом для русской поэзии, – Ленинграде-Санкт-Петербурге.

Хлебнул Горбовский сызмальства, с самого детства военного, горечи и горя. Сирота, и это означало либо гибель на улице – от снаряда ли, с голоду, – либо, если посчастливится, детский дом. Всё, что позднее стало именоваться в книгах «острым сюжетом», мальчишка пережил: он видел преступления, колонию, колючую проволоку, слышал вой сирен и грохот взрывов... Вот не зря были написаны знакомые всей послевоенной стране «Фонарики»! Если я скажу, что мы, дети, среди прочих тюремных и лагерных песен (а их пели, под хмельком, наши отцы на вполне пристойных праздниках – в Новомодье, на Первомай...), наряду со знаменитыми «По тундре, по широкой по дороге», «Вот умру я, умру я, похоронят меня...», пели и вот эту, и все называли её – «Фонарики», и мы знать не знали, кто на самом деле её сочинил:

(...) Сижу на нарах, как король на именинах,
и пайку серого мечтаю получить.
Гляжу, как кот, в окно,
теперь мне всё равно!
Я раньше всех готов свой факел погасить.

Когда качаются фонарики ночные
и чёрный кот бежит по улице, как чёрт, –
я из пивной иду,
я никого не жду,
я навсегда побил свой жизненный рекорд!

Мы, послевоенные дети... в конце шестидесятых нам – десять, двенадцать, четырнадцать лет... Знать не знали мы, что это написал неведомый Глеб Горбовский и живёт он в Ленинграде, городе, святом для всякого советского человека: город Ильича, колыбель революции, выстрел «Авроры»... Нам казалось: это народная песня, и повсюду поёт её народ, да ещё и запрещённая, ну как же, у всех юность как юность, счастливая, комсомольская, а юность этого неизвестного лагерника «раскололась, как орех...»

Глеб Горбовский был таким, до старости дожившим, вариантом Бориса Рыжего. Как если бы Пушкина не убил Дантес на дуэли, и стал бы Пушкин во главе русской прозы, нашим наипервейшим Львом Толстым. А тут? Есенин свёл счеты с жизнью... Маяковский сжимает в кулаке железную, чёрную гибель свою; Борис Рыжий, Николай Рубцов, Александр Башлачёв – нависает над ними безвременная смерть, как обоюдоострый звёздный меч. А равномогущий им поэт живёт, живёт, до дна чашу жизни пьёт. И чашу алкоголя – тоже. И чашу упоительного табачного дыма в расхристанных бурных застольях – а как же! Курево и пьянство – неременная атрибутика свободы в откровенно несвободное время. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» (В. И. Ленин, «Партийная организация и партийная литература») – а вдруг всё-таки можно?

И вдруг в краснозвёздной строгой стране, где внимательно наблюдают за тобою, художник, чтобы не оступился ты, чтобы ровно по улицам шёл, не качался, хмельной, не выкрикивал ветру в лицо отчаянную крамолу, – всё-таки возможно публиковать свои тексты, выплаканные, выстраданные, горячие, обжигающие, огненные, такие, где насмешка горько мешается с любовным порывом, где исповедь обнимается с трагифарсом и сатирой, переходящей в рыдание! Книги! Как их всегда хочет, жаждет поэт! Книга – залог твоего открытого, откровенного разговора, прямого диалога с читателем. Не обязательно с миллионным: поэту достаточно и десятка понимающих сердец!

Горбовский выпускал книги. И да, читали его. А что отвергалось пугливыми редакторами, то в списках ходило по Ленинграду, Москве и другим городам Советского Союза. Тексты Горбовского превращались в песни. Их пели – точно так же, как пели Есенина и Рубцова.

Удивительно в Горбовском сочетание камерности (стихотворение занимает на бумаге немного места – именно стихотворение, не поэма, не роман в стихах!) и неоспоримой фресковости изложения.

Он так же остросоциален, как и пронзительно-лиричен.

И всё время, всякий раз он через крупную, двояковыпуклую мутную, сивушную линзу быта видит – зрит, по-библейски говоря! – грандиозное Бытие, и оно окрашено в слепяще-алый цвет огня – трагедии, боли, ярости, – и в траурную черноту смерти и посмертия; он очень больно и ясно чувствовал неотвратимость смерти, и он мысленно и совокупностью всех чувств возносил её на пьедестал – нравственный, мифологический, бытийный, – а она, смертушка, мстила ему, как и каждому живущему, болью быта, мелочью памяти, площадной шелухой навечного забвения.

Плита чиста. Могила без названья.
 Два лопуха: в ногах и в головах.
 Сажу на металлическом диване,
 как птица или скорбная вдова.

Я знаю, что лежу под этим камнем,
 что я исчез с лица моей земли,
 что я лежу с уставшими ногами,
 что женщины меня не сберегли. (...)

Именно так, незаметно, исподволь, шаг за шагом, создавалась и в литературном при-дирчивом, капризном мире, и на площадях градусов и весей, и в тёмных страшных переулках, по которым брели восвояси подвыпившие гости с дружеской пирушки, и в кухонных закутках, где почти шёпотом пели потаённые песни под расстроенную гитару, легенда о Горбовском; так он становился человеком-мифологией, поэтом, о котором ходили пересуды, – а то и просто исчезала в публике жажда непременно портрета автора, моментальной поэтовой документальной фотографии, и оставались только стихи... а кто автор?.. имярек...

И вот всплывает, мелькает, просвечивает, почти в каждом стихотворении, авторское «я»: поэт то и дело смотрится в зеркало, в треснувшие-битые, со стёртой амальгамой, зеркала всегдашних питерских коммуналок... вот рельефный автопортрет, вот беглый натуральный этюд, вот почти воздушный, мимолётный карандашный набросок...

Уходят праздные друзья,
 и начинается мой праздник.
 Я, как степенная семья,
 разогреваю чай на газе.
 Я, как примерный семьянин,
 ложусь на островок дивана...
 Как хорошо, что я – один,
 что чай желтеет из стакана,
 что я опять увижу сны,
 и в этих снах – такая радость,
 что ни любовниц, ни жены,
 ни даже счастья не надо.

В поэзии 1960-х, 1970-х, 1980-х присутствовали почти обязательные типажи.

Во-первых, поэт, громко вещающий с трибуны, чтобы далеко, на всю страну, было слышно; так развивалась «маяковская» ипостась «агитатора, горлана, главаря», так громогласно

делались рифмованные политические заявления, выкрикивались пламенные манифесты, и обнародованные, таким образом, тезисы, призывы, властные приказы становились культурным рефреном. Плакатно-массовый Евгений Евтушенко мог иной раз быть лиричным, интимным, и народ наблюдал в поэзии оба его творческих лика, и часто не знал, какой лик предпочтительнее выбрать, каким можно открыто восхититься.

Во-вторых, поэт – так называемый «тихий лирик». Николай Рубцов часто не влезал в прокрустово ложе «тихого лирика» – так его насильно туда вталкивали. И Николай Тряпкин, и Николай Старшинов, и Анатолий Жигулин – все они были «тихими лириками», только до определённой черты; за чертою находилась опасная территория явственной духовной борьбы и слишком откровенных, жгучих словесных формул.

В-третьих, конечно же, работа с философскими пространствами в поэзии никем не преследовалась, и философская лирика тоже заявляла право на существование – Владимир Соколов, Белла Ахмадулина уходили в раздумчивую словесную орнаментику или в жёсткость трагических философских постулатов, может быть, спасаясь от Шекспировского трагизма реальности.

И что же Глеб Горбовский?

А он занял пустующую – после Сергея Есенина – нишу.

Мифологическая для мировой поэзии фигура пьяницы, хулигана, вора, дебошира, скитальца, популярная ещё со времён Франсуа Вийона, внезапно оживает в середине XX века в Советском Союзе – и Горбовский смело занимает свободное с 1920-х годов место хулигана и скандалиста Есенина. Но ведь никоим образом Горбовский – Есенина – не повторяет! Он – не эпигон Есенина! Он живописует собственную судьбу, благо она у него одна, и под завязку набитая целой россыпью незаёмных жизненных драм. И не думал он ни о какой славе! Он – просто – жил. Хулиганил в стихах; пьянствовал по-настоящему – с друзьями и недругами; скитался, бродяжничал, насмешничал, плакал – и писал, писал стихи, продолжая в них, родимых, свою непутёвую жизнь, выборматывал их, как заклинания, выпускал на волю их пламя – то, что жгло его изнутри.

Оттолкнуло ветром от вагона!
Одолжи мне, Боже, пять минут...
Человек скорбящий – вне закона:
рьяные растопчут, в пыль вомнут!

Поезд отправляется. Соколики,
до свиданья! Можно подымить?
В ресторане мраморные столики
не хотят нетрезвого кормить.

В подворотне наведу румянец –
водочкой шарахну по щеке!
Поезд, как паршивый иностранец,
на чужом лопочет языке...

«Не согрешишь – не покаешься», – гласит пословица.

Петербург – город Достоевского. Мрак, ночные фонари, ненастное бешеное небо, неизбывная тяжесть жизни, преступления, сокрытые во тьме скелетных питерских дворов, призраками являющиеся в тускло освещённых питерских окнах, – и позднее, в слезах, покаяние: пересмотр прожитой жизни, особенно если она была большая, протяжённая, как монументальная симфония. Поэты умирают рано. Это не закон, так часто получалось у нас в России. А если поэты живут долго?

Чем дольше живёшь – тем более внятна не жизнь: смерть.

И тем больше хочется принести в малую свою, оставшуюся жизнь света и радости.

Свет и радость редкими птицами пролетали в юности над головою Глеба Горбовского. Где они теперь? Слезам удобно течь в сухих руслах морщин. И можно их не отирать. Как описать жизнь прощённую – и жизнь, которая сама тебя, грешника, простила?

Как обнять своё Время и сильно, крепко прижать его к груди?

Поздняя любовь к жизни – нет, она не смешна, не позорна, она – не наигрыш, и оправдывать её не надо.

Она единственна.

Как единственно всё на свете, что приходит однажды – и уходит навсегда.

Отмается – не отбуянится,
к земле хлебосольной прильнёт, –
поэт – не святоша, не пьяница,
а тот, что чирикал без нот.

На ветке, карнизе, на паперти
он пел, оглашая низы,
без веры, надежды и памяти...
И грызлись кремлёвские псы!

И дымка плыла ядовитая,
и корчился русский язык,
и песня струилась забытая,
как будто расплавленный крик.

Старость – воспоминания.
Старость – царство памяти.
Старость – владения забвения.

Чего больше на этом последнем материке, памяти или забвения? Никто не знает.

Поэт устал – а всё равно хватает бумагу и пишет.

Не на компьютере: старой ручкой по старинной бумаге. Белой, жёлтой, серой... гладкой, шершавой, какой угодно. По живой бумаге. По живому.

Где те люди, что были рядом с поэтом тридцать, сорок, пятьдесят лет тому назад? «Иных уж нет, а те далече, / Как Сади некогда сказал...» (А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»).

Люди ушли, а слова Глеба Горбовского обрели новый вес. Новое сияние.

Слово не умерло. Оно осталось жить. Рядом с ним. Вместе с ним. В нём.

Как бы во сне, на дне развалин храма,
разбитого войной или страной,
лежали мы во власти Тьмы и Хама,
покрытые кровавой пеленой.

Сплетённые корнями сухожилий,
проклеенные вытечкой мозгов —
развратники, пропойцы, пыль от пыли,
лжецы и воры низких берегов.

И дьявол нас вычерпывал бадьёю,
как сточные отбросы сплывших лет...

Но и меж сих, отвергнутых Судьёю,
Нет-нет и брезжил покаянный свет!

Стать певцом смерти – почётно: смерть есть обратная сторона жизни, её лик глядится в наши лица незыблемой константой; этот космических дуал – жизнь-смерть – неуничтожим.

Стать трагическим художником – славно: «Что такое жизнь? Трагедия. Ура!» – воскликнул когда-то Людвиг ван Бетховен в «Разговорных тетрадах».

Минус двадцать пять по Цельсию.
По скрипучей белизне
похоронная процессия –
мимо храма, как во сне...

Гроб несут четыре дяденьки,
позади – родни клочок...
И церковный голос сладенький
испускает старичок.

Кто он, умерший в суровую
пору жизни и зимы?
Человек, ступивший в новую
полосу... Такой, как мы.

Спеть песню о себе, где обнялись бы радость мира и предвечная боль бытия, слились бы воедино рождение и уход, грех и раскаяние, жизнь и смерть – вот последняя красота, последняя задача, и вот первая надежда на посмертное существование поэта в русской культуре: такой красоте и такой надежде забвение не страшно, ибо внутри подобной песни – всё сущее.

[ПАМЯТЬ]

Наталье ГРАНЦЕВОЙ –

75 лет

(1951–2024)

«МОЙ НЕВСКИЙ, ТЫ ИМПЕРИИ БУКВАРЬ»

11 февраля 2024 года ушла туда, «где бог собрал певцов России души...» замечательная женщина, главный редактор журнала «Нева», несомненно, одна из лучших поэтесс Северной Пальмиры – Наталья Гранцева. Умерла, успев оставить мне в самом конце 2023 года свои последние стихотворения для публикации в нашем совместном проекте – альманахе «День поэзии – XXI век», к которому она примкнула ещё в 2009 году и благодаря которому известные московские поэты сумели увидеть свои произведения также и на питерских страницах журнала, ибо ранее между двумя литературными столицами существовала определённая ревность, сформулированная однажды в виде шуточного постулата о том, что «ленинградские снобы не любят московских жлобов».

Если перечислять её заслуги перед отечественной словесностью, то им не будет счёта. Чего только стоят: редактирование краеугольного камня нашего журнального мира – питерской «Невы», серия книг об Уильяме Шекспире, цикл передач «Встречи на Итальянской» на Ленинградском радио, воскрешение в общественном сознании имени поэта XVIII века Михаила Хераскова. Но главное – её стихи, Мастера ленинградской школы. Уверен, что уже никто в этом городе не воскликнет: «Мой Невский, ты – империи букварь».

Наш самый молодой, дважды доктор наук, профессор Марианна Дударева, чей муж – главный редактор журнала «Юность» Валерий Дударев, – дружил с Натальей Гранцевой, написала в одной из своих научных работ: «И любовь, и смерть онтологически равновелики в художественном мире Н. Гранцевой, которая всегда подталкивает свою лирическую героиню (и нас с ней) трансцендировать за пределы своего «я»: «Были счастливы те, кто смог / от любви умереть весной». Если это происходит, то вдруг становятся понятные простые истины, со-существование добра и зла, света и тьмы, жизни и смерти: «У меня вопросов нет ни к парламенту, ни к Богу. // Белой розы тёмный свет освещает мне дорогу...».

А у меня в памяти всплывает солнечный апрельский день, когда я провожал в здание редакции журнала «Нева», затерянное во дворах за Государственной академической капеллой на Мойке, главного литературного критика всея Руси Льва Аннинского. Вёл, чтобы главный редактор издания – Наталья Гранцева обняла маститого автора и торжественно вручила ему премию журнала за 2011 год...

12 октября 2026 года Наталье Анатольевне Гранцевой исполнилось бы 75 лет!

Андрей ШАЦКОВ

ПРЕКРАСНАЯ, С КРЫЛАТЫМИ ОЧАМИ

Вспоминается первая встреча с Натальей Гранцевой. Была дождливая питерская осень 1974 года. Три молодых поэта – Александр Милях, Павел Першин и я – брели по вечернему Литейному проспекту и читали друг другу стихи. Точнее, читал Александр Милях, а мы с Павлом почтительно внимали старшему товарищу. А читал Саша в тот промозглый вечер только что написанное стихотворение:

Грачи вернулись! Прилетели...
А без грачей какая Русь? ...

Вот так всегда бывает – на дворе тёмная осень, а на душе поэта – осенённая солнцем весна. И саврасовские грачи...

Александр Милях недавно женился и настойчиво зазывал нас к себе домой. Жил он в Литейной части, в обычной ленинградской коммуналке. Мы с Павлом отнекивались: мол, поздно уже идти в гости. Но пузатая бутылка отличного португальского портвейна тяготила наш портфельчик. В конце концов, не в садике же пить этот благородный напиток!

Наташа была дома, и в уютной комнатке молодожёнов вскоре зашумела пирушка. Что делают поэты в застольях? Конечно, читают по кругу стихи. И потихоньку начинает кружиться голова – то ли от бесконечного виночерпия, то ли от бесконечного чтения допоздна. Помню, как поразили меня стихи Наташи Гранцевой:

Прекрасные, с крылатыми очами,
Монголы в разноцветных чапанах
Широкой Русью, с ужасом в колчанах,
Неслись на низкорослых скакунах.

Наше тогдашнее восприятие всадников монгольской орды было однозначным: свирепые жестокие воины, не щадящие никого – ни детей, ни женщин. А тут – «прекрасные», с «крылатыми очами». Это не укладывалось в стереотип. И что удивительно: стихи были только что напечатаны в популярном молодёжном журнале «Аврора», который возглавлял тогда чудесный поэт Владимир Торопыгин. Его не смутили эти неоднозначные эпитеты. Проявил редакторскую смелость, взяв на себя ответственность.

Эти стихи врезались в мою память навсегда, и спустя много лет, когда Наталья Гранцева уже была уважаемым редактором журнала «Нева», я как-то при встрече напомнил ей о них, прочитав наизусть. А потом достал первую книжечку поэта «Мой дом – Россия с видом на Неву» и попросил поставить автограф – спустя тридцать лет после выхода в свет. И вдруг увидел, как засветились счастьем её прекрасные крылатые глаза.

Прощай, Наташа! Вечная память!

Евгений ЛУКИН

РОДНАЯ ДУША

Когда в начале февраля 2024 года ушла из жизни поэт, литературовед, педагог, радиожурналистка и режиссёр, главный редактор журнала «Нева», выдающаяся женщина, которая многие годы была председателем жюри премии «Писатель XXI века» Наталья Анатольевна Гранцева, то это, без преувеличения, было огромной горем для всей русской литературы и для меня лично.

Мы дружили десять лет, практически во все приезды Натальи Анатольевны в Москву и мои в Санкт-Петербург, встречались и беседовали на всевозможные темы. Мы были единомышленники. Так иногда (очень редко!) происходит в жизни – в зрелые годы встречаешь родную душу...

Наталья Гранцева была многогранно одарённым человеком – талантливым поэтом, исследователем литературы, специалистом по Шекспиру и Ломоносову, редактором, организатором литературного пространства, членом жюри различных премий.

В оргкомитете премии «Писатель XXI века», в который меня избрали координатором, мы работали вместе ровно десять лет.

Наталья Анатольевна всегда подчёркивала, что нужно, прежде всего, поддерживать молодых авторов.

– Ну раз уж у нас премия «Писатель XXI века», то сам Бог велел нам выдвигать тех, кто прославит век нынешний! – говорила она.

Всегда приезжала на церемонии награждения в Москву, в ЦДЛ, приезжала буквально на несколько часов и сразу же уезжала домой, в Санкт-Петербург. График у неё был очень насыщенный и напряжённый.

Все мои настойчивые попытки оплатить ей хотя бы проезд ни к чему не приводили. Щепетильность у неё была удивительная – какая-то дворянская, из XIX века.

Служила литературе она бескорыстно и самоотверженно.

Н. А. Гранцева была почвенником, патриотом своей страны, мудрым и прозорливым человеком.

Однажды сказала мне: «Только враги России хотят видеть наше государство в пределах Московского княжества. За что же тогда боролись наши предки?!» Эта тема её всегда сильно волновала.

Я счастлив, что Наталья Анатольевна каждый год приглашала меня опубликоваться в «Неве». Я, коренной москвич, постепенно становился петербургским автором...

Она относилась к литераторам в высшей степени внимательно и доброжелательно. Но при этом была очень строгим редактором.

Я всегда старался оправдать её – именно её! – доверие. Работал над стихами и прозой. Многие стихи переписывал.

Моя основная книга стихов «Младший брат травы», которая вышла в 2023 году, посвящена самым близким моим людям, в том числе Н. А. Гранцевой. Она успела её прочитать.

Во время нашей последней встречи, там, на Ленинградском вокзале, Наталья Анатольевна сказала:

– Книга хорошо составлена. В ней много стихов, которые я люблю. Ничего не скажешь – мастер... Это точно заметил ещё Лев Аннинский. И я рада, что в книге много новых стихов. Я специально посмотрела по датам. Слава Богу! Значит, Вы восстановились после смерти жены и после ковидной больницы. Значит, интерес к жизни опять появился.

Мы строили планы на будущее. Она – по моей настойчивой и многолетней просьбе – составляла для нашего издательства книгу своих стихов.

Договорились также, что я сниму документальный фильм про юбилей «Невы».

– Приезжайте в Питер как потеплеет, ближе к майским праздникам, – предложила Наталья Анатольевна.

Так и решили делать.

Я проводил её до вагона поезда, и мы трижды на перроне обнялись. Очень тепло и сердечно. Как никогда – раньше.

Только сейчас я понимаю: она со мной просталась навсегда.

У неё было много учеников. И осталось много литераторов, которым она помогала, поддерживала своим вниманием и заботой. Но при этом она оставалась честной перед людьми. Не называла чёрное белым, не заводила любимчиков. На первом месте всегда был – текст. Качество текста.

Бесчисленные хозяйственные, организационные дела, конечно, занимали много её драгоценного времени. Но всё-таки творчество было на первом месте. Она смогла реализоваться в полной мере и как литературовед, и как поэт. Мне особенно дороги её стихи. Развивая некрасовские традиции русской поэзии, Наталья Гранцева писала:

Они воздвигли города,
Воспели подвиги и стройки,
И умирать пришли сюда –
Под сень контейнера, к помойке.

Был Беккет прав – конец игры,
Жизнь, как бездомная собака,
Её духовные миры,
Не глубже мусорного бака.

Вот милосердьё – в смрадной мгле:
Прогорклый хлеб и вздох окурка,
И на бутылочном стекле
Слепящий отблеск Петербурга.

Поэт (прошу прощения за трюизм, но здесь по-другому не скажешь) – зеркало общества. И не может делать вид, что живёт в «королевстве кривых зеркал». И не может не отражать то, что есть.

Стихов гражданского звучания у неё немало. И немало пронзительной, трепетной лирики.

Я точно знаю, что ещё придёт время, когда читатели осознают масштаб дарования Натальи Гранцевой.

Вечная светлая память!

Аминь.

Евгений СТЕПАНОВ

[ИМЕНА]

Леониду ГУБАНОВУ –

80 лет

Владимир АЛЕЙНИКОВ

МОЙ ДРУГ

С Губановым мы подружились – мгновенно и накрепко, так, что не верится даже сейчас, что такое бывало когда-то, а ведь было, действительно было, потому что было, наверное, кем-то свыше так решено, и не быть не могло поэтому, и сбылось, и осталось редкостным, небывалым, пускай и временным, столкновением-оттолкновением, неким сложным объединением линий двух параллельных, может быть, судеб двух, биографий двух, душ, всегда окрылённых, двух, – в самом начале неповторимой осени шестьдесят четвёртого. Среди молодых московских поэтов не было тогда, пожалуй, человека известнее, самобытнее, ярче. Не было, должен сказать, дотеле, покуда на столичном горизонте не появились и прочие звёзды минувших лет. Но я говорю – о заре. А Губанов на этой заре – был звездой, и этим всё сказано. В предрассветном небе – сиял.

Я приехал в Москву из провинции – и об этом сказали мне сразу же завсегда и всяких, в ту пору популярных, бесчисленных, шумных поэтических сборищ. Слава его – особенная, подчеркнута неофициальная, но зато уж прочная, – зародилась уже в те дни. Он много и с превеликой охотой, трезво понимая, что это способствует его популярности, мгновенно возникшей и стремительно распространившейся моде на него, читал свои стихи – везде, где только предоставлялась такая возможность, и совершенно всем, без особого разбора, кто выражал хоть малейшее желание слушать его, из любопытства ли, по причине ли действительно серьёзной любви к поэзии, или же следуя правилам, общим для многих в столице, хорошего тона, всем, кто настроен был слушать его. Авторское чтение его воспроизвести невозможно, это был поразительный сплав какого-то дремучего, древнего, вовсе не ведической, не просветлённой, а именно языческой, первобытной, смутной, туманной, лесной, бесконечно глухой стариной отдающего плача и совершенно детского, беспомощного, наивного, доверчивого, смущённого лепетания, возрастающего, от низов до верхов, на высоких тонах обречённо дрожащего, боязливого, но и бесстрашного крика и едва различимого, тихого, робкого шёпота, вдруг выплёскивающейся откуда-то изнутри, из души, из биения сердца, из сплетенья набрякших, пульсирующих, кровью творческой хлещущих жил, возникающей столь нежданно, по чутью, по наитью, исподволь, и свободно, привольно, уверенно разливающейся вокруг, очень русской и очень чистой, с колокольцами, с перезвонами, с перебором струнным, с раскатами, в никуда и куда-то, в невидаль, развивающейся, разрастающейся, разлетающейся, вдоль осени и на все на четыре стороны, в транс,

в ритме, в порыве, мелодии и немедленно завораживающего всех и вся, с монотонным таяньем, с недосказанностью и с тайною, с неким смыслом, открытым походя, позабытым тут же и сразу же воскрешаемым, чтобы помнился, чтобы длился, речитатива. Впечатление бывало оглушительным. Сравнить было не с чем. Слушатели буквально обалдевали. И круг приверженцев губановских в очередной раз расширился.

В молодые годы наши стихи на удивление хорошо воспринимались людьми с голоса. Почему было именно так? Что за звук им хотелось услышать? Что за свет им хотелось – за звуком – в беспредельной ночи различить? Видно, время такое было. И такую была – поэзия. Не случайно она звучала – и спасала, и жить помогала. Не случайно она вставала – над страной, сквозь мрак и хмарь. И вставало за ней – вниманье. А за ним – порой – пониманье. Вот что было – всегда за гранью. На Руси – было слово встарь.

Орфичность поэзии Губанова, её естественное, не скованное никакими рамками существование в стихии речи, – открывали счастливую возможность пластичной, много-смысленной, фонетически насыщенной структуре его стихов, их сочной, буйной плоти – и одновременно их одухотворённости, окрылённости, – восприниматься и усваиваться окружающими свободно, без натуги; эти весьма сложные тексты, которые читаешь с листа с достаточным напряжением, становились как бы органической частью природы, мира, ибо, сами полные движения, поневоле участвовали в движении жизни.

Несколько позже начали своё триумфальное шествие по всей стране и списки губановских стихотворений и поэм. Число этих самиздатовских машинописных сборников, понятное дело, не поддаётся никакому учёту. Многовековая российская традиция – оказалась на редкость живучей. Отечественные, весьма образованные и очень разборчивые, читатели – давно приняли пришедшегося им по сердцу поэта. Да, впрочем, и не только они. За рубежом и Губановым, и созданным им вместе со мной содружеством СМОГ, а соответственно – и творчеством каждого из нас, вот уже более тридцати лет всерьёз интересуются и издатели, и исследователи... Сентябрьским, полным шелеста листвы, утром шестьдесят четвёртого, в комнатке на Автозаводской, где я временно обитал, Губанов впервые прочитал посвящённое мне своё провидческое стихотворение:

– Здравствуй, осень, – нотный грот,
жёлтый дом моей печали!
Умер я – иди свечами.
Здравствуй, осень, новый гроб.
Если гвозди есть у баб,
пусть забьют, авось осият.
Перестать ронять губам то,
что в вербах износили.
Этот вечер мне не брат,
если даже в дом не принял.
Этот вечер мне не брат
за узду седого ливня.
Переставшие пленять
перестраивают горе...
Дайте синего коня
на оранжевое поле!
Дайте небо головы
в изразцовые коленца.
Дайте капельку повить
молодой осине сердца!
Умер я. Сентябрь мой,

ты возьми меня в обложку.
Под восторженной землёй
пусть горит моё окошко.

Уже тогда, восемнадцати лет от роду, он точно предсказал месяц своей смерти – я бы выразился резче: гибели. С абсолютной уверенностью говорил он, что проживёт тридцать семь лет. Так всё и вышло.

Когда сейчас читаешь его более поздние по времени стихи и видишь, как эта убежденность, это осознание рока, всё крепнут, обрастают подробностями, когда ощущаешь, что к смерти он был постоянно готов, что с трезвейшим пониманием неминуемого уложился в жёсткие рамки творческого двадцатилетия, что выложилась весь, без остатка, что отдал поэзии все силы, всю душу, всю кровь, самую жизнь, – становится не по себе.

Это не мистика, а дарованное поэту свыше умение видеть наперёд, – лишнее доказательство правоты и весомости поэтического слова, провидческого, пророческого дара.

Вне всяких сомнений, у Губанова был не просто выдающийся талант. Абсолютно убеждён, что с моим мнением согласится множество достойных людей в самых разных уголках земного шара, на пространствах которого, а не только в границах России, живут и долго будут жить губановские стихи. Таких поэтов, как он, – такого ранга, дыхания, лирического напряжения, эпического размаха, – единицы.

Губанов и СМОГ – понятия неразделимые. Морозным январским вечером шестьдесят пятого, в час важнейшей, исторической, как он выразился, встречи, одновременно и с налётом таинственности и с приливом откровенности, Лёня мне первому рассказал о том, что для осуществления нашей общей с ним идеи – сплотить молодых поэтов, прозаиков, художников, создать творческое содружество, – он нашёл точное слово. Слово это было – СМОГ. Казалось, это было как нельзя более ко времени. В Москве собрались тогда многообещающие силы. Нужны были – выход, действия. Все стремились проявиться в должном масштабе, утвердиться, окрепнуть. Ещё длился несколько затянувшийся раскат последней волны хрущёвской оттепели. Мы все, в достаточной мере, идеалисты, а скорее – просто из-за избытка чаяний, замыслов, ещё не осознавали, что вот-вот всё остановится, замрёт, что уже занимается бредовая заря брежневского безвременья, по-русски говоря – бесчашья, которая принесёт с собой столько горя, трагедий.

В кратчайший, отпущенный нам судьбою промежутком времени, перед тем, как страну сотрясёт шоковая терапия вандализма, террора, нивелировки общечеловеческих ценностей, поругания человеческого достоинства, а потом захлестнёт мгла бессмыслицы и полулетаргии, за которой будет ощущим близкий общий распад, – мы всё-таки успели сказать своё слово. Расплатились за него – искалеченными судьбами, а некоторые и жизнью. Но это – позже. А в ту пору, по нашим представлениям, перед нами открывалось великолепное будущее, причём всё зависело только от нас самих. И СМОГ начал своё существование. Чингисхан знал, что говорил: если ты хочешь, чтобы мысли твои запомнили, – не ленись их повторять. Посему – повторяю. Сознательно. Упрямо. Чтобы запомнили. Главное в СМОГе – плодотворное общение творческой молодёжи. Наши постоянные встречи, чтение стихов и прозы, споры, душевные беседы, открытия – были важны для всех. Приподнятость мыслей и чувств, жажда знаний – вот под какими знаками проходили эти бурные месяцы, куда СМОГ дышал, действовал, куда нас окончательно не задавили. Формирование характеров, утверждение авторитетов, умение совершать поступки – вот что происходило тогда. Число соратников, единомышленников – росло с каждым днём. Старшие представители тогдашней неофициальной культуры – поддержали нас, и сразу же. Что уж говорить о ровесниках! Студенческая молодёжь, да и вообще молодёжь, ищущая, энергичная, передовая, – считала нас своими. Так получилось, что именно мы стали выразителями её мыслей и настроений. Мы часто, очень часто, даже, порою, слишком уж часто, выступали

с чтением своих стихов. Нас – ждали, нас – очень ждали. И мы – встречались с людьми. И – читали, читали, читали. Особенно мы с Губановым. Выкладывались всегда полностью. То есть – работали на совесть, – и вдохновенно, и с трезвым пониманием всей важности событий. Но жертвенный наш порыв – был жестоко подавлен. Круг друзей – разомкнулся. Пришло – время долгих бед...

Леонид Губанов родился в июле сорок шестого года. Коренастый, ладно сбитый, подвижный, он казался живым воплощением клокочущей в нём энергии. Когда Губанов волновался или читал стихи, с лица его спадала обычная несколько тяжеловатая статичность, как будто он срывал разом маску. Серо-голубые глаза его распахивались доверчиво и широко, как бы излучая таинственный, идущий откуда-то из глубин язычества, ранимый, ясный свет. Позже под набрякшими веками поселились печаль, обида, недоумение, затравленность, ещё позднее – скорбь, твёрдое спокойствие, готовность ко всему.

Обаяние Губанова было чрезвычайно велико. Он мог надерзить, набузить, напроказить, но настолько искренним бывало раскаяние, что и прощение следовало незамедлительно, и недоразумение забывалось.

Он маялся один. Кругами колесил по Москве, по всем её кольцам – бульварным, Садовым, – он был окольцован столицей, закольцован, как певчая птица, вечно – в кольце историй, событий, драм или бед. Изредка, не всегда, тогда, когда удавалось, когда находились средства, а лучше – ещё и попугачик, а ещё, разумеется, лучше – когда сразу и то, и другое, – вырывался вдруг из столицы, из колец её, из кругов её, – в города другие, и – дальше, ближе к солнцу, к теплу, – на юг.

Наития, вдохновения – ждал всегда. Когда «накатывало» – исчезал, уединялся, – и появлялся у друзей со свежими вещами, читал их, чутко прислушиваясь к суждениям о новых своих стихах.

Губанова берегли, как умели, друзья. Будучи вовсе не ангелом по характеру, он вечно попадал в переплёты, с ним всё время что-нибудь да происходило – ужасное, или нелепое, или комичное, или такое, чему и определения-то сразу не подберёшь. Он был суеверен. И не просто суеверен, а гипертрофированно, сверх всякой меры, без всякого удержу, везде и всегда, в любую секунду, где бы ни находился, что бы ни делал, – то пугался, то радовался, то терялся в догадках: да что же это такое? – а то и, невероятно мнительный, окружённый целым роем своих, особенных, примет, загадываний, знаков, символов, как будто пчелиным роем, так и виделся – в центре этого вихря, роения, сам волчком закручивающийся в центре своих наваждений, предчувствий, своих, очень личных, условностей, за которыми видел, наверное, незаметную для других, очень странную, зазеркальную, несомненную для него, фантастическую, но и будничную, непрерывную, пёструю, донимающую и тревожащую, но всегда, тем не менее, – зримую, осязаемую ежесекундно, с ним давно уже, видно, сросшуюся, им давно уже, видно, принятую, без особых раздумий, явь. Он был – фаталист. Сознательно бросал себя в сложные ситуации, чтобы пройти ещё одно испытание на прочность. Загадывая нечто про себя, вдруг, сорвавшись с места, с тротуара, бросался наперерез мчавшимся по шоссе машинам; держась за прутья балкона, повисал на руках, на высоте седьмого этажа, а то и повыше; мог, очертя голову, ринуться в драку. Придя в себя, становился кроток, задумчив.

Разрушая все байки о якобы необразованности Губанова, свидетельствую, что был он как раз весьма образованным человеком. Он, пусть и не слишком усердно, не ежедневно, без всякой, конечно, прилежности, которой и в школе не особо-то отличался, но, зато – увлечённо, порывами, как-то даже восторженно, весь уходя в своё чтение, осознаваемое им как некое действие, весь, целиком, отдаваясь книгочейской, мальчишеской страсти, позабыв обо всём, обо всех, уединившись, запоем, очень внимательно, вдумчиво, целенаправленно, сосредоточенно, много читал. Великолепно знал русскую иконопись и фреску, западную и русскую живопись. Пусть не слишком уж глубоко, а, скорее, согласно с каким-то своим

настроением, а потом и с желанием вникнуть в существо увлекающей страсти, подумать, понять, а потом – изучая, пусть – то, что, наверное, совпадало с теми, творческими, частотами, на которых один он работал, со стихами его, со звуком их, – разбирался и в музыке.

Избранный им раз и навсегда независимый, вольнолюбивый образ жизни как нельзя более кстати подходил для необходимых занятий по самообразованию. И он дорожил свободой – для труда, для духовного совершенствования.

Издаваться на Западе, несмотря на всяческие, иногда и заманчивые, предложения, отказывался – верил, что издадут и на родине. Но издания зарубежные – разумеется, были – пусть и нерегулярные, хаотичные, клочковатые, без разбора, без всякой системы, по кускам, по частицам, по крохам, как обычно – неведомо где, и какими путями – кто знает, и всегда – некстати, с последствиями, о которых и вспоминать-то нынче слишком уж тяжело, и без всякой радости, праздничности, где-то там, совсем далеко, не увидишь, не прочитаешь, ничего не знаешь порой, где там что-нибудь появилось, – как в другом измерении, словно на планете чужой, в пространстве, в те-то годы, непредставимом, – были, были, – за двадцать-то лет, со времён смогистских ещё, на чужбине, – были издания – без его, разумеется, ведома, точно так же, как и у прочих, никогда не бросавших родину, выживавших, как уж умели, на родной своей почве, спасающихся только творчеством, только горением, верных речи, верных призванию, сквозь невзгоды к свету стремившихся, поредевших его друзей.

Губанов стоит в ряду таких русских поэтов, как Кольцов, Некрасов, Клюев, Есенин, Павел Васильев, Клычков. Но его очень русское по духу творчество, в силу своей жёсткой привязанности к трудному времени, уже и какое-то иное, совершенно другой музыкой звучащее, и речью, связанной с прожитым им, отпущенным ему, временем, которое мёртвой хваткой держало его, не давая ему возможности встать над ним, несколько отстраниться от него, чтобы видеть его по-особому, – но всё это мне ещё трудно выразить...

Как бы там ни было, был он поэтом – изумительного дарования.

*Нина
ДЪЯКОВА,
Чехов,
Московская обл.*

НА ВЕТРУ

С Беломорья тянет солью,
А над Северной Двиной
Рыщет ветер своевольный,
Спорит с чёрною волной.

От Поморского предзимья
Мы тепла уже не ждём.
Повисел туман в низинах –
Значит, будет снег с дождём.

Мы уже не станем слушать
Сводки метеобюро:
Запахни пальто получше –
Простудиться нехитро...

И совсем уж безрассудно –
Обниматься на ветру.
Но уйти сейчас нетрудно:
Мне – на поезд поутру,

Или вечером... Неважно!
Осень поздняя – пустяк.
Пахнет солью ветер влажный.
Всё пока оставим так...

ОСТРОВ

Вместе нам легко и просто:
То смеёмся, то молчим...
Есть у нас заветный остров,
Где мы прячемся в ночи.

Держит старенькая лодка
Наудачу два весла,
Только б выдалась погодка,
В нужный час не подвела.

Камышами пахнет остро,
Что вдоль берега шуршат...
Есть у нас с тобою остров,
Где так радостно дышать...

Где беспечно и сонливо
Прянет к нашему костру
Ветерок неторопливый,
Да уляжется к утру.

Хорошо листвою пёстрой
Вдоль по берегу брести,
Хорошо, что этот остров
Можно в сердце унести:

И до тоненькой травинки,
До рассветного луча –
Всю в подробностях картинку
В люльке памяти качать.

СЛЕД

Ничего не осталось... Вернёмся ли снова мы?
Вон берёзы полощут ладошки в реке,
И давно уже нет нашей лавочки сломанной,
Лишь зарниц полыхание там, вдалеке...

Ничего не осталось... Туманы полынные
 Мутным пеплом заносят остатки дорог
 Там, где руки отца пахли спелой малиною,
 Там, где гладил волну молодой ветерок.

Где медово струилось парящее марево
 Над полуденным лугом в кипрейной пылице,
 И весь мир любовался сиянием маминым
 В крепдешинном платье – на старом крыльце.

Ничего не осталось в неистовой замяти?!
 А тропинка? А речка? А солнечный лес?!
 Ещё живы и мы с нашей верой и памятью!
 Без следа ни один не ушёл. И никто не исчез.

* * *

Чего нельзя, что можно нам –
 Сама пойму. Сама...
 То сердце растревожено,
 То в мыслях – кутерьма.

То – сторонимся истины,
 Надежды гоним прочь,
 То на случайной пристани
 Бросаем якорь в ночь.

То ворожба сбывается,
 То бьёт с размаху ложь.
 И сердце снова мается...
 Да что с него возьмёшь?!

* * *

Вот порадуя печалью
 Всех своих врагов!
 Я счастливой быть не чаю,
 Друг мой дорогой.

Вновь не спится до рассвета,
 Но тебе ль не знать:
 От привычки давней это –
 Окна раскрывать.

Нараспашку, настезь рамы,
 Чтобы дождь с утра
 Приходил ко мне дворами
 И шептал: «Пора...»

Как особенная милость –
 Мыл бы карагач

И цветы, что запылились.
 И ворчал: «Не плачь...»

Чтобы каплями по краю
 Зонтика свисал:
 «Ты же девочка большая,
 Ну, не раскисай...»

* * *

Ты не вспоминай меня,
 Не тревожь, не жди, не кайся,
 Отрекаясь – отрекайся,
 Грусть на радость поменяй.

Разъезжаются пути:
 Мы с тобой не стали ближе.
 До лукавства не унижу –
 Не скажу тебе: «Прости...»,

Ведь твоя не в том беда,
 Что изменчив, словно ветер...
 А такой любви на свете
 Ты не встретишь никогда.

Двери крепко затворю,
 Плотно окна занавешу,
 И соперниц не потешу,
 И гордыню усмирю.

Хоть стеной, хоть не стеной,
 Всё осталось за плечами...
 И бессонными ночами
 Ты меня – не вспоминай.

*Валентина
ЕРОФЕЕВА,
Подмосковье*

* * *

Замёрзшая звезда
Тяжёлыми лучами
Уставилась тревожно
На спящие поля.
И стылая земля
С унылыми столбами
Безбожно одинока,
Безжалостно слаба.
И если б в это время
Рукою безобразной
Пытался бы разрушить
Злой дух весь этот сон.
Удачнее мгновенья
В жестокости желаний
И не сыскал бы он.

Но человек, застывший
На холоде вселенском,
На холоде межзвёздном,
На холоде земном,
Устал в переживаньях,
На всё махнул рукою
И побежал согреться
В знакомый еле-еле,
Но в добрый тёплый дом.

* * *

Не уезжай! Повремени...
Побудь со мной, чтобы остаться.
Чужие грёзы отгони,
Пускай к другим они стучатся.

К тем, кто не так вращается в плоть
Земли родной, её изломов
И неприкаянности. Хоть,
Где нам беспечнее, чем дома?

Где слаще нам? И где нежней,
Ночной прохладой околдован,
Поёт нам в роще соловей,
Любви желанием окован?

Не уезжай! Повремени.
Чужое – поросло крапивой,
Там дольше ночи, стылы дни.
И ты не будешь там счастливым.

Не уезжай! Повремени...

* * *

Ушла туда, куда должна уйти,
Где предначертанность и куст терновый,
И от болотной зыбкости пути
Лишь желтоцвет вдали большеголовый
Сияет глазом на прощанье мне.

Не буду больше – разве что во сне –
Так маяться чужими именами
И плакать в ночь усталыми слезами
О том последнем – или первом – дне.

И воспарившему прощенье будет свято,
Иль гибельно?.. Но там уж всё равно...
И выбора здесь нет, как нет возврата.
Лишь свет небесный – в стылое окно.

* * *

Мир расширился взрывом тебя
Где-то там высоко-высоко.
Белый Ангел, ещё не трубя,
Даст пожить нам светло и легко.

Я сниму с тебя тени размах,
Отведу и отброшу в костёр,
Дымным ветром развеется прах,
Тихий мы поведём разговор.

Шелест лип он впитает в себя,
Ароматом пропахнет цветов.
Невозможностью жить не любя
Переполнится мир до краёв.

* * *

Пером тончайшим, лёгким скоком,
Бумаги впитывая пламя,
Недрёманным сияя оком,
Бежит строка под небесами.

И в синеву уставшей дали,
В чужое стойкое предзимье
Волной врывается печальной –
Всё зыбкое, всё позабыто.

Исчезли звоны ночи дальней,
Окна распахнутого ветер.
И шёпот надысповедальный,
И ненасытно быстротечный.

Исчезло марево рассвета,
Закат восторженный утих,
И обернулось в осень лето,
И прозой обернулся стих.

Но так бессмертна ритма сила,
Так бесконечна, так вольна,
Пером легчайшим возносила
И, вознеся, не уронила,
Лишь только голову вскружила
На веки вечные она.

* * *

Город выморочно спит,
По-еврейски рад субботе:
Ночью был жестоко бит –
Грозна Господа забота.

Разверзались небеса,
Светом ярости сверкая,
И крушили тела
Смаху – с края и до края:
Накрошили дерева,

Стародавни и высоки,
Под которыми трава
Жадно их желала соков;
Накрошили стёкол сток,
Окна, форточки разгрохав,
Стрёкот выкрошив сорок,
Обезумевших от хлопков,
Взрывов, грохота небес,
Долго, страстно бушевавших,
Словно в них вселился бес,
И Господь ему прощал всё,
Чтоб безумия рукой
Навести порядок в мире,
Привнести в него покой,
Сад Эдема в нём расширя...

Утро. Выморочно спит
Город, ливнями умытый.
Он устал. Взъерошен. Бит.
И урок – уже забыт им.

* * *

Ты был мне послан до того,
Как самому явиться миру.
И мою утлую квартиру
Насквозь пронзило торжество
И боль вторженья.

Жизнь моя
Остановилась на мгновенье
И замерла, ища спасенья
В разбитой чаше бытия.

В ней всё смешалось:
Там осколком блистало милое лицо,
В пыли валялось кольцо,
Над пирсом море измывалось,
Турецкий берег там вдали
Трепал родные корабли...

А ты сиял. И нестерпимо
Сиянье это до сих пор.
И только мимо, мимо, мимо
Судьбы священный приговор.

Но послан ты.
И я – твоя.
И Бог – единственный судья.

Ольга
ЕФИМОВА,
Москва

* * *

Отец Андрей надел фелонь. Внезапно в горле запершило. Терзаем смутною виной, он чувствовал себя паршиво, встречая благодатную рань и с мыслями собраться силясь. Ладони холодила ткань и мягким золотом светилась.

... Она вбежала в тёмный храм: на всеобщей тушили свечи; тонка – натянутый вольфрам, дрожали сторбленные плечи, потёрся на губах сухих блеск вазелиновой помады. Дверь хлопнула. Народ притих. Погасли свечи и лампы. Рассеялся белёсый дым от серебристого кадила.

Она же бросилась к нему и крепко за руку схватила. Вцепилась в локоть: как мешок, повисла, глухо причитая. Зелёный старенький платок, седая чёлка завитая... Окаменел десяток лиц: чего ей надо, приставале?

– Отец родимый, помолись... внучка-то мобилизовали...

Священник руки опустил – кольнула в подреберье жалость. Сдержатъ себя хватило сил – кивнув, чтоб служба продолжалась, шепнул ей, слышимо едва, покуда дьяконы базили:

– Вон там, в углу, стоит вдова.

Сапёром был Герой России.

* * *

пара сухих рук
держат простой крест.
еле живой дух
этих глухих мест.

тёмен седой храм.
рядом идёт бой.
– Сил ниспошли нам!..
– Выживи там, свой.

дьякон вознёс глас.
горстка седых баб
молит: – Спаси нас!
слаб человек, слаб.

копоть сквозных дыр.
сбита с петель дверь.
лишь бы настал мир.
бойся. проси. верь.

* * *

сыпется по небу звёздный бисер, шаркает медленно лунный лапоть.
снова не спится. нет с фронта писем. время беззвучно в подушку плакать.
там, вдалеке, спит земля сырая, будто солдатам раскрыв объяття.

...стукнули форточку, замирая,
с шелестом тихим: «все люди – братья»

ветви, взъерошены ветром южным:
тополь – как витязь на перепутье.

что ж не живётся ребятам дружно?
– Ты же сказал нам: «как дети будьте».
Господи, сжался, мы – злые дети, лупим друг друга, зайдясь от плача.
выдать бы каждому по конфете...

только я знаю, кто первый начал.

...мы так легко и внезапно смертны: горше полыни святая правда! –
шквальным огнём русский мир от скверны чистит полуночный залп из «Града».

небо чернеет от вражьей злобы, курская степь, как сигарка, тлеет.
Бог попустил это, чтобы... чтобы... нет, я не знаю. Ему виднее –

глупым детишкам вlepил пять двоек – дата расплаты неотвратима:

лютый февраль, обaгрённый кровью.

огненный год водяного тигра.

* * *

Екатерине Минорской

бел, будто пух лебяжий,
майский вишнёвый снег.
женщина в камуфляже.
сумерки. дальний свет.

чёлочка – дерзкий рыжий.
рытвины. путь далёк.
тем, кто сегодня выжил,
хоть и чуток поблёк

в грохоте перепалки,
но на своих двоих –
тонна гуманитарки,
старенький грузовик.

вьётся ужом дорога,
муторный скрип руля:

– ну, потерпи немного,
ласточка ты моя,

смерть ворошит щебёнку, –
долог ли твой полёт? –
смачно плюёт вдогонку,
холодом обдаёт.

восемь часов надёжи –
не тормози, держись...
...с болью в ногах затёкших
выйдет к ребятам жизнь,

будто гопак запляшет,
радостна и хмельна...

женщина в камуфляже.

маленькая война.

*Геннадий
ЁМКИН,
Саров,
Нижегородская
обл.*

* * *

*Белый ангел этой полночью
Моего увёл коня...*

Сергей Есенин

Всё закатное узорчье
Погасив на склоне дня,
Тихо ангел вывел полночью
В небо белого коня.

Ходит конь, копыта звонкие
Погружая в небосвод,
Звёзды с лучиками тонкими –
Где наступит, там зажжёт.

Ходит конь и не торопится,
Понужденья ему нет.
Грива у него золотится –
Золотистый сыплет свет.

А когда заря протóчится –
Ты будить меня не тронь!
Мне и видеть только хочется –
Ночью в небе белый конь.

О СЛОВАХ

Не купил. Не смыслы вывихнул,
Не украл. И не нашёл.
А, казалось, – просто выдохнул.
И сказали – «Хорошо!»

Но крутили всё же, мерили.
Что такое? Расскажи!
Оказалось – не материя.
Оказалось – часть души.

МОРОЗНЫЙ ВЕЧЕР НА РОДИНЕ

Дмитрию Шмарину

Небо к вечеру, подморожено.
А закат бледно-розов и жёлт.
Солнце, ягодою-морошиной –
Тро-о-нет краешком горизонт...

От него-то, правее, к северу –
Шарья, Вологда, да Устюг.
А левее (давно проверено!)
Сочи, пальмы, мимозы – Юг!

Не обидеть кого, не нарочно бы,
Даже малостью самую, вроде бы...
В нашей снежной Нижегородчине,
Всё-то лучше!
Однако – родина...

Взять вот, небушко – подморо-о-жено...
Горизонт бледно-розов и жёлт.
И мороженою морошиной
Солнце тронуло горизонт...

* * *

Словно, надев панагию
Солнца на жёлтых лучах,
Шёпоты льёт золотые
Полдень в покои дубрав.

Смотрят берёзы подружки –
Ветер, как тот пономарь,
Тихим примерил опушкам
Осени светлый стихарь.

Только и слышно-то – ходит
С дудочкой (сколь же чиста!)

Песни за дудочкой водит
Мальчик со взглядом Христа.

КОМНАТА

В этой комнате – келье как будто –
Я, признаться, живу нелюдим...
И ценю из добра и уюта
Лишь киот да свечу перед ним.
Я живу в ней без лишних вопросов
И прошу только то, что дают,
При свечах необычного воска,
Если те у киота встают.
Гость придёт. И о том, что неброско
Я живу, что же, пусть говорит.
Но уйдёт, и душевного воска
Свечка пламенем слова горит.

УЛЫБКА

Эта женщина в строгом,
Что у Спаса стоит,
Помолилась. И с Богом
Говорит, говорит...
«Святой Боже! Устала,
Потерялась в грехах».
И баюкает малого
Перед Спасом в руках.
За большие ли, малые
Прегрешенья хлопочет?..
А ребёнок, как ангел,
Видит Бога воочию.
Просит женщина в робости
Всей душою и сердцем!
И прощает ей Господи,
Улыбаясь младенцу.

Давай-ка уж не тупи,
Идёт двадцать пятый год,
Мы звенья одной цепи,
Которую кто-то рвёт.
Уверенно били в гонг,
Но кончилось это, ёк.
Не царский теперь подгон,
А просто сухой паёк.
Чумной разгулялся пир,
А пленные – у стены.
И кто-то сказал, что мир
Дороже любой войны.
Давай-ка ты не тупи,
В пути пригодится нож.
Останься один в степи
На юге и всё поймёшь.

Бились со своими и чужими,
И своих почти не оставалось.
Сок из крови лучшего отжима
Сбыли, ничего не оставалось.
Воевали с небом, с вражьей птицей,
Что клюёт нас ворона больнее.
Мать родна война. Гуляем с нею
Словно вдоль пруда с отроковицей.
На кого она теперь похожа?
Кнопки нажимать нужна сноровка.
Контурные карты – эта кожа,
Новая на ней татуировка.
Я закончил жизнь и стал снарядом,
Я летаю, выбираю цели,
Я невидим, не ищите взглядом,
Думайте, что птички прилетели.
И курите мирно у окопа,

Смелые brutальные мужчины.
Всех накрою, всех достану скопом,
Не гуманно? Пусть. Гуляй, рванина!

* * *

И что мне делать, если время
Во временной ушло провал?
В Америке вручают Грэмми,
Чтоб я её зарифмовал.
Течёт из баров боль людская,
Не помогает антидот.
А где-то Герда ищет Кая,
Но в новости не попадёт.
А попадут бомжи, убийцы,
Иноагенты... Что не так?
Нам современностью упиться
Предложено – не то в пятак..
А время, всех на ноль помножа,
Плывёт по Лете в стиле брасс.
Зачем Рембо читать? Смешно же
Смотрите Рёмбо в сотый раз.
Хотя и Рёмбо, на помойке,
Одна действительность кругом,
Речной трамвай спешит по Мойке,
Не в дом тринадцать, а в дурдом.
Любая речка станет Летой,
И нам придётся на причал
Идти с каким-нибудь скелетом
Под ручку. Лишь бы он молчал.
Потом заставят пить из Леты,
Чтоб кануть в Лету, – это «гут».
На берегах речушки этой
Бесплатно раздают фаст-фуд.

* * *

Каждый народ достоин своей участи.
Монтескье, «О духе законов»

К поэзии присосались клещи
Жалами недоделанных ариев,
И теперь её – ищи-свищи,
Но это – без комментариев.
У каждого – свой сменщик,
Друг другу орём: – Долой их!
Войско становится меньше,
Зато – удалое.
Самаритяне вцепились в плащи,
Не хотят объединения пролетариев.

В поэзию вцепились клещи,
Но это – без комментариев.
Осенью кончаются войны,
И на сцену выходят рантье.
И мы как всегда достойны...
Далее читайте у Монтескье.

* * *

Мне сегодня приснилось: в нашей стране
Остались только нормальные: во на чё!
Никто не корчится: «Нет войне!»,
Никто не призывает Виссарионыча.
Просто люди изобретают лекарства,
Пишут сценарии, бум фантастики,
Это не Россия, тридцатое царство,
Не заслужили. Заслужили ужасики.
Техасскую резню бензопилой заслужили...
Губы теней на вкус горьки,
Столетия тянем из себя жилы,
Ими же душим себя от тоски!
Что остаётся? Сны вещие,
Сны пророческие, просто сны.
Нет человека. Есть человечество.
Вы этому факты удивлены?

Мы же русские! С нами же Бог!
Он военных идёт провожать на вокзал,
Виссарионыч это твёрдо знал, назубок,
И даже академик Сахаров знал.

* * *

Герои гуляют по плитам,
А боги гуляют по скалам,
Затем, чтоб в театре Ла скала,
Пропеть то, что Вагнер велит им.
В Валгалле свирепствует Один,
Предчувствуя волка Фернира,
Миланское дерби сегодня,
На поле выходят кумиры.
И боги сидят на трибунах,
Болеют, кричат иступлённо.
И Вагнера новые гунны
Рисуют на чёрных знамёнах.
Но что им татары, монголы
И русские, то – оборванцы.
Без оперы и без футбола
Прожить невозможно миланцам.

Когда над Сан-сиро клубится
Осадок ничейного матча,
Героям положена пицца,
А Боги утешатся матча,
Японским забористым чаем,
Который, как все мы, случаен,
И только ничья беспримерна,
Логична и закономерна.

* * *

Поэты что-то перепутали,
У каждого – заклятый враг.
Собрали б лучше чьей-то утвари,
Помозговали б, что не так.
Чужая утварь нам для памяти,
Что пребывают нынче в яме те
Кто яму рыл, дрожа от ярости,
И не дожил до мирной старости.
Смотрю с тяжёлым сожалением
За их нешуточной борьбой.
То не сумо – самосожжение,
А спичкой чиркнет сигма-бой.
Жалею: не вернётся времечко,
Где Кинчев, Гребень* и тоска.
Где выпадало чаще тем очко,
Кто проигрался в дурака.
Когда мы думали, что Генуя
Фиеско выбрало из всех,
Когда мы думали, что гении
Плюют, как семечки, успех,
А у забвенья руки цепкие,
А у кумира голос лжив.

* Иноагент.

И Гумилёва строки терпкие
Учили, будто бы он жив.
Гордясь надеждами, как путами
Мы постоянно ждали счёт,
Пока поэты не попутали
Рамсы и что-нибудь ещё.
Слова бессмысленны, что кружево,
Глодает санкции «Шанель».
Один сказал: – «Прощай, оружие!»
Другой сказал: – «Бери шинель».

* * *

Уходящая натура,
Выходящая за рамки,
Нынче всё – макулатура,
А стихи мои – подранки.
Нам свободу обещали,
Но закручивают гайки.
Быстро в очередь за щами
Все бомжы и попрошайки,
Быстро в очередь за грантом,
Активисты, пофигисты,
А стихи мои – подранки –
Не ершисты, неказисты.
А умелец режет грушу,
Чтоб не кончилось застолье,
Столько раз продали душу,
Что не поняли за сколько.
Нет свободы, есть свобода,
Тот же самый будет вывод.
Не встречай её у входа,
Может статься, это выход.

*Геннадий
ИВАНОВ,
Москва*

ГЕРОЮ

Много туч собралось над страной –
Разминуться не вышло с войной.
Много бед опустилось на плечи...
Не спасут разговоры и речи.

И тогда ты встаёшь во весь рост,
Весь – от мозга костей и до звёзд –
За Россию! За правду народа!
В этом воля твоя и свобода!

В этом сила твоя и твой дар!
Это ты взял вчера Угледар!
Это ты нас к победам ведёшь.
Это ты всё, что надо, возьмёшь!

О ПРОПАВШЕМ БЕЗ ВЕСТИ ПОЭТЕ

Мы оба с ним из северного края.
Он в сыновья вполне годился мне.
Случайно или уж судьба такая –
Он вдруг пропал на СВО-войне...

Он был живым и числился в пехоте.
Пошёл он добровольцем воевать.
Ни в списке пленных, ни среди «двухсотых»...
В каком же списке нам его искать?

В его стихах и мужество, и воля.
Его душа тянулась на Донбасс.
Известно только место боя – поле,
Снарядами изрытое не раз...

Вполне возможно, где-нибудь в воронке,
Землёй засыпан, он сейчас лежит.
И никогда не будет похоронки.
Земля немало воинов таит.

Но, может быть, его найдут однажды,
И сыновьям вручат его жетон...
Мы будем помнить, что он был отважным,
Был настоящим патриотом он.

Мы обнялись тогда с ним на дорогу,
И я его перекрестил тогда...
Он был решителен, и уходил он строго.
Таким его запомнил навсегда.

* * *

Мы далеко от пуль и от огня,
А где-то взвод
В ночи на штурм поднялся.
Они идут на штурм и за меня –
За всех, кто за спиной у них остался.

Они хотели б тоже мирно жить...
И как же мы должны их всех любить,
За них молиться и гордиться ими.
И нам они приходятся СВОИМИ!

* * *

Пролетела бабочка, как в сказке.
Распустились флоксы поутру...
А кому-то броники да каски,
Да бои тяжёлые в Яру.

Лето, лето... А кому-то горе.
А кому-то маяться в плену.
Чтоб не жить нам в рабстве и позоре,
Мужики уходят на войну.

Кто вернётся, кто-то не вернётся.
Вдовы молодые, детвора...

Многим эта доля достаётся –
Плакать ночью, тосковать с утра.

Нынче очень жаркая погода.
Не спасают тени и дома.
Лето, лето... Это время года
Холодней кому-то, чем зима.

* * *

Облако с профилем Пушкина движется

мимо.

Силы небесные нашего Пушкина чтут.
Сколько нас пишет и трудится неутомимо,
Только немногих небесные силы учтут.

Пушкин божественный!
Пушкин живой и всесильный!
Пушкин любимый
От сказок до горестных строк!
Он и величественный, он и умильный...
Мудрый, конечно!
Всегда его слово нам впрок!

Облако с профилем Пушкина где-то растаяло.
Мне это облако светлую память оставило!

* * *

Один на один с этой долгой зимой.
Один на один с непроглядною тьмой.
А где моя радость, любовь и жена?
Немного бы выпили с нею вина.

И поговорили про это, про то...
Сыграли бы в шашки, а может, в лото...
Она далеко – где божественный свет!
Она мне порой посылает привет.

* * *

Фёдору Конюхову,
чтобы общаться с Богом,
чтобы истинно исповедаться
и помолиться,
надо искать
смертельную опасность –

Он редко доходит сюда, до земли...
Теряется где-то в небесной дали.
Три года уже без неё я вдовец,
Но верю в бессмертие наших сердец.

И это спасает, и можно терпеть –
И с вьюгой на пару свистеть или петь...
И это спасает, и это ведёт...
В любую метель
И в любой гололёд...

* * *

У Бога смерти нет...
У Бога есть разлука.
Есть тот и этот свет –
И есть разлуки мұка.

Душой ты нынче пуст.
Мы вместе. Но заочно.
И есть сорокоуст
Как наша связь и почта.

* * *

Осень смотрит в моё окно –
не тоскую ли, думает.
Нет.
Не тоскую, не пью вино,
жизни пламенный шлю привет.

И она пламенеет вся,
эта жизнь за окном.
Листья клёна, на ветках висят,
жёлто-красным горят огнём!

Вся-то жизнь видна из окна.
Без печали видна уже.
Где любовь моя? Где она?
Вся в душе она, вся в душе!

подниматься на Эверест,
идти на лыжах к Северному полюсу,
облетать Землю на воздушном шаре...
Но лучше всего
это у него получалось
в бушующем Южном океане,
когда на вёсельной лодке, один,
он переплывал этот океан –
он шёл к мысу Горн
«ревущими сороковыми» широтами...
Шёл самым опасным в мире
проливом Дрейка,
который называют кладбищем кораблей...
Когда он погибал
под бушующими ураганскими волнами –
он молился, молился, молился...
И обещал Господу Богу и Николаю Чудотворцу,
что если спасёт его Бог,
то поставит он новые храмы
и часовни в России.
Он уже поставил их больше двадцати..

Великий человек, великая вера!
Ему мало житейского моря,
где барахтаемся мы.
Но что же делать...
Господь избрал его.

Хотя и в житейском море
немало смертельных опасностей...
Но мы к ним как-то уже привыкли.

*Геннадий
КАЛАШНИКОВ,
Москва*

* * *

Вдоль по обочине грязи брильянты,
мёрзлых полей домотканых холстина,
солнце сквозь облако, как у Рембрандта
крепкая пятка блудного сына

Манят поля, эти пажити, просеки,
красный, немного всплакнувший суглинок,
венецианские синие проблески
с охрой голландской, фламандским кармином.

Было легко и с водою проточною,
с ветром от стужи сутулым и пьяным.
Время струилось часами песочными,
жизнь прошуршала по колбам стеклянным.

Всё позади – и вокзалы, и палубы,
угли костров и остывшие клятвы
на горизонте леса словно жалобы –
так же случайны и также невняты.

В общем, ни прибывало жизни, ни убыло,
да и неважно, чуть больше, чуть меньше,
чтобы в хламиду отцовскую грубую
крепко уткнуться лицом помокревшим.

* * *

Ветер снова несёт в никуда
облаков кучевые одонья,
и трепещет поверхность пруда
под его ледяною ладонью.

Это пруд, это лист с желтизной,
здесь воды опускаются веки.
Это все остаётся со мной
и уходит куда-то навеки.

Кто-то пёстрой листвою шуршит
и торопится следом за мною.
– Не спеши, – говорю, – не спеши...
Оглянусь – никого за спиною.

* * *

В притихшем парке вдалеке
оркестр играет под сурдинку,
моторка на Москве-реке
стучит, как швейная машинка.

Мне жаль осеннюю швею,
она весь день кроит, кромсает.
Твою судьбу, судьбу мою
швом сострочить не совладеет.

Струят последнее тепло
сухие плиты парапета.
Спрошу – и не дождусь ответа,
и лето в Лету отошло.

Над попрозрачневшей водой
под тонким небом серебристым
мелькают велосипедисты
по эстакаде ветровой.

Они промчатся в даль и в тень,
и в колесе сольются спицы.
Запомнить музыку и день –
он никогда не повторится.

* * *

Последний трамвай, золотой вагон, его огней перламутр,
и этих ночей густой самогон, и это похмелье утр,
как будто катилось с горы колесо и встало среди огня,
как будто ты, отвернув лицо, сказала: живи без меня, –
и ветер подул куда-то вкось, и тени качнулись врозь,
а после пламя прошло насквозь, пламя прошло насквозь,
огонь лицо повернул ко мне, и стал я телом огня,
и голос твой говорил в огне: теперь живи без меня, –
и это все будет сниться мне, покуда я буду жить,
какая же мука спать в огне, гудящим пламенем быть,
когда-то закончится этот сон, уймётся пламени гуд,
и я вскочу в золотой вагон, везущий на Страшный суд,
конец октября, и верхушка дня в золоте и крови,
живи без меня, живи без меня, живи без меня, живи.

* * *

Здесь, в промзоне, где тени остры и узки,
где бесцельно-причудливы все закоулки,
эти травы сквозь щебень, щелей сквозняки,
эти ржавые прутья и эти куски штукатурки.

Здесь беззвучно пылает огонь-флогистон,
полыхает, кипит, ничего никогда не сжигает.
Это бывшее всё, замирающий стон или звон,
Прототип чего нет и чего никогда не бывает.

Это лежбище лёгких, не алчных добыч,
словно бродишь в распахнутом настезь сезаме.
Это жизнь после жизни, лишь рыхлый кирпич
безучастными красными плачет слезами.

Здесь дыханье Капотни, Бирюлёва дымы,
небеса изукрашены мелкою зернью.
Здесь градирни устойчивы, трубы прямы
и московские реки уходят под землю.

Здесь чернеют меж прочих неясных вещей,
что безропотно приняли нравы суровых развалин,
очертанья могучих остывших печей,
многоцветные сколы шершавых окалин.

Это список утрат, безвозвратных потерь каталог,
что обёрнут густой, золотой мишурой паутины.
Не найдётся того, кто осилить бы мог
пролистать его весь иль хотя бы до середины.

Почему мне так близок твой тесный простор,
 почему так понятен угрюмый твой образ?
 Здесь так кротко молчат, никому, ничему не в укор,
 эта цвель, эта прель, безнадежные завязь и обрезь.

Вот и смотрит душа и всегда, и теперь
 в этот сумрак безглазый, стозевный, безликий,
 в эту вечную полуоткрытую дверь,
 по которой взбегает тугая спираль повилики.

* * *

Сутулый поплавок в воде увяз по плечи,
 намечен чуть пейзаж откосов и лугов.
 Какой-то ночедень – не утро и не вечер,
 запаяна вода по кромке берегов.
 Откосов и лугов, узлов и тайных петель
 не отразит вода недвижимой реки.
 Все снасти, все крючки, все невода, все сети,
 насторожившись, ждут – все снасти, все крючки.
 Всё сбудется, придёт, всё вновь на место встанет,
 забудется, уйдёт и унесёт с собой,
 останется, пройдёт... О, это трепетанье,
 удилице творца согнувшее дугой.

* * *

Я не знаю: не сплю или всё же уснул,
 если сплю, то тогда мне снится
 чистая, как поле под Тулой, страница,
 если сплю, то к столу притулился стул
 и больше не шевелится.

Это комната. У столов и стульев нрав и повадки угрюмы,
 не то – буфет, с его перезвоном рюмок,
 или комод, где ты сберегла
 ворох пёстрога барахла.

Если сплю, то ни хмур, ни весел,
 по широкой реке в лодке плыву без вёсел.
 По реке в лодке – впрочем, я и не против, –
 ни хмур, ни весел. Скорее – по, чем – против

течения. Дремлю, сидя у трапа на чемодане,
 я покинул комнату, и, едва переведа дух,
 вещи начали говорить о том, о чём никогда не
 решались при мне говорить вслух.

А на реке крякает селезень, зудит слепень, молчит слизень,
так, словно талой воды набрал полон рот,
и здесь даже самая точная мысль о жизни
отражается и становится мыслью наоборот.

Мысль о жизни вручную перемалывает время в деньги,
по сторонам не смотрит, сама собой до краёв полна,
и о том, что бессонница – это *modus vivendi*,
ей расскажет флора, растущая в урочищах и по обочинам сна:

валериана, шалфей, зверобой, пустырник,
окопник, сабельник, мак-пустоцвет не в счёт,
иван-чай, цикорий, укроп и любой кустарник
распаривается, заваривается, настаивается и идёт в ход,

шелестит в изголовье, шуршит в изножье,
ночной птице и всяческой фауне даёт приют.
А река всё течёт, передёргивая озябшей кожей,
меньшие братья пищевые цепочки куют.

Ладно, пусть волки хвастаются, хвастаются, хвастаются клыками,
Пусть ворон точит, точит, точит свой клюв о камень,
А ты, ночная птица, сипи, сипи, сипи:
Гена, не спи не спи не спи не спи...

*Сергей
КАРГАШИН,
Москва*

Елене Бурмистровой

Ты – душистая ветка сирени,
Невесомая мягкая россыпь.
Что ещё? И душа в смятении.
Взбаламутить её так просто.
Ты – моя предрассветная песня!
Сколько лет – ни намёка, ни звука,
А сегодня – само поднебесье
Мне тебя посылает в руки.
И пускай я – рассыпанный иней,

Ты коснёшься – и я оттаю.
В кружевах перепутанных линий
Ты моя золотая прямая!
Я твоё не спугну цветенье,
Я умею быть нежным и мудрым.
Ты – душистая ветка сирени
На раскрытых ладонях утра...

Там было другое солнце.
Другая совсем трава.

Там змеи, свернувшись в кольца,
Шипели, завидев едва.
Там рвались гитары струны.
Дороги вели в никуда.
Там в море терялись шхуны.
Там горькой была еда.
Там были другие лица.

Другие совсем слова.
Там сны не хотели сниться.
Гореть не хотели дрова.
Там было безумно скользко.
Там вниз обрывалась тропа.
Там было темно и больно.
Ведь не было там – тебя...

Безумный век мелькает на экране.
Готовит Запад новую войну...
А за рекой, в таёжной глухомани,
Туман в распадках греет тишину.
И крестиком глухарки вышивают
Ковры болот в укромных уголках,
И свадебные платья выбирают
Черёмухам закаты в облаках.
И небо там не делят меж собою,
Ни лось войной на брата, ни медведь.
Зеленый храм, в котором всё живое
Собрал Господь любовью отогреть.
Там соболь жмёт мурашику ладошку,
И гоголь с белкой делится гнездом,
А дед Урал, как распахнул гармошку,
Да так и спит веками подо льдом.
И кавалера с юною тетёркой
Всегда укроет в непогодь сосна,
И бережно пихтовой иголкой
Зашьёт любую рану тишина.

Говорят, что тенором России
Был и будет курский соловей –
Золотоголосый и красивый...
Только вот не отчины моей.

Что поделат, не живётся парню
По низовьям северным Оби,
Но зато любой морозной ранью
Согревают душу воробьи.
То берёз облепят белый локон,
Не поймёшь – целуют ли, едят,
А покормишь, так весь день у окон,
Дотемна, родимые, сидят...
Милые, простые воробьишки,
Чем же вы «берёте», не пойму...
Не певцы и серые, как мышки,
А увижу – варежку сниму.
И мороз-то давит, что аж речка
В прорубях туманит у мостка,
А вот сядут рядом на крылечко,
И погладить тянется рука...

ПОД ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДОЮ

Что не жить-то в такой благодати,
Где ещё ты увидишь окрест,
Чтобы даль в подвенечном закате
Обнимала часовенки крест.
Купола облака целовали,
Месяц в росы нырял окуньком,
А туманы пеньки бинтовали,
На деляну прокравшись тайком.

Только здесь, под Полярной звездой,
В глухомани таёжной моей
Стынут ивы в ночи над водою,
Сторожа чуткий сон лебедей.
Вызревает июнь на болотах.
Деревенька сопит на яру.
День наступит и в новых заботах
Люд потянется снова к добру.
И соседи, случись что, помогут
Не жалея рубля, ни доски...
Там где совесть не жмётся к порогу,
Там и люди живут по-людски...

Осыпаются звёзды неслышно...
Не успел растреножить коня –
Зорька-девица на реку вышла,
В камышах не заметив меня.
Осторожно на сходи́ну села...
Распустила косу над водой...
Паучёнка улыбкой согрела,
Сине-даль за ракитой седой...
Деревеньку, обняв, окрестила...
Вроде видано тысячи раз,
А смотрю и опять защемило,
И морщинка мокреет у глаз.

Столько лет, а признаться не смею.
Вроде – всё! Вот, дождусь у реки...
А увидел... И снова робею...
Это что за любовь, мужики?!
Разве можно, скажи мне, лягушку
Полюбить или зорькой болеть?
Только в сказках... А я за веснушку
Златокосой готов умереть.

* * *

Я видел всё – и мать-столицу,
И Волгу пригоршнями пил,
И по ромашковому ситцу
Поля России исходил,
И пел с кавказскими ветрами,
Но почему же, чуть дыша,

Лишь только здесь, в таёжном храме,
Целует Родину душа?

И НЕ ГАСНЕТ В ОКНАХ СВЕТ

Всякий раз, как только птица
Бьётся в окна – вижу сон:
День июльский остудиться
Босиком идёт в затон.
Небо синим коромыслом
Подхватило берега.
Домик окнами лучисто
Улыбается лугам.
За калиткой переулки
Прячут кудри в бересту.
Ясный вечер из шкатулки
Достаёт заре фату.
Звёзды росами упали.
Ивы косы расплели.
За рекою сине-дали
Умывают журавли.
Месяц плещется в рассвете.
Затуманилась река.
Пауки латают сети
Между жердочек мостка.
В грудь ольхи уткнулась рама...
Дом лампадкою согрет...
Там меня всю жизнь ждёт мама
И не гаснет в окнах свет.

* * *

Мы все уйдём, когда наступит срок:
Кто – в небытьё, святые – прямо к Богу.
А мне б опять, среди тысячи дорог,
Найти к любимой родине дорогу.
Упасть пылинкой Млечного Пути
В ладонь родных югорских бездорожий.
Травинкой на болоте прорасти,
Ключом забить у каменных подножий.

Светлана
КЕКОВА,
Саратов

* * *

Тянет с севера тленом и холодом,
подо льдом цепенеет река,
и опять над разрушенным городом
кучевые плывут облака.

Проплывут над столицей древнюю,
над зубчатой кремлёвской стеной,
над заброшенной русской деревней,
над огромной усталой страной.

Равнодушное небо безбрежное,
этот синий воздушный простор,
бороздят облака белоснежные,
как вершины невидимых гор.

Злого времени ветер пронзительный
над тобою не властен, пока
в неземной красоте ослепительной
над Россией плывут облака,

очертанья меняют, колышутся,
и, покуда не кончился день,
как бесшумно, стремительно движется
по земле их летучая тень!

* * *

Я никак не пойму смысла этого слова – «свекровь»,
не могу разобрать – кто золовка, кто деверь, кто шурин...
Тихо льётся мука, словно тёплая белая кровь,
вижу: бабушкин лоб почему-то сегодня нахмурен.

САРАНКА

Дочери Лене

Не пион затейливый китайский
в ореоле бабочек и пчёл –
аленький цветочек забайкальский
прямо в сердце у меня расцвёл.

В тёмном небе столько звёздных точек,
сколько в сердце незаживших ран, –
и цветёт мой аленький цветочек
там, где прежде рос один бурьян.

В новостных нам не расскажут сводках,
как в оковах странной красоты
расцветали на бурятских сопках
позднего прозрения цветы.

Вспомнишь юность, встанешь спозаранку,
пусть в душе веселья ни на грош,
но увидишь алую саранку,
вскрикнешь от восторга – и замрёшь.

Алая саранка ярче маков:
в ней огонь то гас, то воскресал...
Может быть, о ней старик Аксаков
книгу нашей жизни написал?

В каждом слове виден отблеск райский –
и лежит на сердце у меня
аленький цветочек забайкальский
отблеском нездешнего огня.

Месит бабушка тесто, какие-то шепчет слова,
и святая вода выливается в белую миску...
А за длинным столом примостилась соседка-вдова:
как всегда, по слогам поминальную пишет записку.
То стрекочет сверчок, то собачий доносится лай,
вспоминает вдова, как пришла похоронка на мужа,
а с иконы на нас молча смотрит святой Николай,
на просторах России лютует январская стужа.
Здесь над белой мукою невидимый ангел летал,
сердце бедных детей защищая от смерти и мрака,
здесь когда-то мой дед у святого Матфея читал
родословье Христа: «Авраам же роди Исаака...»
Я не помню его, умер он до великой войны,
знаю: бабушка Библию в старый упрятала китель.
Ну, а я до сих пор всё томлюсь ощущеньем вины,
потому что не знала Твоё родословье, Спаситель.
Не могла прочитать я и собственной книги родства.
Умер проклятый век – а теперь уже сделалось поздно.
В палисаднике вновь шелестит молодая листва,
но на лике Святителя брови сдвигаются грозно.
Я в помяник пишу: Параскева, Димитрий, Иван –
и коснеет рука, вспоминая о Божией каре...
Тихо бабушка Марфа садится ко мне на диван.
Помнишь ты, дорогая, кто Зару родил от Фамари?

ЩЕГОЛ

Я, вступившая в мамин посмертный возраст,
вдруг да вспомню вечером, как она
посыпала сахарной пудрой хворост
и стирала скатерти изо льна,

огурцы с грибами солила в кадках –
были эти хлопоты ей близки,
шила детям платьвица в лёгких складках
и вязала варежки и носки.

Было разных дел и забот немало,
не кончался вечером день её,
и сияло в панцире из крахмала
на шершавой полке в шкафу бельё.

Есть у быта русского сонмы пленниц,
несть и русским мученицам числа,
но она – смиренница из смиренниц
так светло и ясно свой крест несла.

Ей печаль

открыла свои объятья,
а болезнь

в свою занесла графу,
и всего одно выходное платье
много лет висело в её шкафу.

И когда ушла из земного плена
птица светлая об одном крыле,
в День святого
мученика Гермогена
мы предали тело её земле.

Я возьму засохшего хлеба крошку,
что она когда-то давно пекла,
и надену варежку на ладошку,
на которой жив силуэт щегла.

И, как будто праздная именины,
запоёт в конце февраля щегол,
и икона мученицы Антонины
увенчает наш поминальный стол.

РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА В СЕЛЕ СИНОДСКОМ

Облако, как платице сиротское,
примеряет солнце в этот день,
но ещё живёт село Синодское
да в округе – россыпь деревень.

Капель влаги, крупных, как горошины,
как и слёз людских, – увы – не счастье.
Сколько там домов стоит заброшенных,
сколько трав растёт в полях нескошенных –
примут ли они Благую Весть?

Собрались знакомые да сродники
в храм своих усопших помянуть.
В этот день святые ждут угодники,
чтобы каждый одолел свой путь.

Истрепалось облачное платишко,
стёрлась ткань хоругвей и знамён, –
но опять читает в храме батюшка
длинный список дорогих имён.

Покоряюсь этой высшей правде я –
и летят, как лебединый стан,
Параскева, Александра, Клавдия,
Николай, Мария, Иоанн.

Над зубчатым лесом, над равниною,
и над Верховимкою-рекой
взмыли вверх Василий с Антониною,
чтоб небесный обрести покой.

Догорели свечи поминальные,
мы в слезах целуем молча Крест.
Облака белы, как платя бальные
или одеянья для невест.

Но вернулись хлопоты привычные,
и плоды неласковой весны –
круглые поляны земляничные –
всё-таки от ягоды красны.

У детей от ягоды – оскомины,
мне же, грешной, так сладки края,
где в чужой могиле похоронена
Параскева, бабушка моя.

* * *

Нам с тобою к лицу слабый отсвет любви и страданья.
День подходит к концу, наступает пора увяданья.

Это в келью души открывается тайная дверца...
Здравствуй, тихий закат моего непокорного сердца!

Я не знаю, о чём в небе птицы кричат, улетаю,
как листва, на деревьях сквозит красота золотая,

нам её не понять, мы ещё не простились с весной,
и кого мы пленять будем инеем, льдом, белизною?

Нам пора хоронить то, что умерло в юности, в детстве,
кто нас будет винить в незаслуженном, горьком наследстве?

И серёжки ольхи тихим светом горят на рассвете.
За былые грехи наши бедные молятся дети.

Вновь сияет луна там, на дне опрокинутой чаши.
От тяжёлого сна отдыхают родители наши,

и тоскуют о нас, и лицо закрывают руками,
талым снегом, листвой, испареньями рек, облаками.

*Виктор
КИРЮШИН,
Москва*

УЛИЦА МИРА

Война поселилась на улице Мира,
Сюда прилетает то хаймарс, то мина.
Осколками
Яблонь изранены кроны,
А в небе не ласточки выются, а дроны.

На улице мира, среди тихих усадеб,
Давно не слышали ни песен, ни свадеб,
Ни шага влюблённых, ни детского смеха.
Здесь бродит разрывов несытое эхо.

Ах, улица Мира! Заводы, общаги...
Солдатами стали твои работяги.
А следом ушли сыновья за отцами:
Иные – на время, иные – с концами.

Об этом высокие речи излишни...
Опять зацветают под окнами вишни,
И дочь обещает вернуться не поздно,
И ласточки лепят для птенчиков гнёзда.

Согнутся от яблонь упругие ветки.
На свет нарождаются счастливые детки.
Наполнится шумом и смехом квартира...
Так было и будет
На улице Мира.

ПОКИНУТЫЙ ДОМ

Окна досками накрест забиты,
На заборе нахохленный грач.
То ли брошены, то ли забыты
В палисаднике кукла и мяч.

Здесь сюжет человеческой драмы
До нехитрого символа сжат.

Словно дети, оконные рамы
От недалёких разрывов дрожат.

Просыпаются почки живые,
Каплет вешняя влага с куста,
Но скворешня у дома
Впервые,
Как и сам он,
Осталась пуста.

* * *

«Место захоронения неизвестно...»

До Берлина путь неблизкий
Сквозь пожары выпал нам...
Обелиски, обелиски
Вдоль дорог
По сторонам.

Шли,
Промокшие до нитки,
Мёрзли
В замети седой...
Пирамидки, пирамидки
Под фанерною звездой.

Где ни имени,
Ни даты,
Ни каких-то прочих вех –
С общим именем «солдаты»,
С общей памятью
На всех.

Под берёзой
Или вишней
Безымянным спать сынам...
Хорошо, что хоть
Всевышний

Помнит всех
По именам.

* * *

Жизнь прожита.
Грехи неискупимы.
В душе, как в доме, сор и неуют.
Но отчего так сладко серафимы,
Незримые,
О будущем поют?
Суди себя по самой высшей мерке.
И на краю тебя убережёт
Тот дивный свет,
Что никогда не меркнет,
И та любовь,
Что никогда не лжёт.

* * *

Резвится жизнь: то чёт, то нечет,
То синь, то хмарь над головой.
Мой друг, стихи души не лечат,
А только делают живой.

Душа...
Одна морока с нею.
Пойми вот, отчего больна?
Но тем надёжней

И сильнее,
Чем уязвимее она.

МЕТРО. КОЛЬЦЕВАЯ

День и ночь грохочет кольцевая,
Не смолкая летом и зимой...
Вывози, как водится, кривая,
Если не выходит по прямой.

Каждому победы и потери
Круговерть подарит в свой черёд.
Поскорее закрывайте двери,
Проходите, граждане, вперёд!

Лезем напролом, покуда живы,
Пробиваем стены головой –
Все, без исключения, пассажиры
Хитроумной ветки кольцевой.

Узнаю затылок этот бычий,
Лысину крутую, как гора...
Никаких особенных отличий
Нету между завтра и вчера.

Жизнь в который раз идёт по кругу
И яснее ясного уже:
Надо лишь тесней прильнуть друг к другу,
Чтобы устоять на вираже.

* * *

Куда ж нам плыть?
А. С. Пушкин

Я расписался ножиком на парте,
Язык дистанций перевёл на мили,

В страну, которой больше нет на карте,
Вернулся. Всё случившееся – в силе.

К проточным дням, всё так же окаянным,
Я приходил, как в дом искатель кладов:
С горящим взором, с пустотой в карманах.
Кто забывает, тех жалеть не надо.

Я меньше спал, так удлиняя сутки.
Желал не столько снов, как пробужденья.
Я понял не из книг и предрассудков,
Что смерти нет, но есть перерожденье.

Быть дальновидней то же, что и старше.
Пропажи срам не скрыть перелицовкой.
Я, как дышалку, берегу на марше
Смысл отчества, Отечества, отцовства.

А тот покажет просто и толково,
Куда же плыть, кто прежде всех мне руку
Протянет. С тем беру брусок сосновый
И вырезаю лодочку для внука.

* * *

Считалка детства, снизив тон,
По-взрослому судьбу окликнет.
Кому из круга выйти вон
И за собой закрыть калитку?

Не жди, не станет мир добрей.
Но громче возглас односложный,
Мгновенья дольше и острей,
И чем нужней, тем ненадёжней.

Наркоз надежд на волоске,
Терпения зубовный скрежет...
Так скальпель в дрогнувшей руке:
Или спасёт или зарежет.

* * *

Ни гроша не возьмёшь, ни шиша
Из того, что обрёл или нашёл.
Пролилось молоко из Ковша,
И моя эта вечность, и наша.

Заготовлено ею на всех
Вдоволь проблесков и междометий,
Каждый взгляд твой влюблённый и смех,
Каждый взлёт – возражение смерти.

В сочетаньях примет и сторон
Только выбор исполнен свободы
Хоть в доверье к вещанью ворон
Или к уличному переходу.

Но опять по велению мойр,
Модулируя линзами резкость,
Возвращаешься в жизнь, как домой,
После волн кругосветного рейса.

Вспышка, боль, междометие, взлёт, –
И тебя предвкушеньем балуя,
Кто-то на руки нежно берёт,
Первородные слёзы целует.

ДОЩАТЫЙ ПОЛ

А одна половица поёт.

Юрий Кузнецов

... но лишь одна из всех других досок
За пониманье воздаёт сторицей:
И клиросный я слышу голосок
Нелегитимной певчей половицы.

Она поёт и кровле, и стрижу,
Вещает мне сосновые секреты.
Я тоже песню, может быть, сложу
Под впечатленьем. Половица эта –

Одна из всех. Но так и стоит жить.
С природой песнопенья спорить глупо.
Чего бы проще – руки приложить
И край прижать увёртливым шурупом.

Другие доски, в дровяном строю
Молчат, как и пристало безголосым.
Нет – пусть поёт под скрипочку свою.
А в лад ей подмигнёт сучок курносый.

* * *

Эта женщина мне не простит
Несложившихся встреч отголоски.
Снова с тусклым прищуром глядит
И на каждом клянёт перекрёстке,
Будто ей лишь на то и гожусь,
Чтобы словом задеть побольнее.
Я совсем на неё не сержусь.
И за всех нелюбивших жалею.

* * *

Всё б сказалось, как бабка сказала.
Только надвое знает карга.
Зря она мне на путь просыпала
Злую соль своего говорка.

Время учит, сдвигая заслоны,
Понимать натерпевшийся век.
Так сквозь слёзы глядит на икону
От битья прозревающий зэк.

Память – круговорот эпизодов
В разночтениях всех визави –
Тяжела, как любовь без свободы,
Как свобода пуста без любви.

Что звезда в Рождество наказала,
Воплотили, да не по уму.
Вот тыняется эхо по залу
И рассеивается в дыму.

А вагоны по рельсам елозят,
Чуть качаясь, как стадо коров.
И кого-то увозят, увозят
От намоленных стен и дворов.

* * *

Вчерашний день прочитанных газет
Июль уже определил в подшивку,
Пчелиный зной, к жару иммунитет,
Лучи в бутылки с ягодной наливкой.

Не мне полётам птиц его учить,
Тревожить травы мыслью о бессмертье

И заплетать косичками ручьи,
Но у него учиться милосердью.

Он держит пост, паломников своих
Встречает на пороге караваем.
Непредсказуем, как предгрозе тих,
Как ошущенья – не передаваем.

Он ставит выше ратного труда
Терновый пот на ниве землепашца.
Когда же сгложет совесть города,
Чтоб в предпочтениях вновь не ошибаться?

* * *

Время уходит сквозь сердце, сквозь воздух,
Даже во сне остаётся неспящим.
Может быть ранним, а может быть поздним,
Только сбывается – в настоящем.

Время проходит сквозь двери и моды,
Делая мудрым, – тик-так и запишем, –
Между услышать и после промолвить,
Равно, как между сказать и услышать.

Осоловев от щедрот разносолов,
Так и спешит, но всегда под рукою.
Лодочка месяца, всплеск баркаролы,
Зонтик со сладостью Оле Лукойе.

Занавес и подоплёка спектакля.
Знала бы даль, приобщаясь к вокзалам,
Ох, как мне лет не хватает! Тик-так ли
Произошло или вдруг показалось?

*Александр
КЛИМОВ-
ЮЖИН,
Москва*

ЗОЯ

Мученица, у твоей могилы
На миг задержусь,
Проезжая мимо,
Трижды перекрещусь.
Дух твой бродит в лесах
Рядом с Петрищевым,
Как ты, живая, в немецких тылах
В холодильнике зим.
Кому вздумалось тебя чернить?!
С коктейлем Молотова за пазухой
Фрицев шла на постое палить,
Как приказано.
Разве думала ты в осьмнадцать лет,
Поджигая жилища с немцами,
(В том вины твоей нет),
Что сжигала их с местными,
В зиму лютую,
Стариками, бабами и детьми;
Вот и вывели тебя посередь зимы
Необутою.
Супостатам юность свою отдала,
Но не дрогнула.
Падалью пролежала на краю села
Своими оболгана.
Не причислила к лику святых
Церковь православная,
В храмах поминая других, –
Не это главное.
И не главное, что называли тобой
Школы, площади,
Что осталась ты советской святой
Доморощенной.
Шла дома сельчан сжигать в неурочный час
Тропою узкою,
Хоть и так, умерла ты всё же за них, за нас,
За землю русскую.
Мученица, у твоей могилы
На миг задержусь,

Проезжая мимо,
Трижды перекрещусь.
Всё равно героиня!
Блуждая в лесу,
Твоими тропами,
То земляничку на могилку твою занесу,
То грибок на надгробие.

* * *

Как яичница утром скворчит,
Как заутреней чашки звенят,
Липа старческим телом скрипит,
Зеленя на ветру молодят.

День-другой – и сады зацветут,
(Самокаты давно нарасхват),
Как залиvisto птицы поют,
Как пронзительно дети кричат.

Как отчётливо сердце стучит,
То ли смех вдалеке, то ли плач,
Дождь стихает, иль жесть дребезжит,
Иль дроздом притворяется грач.

То в стволах забродила весна
И берёзовым соком пьянит;
То душа обновленьем полна,
И ручей под рукою урчит.

Тяжелеет листвою вертоград,
И по клавишам пальцы снуют...
Как пронзительно птицы поют,
Как залиvisto дети кричат.

КОСТЯ ШМЕЛЁВ

Костя Шмелёв, хоть и учился в школе,
 Как все сверстники, то есть мы,
 Время же проводил на футбольном поле,
 До выключения света, до наступления тьмы.
 Это, как Ёзик до исступления играл на скрипке,
 Разницы всей, что бил по мячу ногой,
 На всё остальное забив, до нитки
 Мок под дождём, отрабатывая штрафной.
 Тут самое главное, как он бежал, как мяч укрощал.
 Хоть правил грамматики он не знал, что с того.
 Да, самое главное то, как бежал,
 А техника, как врождённая грамотность, была у него.
 Он играл с мужиками с пятнадцати лет,
 На него весь город смотреть приходил, вихраст,
 Он сводил с ума, таких больше нет,
 Не говорите, что такие были у вас.
 И когда он пас получал, от напряжения
 Тридцатью двумя зубами смеялся его оскал,
 Хоть он не смеялся, соперниками за унижение
 Воспринималось это, когда ухмыляясь невольно
 Он левой в правый гол забивал.
 Короче, все матчи с ним заканчивались дракой,
 Будь то в Тейкове, в Кинешме, доставалось всем,
 А был он ещё и вне поля рубака,
 И в этом виделось много проблем.
 Результат аннулировался, в конце таблицы
 Плелась команда, кровь становились в очередь
 Смывать под душ,
 Все нехотя перекрестились, когда в столице
 Его определили в «Торпедо» ДЮСШ.
 Но Костя сбежал, хоть дар был безмерен, –
 Столица не Южа, тут он не премьер.
 Родился б в Москве, на сто уверен,
 Играл бы он в сборной СССР.
 А был бы он баском – шустрил в Барселоне
 В связке с Кройфом, которого обожал,
 В каком-нибудь бородатом сезоне,
 И был бы не меньше, и кубок в руках держал.
 Его я повстречал на аллее славы в девяностых,
 С гранитной он улыбался плиты.
 Не стал футболистом, в бандиты – всё просто –
 Подался, и нет его в том вины.
 А вывод: пусть Бог тебя поцелует в темя
 Сто раз, но Бог ещё не гарант...
 Не ноги, а головой всему – место и время,
 Время и место, и только потом талант.

МАРС

*Марс – бывшая станция в Подмосковье.
Ныне дачное поселение*

Огороды, зеленеющие садики –
Красота такая, глаз не отвести:
Утверждали космонавты и мечтатели
Что на Марсе будут яблони цвести.

Пели все, никто не верил – помните?
Видно, зря, Москва-река течёт,
Глаз ласкают выцветшие домики,
И на Марсе нынче яблоневого год.

Словно дроны, достают комарики,
И вдыхая чистый кислород
Пропадая в ивовом кустарнике
Марсианин с удочкой идёт.

У него сегодня воскресенье,
Зеленее Марса нет планет:
Он дальтоник с самого рождения
И не различает красный цвет.

Впрочем, это и не обязательно,
Он поёт по-Трошински почти:
Утверждают космонавты и мечтатели,
Что на Марсе будут яблони цвести.

*Надежда
КНЯЗЕВА,
Арзамас,
Нижегородская
обл.*

КОСМОНАВТ

Дышит через ноздри хлеба дольняя обитель.
От тепла над рыжей крышей воздух искривлён.
Космонавт летал до неба, никого не видел,
Может, надо было выше, может, вышел вон.

Едет поезд, он на совесть сделан из железа,
А железа в человеке – меньше, чем в гвозде.
Без скафандра он непрочный, но и в нём, телесном,
Тот же точно непорочный атом, что в звезде.

Прочь умчался поезд поздний, как и не был вроде,
Но не сразу прочь из глаза убегает блик.
Космонавт рисует звёзды на небесном своде.
Между ними сам собою проступает лик.

КНИГА

Я книга. Чёрных строчек этажи.
Открой, когда тоска скребёт когтями,
Листок к больному сердцу приложи –
Затянет раны.
И сюжет затянет.

К себе не примеряй прямую речь:
Вся правда между реплик прорастает.
Мы так легко меняемся мостами,
Которые необходимо сжечь.

Открой – чтоб мне читать тебя в пути,
Страницами сплетаться с волосами.
Не сторониться пальцев. Ощутить
Шероховатость твоего касанья.

Коснешься дна – а там двойное дно.
Открой меня.
Я книга.
Мне темно.

* * *

В две тысячи лохматовом
Несбыточном году
Прикинутая Ахматовой
На городском пруду:

На вынос взятым кофею
Сквозить на злом ветру
И горбоносим профилем
Скользить по ноябрю.

Печаль закрытых будочек
И стрелы по воде –
Причальных трассы уток,
Стремящихся к еде.

Им хлеба вдоволь кинута –
Поделят ли на всех –
И небо опрокинуто,
И смотрит снизу вверх.

В утробе серой утра мы
Все на своих местах,
И жить бы просто, мудро бы,
Но не понятно, как.

РОЖДЕСТВО

И часть дороги в частный сектор
Лежит сквозь рельсы-провода,
Где мёрзнет в темноте прожектор,
Как Вифлеемская звезда,

Лежат сугробы, сторбив спины,
Дома до крыши проглотив,
И криком слышится ослиным
Издалека локомотив.

И вот он – свет, и крест оконный,
Вокзал, всеобщий и ничей,
Барак, посёлок Станционный
И тополь с гнёздами грачей.

Снаружи холодно и ясно.
Вокзал, гостей в себя впусти!
Тепло Младенцу, словно в яслях,
Лежать у города в горсти.

Грохочет скорый – мимо, мимо,
Но все слетаются, кто знал,
И семафоры серафимам
Дают посадочный сигнал.

ПОЛЧАСА

Когда мы прервались на полчаса
И к свету побрели, не одеваясь,
То за окном из хаоса рождались
Асфальтовая твердь и небеса.

На кухне кран пророс и загудел.
Для шага возникали половицы.
Из полумрака прорезались птицы
И крыльями кроили контур тел.

Ещё никто не изобрёл слова,
И речь была на тишину похожа,
Пока душа не затянулась кожей
И новый мир звенел, как тетива.

Пока ступнёй не стронута роса
И атмосфера к жизни непригодна,
У нас ещё есть шанс войти в ту воду,
Откуда вышли мы на полчаса.

ГОЛОС В ТРАМВАЕ

Когда я вырасту
или меня не станет
(в этом случае всё равно) –
я хотел бы стать голосом,
объявляющим трамвайные остановки
из шипящих динамиков
над узкими створками.
Этим мудрым, вежливым
дикторским баритоном,
что не выходит за пределы
городского кольца,
не диктует, как жить,
но знает о жизни всё:
как вовремя остановиться,
притормозить на опасном спуске,
как ощутимо трясёт
на поворотах и стыках.

Я буду жить
в пустом металлическом теле,
где солнце проходит насквозь
пыльные стёкла,
цепляться за жизнь
дугой токоприёмника,
ездить по кругу,
но знать, где кончаются рельсы.
Мимо Покровки,
вдоль по Ильинке,
дальше,
только б звучать,
звучать
партией этой пьесы.

* * *

На стыке эпох трясёт, как на стыке рельс.
На склоне веков сухая трава, апрель.
Щетина стерни щекочет ступени вех.
По склону веков всхожу, как трава, наверх.
В кудрях-облаках запутались провода.
Смотрю свысока, с холма, на своё «тогда».
Земля заждалась: прогноз обещал теплынь,
Но Припять зажглась сверхновой Звездой Полюнь,
По рекам шёл яд, и мама лишилась вод,
И в мир вышла я, покинув её живот.
Промчался состав, оглушив оголённый лес.
На стыке эпох трясёт, как на стыке рельс.
С холма не видны замки, но блестят ключи.
Распалась страна на плесень и кирпичи.
В руках не удержишь прах вековых колонн.
Ампир подломился под тяжестью куполов.
А дальше – подлодки гибель, концы в воде,
Миллениум, кризис, долгое и т. д..
Господь нас несёт, как свой неизменный крест.
На стыке эпох трясёт, как на стыке рельс.
Над склоном веков горячая синева.
На склоне веков горячая сон-трава.
Сухая стерня мертва, но земля жива.
Тому, кто взойдёт сюда заменить меня,
Три слова оставлю: не разводите огня.
Ещё раз, пожалуйста: не разводите огня.

* * *

Слова застряли в глубине,
В зобу, как в банке с узким горлышком.
Как агроном по целине,
В фуражке, выцветшей с околышем,

Идёт к тебе моя тоска,
Но не видать в обидах просеки.
Ни слова, словно ни листка,
Твои аллеи мне не бросили.

Всё глуше звуки, всё темней,
Саднят крапивные отметины.
Быть может, в полной тишине
Речная речь твоя ответит мне.

* * *

Кабы ты была городом,
Я бы взял тебя гордую
Золотыми коготами
И слонами в броне!

И над каждою площадью,
Предо мною беспомощной,
В бронзе вздыбил бы лошадь я
В честь победы моей.

Будь рекою широкою –
Я тебя, синеокою,
Рукавами-протоками
Осушил бы до дна.

Будь ты морем неистовым –
Высек звонко, со свистом бы,
Чтобы с пеной у пристани
Закипела волна.

Всею дюжиной подвигов
И огнём, что украл у богов,
Во всех видах и обликах
Я бы пал пред тобой.

Даже зная об участи,
Плод раздора и мудрости,
Принял бы и все трудности,
Я назвал бы судьбой.

* * *

Дышать дождём. Спокойный день в году.
Один недолгий день под белым небом.
Как зелень в зарастающем саду,
Тянуться вверх, туда, где ещё не был.

Вступить в траву. Там мокро, брызги, грязь...
Стоять и мять под пальцами прохладу,
И камешки. И ручейки, струясь,
Как в жилках кровь, пульсируют по саду.

Смотреть в окно на буйство и покой,
Не осквернённый спешкою подённой.
Надеть носки, укрыться с головой.
Уснуть, надеясь на ещё такой
Дождливый день и час благословенный.

* * *

Зимую по утрам оранжево
Стекло прокуренных небес.
В перчатках вязаных меланжевых
Протягиваешь за проезд.

И мчишься через мир пластмассовый,
И в джеме трафика стоишь.

В твоих сценарных планах массово
За мышкою «крадётся мышь».

В доме с широкими оконными
Так низок лестничный проём,
И колокольню-телефонными
Звонками воздух напоён.

* * *

Так спокойна октябрьская ночь.
Небо в тучах не жалуется звёзд.
Ветер клочьями гонит прочь
Нежность брошенных птичьих гнёзд.

Воздух свеж и как будто пуст.
Оттого так легко дышать,
Что душевную боль и грусть
На счёт осени можно списать.

*Кирилл
КОЗЛОВ,
Санкт-
Петербург*

* * *

Памяти А. С. Пушкина

Нет, я ничего не выдумывал. Я, в самом деле,
Ещё в раннем детстве услышал о месте дуэли,
Родился и жил я поблизости, неподалёку.
И чаще других обращался к поэту-пророку.

Я помню свои ощущения... Не принимала
Душа молодая такого дурного финала.
Он должен был жить! Солнце медленно скрылось за лесом...
Он знал, почему, за кого стал стреляться с Дантесом.

На всех языках планетарный торгуется рынок,
А в наших сердцах отзывается тот поединок,
Приходит на ум бесконечно печальная фраза:
Был Пушкин убит, а Дантес даже не был наказан!

Никак не закрыть петербургские вечные темы,
Досталась мне книга-реликвия: «Пушкин. Поэмы».
Нет, я не выдумывал. Вышла она, в самом деле,
Спустя сотню лет после той злополучной дуэли.

Но сколько их, сколько! Приходится вспомнить по списку...
И книга «Поэмы» – родная сестра обелиску,

Который поставлен ещё до войны и блокады
И Освобождения – главной народной награды.

* * *

Премудрые книги – среда моего обитания.
За чтением я с юных лет превратился в сову.
Сполна утолил я давнишнюю жажду познания,
Немало имён по запросам людей назову.

Но дело совсем не в количестве, глупой всеядности,
Со временем жажду возможно прогнать по глотку.
Со временем хочется смысла, надежды и ясности,
Которые нужно направить в свою же строку.

Ещё надо, волей-неволей, принять изменения,
А в самом существенном твёрдо стоять на своём!
Отыщутся в книгах большие запасы терпения,
За выдержкой следует, вспомним, духовный подъём.

Не будет, пожалуй, здесь перечисления узкого,
Что вспомнить важнее? В какие вернуться века?
Начнём, вероятно, с живого и Великорусского,
Нетленный словарь неизвестного нам языка.

* * *

За снежным днём последовал тот вечер,
Который неспокоен был отнюдь.
Я думал о давно минувшей встрече,
О том, каким тяжёлым вышел путь.

Я столько раз хотел сменить задачу,
Не возвращаться больше никогда.
Я думал: «Сколько сил ещё затрачу?
Где результат упорного труда?»

Страницы бесконечно шелестели,
Закладка на двухсотую легла...
Я знал: осталось ровно две недели,
И Новый год начнёт свои дела.

Но мы частично остаёмся в Старом,
Заказывая шустрое такси.
Недаром есть пословица, недаром:
«Кататься любишь? Саночки вози!»

Я вновь застряв мечтаю в... Эрмитаже,
Подолгу размышлять у полотна.

Санкт-Петербург заботливо наряжен,
Традиция продолжиться должна.

О молодости вспоминаю жадной –
Хватал, хватал... Теперь бы всё сберечь!
Что тут добавить? Ничего, пожалуй.
О снеге, лишь о лёгком снеге речь.

ПОЭТ АНДРЕЙ РОМАНОВ

Я знаю: всё это свершилось взаправду,
Спокойный ответ на коварный вопрос.
Был верен поэт своему Ленинграду,
В котором когда-то родился и рос.

Нельзя позабыть годы страшной блокады.
Кольцо разорвали, прогнали врага...
Простым мелочам победители рады,
Они отстояли свои берега.

Нет всходов желанных без вспаханной почвы,
Старательно строили жизнь на века.

Любимая Лиговка – в адресе почты,
Настолько была эта связь глубока!

Когда в девяностые всё нарушалось,
Явилась эпоха нахальных услуг,
Не стал он давить, как другие, на жалость
И смело шагнул во Второй Петербург.

Проекты легко затевал, будто на спор,
И парадоксально выигрывал спор!
И в новом столетье космический транспорт
С улыбкой довольной поставил во двор.

Поэт и художник, он делал наброски,
Потом прорабатывал так, как привык...

Да, всё это было... Однажды по-свойски
Романов ко мне обратился: «Старик!»

И Санкт-Петербург, и Москву, и Воронеж
Он много раз видел, везде выступал...
Подумалось вдруг: сколько ценного
вспомнишь!

Поэту внимал переполненный зал,

Шептали: «Романов... Поэт Ленинграда...»
На свете не сыщешь почётнее слов!
А снег тем же вечером падал и падал
В предчувствии зимних завьюженных снов.

ПАМЯТИ ПОЭТА ЮРИЯ ИНГЕ (1905–1941)

Спустя много лет и даже десятилетий
Потомками назначается время. Дата.
Попался пейзаж морской, словно рыба в сети,
Холодное солнце, плывущее вдоль Кронштадта.

Ребятам смелым ещё предстоит закалка,
По зову души приходят служить во флоте.
Война отгремела... Нам снова погибших жалко,
Слова застывают на этой трагичной ноте.

Тогда, в сорок первом, законченный вроде август
Ещё предвещал прорыв. Покидали Таллин...
И каждый моряк вспоминал свой заветный парус,
Который для них, разумеется, был реален.

Ушёл вместе с ними герой, уроженец Стрельны.
О чём он подумал? О том неизбежном бое?
События столь стремительны, столь мгновенны,
Порой отнимают самое дорогое.

Супруга и сын смогли пережить блокаду,
А в Стрельне потом появился музей поэта.
Давно завершилась эта война за Правду,
Одна и на всех одержанная Победа!

Захочешь свернуть – не выйдет! Вот навигатор,
История наша... До боли, до гневной дрожи...
Поэт-балтиец, погибший за нас когда-то,
Писавший о том, что свастику изничтожим.

НОВЫЙ ГОД

Такая боль, что нужно выйти в ночь,
Идти по самым тихим закоулкам,
Где даже снегу посветлеть невмочь,
Где шаг, где эхо не бывает гулким.

Где время на петле ворот скрипит,
Где вдоль тропы одни слепые окна,
У каждого бревна радикулит,
Где ветер, вьюга рвутся на волокна.

Где стыло пахнет деревом сырым,
Где жизнь легла в оббитые кастрюли,
Где никогда не наступает Крым,
И никаких берёз и люли-люли...

Там у оврага виден край всего,
Без всяких там морей и океанов,
Над ним стоит скамья для одного,
Как точка сбора новых окаянных.

И там уже давно не ждут гостей.
Фонарь согбенный льёт тоску желтушно.
И я, туда продрогший до костей,
Пришёл с вопросом глупым, простодушным.

На той скамье, похожий на бомжа,
Плащом пурпурным скрыв худые плечи,
Дошедших ждёт, собой не дорожа,
Как может только Богочеловечность...

Я прошептал или подумал свой вопрос,
И Он привстал, не дав мне падать ниц,
Ответил Он мне тихо: Я – Христос...
И с плеч Своих отдал мне плащаницу.

А в городах салюты и огни,
Шампанское и Новый Год метелит...
А мы сидим тут на скамье одни,
До Рождества какая-то неделя...

* * *

Тюмень. Январь.
Во тьме фонарь.
Хрущёвский двор.
Качелей створ.
Качелей скрип
Как детства всхлип.
Портал иль порт?
Хоккейный корт
Ещё стоит...
Забор убит,
Насквозь прошит
Ветрами... Быт
Уже не тот.
И липа выше не растёт,
Что поднималась до окна,
До изморози волокна
Из моего окна... Как взвесь...
Эй, мальчик, выгляни! Я здесь!
Спустя полвека... Тишина...
С какой я стороны окна?..

* * *

В разговорах чужих затерялась небесная искра,
В кучевых облаках скучковалась небесная грусть,
А в самих небесах даже гром стал похожим на выстрел,
То и жди прорастёт над домами как атомный груздь.

И над старой Землёй заалет горящее небо,
Только так новым стать может небо над этой Землёй.
Потому что истошно кричат, что Спаситель здесь не был,
Потому что им лучше в геенну, чем в Небо домой.

И усталый автобус пыхтит, закрывая все двери,
Вот уж кто бы хотел под колёса себе Млечный Путь...
Поезжай, я плачу, я давно его точно измерил,
Из посланий моих исчезает изящная суть.

Но всегда у меня остаётся последнее Слово,
Оно первое Слово, и было всегда у Него,
Но осталось во мне, и, казалось бы, вовсе не ново,
Только свет во тьме светит, и тьма не объяла его.

* * *

Мой век ушёл. Моя эпоха
Эпохой не успела стать.
Но мне от этого не плохо.
Мне всё равно. Мне наплевать...

Мне всё равно, какие главы
Ещё напишут дуракам,
Плевать, что нет избытка славы
И недостаток по деньгам.

Я сам далёк от идеала
И никому не образец.
Но мне плевать на одеяло,
Что всякий тянет в свой конец.

Седой, стоящий на пороге,
Я иронически смотрю
На суету идеологий
И на богемы суету.

Я столько раз ходил по краю,
Что верю – я могу летать,
В моей душе – тоска по раю,
В моих руках – перо, тетрадь...

Уйти, успев понять, что не был,
Далёких близких не вина...
И почему на это Небо
Младенец смотрит из меня...

РУССКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Я лежал в русском поле
Триста лет или боле,
Сквозь меня – жизни воля –
Прорастала трава...
Через поле дорога
Прямо в небо до Бога,
До родного порога,
Где Россия жива.
Слышал я, вы поверьте,
С глазу на глаз со смертью
Разговор в круговерти
Отгремевших боёв.
Где отлитые пули
Траектории гнули,
И осколки тонули
В траекториях слов.
И облитые кровью
Да отчизны любовью,
Под не начатой новью

Умирали бойцы...
 Их глаза, как бойницы,
 Прорезали страницы,
 Города и станицы,
 В них написано – рцы!
 Говорили мне братья,
 Зачеркни все проклятья
 Над печальною падью
 Да над нами во рву...
 И, владея словами,
 Я писал их руками,
 Бог смотрел их глазами
 На работу мою.
 И сквозь русские вёрсты,
 Я глядел на погосты,
 И в полях – эти кости...
 Ветер времени стих...
 Они звали не к тризне,
 Не к любимой Отчизне...
 Корни Деревя Жизни
 Прорастали из них!

НЕНАПИСАННАЯ ПЕСНЯ

Когда закончится Великая война,
 И будет вложен в ножны меч Державы.
 Я на рассвете выйду в русские поля
 И упаду в росу и в эти травы.

А в этих травах кровный сок течёт
 Всех тех, кто лёг когда-то в эту землю.
 И Бог с небес из вечности речёт:
 Ко Мне идите, русских воинов приемлю.

А те, кто выжил, выйдут на парад
 И мимо стен Кремля пройдут рядами.
 А от моей земли отступит ад,
 Что остановлен нашими руками.

Над ними сам Архангел Михаил,
 А поведёт – Святой Георгий-воин.
 Спасибо, Господи, что я в России жил,
 Где каждый миг испытан и намолен.

Но если мне дожить не суждено
 До славных дней победы и расцвета,
 Меня ищите у Бородино,
 Или в полку монаха Пересвета...

Испившие свинцового вина,
 Идут к Престолу вечному Мессии,
 Когда закончится Великая война,
 Мы будем в небе, небе над Россией.

* * *

*Глас вопиющего в пустыне:
 приготовьте путь Господу.*
 (Исаия 40:3)

Искусничая, дули стеклодеи
 Свинцово огневеющее небо,

И отравляли ложью мукосеи
 Не тело убивающие хлебы.

Писцы со рвением – набело – чернили
 Начертанные кровью – святостишья,
 И рассыпалось слово – блёсткой пылью,
 И обжигало медленней и тише.

Горшечники ваяли спешно души
Из глины, обогрѣнной щедро смертью,
Имеющие слух – закройте уши,
И зрение имущих разуверьте!

Исправьте путь Ему! – но нет преграды,
И кротостью – как прежде – осиянны
Крестов – золотокованные гарды –
Осанна – злу грядущему – осанна!

* * *

Сил весенних первые набег
В прошлом, но увидит и незрячий –
Солнце – небывалое вовеки,
Солнце – из породы сверхгорячих.

Улиц отвоёванных угрюмость
Сметена самодержавьем светлым –
Это май – младенческая мудрость,
Слово первомысленное лета.

Позади – подавленные смуты
Холодов и тайных недоверий,
Как легко протачивает утро
От весны запахнутые двери,

Лучезарно, дерзко, непостыдно
Пробивает вечный лёд оконный,
Покоряет души беззащитных –
Это май, он вправе, всё законно...

ГОНЧАР

Пустело небо, снова ужаснуб
Ежезакатной явью святотатства.
Письмо* берѣз, светлѣнных в белизну,
Зажглось, на время отодвинув тьму –
Своим резно желтеющим убранством.

Кровило, бок туманный занозив
Осколком лунным, облако седое,
И нежный отблеск по нему скользил,
И облакал в свеченье неземное.

Обильно воздух стынувший горча,
Зацветшее пылило умиранье,

И осень шла к началу всех начал,
Туда, где вновь замысливал Гончар
Из глины белой – новое созданье.

* * *

Ясны, как день, осенние пути,
Усеянные звѣздами пороги,
Стеченье улиц, тихих и широких,
И лето вечнозвонное в груди.

Слышны ещё цветочные пиры,
Творимые в его воспоминанье,
И ярки зацветающие рани
И жертвенно-вечерние костры.

Ещё на небо, как на стол царѣв,
Дымящее от жара, подаѣтся
Спечѣнное на чистых росах солнце
И нежным светом полнит до краѣв.

И веришь, и надеешься, и ждѣшь,
Но близок день, отчаянья исполнен –
И золотом кленовым занят дождь
В заброшенной дворовой листобойне...

ТОПОЛЯ

Отмолвил гром последнее своё,
Запрятав гнев за далью опалѣнной,
Но дождь ещё неутешимо льѣт
И обжигает шѣпотом калѣным.

И странно, до бессмыслия, смотреть
На ставшую приделом бичеваний
Расхристанную улицу и смерть,
Поживу дожидающую втайне.

Вы ж тополя, соколики мои,
Уйдѣт беда, и лето красным будет,
И новых вѣсен – золотые дни,
И свадьбы – до небес, но люди, люди...

Отмолвил гром, последний смолк раскат,
Иссякнул дождь, уставший от злословья,
И кажется, что мученичьей кровью
Нерукотворный выписан закат...

* Письмо – иконописная манера.

ЕДИНСТВЕННОЕ НЕБО

Памяти покинутых деревень

Всё предано воспоминаньям тут –
 Изрыв дороги – узкий, крупновязый,
 И сосен искривлённые балясы
 У мостика, обрушенного в пруд.

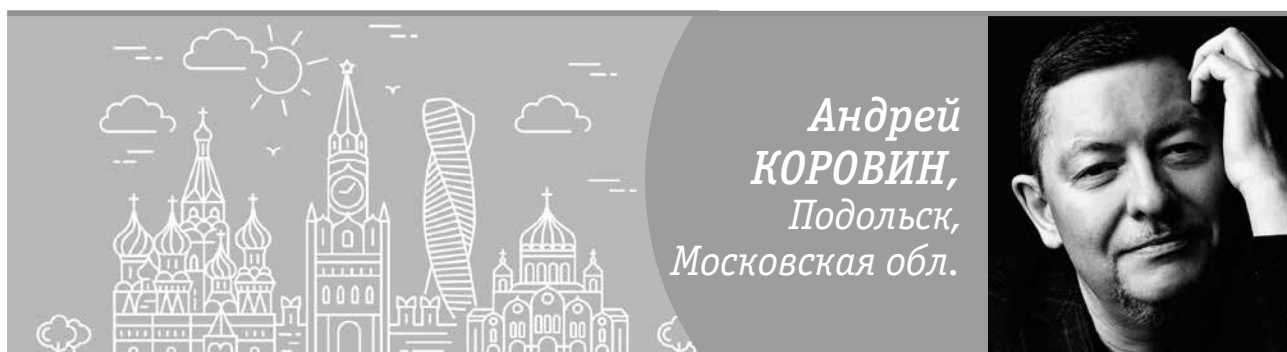
Седых тропинок – реденький пучок
 Под сваянным волосником осочным –
 Судьбы моей забытое источье,
 Души невосполнимый уголок.

Кругом былё – и есть ли кто живой
 Среди домишек, дышащих на ладан,
 Как Божий перст – для дней последних спрятан –
 Чернеет храм с пробитой головой.

Осины чутко приклонили слух
 Над чьей-то вытлевшей от горя крышей,
 Но слышен лишь невнятный скрип налишный,
 Да от иконы – тихий святой дух.

Всё предано воспоминаньям тут –
 Скривлённые сосновые балясы,
 Просвет дороги – узкий, крупновязый
 И вспыхнувший прощальным блеском пруд.

Я оглянусь – и улыбнётся мне
 Из пыльного оконного киота,
 Вечерним солнцем – изголуба-жёлто
 Единственное небо на земле...

* * *

так странно что меня на свете нет
 покуда нет но есть отец и мама

а я пока что только голограмма
 один ничем невыразимый свет

я где-то на одной из тех планет
где дети ждут рождения как чуда
в надежде что я тоже явлен буду
я тоже буду чистота и свет

так странно ничего ещё не знать
не видеть Бога и его творенья
рождение мечтать как искупленье
родителей оттуда выбирать

нет ничего томительней любви
когда ещё не явлен отпечаток
ребёнок кроха солнечный початок
слияние двух душ в одной крови

я есть и нет меня зовут туда
рождение лишь повод обернуться
как в старом небе новая звезда
должна уснуть чтоб заново проснуться

* * *

словарь моих игрушек деревянных
сервант скамейка лестница в подвал
и табурет что сделал дед незнанный
кадушки тёмной с обручем овал

земные деревянные приметы
вот лестница растущая в чердак
и пол чердачный досками одетый
под ним котята притаились где-то
пищат но не добраться к ним никак

вот молоток напильник и стамеска
живут в сарае что построил дед
и множество шуток и обрезков
влекущих пацана неполных лет

и вдалеке манящая терраска
чьи стёкла как огнём опалены
там солнце заливаёт банки краской
вареньем солнца банки все полны

* * *

кузнечики свингуют как цикады
в ночном саду где музыкантам рады
и яблоки растут и огурцы
и лезет в щель соседская крапива

и хмель ползёт в траве неторопливо
и атакуют прочие бойцы

вьюнок плетёт интриги словно сети
как много сорняков на белом свете
мы все по сути тоже сорняки
рождаемся плодимся умираем
зачем-то бредим невозможным раем
вначале – дети
после – старики

мой сад и есть Эдем на самом деле
в нём бабочки от страсти запотели
подземный город вырыли кроты
в нём муравьи всегда гостям не рады
болтают птицы в кронах до упаду
какие нынче вызрели плоды

мы в рай пришли чтобы Эдем разрушить
скосить обрезать прополоть улучшить
и вывести соседей и жильцов
но сколько не пили и не усердствуй
не вырвать из земли живое сердце
её детей строителей творцов

* * *

речные дали родиной полны
мне так знакомо имя тишины
что прорастает буйною травой
кузнечики – наш солнечный оркестр
пиликает на скрипочках окрест
от полдня и до самого отбоя
симфонии зелёного прибоя

за далью – даль
за полем – горизонт
в руках у мамы разноцветный зонт
бежит тропинка солнечного лета
вперёд через пшеничные поля
и мужики стоят как тополя
и мама под их взглядами раздета

идём идём по полю на Оку
и петухи кричат кукареку
в дом отдыхе отцовского завода
и ястреб сверху смотрит на меня
как будто мы с ним кровная родня
лети отсюда хищная порода

там на реке играют в волейбол
и прыгают мальчишки между волн
когда промчится «Луч» или «Зарница»
а мамы мажут кремом телеса
чтоб не сгореть в упор за полчаса
и отдыхом советским насладиться

и на тот берег манят смельчаки
но нет реки коварнее Оки
лишь попадись в её водовороты
я сам едва не стал её строкой
с тех пор себя я чувствую рекой
таящейся за каждым поворотом

ПОЭТЫ И ПИЛОТЫ

всемирных потрясений мне хватило
любовей безразмерных мне хватило
катись по небу вечное светило
пока тебя кондрашка нехватила

я видел всё – и этого довольно
я так любил – что этого довольно
спасибо вам – мне было очень больно
а вы – довольны?
жаль что вы – довольны!

где в небесах – поэты и пилоты
где в облаках – поэмы и полёты
мы все – поэты или все – пилоты
держись не бойся
я с тобой
ну что ты

* * *

стать рыбаком одинокой реки
медленно тянущей водную лету
где молчаливо лежат поплавки
рыбы в затонах стоят не одеты

где наклоняются ивы к реке
пьют зачарованно тёмную воду
где стрекоза зацветёт на руке
и улетит выбирая свободу

где свои шишки теряет ольха
жарко цветёт водяная кубышка
сладким нектаром земного стиха
дышит небесный смотритель Покрышкин

В СВЯТОМ УГЛУ

У бабушки в углу иконка,
Лампадка тлеет фитильком,
А за иконкой – похоронка.
А рядом с Богом – дед с отцом.

От них как будто больше света
В избушке с низким потолком,

И верит бабушка, что это
Всё предназначено Творцом.

Одной лампадкою согреты
Все в мире братья на крови.
Прости ей, Боже, ересь эту,
Поскольку суть твоя – в любви...

СЕРДЦЕБИЕНЬЕ

Испортить такое шикарное лето...
 Тревогой горчит и немеет строка,
 Всё глубже воронки и злее вендетта,
 И иней серебряный лёг у виска...
 В деревню, как в церковь на исповедь, еду,
 В последний раз, может, плохого ж не ждёшь.
 Живут там два друга моих, два соседа,
 Им, глядя в глаза, под сто грамм не соврёшь...
 Колбаску достал, коньячок, мандарины:
 – Ты, Юрка, забыл, мы с клопами не пьём,
 Под водочку лучше поведай, родимый,
 Как мы докатились, и чем ты живёшь?
 – Как? Хрен его знает, но редька не слаще...
 И водка не пьётся, и хмель не берёт –
 Допрос с подковырками, злой, настоящий...
 Уж я им задам, мой наступит черёд!

Окончена исповедь, грехопадение
 Простили на время себе и стране,
 И в баньку, и в речку... Но сердцебиенье
 Упрямо стучит о любви и войне...

ГРЕШНИК

*Господу Богу помолимся,
 древнюю быль возвестим,
 Мне в Соловках её сказывал инок,
 отец Питирим...*

Н. Некрасов

Бог вздохнул:
 – Ему прощаю,
 Пал за Родину в бою.
 В полк запасный зачисляю
 У Вселенной на краю...

КАК ЧИСТЫЙ СНЕГ

На руке татуировка:
 «Жизнь – дерьмо, ты ей не верь».
 Он лежит в крови с наколкой,
 Загораживает дверь...
 В «музыканты» по набору,
 Прямо с зоновских широт,
 Подписался Лёшка Ворон
 За свободу, только вот...
 Кончен бал, и Пётр встречает
 Душу Ворона в ночи,
 Все грехи его он знает,
 Смотрит в душу и...молчит.
 Много бес набедокурил,
 Горя людям причинил.
 Не отмолишь...
 Но под пули
 Сам шагнул
 И кровь пролил...

Морозец робкий, ловелас,
 снежинками целует носик,
 а санки режут тонкий наст,
 и параллельный след полозьев
 линует сквер наш по Евклиду.
 Как корочка багета, наст
 хрустит. Багеты до ковида
 вкусней казались, чем сейчас.
 Я нёс их зорьке сероглазой
 в её приветливый уют,
 где счастье отключало разум.
 Но ночь – как миг... Куранты бьют,
 злым палачом приходит время,
 а понятыми мы с тобой
 стоим растерянно и немом...
 Почти родной... Почти чужой...

Нам не дала судьба отмашку.
Но вот запомнилось навек,
как шла тебе моя рубашка –
сиянья наготы поверх...

Как чистый снег...
Как белый снег...

ТЫ МОЙ

Слепнет день, и тигли окон
Над деревьями высоко

Догорают, словно око,
У дракона облаков...
Ветерок шуршит осокой,
И на лодке кособокой
Ждут, поскольку вышли сроки
От земных устать оков...
Сроки, может быть, и вышли,
Но поспешность здесь излишня –
Не цветёт порою вишня,
Но прохладу дарит в зной,
Гнёзда вьются в кроне пышной.
Может быть, и я не лишней,
Если кто-то мне чуть слышно
Шепчет на ухо: «Ты мой...»

*Елена
КРЮКОВА,
Нижний
Новгород*

ПОСЛЕДНИЙ ВАГОН

Всё вокруг меня рушилось и сгорало дотла.
Я ночью столицей, я плясницей шла.
То ль пьяна, девка крашена, то ли вусмерть трезва,
Застывая безбашенно, на морозе трава.
В полночь наипервейшая шелестит седина.
Плечи – жёсткая вешалка. В пёсьей шубе. Одна.
Все ворота закрылись. Зимний уголь и дым.
Одинокими крыльями машет мне Серафим.
Это рушится, падает не бетон, а земля.
Стынет болью и падалью, под ногою пыля.
Бормотала я: матушка, слышишь, не умирай!
Ты сосновая матица... ты в печи каравай...
А вокруг меня клёкотом – иноземная молвь.
Площадь Красная – рокотом. Площадь Чёрная – тьмой.
Я, танцуя, вышагивала, я юродкой брела –
Пламя лисьей шапкою ночь сжирало дотла.
Из бумажных стаканчиков горький чай я пила
На краю всех обманщиков, на отшибе стола.
Ярославский, Казанский ли, Ленинградский вокзал!
Что ж ты, троица Райская... мне ж никто не сказал...
Что ты, троица Каинова, где колючка и наст...

Ни греха. Ни раскаянья. И никто не предаст.
 Мне б согреться, о публика! Мелочь, блеск чешуи...
 Я станцую по рублику, вам спляшу, соловьи!
 Ах, лапша ты разваристая, кофе-чай ты спитой...
 Потанцуем, товарищи, мой вальсок золотой!
 Моё танго маманькино... резвый батькин фокстрот...
 Я вчера была маленька... а сегодня – вперёд...
 Я вчера была старенька... а сегодня – в расход...
 Херувимская барынька... скоро поезд уйдёт...
 Ну, беги ты, плясавица! Он на третьем пути...
 Чисто петь. Не гнусавиться. Да по рельсам идти.
 Да по шпалам бревенчатым, задыхаясь, бежать,
 Да от смерти до вечности – повернуть рукоять...
 Вот седая старушенька за составом бежит!
 А земля вокруг рушится! А столица дрожит!
 О, смешная бабулька-то, рот сердечком, хоть вой!
 Снег вином белым булькает во бутылки ночной!
 То ль пьяна, вся изморщена! То ли ведьма она!
 То ль святы ея мощи! Без дна глубина!
 Всё бежит, ах, за поездом, кости вытянув, мчит,
 Не догнать, уже поздно, крик вороной летит,
 Крик летит шестикрыло в Серафимью пургу,
 Дай мне, Боже, дай силы, добегу, добегу,
 Я смогу, я настигну мой последний вагон,
 Втащат за руки, гignent, засвистит мой Харон,
 И присунут ко рту мне горло фляги чужой,
 И я сделаю жадный глоток мой большой,
 Выпью жизнь мою, Миръ мой и родимую смерть,
 Время, ты умираешь, а мне – не посметь,
 Но я знаю: случится, вот сегодня, сейчас,
 Поезд мчится, молиться надо горечью глаз,
 Вы глаза-мои-рыбы, уплываю, плыву,
 Неба мощную глыбу, как ребёнка, зову,
 Ноги ставлю на буфер, ближе к сердцу суму,
 И гляжу, как столица улетает во тьму,
 Я метелями плачу, фонарями горю,
 Нищей речью горячей о любви говорю,
 Этот поезд последний, рельсы рыб солоней,
 Я последней обедней, я безумней огней,
 Я в пургу улетела, не вспомянь, не жалеи,
 На последний – успела ночью смерти моей.

* * *

Этот Ход мой, суровой Веры, по великой и бедной стране.
 Это Ход мой, сквозь ущелья и шхеры, по отмели, по дну и на дне.
 Что со мной приключится?
 Сегодня ли, завтра – завяжи котомку – лишь путь:
 в глаза реки заглянуть, в колени земли башку уткнуть.

Все говорят, что ты сегодня – новьё, ты, моя земля.
 То жнивьё, то быльё, то бельё улетает, метелью пыля.
 А я всё иду, вечная Вера, меня не подстрелишь из-за угла,
 я в застольное царство людей рыжей приبلудной собакой вошла.

Грохот поезда! Бритвой времени пользуйся, а меня, бритый вор, не тронь:
 я сама себя раскрошу, направо-налево раздам, жадный хлебный огонь,
 и угли мои, головни мои уже, сгибаясь, плача, едят из дрожащих рук;
 а толпа пляшет, пьяна от песен горячих, и так близок Полярный Круг.

Я иду по стране, поджарая, тощая Вера, по худой песчаной земле.
 Я иду в огне, по воде, где тучи полощутся,
 то трезва как стёклышко, то навеселе.
 Я всё помню, я твержу сожжённые буквы,
 хлеб старухам дарю,
 я традицию свято чту,
 я небесных прощальных ангелов чётко зрю
 сквозь кровавую линзу, за висельную версту.

Я иду, просто баба. А баба, ребята, се не человек!
 Баба, это же просто курица-ряба, слеза из-под мужицких век,
 я иду уж не меж людей, а над Мiром, над городом, над толпою, над
 жгучей памятью, над самой собою, над звёздами, что виноградом висят,

красной – с виселиц! – винной ягодой!
 Над пургой, заметающей храм,
 где стреляли – во злобе и ярости – в грудь – так скоро забытым Царям!..
 Над железной повозкой, с красным крестом трясущейся то вперёд, а чаще – назад,
 да над Приснодевою, сущюю Богородицей – в смарагдах зрячих оклад...

Над зимней площадью, красной бешеной лошадьё,
 над колпаками-бубнами скоморохов иных, певцов,
 над секирами, судьбами срубленными новых, страшных ликом стрельцов,
 и кричу им, шепчу им: милые! братья! слышите ли! люблю!
 А в ответ мне одно: за могилою... во успении... во хмелю...

А со всех сторон, в грудь и в спину, заполошно кричат: «Собака! Уйди!»
 Я иду. Я на ветру не простыну. Укроют, обнимут дожди.
 И снега укутают. Песцовой этакой шубы и не нашивал никто на земле.
 И молитвы такой ничьи бедные губы не твердили в адамантовой мгле.
 А куда я иду? За какую жальё-надобой, там-вдали-за-рекою,
 за небесной милостью, за
 край света, за ясной тоскою, за монетами – на глаза?
 ...это Ход мой, сиротский поход мой, одинокий, за гранью-чертой –
 нежным знаменём, зрячим оком одинокой Веры святой.

МОЛИТВА

Сегодня в лазарет наш с далёкой ли дали
Совсем цыплёнка юного, мальчонку привезли.

Из кузова сгрузили и на руках внесли
В огромную палату: в крови, снегу, пыли.

Обмыть мальчонку надо! Всё чистым быть должно.
А нянечка-старуха так молится в окно.

На Солнце, как на Спаса... икона – небеса...
Зовите вы хирурга! Жить парню полчаса!

Хирург бежит, вздыхает, всю видит боль-беду.
Реку переплывает, идёт-бредёт по льду.

Реку войны и скорби, и простынь, и пелён,
Реку судьбы и смерти, реку иных времён.

А мать моя, сестричка, рукой зажала рот:
Такой солдат молоденький, а нынче вдруг умрёт!

Не умирай, шептала, держись, не умирай,
Во что бы то ни стало держись и побеждай!

Зажимы подавала... Стояла у стола...
А нянечка-старуха молилась и ждала.

А нянечка святые все путала слова,
Молилась, как умела, молилась от себя...

Хирург над страшной раной творил последний шов.
Шагнул назад, как пьяный, без сил, в поту, без слов.

Солдат, мальчонка бледный, последний дух и дых.
Он снизу вверх застыло смотрел на нас, живых.

И мать моя, сестричка, отбросила зажим,
И тихо так и горько заплакала над ним.

А нянечка молилась, молилась всё равно,
И Солнце бинтовало разверстое окно,

И Бог молитву слышал, в слезах смирен и тих,
И в небе Сам молился за мёртвых и живых.

ПОД ВЯЗЬМОЙ

Есть место им в полях России...

А. С. Пушкин

На весах Вязьмы минувшим летом
гостил, — где некогда в аккурат
под старой липой с подсохшим цветом
спал на походной кошке Мюрат.

Есть безответная, вероятно,
загадка, кто б ни давал приказ,
в немотивированных затратных
бросках в Россию армейских масс.

Живой, как пишется в сводках, силы
без счёту тут полегло, и вот
теперь поля её суть могилы
своей и многих чужих пехот.

И только певчие невидимки
их тут и чествуют
в заревой
слоящейся по бурьянам дымке
ещё при звёздах над головой.

Письма, что вот-вот начнут рассыпаться,
протёртые до щелей на сгибах,
видишь подпись – припоминаешь,
но не сразу идентифицируешь человека.

Даже приснопамятных дней подруга,
что камлала на голубых листочках,
порыжевших за четверть века,

и сама в расфокусе, и свиданья
наши
на северах России
в серебре зашкаливавших морозов.

Или вдруг открытка – отвесный почерк
собутельника остроумца,
при совке родился, при нём и помер.
Я не даровитее, не умнее,
отчего ж такая несправедливость?

И ещё конверты, листки, записки,
неотчётливые белёдые снимки
(даже затесался *цветок забытый*,
знать, с душистой некогда луговины) –
в архаичной разбухшей папке,
завяжу тесёмки её потуже.

Всё добро её, конечно же, хрупче,
чем, к примеру, береста с письменами.
Но ведь и Второе уж пришествие близко,
то бишь бейся, сердце,
не за горами
встреча отправителей с адресатом.

Памяти российской Одессы

Страшное дело,
когда под нажимом насильственных
обстоятельств
начинаешь жить не свою,
оплебенной, пригнетённой жизнью –
как это случилось с Одессой.

прости, что в поту отступили,
живыми за море ушли.

В сивашском предательском иле,
в степи под сожжённой травой
и в сентженевьевской могиле
я больше, чем кажется, – твой».

* * *

От лап раскалённого клёна во мраке
червоннее Русь.
От жизни во чреве её, что в бараке,
не переметнётся.

Её берега особливей и ближе,
колючей жнивьё.
Работая вёслами тише и тише,
я слышу её.

О, как в нищете ты, родная, упряма.
Но зримей всего
на месте снесённого бесами храма
я вижу его.

И там, где, пожалуй что, кровью залейся
невинной зазря,
становится жалко и красноармейца,
не только царя.

Всё самое страшное, самое злое
ещё впереди.
Ведь глядя в грядущее, видишь былое,
а шепчешь: гряди!

Вмещает и даль с васильками и рожью,
и рощу с пыльцой позолот
тот – с самую кроткою Матерью Божьей
родительский тусклый киот.

* * *

Россия, ты моя!
И дождь сродни потопу,
и ветер, в октябре сжигающий листья...
В завшивленный барак, в распутную Европу
мы унесём мечту о том, какая ты.

Чужим не понята. Оболгана своими
в чреде глухих годин.

Как солнце плавкое в закатном смуглом
дыме

бурьяна и руин,
вот-вот погаснешь ты.

И кто тогда поверит
слезам твоих кликуш?
Слепые, как кроты, на ощупь выйдут в двери
останки наших душ.

... Россия, это ты
на папертях кричала,
когда из алтарей сынов везли в Кресты.
В края, куда звезда лучом не доставала,
они ушли с мечтой
о том, какая ты.

* * *

На холмах с нездешним светом
колосится воздух-рожь.
Обжигающий при этом
ветер соткан из рогож.

Самолётик малокровный,
уподобясь миражу,
оставляет в ярко-тёмной
тверди рыхлую межу.

Так лети, лети, служивый,
санным следом сумрак рань,
в жадных поисках наживы
всё пространство прикармань:

драгоценную пушнину
зимних гаснущих небес,
ночи звёздчатую льдину,
вставшую наперерез

и усыпанную сажей
тех галактик, чей распыл
по сравненью с кровной нашей
скоротечен слишком был.

Но сорвавшись с выси страшной,
ты, серебряный комар,
не разбей земной пустышный
ёлочный стеклянный шар.

[ИМЕНА]

Юрию КУЗНЕЦОВУ –

85 лет

Виктор ПЕТРОВ

«ОТ МЫСЛИ ОН ОГОНЬ ВОЗЖЁГ...»

Трансформация поэтики Юрия Кузнецова

Юрий Кузнецов значим для современной поэзии прежде всего тем, что в своих знаковых произведениях, вроде бы возвращаясь по всем приметам к русской классике, например, используя жанр поэмы да и не желая тратиться на языковые изыски, сумел неизменно раздвинуть пределы стиха. Ему удалось то, чего безуспешно пытались достичь популярные его современники – от шестидесятников до Бродского. Он позвал в собеседники время, а думается, на этот зов откликнулись времена, в том числе и переживаемая нами уже без поэта нынешняя пора.

Во главе угла – мысль. Более того – русская мысль, по Кузнецову. Но и не забудем, что на Руси край света за первым углом. Когда это сопоставляешь, то само собой складывается, пожалуй, едва ли не сущностная характеристика поэтики Юрия Кузнецова. Чем он, на мой взгляд, прежде всего отличен от других, ото всех прочих стихотворцев, а именно: выражением мысли, как правило, невыразимой даже словом, но воспринимаемой нами через кузнецовский образ.

За три дня до кончины Юрий Кузнецов пишет своё последнее стихотворение «Молитва», где обращается к известному по литературе сюжету, вспомним того же Льва Толстого с его рассказом «Три старика». Речь о том, что можно считать истинным молением Богу и как здесь важен не произносимый словесный смысл, обычно диктуемый рассудком, а само чувство искренней веры, некое проживание в иной надмирности, когда есть всевластие высшей силы и ты осознаёшь, принимаешь её, и тем оправдано твоё существование в этом мире.

– Ты в небесех – мы во гресех – помилуй всех!

Так у поэта молятся «просто так Богу» на «голом острове» неграмотные старцы и – «не умел из них никто считать до трёх». Стихотворение и рассказ схожи концовкой: хождение по воде аки посуху как доказательство правоты и обращение в своё осознание веры.

Однако Кузнецов-поэт идёт далее классика. Вот уже нет на свете последнего из старцев, и тогда:

На голом острове растёт чертополох.
 Когда-то старцы жили там – остался вздох.
 Как прежде, молится сей вздох сквозь дождь и снег:
 – Ты в небесех – мы во гресех – помилуй всех!

Образ «вздоха» становится образом мысли, а это уже иное бытование. Вздох, по Кузнецову, сама человеческая сущность. И молитва должна быть сродни вздоху или наоборот – не суть важно. А подлинная поэзия? Конечно, спору нет.

И здесь мы выходим на проблему первородства поэтического Слова. Оно от ума, знаний, грамотности, наконец, или должно быть прежде всего «вздохом», ну и, конечно, при наличии перечисленного выше и ещё схожего для этого ряда. Юрий Кузнецов определён в своём ответе.

Посыл хрестоматийного стихотворения «Простота милосердия», замечу, написанного в 1984 году, то есть в канун начала распада великой страны, а скорее всего, и ускоряемого мирового беспорядка, донныне, пожалуй, точнее всего выражен строкой:

Все мы кровные мира сего.

СТИХИЙНОСТЬ ТАЛАНТА Юрия Кузнецова очевидна. И в то же время это весьма организованный поэт, если позволительно так сказать. О чём, думается, более всего свидетельствует факт написания им значительных поэм. И сделанное здесь впечатляет, хотя по структуре поэтического письма он больше был лирическим поэтом, поскольку всё-таки шёл от себя. Впрочем, назвать его таковым, конечно, неправильно. Тогда кто же он, Юрий Кузнецов?

Отважусь предположить, что в лице Юрия Поликарповича мы имеем поэта, наделённого провидческим даром, который необъясним и даётся Божьей волей. Но я бы утверждал: случай поэта Юрия Кузнецова наособицу. Он при всём стечении благих обстоятельств сделал себя сам. И, сознавая это, неустанно двигался к известным только ему пределам. Вот тут мы подходим, собственно, к главному в определении того, что было сотворено Юрием Кузнецовым, пусть и внешне, в стихотворном жанре. Кажется, это иной вид творчества, чем просто писание в рифму.

Да и сам Юрий Поликарпович не раз рассуждал относительно своих трудов. Пояснял, спорил, доказывал. Правда, делал это он больше в начальную пору и в середине избранного пути, потом же с годами заметил, что нет смысла упрощать якобы усложнённую поэтику, кому надо, разберутся сами, а нет, так и нет. Это, впрочем, не значит поэтической элитарности, но свидетельствует о весомости кузнецовского слова и осознании того автором.

Так вот, если Юрий Кузнецов теоретически вроде бы обосновал для читателя, современного ему и будущего, устройство своего поэтического мира, то о его творческой практике, позволю так себе сказать, есть смысл порассуждать. На мой взгляд, путь Кузнецова, следуя хронологически, можно разделить на три весьма условных этапа.

СИМВОЛ КАК БЫТИЕ. Юрий Кузнецов, едва перешагнув возраст Христа, заявляет на писательском съезде в 1975 году о кризисе современной поэзии, где царит быт, а не бытие. Назначение поэта не в заземлённости, а в стремлении к горним высям. Призывает в союзники Тютчева, свергает «авторитеты» и цитирует в качестве «прорыва к большому бытию» Рубцова и Тряпкина.

Что же сам Кузнецов? Его заботит символ, в чём он не раз признаётся. И символ, добавлю, как бытие. Возьмём уже ставшее хрестоматийным стихотворение начальной поры

(автору 17 лет!) ради цитируемой несчётное количество строки: «Выщипывает лошадь тень свою». И пусть оно не столь совершенно из-за того, например, что «цепляются облака за звёзды» и тут же «в речке заблудившееся облако», но в нём есть уже, кроме «лошади», другие бытийные символы, незамеченные, впрочем. Это «нахохленная станция», «патрон-таши тракторных следов», одно «сырое пламя сорванных цветов» чего стоит!

И далее в другом стихотворении через год про удивление миром, где «снегопад цветущих акаций», «шестерни подсолнухов», «полная скуластая луна». Это не просто образы, а символы той сельской жизни, что благодаря им предстаёт в бытийном плане свидетельством места рождения поэта.

Юрий Кузнецов, как никто другой, сумел так обозначить символами Великую Отечественную войну, что теперь она для многих может быть воспринята через его видение. Сын погибшего фронтовика пишет: «Мир, разорванный свастикой...», «Чистит немец ботинки / Родимую щёткой овсов», «Слёзы, длинные, / Как отступления наших отцов». Ему уготована безотцовщина, и в этом ужасе он не один такой. Символом становится «колодец на краю войны», что «из снега чёрным солнцем светит» и куда ходит мама за водой, тогда как мальчику кажется «за войной!».

А в знаменитом «Возвращении» обращу внимание на усиливающий образ «столба крутящейся пыли» эпитет – «одинокий». Это о человеке, об отце, чей неестественный уход никак не объяснить. И чья одинокость там разрывает сердце живущих здесь. Налицо рождение символа, некоего памятника погибшим.

Армия, служба на Кубе в Карибский кризис обернулись тоской по Родине, когда только «пенистый след корабля» и указывает путь обратно. Обостряются чувства, и символом того становится «дыхание лишнего звука» во время караульной службы на посту («Бабочка»). И рядом – «нас целовали пули, / как мать на прощанье, в лоб».

Да, Юрий Кузнецов сделал себя поэтом сам. Но были обстоятельства, тому способствующие. Печатался он и до армии, правда, на Кубани. Первым из литературных журналов опубликовал «Дон». Годы учёбы в Литинституте, вернее, сама атмосфера «очарованного института», как замечено им вослед лесковскому страннику, вывели его, будем считать, после поэмы «Дом» к «Золотой горе», где «от мысли он огонь возжёт». И сама эта поэма стала своеобразным манифестом на том уровне развития – Юрий Кузнецов обозначил свой дальнейший путь.

ПРИТЧЕВЫЙ ЛАД – так бы условно следует назвать второй этап творчества, весьма и весьма плодотворный. Пора зрелости, совершенства. И здесь притчевый лад доминирует. Мысль поэта, кажется, не знает границ и пределов. Он непредсказуем. Каждая новая строфа может увести за собой невесть в какую даль. Но всё работает на поэтический замысел. И в этом разе ощутима структурированность стихотворного текста.

Старик белками опрометь повёл,
Заклекотал – из вышины орёл
Пал, рассекая воздух горячо,
И сел ему на правое плечо.
Погасли в растопыренных крылах
Стальные искры и морской размах.
Но проицали дол и небеса
Стремительные ясные глаза.
(«Змеи на маяке»)

Притчевый лад требует сюжета. И здесь Кузнецов неистощим. Как у каждого поэта у него есть опорные стихи. Помните Маяковского: «У Блока из десяти стихотворений... – два хороших, но таких хороших, мне, пожалуй, не написать»? Обратимся к таким стихам

Юрия Кузнецова. Вот муравей ходит по краю стакана (именно – ходит!), «из которого в доброе время / Не одну только воду пил» поэт с «одиноким душой», и теперь:

Показалось: частицею малой
Сам я вспыхнул на чьём-то краю.

Или вот щемящий трагизм, казалось бы, банальной истории, когда лирический герой, или, возможно, сам автор, исповедуясь, не щадит себя – «За дорожной случайной беседой...». Он всего лишь:

И по шумному кругу, как чарку,
Твоё гордое имя пустил.

Кажется, встречались такие ситуации в литературе. Но Кузнецов не был бы Кузнецовым, не выйдя на притчевый сюжет. Любимая слышит своё имя и откликается к стыду – всё-таки автора, поскольку строй стиха так достоверен! – на него:

Ты возникла, подобно виденью,
Победителю верность храня.
– Десять лет я стояла под дверью,
Наконец ты окликнул меня.

Развязка страшит беспощадностью конца, когда ничего не исправить, казни себя – не казни, ты будешь проклинаем самим собой:

И ушла по ту сторону света,
Защищаясь рукой от огня.

Показательно выстроенное своей притчевостью, так и кажется, по жёсткому плану, чему может быть доказательством и выверенный размер шестистроичной строфы, стихотворение «Семейная вечеря». Вполне, что именно здесь Кузнецов ставит перед собой неразрешаемые задачи, пытаюсь в то же время разрешить их, и его поражение не есть ли сама победа?

«Седая старуха, великая мать, / Одна среди мира, в натопленной хате» собирает за поминальным столом «милых детей», и они «сквозят, как туманы, меж ночью и днём».

– Не хлебом единым – сказала старуха.
И каждому мерит от чистого духа
И мира сего:
Огонь для солдата, лазурь для поэта,
Росу для вдовы, молоко для следа,
Себе – ничего.

Вот он – подлинный Кузнецов во всей силе таланта! Далее сюжет развивается в полной неопределённости, давая простор читательской мысли: что же, собственно, хотел сказать поэт? И ответом будет опять смысловая неопределённость, но и в то же время понятность на уровне высокой степени чувств! Старуха открывает собравшимся прорицанье:

На чресла гадали мне в детские годы,
Что выйдет оттуда предтеча свободы.
Он должен быть здесь.

Сказано главное. Далее сына-поэта «посещает виденье и отворяет светом уста: – Былое грядёт!..», и все за столом пьют – каждый за своё:

Солдат – за победу, поэт – за свободу,
Вдова – за прохожего, мать – за породу,
Младенец – за всё.
Бродяга рассеянно пьёт за дорогу,
Со свистом и пылью открытую Богу,
И мерит своё.

Исторические сюжеты всё более влекут к себе. Это «Елена», «Макбет», «Знамя с Куликово», «Тайна Гоголя», «Для того, кто по-прежнему молод...», «Сказание о Сергии Радонежском», «Европа» Притчевый подход даёт возможность вольного обращения с начальным материалом, когда Кузнецов извлекает оттуда ведомые только ему смыслы, что становятся общими. Если враг идёт «противу Москвы и славянских кровей», то мнится «копьё Пересвета», и тогда:

Над русскою славой кружит вороньё.
Но память мою направляет копьё
И зрит сквозь столетья.

И вот уже пророческие строки из 1984 года про птицу, что «Над страну пролетала / Повела другим крылом / И страны как не бывало / Ни в грядущем, ни в былом». Только это всё-таки не про распад Советского Союза, не про Россию, это дальше взгляд – уже в наши дни, когда, кажется, обречена на исчезновение понятно какая страна. Такова притчевая угаданность реальных событий в будущем.

Родина для Кузнецова – «Взгляд в себя и вселенский размах...». И как предупреждение в противостоянии с мраком уже тогда – в 1988 году:

Тут система, ну а мы стихия,
А за нами матушка-Россия,
А за нами Божия гроза...
Всё-таки гляди во все глаза.

Мучительно переживал поэт 90-е годы: «Мать-отчизна разорвана в сердце моём...». Выходят из-под пера «Свеча», «Окно», «Сон», «Бабы слёзы», «Тайноденство»... В «Последнем искушении» начинает звучать тема Христа, поэт приходит к нему, и если вначале интуитивно, то затем вполне осознанно, с присущими его таланту охватом и глубиной.

Тяжко было ему принимать
Все большие и малые муки,
На восход и закат простирать
Навсегда пригвождённые муки.

Так случился переход от символа и притчи к мифу, а в целом укоренение в православной Вере – пусть и через творчество.

ОТ МИФА К ВЕРЕ. Юрий Кузнецов, как и каждый русский поэт, не мог не прийти к Вере. Путь этот был далеко не прост, о чём может свидетельствовать уже само написанное им. Там мучительные поиски, обретения и потери, греховность и покаяние, наконец,

осознание своей высшей миссии поэта – выразителя русской души, русской мысли. Это пафосные слова, но так оно и есть.

Ставилась творческая задача – создать трикнижие о Христе. И если ранее в отдельных стихах и поэмах затрагивалась тема Спасителя, то здесь поэт настроил себя на некое, по сути, «Евангелие от Кузнецова». Требовалось не только применить дар сочинительства, а и постичь высший смысл явления Иисуса Христа.

Справился ли с задуманным Юрий Кузнецов? Споры на сей счёт идут и будут идти. Ведь Сыне Божий Единородный – он для всех и каждого. По моему убеждению, главным устремлением автора стало желание показать Христа в двух ипостасях, очеловечив его и обожествив. Здесь работают и символ, и притча, и миф, но более всего библейские сюжеты, словно бы переведённые на современность русским поэтом Юрием Кузнецовым, поэтом рубежа двух тысячелетий.

Автор сдержан, пишет словно бы с оглядкой на канонические тексты. А как иначе? Только так! И всё равно Кузнецов остаётся Кузнецовым. Например, про материнство Марии:

Мать спеленала дитяню в тридевять земель,
Мать уложила дитяню в постель-колыбель,
Мать напевала ему колыбельную песню,
И растекалась она по всему поднебесью.

Детство, юность, зрелось... Весь Путь Христа прослежен до Голгофы – «Дух из Него исходил, как сияющий свет», и Вознесения – «С вами Христос во все дни до скончания века!..».

Будем помнить, в какое время писались поэмы о Спасителе. Россию терзали вороги внешние и внутренние. Как мог Юрий Кузнецов, уже откликнувшийся ранее в стихах на разор, смолчать здесь. Примером служил Данте, поминаемый не раз Кузнецовым. И создаётся «Сошествие в Ад». Поэт просит Христа: «Боже! Хоть тенью позволь мне попасть на тот свет...».

Поэма приобретает фантасмагорический вид. И здесь Юрий Кузнецов в своей стихии. Встречаемы различные персонажи. И если с отдалёнными во времени всё понятно, то как быть с ещё живущими?.. Выходит, поэт предсказал им незавидную судьбу силой провидца! И рефреном звучит строка: «Это предатель, сказал я в глубокой печали...».

Сказанное тогда не звучит ли сегодня?

Последнее обращение к Всевышнему завершает поэму:

Боже, я плачу и смерть отгоняю рукой.
Дай мне смиренную старость и мудрый покой.

Увы, в следующем 2003 году поэта Юрия Кузнецова не стало, и начатая поэма «Рай» оказалась оборванной на строке:

Плачьте, потомки! Я песнь не окончил свою...

В то же время есть удивительная чистотой и светом поэма «Красный сад», созданная перед «Путём Христа». И по ней вполне можно представить, каким бы оказался «Рай» Юрия Кузнецова.

Трансформация поэтики Кузнецова очевидна. И в этом он повторил творческие судьбы знаменитых русских поэтов – Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Есенина... Разные имена, разный жизненный срок, но все они были в развитии до последнего. И Господь отмеривал им этот срок, сообразуясь с исполненным в поэзии.

Станислав
КУНЯЕВ,
Москва

* * *

Непонятно, как можно покинуть
эту землю и эту страну,
душу вывернуть, память отринуть
и любовь позабыть, и войну.

Нет, не то чтобы я образцовый
гражданин или там патриот –
просто призрачный сад на Садовой,
бор сосновый да сумрак лиловый,
тёмный берег да шрам пустыяковый –
это всё лишь со мною уйдёт.

Всё, что было отмечено сердцем,
ни за что не подвластно уму.
Кто-то скажет: – А Курбский? А Герцен? –
всё едино я вас не пойму.

Я люблю эту кровную участь,
от которой сжимается грудь.
Даже здесь бессловесностью мучусь,
а не то чтобы там где-нибудь.

Синий холод осеннего неба
столько раз растворялся в крови –
не оставил в ней места для гнева –
лишь для горечи и для любви.

* * *

Как разорвать мне мою пуповину
С древним погостом, с холодной Окой?
Выйду к обрыву, взгляну на равнину –
Вечное счастье и вечный покой!

Если желанье одно, умирая,
Будет позволено выдохнуть мне, –

Я возжелал бы из ада иль рая,
Но возвращаться к несчастной земле.

Тенью иль светом – разочек в столетье!
Чтоб успокоиться, глядя на вас,
Русские веточки, правнуки, дети...
Живы?.. О Господи!.. Слёзы из глаз!..

* * *

Я научился засыпать в седле,
рассчитывать опасное движенье,
не торопясь, угадывать во мгле
ведущее к ночлегу направление.
Я вовремя почувствую беду,
страх одолею и отпряну в страхе,
а если где-то кожу обдеру,
всё заживает, словно на собаке.
Я рад, что тело на краю земли
все испытанья выдержало с честью.
Окрепил ноги, руки обросли
какой-то золотистой шерстью.
Как изменилось тело! Но душа
не может быть иной, хоть лезь из кожи.
Она во власти суеверной дрожи
в ночной простор глядит, едва дыша.
Не замечая быстротечных дней,
она живёт иными временами,
и будущее властвует над ней,
и прошлое преследует тенями.
Нет-нет – услышу: с милыми людьми
(на что ей эти реки, эти горы!)
она ведёт немые разговоры,
глядит в слезах в родимые просторы,
в другие ночи и другие дни.

* * *

Всё меньше о себе – всё чаще обо всём –
о чёрных тополях, о времени, о снеге,
о том, как три звезды сверкают за окном,
как, тяжело дымясь, охладевают реки.

Всё больше обо всём. О схожести судеб,
Всё реже о своей недостижимой цели.
Как мало надо нам – огонь, вода и хлеб,
да воздуха глоток, да чтобы птицы пели...

* * *

Никогда не желал отличать
правду жизни от правды искусства,
потому и привык отвечать
словом на слово, чувством на чувство.

Я фальшивых бумаг не плодил
и за всё в этом мире суровом,
как умел, не торгуясь, платил
неразменными чувством и словом.

Если кто недоволен – прости
за наивные эти минуты,
но другого не вижу пути
и другой не имею валюты.

* * *

Смыкаю тяжёлые веки...
Опять пантопон виноват,
что высокогорные реки
в больничной палате шумят.
Им вторят тянь-шаньские ели,
колышется зной над хребтом,
и жадно хватают форели
приманку оскаленным ртом.
От счастья едва ли не плача,
я вновь бормочу в полусне
о том, что судьба и удача
ещё благосклонны ко мне.
Захваченный этой охотой,
у белых снегов на виду
бесшумной звериной походкой
я вдоль по карнизу иду.

Крадусь над сверкающей бездной,
забыв о печали земной,
и времени бег неизбежный
обходит меня стороной.

ПАМЯТИ ДРУГА

Наши лошади шли по цветам,
в синих реках бродили по брюхо.
Я дивился гранитам и льдам,
необъятным для зренья и слуха.
Дети нежной и страшной земли –
если б делали нас из металла!
Мы с тобою полсвета прошли,
и по свету нас жизнь разметала.
Путь замкнулся до крайней черты...
Не с того ль я сегодня в Европе
по казенному делу, а ты
в почве родины, в цинковом гробе.
Самых лучших сминает судьба,
самых сильных и преданных косит...
Не удержишь ладоней у лба –
никнут долу, как ветер относит.
Наши тропы и наши костры,
запах счастья, свободы и дыма,
горький привкус огня и золы –
всё истаяло неотвратимо.
Сколько жизни я отдал земле,
сколько радостей в небе витает!
Не по мне этот мир, не по мне, –
так прекрасен, что сил не хватает.

* * *

Азия!
Звёзды твои
страшной своей красотой
путали мысли мои
в час приближенья к покою.
В мертвенном звёздном огне
плыли вершины Алая,
и приходили ко мне
строки,
меня потрясая.
От голубого огня
плавильсь звёздные дали...
Сколько прозрений меня
в эти часы окружали!..
И уплывали к утру...

Думаю,
что и поныне
кружат они на ветру
где-нибудь в Чуйской долине.

ПРОЩАНИЕ С ТЯНЬ-ШАНЕМ

Высокогорная страна,
всю жизнь звала меня не ты ли,
чтоб синь твоя и желтизна
в моей крови перебрадили.
Я забредал в такую даль,
чтобы узнать за эти годы,
как пьёт в расщелинах миндаль
твои заоблачные воды.
Я видел, как, пронзая снег,
среди поднебесного безлюдья
тянулся розовый побег
и трепетал от жизнелюбья.
И я подслушал твой секрет,
который выболтала птица:
нельзя покинуть белый свет
и ни во что не воплотиться.
Прощай! Я не хочу спешить,
но всё же час пришёл сознаться:
затем, чтоб новой жизнью жить –
от старой надо отказаться.
Не верь, что молодость прошла,
не плачь, что юность отзвучала –
не могут выгореть дотла
все жизнестойкие начала.
Не потому ли, как привет,
как обещанье жизни новой,
кивнул мне на прощанье вслед
подсолнух золотоголовый.

* * *

Не ведает только дурак,
что наши прозренья опасны...
Как дети прекрасны и как
родители их несуразны!

Помятые жизнью, вином,
с печатями правды и фальши,
не мыслящие об ином,
чтоб выжить хоть как-нибудь дальше.

А рядом комочек тепла
витают в блаженной дремоте,
не ведая зла и добра, –
как странно: он тоже из плоти!

Как будто природа сама
твердит нам устами любви
о том, что сиянье и тьма
повенчаны узами крови.

* * *

Когда грустит лесной аэродром,
когда стоят машины без работы
и только листья огненным дождём
бросаются в полёт от непогоды,
когда темнеют дальние холмы,
и плох прогноз, и рация безгласна,
я, глядя в темень дождевой каймы,
вновь повторю себе, что жизнь прекрасна.
Мне повезло, что я глядел окрест,
на лик земли, на человечьи лица
и признавал, что мне не надоест
желанное призванье очевидца.
А надоест – тогда под вольный свист
я поплыву над чёрным косогором,
как этот лист, как этот жёлтый лист,
насытившийся солнцем и простором.

* * *

Кто там шумит: гражданские права?
Кто ратует за всякие свободы?
Ведь сказано – «слова, слова, слова»...
Ах, мне бы ваши жалкие заботы!

Ах, мне бы ваш ребяческий восторг,
хмель интервью, газетная арена!
Но я гляжу на Запад и Восток
Не очерёдно, а одновременно.

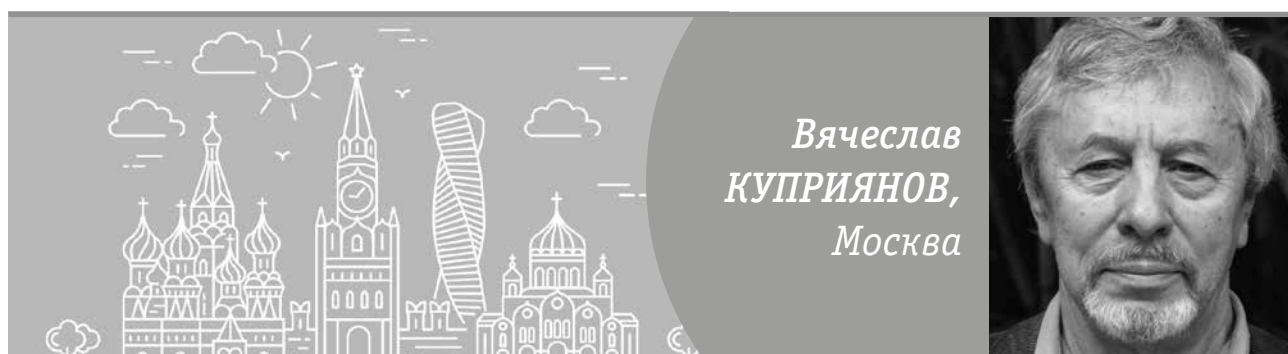
Я не поборник иллюзорных прав.
А если кто увидит в этом рабство,
я отшучусь, что вёл себя как граф,
не признающий равенства и братства.

Что говорю как гражданин страны,
 которой нет начала и предела,
 где все мы одинаково равны
 пред ликом Данта и строфой Гомера.

то вскинешься ты до небес,
 то чудные силы уведят
 бесшумные реки твои,
 твои роковые прозренья
 в сырые глубины земли,
 где дремлют твои поколенья.

* * *

Россия – ты смешанный лес.
 Приходят века и уходят –

ЧУДЕН ДНЕПР

Чуден Днепр
 При тихой погоде
 Когда не делит
 На левую и правую
 Свою величавую широту
 Чуден Днепр, когда
 Редкая пуля долетит
 До его золотой середины

Чуден Днепр при любой погоде
 Когда не льёт свои воды
 На мельницу нечестивых
 Чуден Днепр
 И блажен муж
 Иже не делит
 На левую и правую
 Величавую широту
 Своей русской души

СЛАВА ЕВРОПЕ!

Призрак бродит по Европе
 Пугая её Карлов и Фридрихов
 Иваном Грозным и Петром Великим
 Призрак бродит по трезвой Европе
 Призрак грозного русского духа
 Мирных граждан пугая
 Военным танцем маленьких лебедей
 В Париже во всех кафе
 Слышатся крики бистро! бистро!
 В Германии история смущает немцев
 Вопросами действительно ли сожгли Гитлера
 Это не мы мы вообще никого не сжигали
 Разве что некоторые опасные книги

Отпираются подобрешные немцы
 Но вот сошёл с пьедестала Медный всадник
 И скачет по потрясенным крышам Европы
 И мертвые души воинов Валгаллы
 Готовы встать на защиту безбожников Европы
 А солдаты Суворова снова переходят Альпы
 И заблудившиеся на карте Европы страны
 В страхе хотят прибиться к новому германскому рейху
 Надо всей Европой нависло чистое русское небо
 Призрак русского духа бродит по трезвой Европе
 Нарушая её заминированные границы
 И вещает на чистом берлинском диалекте
 Россия цэ Европа

БЛИЗОСТЬ ИСТОРИИ

Как все это близко и сплетается
 В узел который грозит затянуться
 Немцы уже подходят к Москве
 А французы ещё уйти из Москвы не успели
 Но её уже сжёт крымский хан Тохтамыш
 Так что мало что достается полякам
 Со всеми лжедимитриями
 Тем не менее уже завтра
 Какие-то американские авианосцы
 Готовы помешать парусникам Ушакова
 Отправить турецкую эскадру
 На дно Средиземного моря
 И западные слависты старательно переводят
 На язык половцев и печенегов
 Плач Ярославны в Слове о Полку Игореве
 В надежде воскресить и двинуть на Русь
 Уснувшие орды свирепых кочевников

ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

Человек приходит в благоговейное удивление
 Когда вдруг находит себе ботинки
 Как раз по ноге
 Восхваляет чуткую мудрость природы
 Покупая пиджак
 Словно на него пошитый
 Едва не теряет голову от восторга
 Примеряя шляпу
 Которая была поистине заранее задумана
 С учетом такого тайного знания
 Что у него есть голова
 Именно такого размера
 Как после этого с радостью не догадаться

Что кто-то где-то заботливо подогревает
 Все его откровенные чувства
 Умело подтягивает
 Под общепринятые стандарты
 Все его оригинальные мысли
 Своевременно угадывает и исполняет
 Все его заветные мечты

НОВАЯ ЗЕМЛЯ

*Памяти Евгения Ивановича Игнатенко,
 вице-президента Росатома*

Мой друг Женя Игнатенко
 Боролся на ковре за нашу мореходку
 В тяжёлом весе
 А я так и остался в лёгком
 Потом он держал на себе все атомные станции
 Брошенные Советским Союзом
 На попечение расчётливой России
 Он спасал для украинцев Чернобыль
 Надеясь на благодарность спасённых
 Он защищал стеснительный русский атом
 От продажи его жадным супостатам
 Он однажды позвал меня
 Полететь на Новую Землю
 (Оттуда вся Старая земля виднее)
 Отпраздновать юбилей атомного полигона
 Жалею что не согласился
 Тогда бы всё время пошло иначе
 По теории управляемого хаоса
 Будущее как-нибудь иначе изогнулось
 И по дороге на Воронежскую атомную станцию
 Его бы не убил неопознанный грузовик
 А теперь Новая Земля осиротела
 Она лежит полярным бумерангом
 Который не знает куда ему лететь
 И куда вернуться
 Мой друг Женя Игнатенко
 Сейчас управляет всеми атомами Вселенной
 Не дает галактикам разбегаться
 Уговаривает тёмную материю
 Спасти на земле наши светлые души
 Ради великолепия видимого
 И невидимого звёздного неба

ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ

Вдоль разбитой дороги жизни
Разбросаны мои устаревшие
Школьные учебники
И я отчаянно забываю
Все то чего бы я не мог
Узнать без них
Что вода от холода замерзает
И становится твёрдым льдом
Что пар превращается в иней
И делает неузнаваемыми деревья
И откуда бы я мог узнать
Что кроме дважды два четыре
Есть ещё мнимые числа
Которые плодят мнимых людей
Что кроме истории для младших классов

Есть ещё высшая история
Не та что случилась как случилась
А та что должна была быть
И есть ещё высшая география
Населённая счастливыми странами
Которые счастливы оттого
Что они граничат друг с другом
И есть ещё высшая астрономия
Где звёзды вывернуты наизнанку
И из них в любое время года
Сыплется новогодний снег
И засыпает разбитую дорогу моей жизни
Со всеми моими забытыми
Устаревшими школьными учебниками

*Максим
ЛАВРЕНТЬЕВ,
Москва*

* * *

Мария, мать Христа и наша,
прости меня и пожалей –
на мне да не иссякнет чаша
небесной милости Твоей!
Не дай душе умчаться с ветром,
и обними, и обнови
всю жизнь мою чудесным светом
Твоей немеркнувшей любви.

ТРЕТИЙ ГОД ВОЙНЫ

Шёл третий год войны. И доблесть, и смекалку
бесстрашно в соцсетях выказывали все.
Как на Омаха-Бич, лежал народ вповалку
на пляжах Судака, Анапы, Туапсе.
Сплочённое Кремлём, держало оборону
Бульварное кольцо, лишившись бизнес-виз.

Везде жрецы искусств служили Аполлону,
вонзал свой тирс в мозги безумный Дионис.

А где-то далеко за МКАДом – на Донбассе
неслись ракеты ввысь, и дроны брали курс,
чтоб врезать по шоссе, влупить по нефтебазе,
обрушиться стремглав на Белгород и Курск.
Чернели тут и там сожжённые халупы,
что не были огнём вчистую сметены,
а в лесополосах, в полях коснели трупы
убитых – и по ним шёл третий год войны.

ГРЕЦИЯ

Не ждёт сигнала туча грозовая,
чтоб устремить дождя потоки вниз,
и журавли летят, не признавая
Эллады исторических границ,
и дикий мирт, растущий в мелколесье

на склоне у Кастальского ключа,
не помнит ничего об Ахиллесе,
о торжестве ахейского меча.
Молчат о прошлом каменные гроты.
Кругом раскрылись миллионы глаз,
но почему-то мутный взгляд природы
всегда скользит куда-то мимо нас,
как будто мы – иллюзия, химера,
фантомы, не способные понять,
что и без нас, и без поэм Гомера
прекрасно может мир существовать.

* * *

Много книг я мудрёных прочёл,
но гораздо мудрее, чем книги,
этот берег, жужжание пчёл,
эти заросли спелой черники.

Всё в природе само по себе
нарушает людские каноны,
но изящней листок на грибе,
чем изгибы в скульптурах Кановы.

И хоть бора сосновый концерт –
какофония скрипа и хруста,
в нём отсутствуют ложный концепт
и натужная прелесть искусства.

* * *

Есть стихи, написанные ловко,
на любой странице их открой –
и размер в порядке, и рифмовка,
только тайны нет в них никакой.

А другие – все из опечаток,
из ошибок будто состоят,
но хранит нездешний отпечаток
дикий, хаотичный звукоряд.

Много в них намешано, и всё же
голову себе ты не морочь, –
есть стихи куда верней и строже,
ясные, как над пустыней ночь.

Та святая ночь, когда не спится
и звезда приковывает взор,

чтобы не могли с дороги сбиться
Бальтазар, Каспар и Мельхиор.

* * *

Петербург. Дома, дома, дома,
из петровской выросши потехи,
встали, как роскошные тома
в императорской библиотеке.

На московских улочках кривых
мало вы подобного найдёте.
Впрочем, книги я читать привык
не в таком парадном переплёте.

Уезжаю. Не родной я тут,
хоть и обхожусь уже без карты.
А дома плывут, плывут, плывут,
словно броненосные эскадры.

* * *

Москвичи такие: им пожалуйся –
глянут равнодушно и спесиво.
Не дождёшься ты от них «пожалуйста»,
сколько им ни говори «спасибо».

Может быть, их резали и вешали?
Может, в детстве пыткой угрожали?
Так или иначе, но невежливы,
хмуры и враждебны горожане.

Чувствуя себя таким же Каином,
полным недовольства и опаски,
взглядом я скольжу по лицам каменным, –
прямо не Москва, а остров Пасхи!

* * *

Когда проймёт меня сердечный приступ,
и окунусь я в смерти полынью,
и опечатает судебный пристав
замшелую недвижимость мою,
и, прочитав стихи мои случайно,
заявит вдруг какой-нибудь дурак,
что ничего в них для него не тайна,
что он и сам легко сумел бы так,
и, книжку взяв, денёк её проносит

студенточка, очкаста и тоща,
и станет морщить свой мышинный носик,
Ахматову напрасно тут ища,
и на занятии в Литинституте
ей пробурчит профессор-купорос,
что я не разглядел какой-то сути,
чего-то не достиг и не привнёс, –
тогда вдали от вздорных этих басен

обнимет мир меня, и прост, и мил,
и так же бескорыстен, так же ясен,
как всё, что я в поэзии любил.
Останется душа моя навеки
среди знакомых сосенок в бору,
где будет соловей сидеть на ветке
и петь, поскольку весь я не умру.

Валерий
ЛАТЫНИН,
Москва

ЯБЛОНИ

Столетние яблони кроны сплели
Шатром благодатным.
Склоняются тяжело до самой земли –
Плоды передать нам.

Пока мы сидим за казачьим столом
И песни играем,
О землю бьют яблоки ясным челом,
Обходят нас краем.

Как будто идёт камнепад или град
Донскими садами,
Духмяные ядра летят и летят,
Но только за нами.

Ни стол не задет, ни друзья за столом,
Как будто природа
Приветствия бьёт своим ясным челом
Казачьему роду.

НЕ НАПОМИНАЙТЕ...

Не напоминайте про усталость.
Устаю, конечно, устаю.
Только, сколько б жизни ни осталось,
Я её в безделье не солью.

Не по мне – пустое прозябанье.
Охи-вздохи – тоже не по мне.
Жизнь прожить хочу не на диване,
А, как русский витязь, – на коне!

СВЯЩЕННОЕ ПРАВО

*Участникам специальной
военной операции*

Рыщут над вами зловещие «птицы»,
С неба снаряды и мины летят.
В ждущей России родителям снится
Месяц за месяцем длящийся ад.

Всё, как у дедов – дороги, окопы,
Артподготовка, команда «Вперёд!»
А Пентагон, оседлавший Европу,
Толпы манкуртов навстречу вам шлёт.

Сколько ещё помраченье продлится
У миллионов скопцов в головах,
Чтоб наконец-то смогли убедиться –
Зло неизбежно повергнется в прах?!

Валит вас с ног то огонь, то усталость,
Трудно к победе дорогу торить,
Но вам священное право досталось –
Правду и мир на земле утвердить!

О ПОБЕДЕ

Как бы все ни жаждали Победы,
О другой победе я молюсь:
– Боже правый, милосердным светом
Освети разрозненную Русь!

И в Москве, и в Киеве, и в Минске
Остуди горячие сердца.
Дай слезам просохнуть материнским
И вздохнуть спокойнее отцам.

Изведи предательство и злобу.
Мудрость дай народу и вождям.
Обуздай корыстную Европу,
Чтобы перестала гадить нам.

Помоги разумно разобраться,
В чём причина наших общих бед,
И верни утраченное братство
Силой наших внутренних побед!

КОРЫСТЬ

Когда ты возник, человек,
Как рода людского начало,
То не был еврей или грек –
Природа нас не разделяла.

Земля не имела границ,
Весь мир человеку сулила...
Корысть сотворила убийц
И бросила силу на силу.

Дрались за желанный кусок,
За шкуру и место в пещере.
И кто-то ушёл на Восток,
А кто-то подался на Север.

По-разному солнце их жгло,
Поили их разные воды.
И непобеждённое зло
Всё больше разнило народы.

Мы выросли из дикарей.
Да, видно, не все поумнели,
Коль общих не видим корней,
Преследуем разные цели.

Корысть разъедает умы,
Льёт кровь и на брата ярится.
Когда с ней расправимся мы,
То сможем навек примириться.

САНСКРИТ

Веками наше прошлое сокрыто,
Курганами, загадкой пирамид.
Но корневым созвучием санскрита
Прошедшее с грядущим говорит.

Отгадка там для мыслящих потомков.
Река племён не повернётся вспять,
Но ответвленье родственных потоков
По языку мы сможем отыскать.

РУССКИЙ СЛЕПОК

Т. Головановой

Тебя княгиней древнерусской
Легко представить без прикрас.
Вне моды – платья, юбки, блузки.
И красота – не напоказ.

Но сколько грации в движеньях,
Душевности в твоих глазах!
Слова исполнены значенья
И каждый вздох, и каждый взмах.

А всё, к чему душа прильнула,
Вдруг всем становится видней.
Ты сквозь века перешагнула
В эпоху суматошных дней.

И нереальная реальна,
Как удивительный фантом.
Ты – русский слепок идеальный,
Напоминая о былом.

НИЖНЯЯ САНИБА**

Это сон или явь, Саниба?
Через семьдесят лет наконец

* Нижняя Саниба – село в Пригородном районе Республики Северная Осетия-Алания.

Привела меня всё же судьба
В то село, где родился отец.

Конармеец, рубака – мой дед
Здесь покончил с Гражданской войной,
Что ему принесла много бед,
Но свела напоследок с женой.

Где Казбек над грядюю вершин
Блещет буркой своей снеговой,
Появился на свет первый сын,
А потом – и братишки его.

Мой отец этим первенцем был –
Жизнелюб, что смеялся до слёз.
Мир Кавказа его покорил,
Восхищенье сквозь жизнь он пронёс.

Часто рифмой любовь выражал,
Сладкозвучной напевностью струн...
Здесь впервые он на ноги встал
И в большую Россию шагнул.

Гизельдон в Санибе и мой Дон
Скифским именем наречены.
Казачи с очень давних времён
В роксоланскую ветвь вплетены.

Нам хранить эту древнюю связь,
Укрепляя единую Русь!
Счастлив я, что хотя бы сейчас
Низко отчей земле поклонюсь!

Светлана
ЛЕОНТЬЕВА,
Нижний
Новгород

* * *

...И будет снег. Его тугих рогож
не перечесть, путей не счесть холстинных.
И будет снег, пока ты не придёшь,
окутывать леса, дома, долины.
Когда миры и звёзды, посмотри,
все выбежали встретить непогоду,
и красногрудой песни снегири
ветрам тягучим и полям в угоду.
Всем хватит снега, лишь подставь ладонь
и вспомни за неспешным разговором,
как тонок слух, лишь только ветку тронь,
полюются песни князя Святогора!
Там под землёй, в её пахучей мгле
под этим снегом в одиночку, в россыпь,
былинные среди глухих полей
богатырей лежат святые кости.
Ока моя! Всевечная река!
Снегов расшиты снежные рубахи:

по вороту соцветья василька
и крестиком по рукаву на взмахе!
О, белый снег – во льды, канаву, грязь,
перед тобой, запорошив ресницы,
мне на колени так хотелось пасть
и, словно в храме истово молиться!

* * *

Зиму пережить, значит, победить!
Значит, снег – не снег, значит, лёд – не лёд!
Это лишь вода, это Волга-Стикс,
зиму кто прошёл, значит, не умрёт.

С первого числа в стужу января,
Ксеньюшка, веди, Ксеньюшка, вдохни,
стылая моя, девочка моя,
ибо твой Андрей зёрнышком любви
вырастет в хлеба, в белые хлеба

да из чёрных ран, да из чёрных глин.
 Нам ли, грешным, знать то, что есть судьба.
 Зиму перешли – инда победим!

Если погляжу: лица, словно свет,
 бесконечный свет, бомжеватый вид.
 Северных Корей там в помине нет,
 просто Курск во мне Питером болит!
 Я же говорю, что нас не убьёшь,
 видишь, там стоим мы навстречь врагу,
 ибо твой Андрей воином был, что ж,
 значит, нам по грудь здесь стоять в снегу.

Значит, где окоп, – грязи да парши,
 где мышей, кротов норы да ходы.
 Господи, дыши,
 говорю: дыши!
 Жизнь начать с конца, с края, с чехарды.

Ибо это мы, выплевав сквозь кровь
 зубы, целый ряд, падаем во ржи.
 Нам кричат – дыши.
 Господи – дыши.
 Выдыши любовь!

* * *

В иерархию эрзянских фонемных пустот,
 как мне, языков сих не помнящей, встроится?
 И как не вкусить мне от этих щедрот?
 Как бабушек этих понять – в замусоленных
 халатах фланелевых, стоптанных тапочках?
 О, как они ловко орудуют, быстро так

* * *

...и рук не разжала бы. Не отпустила,
 так пальцы скрестила б, ногтями впилаась.
 Я здесь родила. Здесь в глубинке России,
 в роддоме страны родила я здесь сына,
 с Россией его православная связь!

О, да 90-е годы кромешны,
 они бездуховны, фуфло на фуфле.
 Но там, где родился мой мальчик, мой здешний,
 здесь надо остаться в своём ремесле!

Учёба – в России,
 взросленье – в России,

узлами скрепляют масксетные тряпочки,
 масксети –
 защита от вражеских выстрелов...
 Я не понимаю слова по-эрзянски,
 но губы мои шепчут нечто заветное,
 и челюсть выпячивается мокшански
 во что-то сияющее,
 во что-то светлое.

Какие же ловкие пальцы у школьников,
 какие же светло-кудрявые локоны!
 Они молоком расстилаются шёлково,
 текут по затылку, по шее и около.

Я здесь научилась молчать очень громко
 и тихо кричать, словно бы онемело.
 ... Плету из волос я своих да из тела,
 плету из себя, из своих рук я тонких!

И хватит о личном, о блёклом, мещанском!
 В нас всех потаённое жжётся мокшанство
 из финно-угорского века четвёртого,
 на нём мы жалеем Христа распростёртого.

И травы здесь тоже – большие, нагие,
 деревья высокие. Древность. И давность.
 И жизнь распростёрлась, как счастье и гибель,
 язычества духи к иконкам прижались.

Плетём вместе сети в углу самом дальнем,
 на фото, смотри, это я – молодая,
 и старая – я,
 и такая седая,
 и школьница я в новом платьишке бальном!

и маму, и папу Россия дала.
Я не отпустила бы кровного сына,
легла бы под ноги в три смертных узла!

Лишь в страшном, недюжинном сне, как представлю,
что сын мой оставил мои Ярославли,
Рязань, Москву, Горький, любой пряный град,
на землю кидаюсь, рву горло до гланд
глаголами!

Нет, я чужим не отдам.
Ни Персии розовой, как самарянки,
ни югу восточному, как египтянки,
ни Мехико – можно ли? – там католички!
Мой сын – православный,
крещённый мной лично!
В купели на Карповке! В детской постели
ему Петербургские Ксении пели!

Он трогал распятие детской рукою,
твоё ли распятие,
моё ли, архангела?
(Никак своё сердце я не успокою,
ты званье поэта себе не наплакала!)
Отдать сокровенное, как своё дитяtko?
Там вера иная, о стыдно-то, стыдно как,
так мне за тебя. И в стыде я сгораю.

Я чреву кричу своему, заткни глотку!
Коль сына родив, отдают, как сиротку
в чужие края, во враждебный стан разом
Европам,
Америкам,
разным заразам!

Молчи, моё чрево, любви коль захочешь.
Молчи! Ибо выткнула бы чреву очи!

Родился в России,
останься в России,
пусть трудно, безденежно, жарко, просторно.
Добейся о, сыне, о сыне мой, сыне!
Всего сам добейся упорно.
Квартиры добейся.
Машины добейся!
Престижа добейся!
И брось псевдоним осей беса.

Конечно, я тоже не идеальна,
была сумасбродкой нелепой, не горней!
Но я ради сына работой любую
не брезговала. Было трудно. Феврально.

С привычкой дурною боролась любовью,
и я на колени пред сыном вставала,
не делай, родимый, не надо, не надо.

А нынче боец – сын мой! И я горжусь им.
И сердце моё реки переполняют,
и горы, долины переполняют,
столицы и колокол пламенный, русский!
И родина вся, что от края до края,
родимая крепь золотая!

Самое главное, держать фасон.
Тебе велели, иди пляши.
Нас погрузили в принудительный сон
Разума, совести и души.

Где погладили, там и мнётся,
И наружу рвётся всё бесшабашно.
Но никто из нас никогда не проснётся,
Потому что просыпаться страшно.

Что за баня без парилки и без пара?
Что за драка без любви? Пустой каприз.
Мы с тобою замечательная пара.
Паранойя, парафраз и парадиз.

Запрягай скорее тройку, уезжаем.
Мы отсюда уезжаем на метро.
Каждый ад себя зовёт прекрасным раем.
Где разбитое корыто и ведро?

Где дорога в никуда родного края,
Эх, залётные, шофёр, вези, родной,

Нас от Чеховской, вагонами сверкая,
Нас от Чеховской вези ты до Тверской!..

ПО МОТИВАМ МИХАИЛА СВЕТЛОВА

Ты беллетрист, а не трамвай.
Зачем же грохот экипажей?
И потому не убивай
Второстепенных персонажей.

Твоё оружие – язык,
Но всё же, знаешь, не говяжий.
И если ты здоров, как бык,
То пожалей и персонажей.

Писатель, ты не каравай,
Не колобок перед продажей.
И потому не убивай
Второстепенных персонажей.

И главных тоже. Ни к чему
Тебе бездарное плебейство.
Уж если пить, то за чуму,
За гения – не за злодейство.

* * *

Разбита пустая солонка,
Не надо, мы сели на мель.
Какая унылая гонка,
Сомнительная канитель.

Спаситель, а может, спасатель,
Не надо, вокруг та же гнусь.
Я, третьеразрядный писатель,
Во второразрядные рвусь.

А толку? Довольно натужно
Любое моё ремесло.
Не надо, не надо, не нужно,
Куда вас ещё понесло?

Не надо, бездарная сделка...
Бежит в колесе всё равно
Упорная честная белка,
А мне надоело оно.

* * *

Яблоко Ньютона, яблоко Евы,
Яблоко трёх обнаженных богинь.
Яблочко-песня, родные напевы,
Яблоко – символ державы, прикинь.

Яблочный Спас, помолился и в горы.
Яблоки в дивном саду Гесперид.
Яблоко Телля и яблоко-город.
И молодильные, сердце горит.

Яблоко к виски и яблоко к чуду,
Яблоки нашей и вашей братве.
Яблоко я никогда не забуду,
Если сорвал возле дома в Москве.

Только зубов очень мало. И кошки
Где-то скребут, и спасения нет.
Нечем кусать, а пюре из картошки
Всё-таки лучше, Парису привет.

* * *

Ни шелеста нет здесь, ни хруста,
Искусство отбилось от рук.
И всё тут нелепо и пусто,
И скучно, и гнусно вокруг.

Ложись на прокрустово ложе,
Давай, сознавайся, колись.
Какие-то мерзкие рожи,
Какая-то серая слизь,

Какие-то грязные сласти,
Обрывки побед и наград.
А власти, ну разве что власти,
И белый, как ночь, Петроград.

И вкус расставания горек,
И встречи не стоят труда.
А город... ну разве что город,
И невская злая вода.

* * *

Такое дело, не увы ли,
Одна старушка средних лет
Меня спросила: кем вы были?
А что я мог сказать в ответ?

Я, извините, ощущаю,
Что я ещё как будто есть.
Глазами даже вот вращаю,
Могу куда-нибудь залезть.

О мыле думаю, о пыли,
Набрал себе пакет конфет.
Меня спросили: кем вы были?
А что я мог сказать в ответ?

* * *

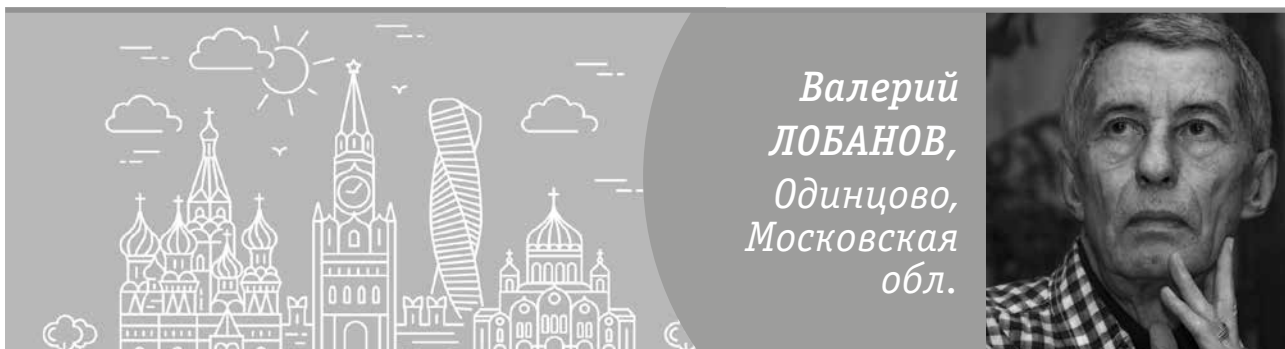
Не печалимся от разлук,
В ус не дуем.
Прав был Данте: последний круг
Неминуем.

Побежали козлы на луг,
Луг не Бежин.
Прав был Данте: последний круг
Неизбежен.

Ни друзей тебе, ни подруг,
Только грезим.
Прав был Данте: последний круг
Бесплезен.

Мне и тысяча вёрст не крюк,
Не завою.
Прав был Данте: последний круг
Под Москвою.

Говорили: пришёл каюк,
Что за бредни?
Прав был Данте: последний круг
Не последний.

Во время оное, известное,
в серебряную старину,
простое воинство небесное
людей спасало и страну.

И ныне существует воинство,
(я даже знаю имена!),
что честь имеет и достоинство
в глухие наши времена.

ЭЛЕГИЯ

Что-то холодно стало,
не согреться и дозой двойною.
Над Россией над всею
какое-то хмурое небо.
Что-то воздуха мало
и пахнет войною.
Всё нелепее поиски
зрелищ и хлеба.

Сколько нынче в России
живого народа?
Может, плечи расправим,
тряхнём стариною?

Может, родина, всё-таки,
женского рода,
а не только земля
за кремлёвской стеною?

Мы совсем позабыли
о слове, о деле.
И куда утекли
наши лучшие годы?
А в саду городском,
где цветут асфодели,
вновь всерьёз обсуждается
призрак свободы...

ВЫХОД

Теплело... Девушки цвели –
очки, улыбочки, пупочки...
В заветных уголках земли
цвели сиреневые почки.

Всё было. Плыли корабли,
и жизнь манила, как отрава.
Был голос: – Станция Филя.
И выход был: – Платформа справа.

* * *

А мне на что ещё надеяться,
горя свободою одной?
Кричать «Ату!»?
Залезть на деревцо?
Пойти на митинг в выходной,
где слушать школьником директора,
чей голос грозный и родной,
очередного архитектора
утопии очередной?

Любовь бывает безответная.
Кто скажет, кто мне назовёт –
куда страна моя заветная
в последнем плаванье плывёт?

СЛЕД

Какой вы оставите след?
Столетия грамма не весят.
Прошло уже тысяча лет,
а, может быть, пять или десять.

Арабский цветёт эмират,
зияют развалины Трои...
Герои должны умирать,
иначе они не герои.

* * *

Не прибудет, не убудет...
Слышится из детских лет:
– По домам! Кина не будет.
Дайте деньги за билет!

Не прибудет, не убудет...
Через шесть десятков лет
слышится: – Кина не будет.
Дайте деньги за билет!

Ветерок январский бился
и восток алел...
Я напрасно торопился, –
кинщик заболел.

Новый год!
Прогноз не сбился.

Продолжается кино.
Цой блистательно разбился,
Башлачёв шагнул в окно.

ВТОРОЕ ЯНВАРЯ

Марине Кудимовой

В белой вязи нерисуемой
дерева, что терема.
Красоты неопикуемой
начинается зима.

Ах, какой январь нам вяжется!
Как работает паук!
Тишина такая, – кажется,
отключили в мире звук.

Что дано, и что положено,
и недодано чего...
Но к добру предрасположено
из сограждан большинство.

И простительными кажутся
наши страсти и грехи.
...На живую нитку вяжутся
самодельные стихи.

ПИСЬМО

Как живётся тебе, как скучается?
Ставит молодость старости шах.
Вечный маятник мерно качается,
ветер времени свищет в ушах.

Каково тебе любится, чаётся?
Так же локон сдуваешь со лба?
Всё хорошее плохо кончается,
потому что планида, судьба.

* * *

Стёжки заросли травой.
Жизнь, четвёртая страница.
Да никак всё не напиться
мне воды её живой.

МУЖИКИ

Через поле в сторону реки
Раненые раненых тащили.
Торопились братцы-мужики,
Но в ногах заканчивались силы.

Спотыкались, падали и вновь
Через боль вставали и шли дальше.
Задыхаясь, схаркивали кровь
На морщины высушенной пашни.

Каждый метр казался десятью.
Мир как будто сжался до предела.
Жизнь была готова на ничью,
Смерть иначе – большего хотела.

Позади кипел стрелковый бой,
В небе выли вражеские мины,
Вдруг трава зелёною стеной,
Как предатель, встала перед ними.

Не пускала, упираясь в грудь,
И нарочно раны задевала.
Ах, зачем ты преградила путь?
Ах, зачем ты, мина, в цель попала?

... Не дошли четыре мужика,
В пыльном поле головы сложили.
Бой затих. И только облака
От заката медленно кровили.

НОЧЬ ПЕРЕД БОЕМ

Над полем, где трупы обжиты мышами,
Где щедро посеяны тысячи гильз,
«Медведицы» черпают небо ковшами
И звёзды срываются каплями вниз.

Луна освещает разбитые хаты,
Поодаль от них золотятся стога.
На брустверах иней, в окопах солдаты
В молчании ждут наступленье врага.

В поднятые плечи упёрты приклады,
Аптечки с гранатами рядом лежат.
Солдаты готовы к любому раскладу –
Им всем не впервой оборону держать.

Всего пять позиций.

На каждой – по трое.
Немного от роты осталось ребят.
Но с ними в окопах невидимым строем
Погибшие братья с молитвой стоят.

СЕРАЯ ЗОНА

Зима окольцевала города.
Повсюду на прилавках мандарины.
И люди, торопясь туда-сюда,
Под Новый год «выносят магазины».

Уставшие, вспотевшие они,
Глотая на бегу холодный воздух,
Планируют на праздничные дни
Походы в гости и семейный отдых.

А здесь не так.

Здесь векторы стрельбы
И линия чужого горизонта,
Незримо вплетены в петлю судьбы
На линии грохочущего фронта.

Во все четыре стороны – война,
На каждом метре – минные ожоги.
И лишь в тылу худая тишина,
Нечасто, но выходит на дороги.

Траншеями изрезаны поля,
Туманом лесополосы объяты.
Под снегом дышит мёрзлая земля,
Застыв, лежат погибшие солдаты.

Лежат и ждут, когда придут свои,
Когда вернут домой, где их любили.
Им наплевать на стужу и бои,
Они хотят, чтоб их похоронили.

ВЕЗУНЧИК

Меня в полку Везунчиком прозвали.
Из боя вышел. Сам не знаю как.
Земля дрожала! Землю мины рвали,
Которые на нас обрушил враг.

Из всех стволов по нам прицельно били,
Пытаясь подавить, сковать огнём.

Наёмники к нам с фланга заходили,
Болтая на коверканном своём.

И мы дрались упрямые, как черти,
Цедя сквозь зубы крепкий русский мат!
Боялись только плена, но не смерти,
Поэтому не пятились назад,

И шли вперёд, чтоб выполнить задачу.
Но всякое бывает на войне...
В тот летний день военная удача,
Была, увы, на вражьей стороне.

Последнее, что помню – это вспышку...
И небо, придавившее меня.
Вкус крови, чей-то крик и друга Мишку,
Лежащего у хаты на камнях.

Очнулся я среди врачей в подвале.
Достали два осколка из груди.
...Меня в полку Везунчиком прозвали –
Из боя вышел... Только я один.

СЫНУ

Лобанову Матвею

Не обижайся на отца,
Прошу тебя, мой сын, не надо.
Прости за то, что без конца
Я вечно где-то, а не рядом.

Сейчас ты ходишь в первый класс
И мать тебе во всём опора,
А я уехал на Донбасс
И как всегда, – вернусь не скоро.

Но знай, что не было и дня,
Когда в землянке у печурки
Не пересматривал бы я
Твои забавные рисунки.

... Не обижайся на отца,
Прошу тебя, мой сын, не надо.
Добью нацистов до конца
И, обещаю, буду рядом.

КОРСА

*Памяти Героя России Ольги Качуры –
командира Донецкого дивизиона «Град»,
позывной «Корса»*

1

Это начиналось недавно:
Туда, где ждала Ярославна,
Трезубый примчался змей
Из диких полей.

Появился, покружился,
Но ничем не поживился,
Ударил хвостом –
Облом!

И тогда снаряд за снарядом
Полетел к русским весам и градам.
Был ему ориентир дан –
Вещий Боян.

Ему струны живые – как вилы,
Лебединые песни не милы,
Ему русская смерть милей –
Лютый змей.

Ничему тут дивиться не надо:
Не жди от такого пощады.
И тогда резанула она:
«Война!»

2

Девушка-краса –
Корса.
А в очах у неё
Гроза.

А в ушах у неё
Серёжки –
Золотые пушки
Двурожки.

Ещё есть у Корсы
Дед.
Его кличут Хорс,
Значит – свет.

Ещё есть у Корсы
Брат –
Грозный дивизион
«Град».

Враги её нарекли
Волчицей:
Она воздает им
Сторицей.

3

Вот ведёт свою рать
Корса
По дороге ночной
В леса.

Фары погашены,
Ракеты заряжены.
В рощу напрямиком
Тайком.

Видит всё во мраке волчица:
Огневая точна таблица.
Тут врага не спасёт бронь:
Огонь!

Кем воспета радость эта:
Роща, русская ракета

И трезубый вой в ночи?
Получи!

За сожжённую церквушку золотую,
За аллею ангелов святую
И за горький материнский плач –
Получи, палач!

4

Ходил по аллее
Ангелок.
Потерял при обстреле
Башмачок.

На том месте орхидея
Расцвела.
Невзначай её Корса
Нашла.

Посадила на могилке –
Над горкой.
Поливала слезой
Горькой:

«Ой ты цветочек
Аленький,
Спи, мой сыночек
Маленький.

Спи, не бойся
Никого.
Я укрою тебя
От всего».

5

Этот день превратился
В ночь.
Стало солнце чёрным –
Невмочь.

Притаился во тьме
Лютый гад.
И ударил огнём
Наугад.

К небесам Корса
Вознеслась.
Защитив, сама
Не спаслась.

Потемнело кругом
До звёзд.
Почернел даже уголь
От слёз.

Стало солнце чёрным
Углём.
Мы Корсу погребли
Под огнём.

б

Есть в донецкой степи
Курган.
Там раскинулся
Ратный стан.

Там с утра молодой
Казак

Всё дозорит степной
Большак.

Там, смертельным ветрам
Вопреки,
Держат строй железный
Полки.

Впереди – удалая
Корса.
Полыхают грозой
Глаза.

И чеканит она
Молодым:
«Встаньте рядом –
Мы победим!»

В ЭТУ ВЕСНУ

Отшумели, отпели метели,
и рассыпались снежные сны.
В нашу местность грачи прилетели,
зачернели, как ноты весны.

И читая её партитуру,
встрепенулась природа окрест,
всё живое, срывая цезуру,
завучало, как дружный оркестр.

Снова в сад, как на божью дорогу,
поглощённую синью вдали,
выхожу с благодарностью к Богу
за воскресшие звуки земли.

Мне милы хоровое гуденье
мировых ветровых колесниц,
щебетанье и сольное пенье
разлетающихся радостных птиц.

Как и розовый взгляд, слух мой розов,
приспособлен под ноты грачей, –
слышу я под корою берёзок
животворно поющий ручей.

Всё звучит; и набухшие почки,
и проклюнувшиеся ростки.
И бурлят водосточные бочки,
отрешившись от зимней тоски.

Счастье жизни, весеннее счастье.
Я гляжу, я дышу, я живу...

Вдруг сознание рвётся на части,
тучи чёрные рвут синеву.

С Украины плывут молчаливо,
тронешь взглядом – ответят дождём.
Мир условен, и если всё мило
в жизни здесь, там – объято огнём.

Вот так му́ка, вселенская му́ка!
Как счастливым сегодня усну?
В наполнении каждого звука
горечь слышится в эту весну.

БЕЛЫЙ САД

I

Идёт война, а майский сад
в июнь вливает каравеллой,
неся на белых парусах
цветы гербом благого лета.
Распевы птиц и пенье ветра,
и всплески шелеста листвы...
всё говорит о том, что жизнь –
огромное земное море,
в котором всякому живому
найдётся место для приюта.
Зачем же люди убивают
друг друга в грохоте орудий;
зачем не едут, как в музей
добра, в цветущие сады?!

II

Я краской обновлял сарай.
Внезапно из подшивки крыши
в атаку бросились шмели,
как боевые вертолёты.
И я, обороняясь кистью,
как мяч ракеткой, одного
отбросил в крашеную стену,
лохматый воин подцепил
на тельце каплю вязкой краски,
упал беспомощно на землю
и забарахтался в траве.
Мне было странно наблюдать,
как насекомое, пытаясь
взлететь, отчаянно жужжит
и бьётся в твердь безрезультатно.

В том трагедийность, что в сердцах
жалая скорбно бедолагу,
ничем помочь ему не мог.
Закончив дело, с любопытством
вернулся я туда, где шмель
в траве усердно чистил брюшко,
определив интуитивно
причину цепкости земли.
И мысль пронзила – как ужасно,
когда расплавленным железом
других людей калечат люди,
когда в звериной ярой злобе
навек становятся врагами...

И забелел, как саван, сад...

* * *

В пустом вагоне-ресторане,
допив последнее вино
и головой прижавшись к раме,
смотрел я в тёмное окно.

Так было тихо, так уютно,
легко расслабиться под хмель,
души коснувшийся попутно...
А за окном мела метель.

Мела, к себе не привлекая,
хозяйкой вечера не став.
Не помню, станция была какая.
Среди метели стал состав.

То там, то тут огни по горстке
рассыпал город в снежной мгле,
а на дорожном перекрёстке
фонарь светился на столбе.

И в жёлтом конусе фотонов,
не ведая земных дорог,
снег, оказавшись сразу дома,
спешил к земле наискосок.

Внезапно мысли горевые
блеснули лезвием стальным.
Мы все, как хлопья снеговые,
лишь мельком по свету летим.

Едва начавшись, жизнь проходит
неудержимо, как метель.

и нам природа не находит,
как снегу, вечную постель.

Вагон поплыл, я оглянулся.
Там – в мошках снежного холста –
в фонарном свете путник гнулся
под вечной тяжестью креста.

* * *

Поглядел на левое запястье –
И часы ответили: «Пора».
Отдохнул. Спасибо вам за счастье
Здесь побыть, степные клевера!

Вам спасибо, летние тропинки,
К лесу выводившие меня.
Слышу я, как шепчутся травинки
В зное остывающего дня.

Этот лес, июнь, речные воды,
Звуки предвечерние от них –
Плоть и голос радостной природы
От дождей желанно проливных.

ПОЭТА СВЕТИТСЯ ОКНО

... Чернильница моя...
А. С. Пушкин

Он жжёт свечу. В округе каплет
С вечерних крыш – весны пора.
Плывёт чернильницы кораблик
Под белым парусом пера.

Плывёт. Плывёт. Ещё страница!
А на дворе уже темно...
Вновь будет Пушкина окно
В столице за полночь светиться.

* * *

Лес родной,
Твои печальны были.
Видел я зелёною порой
След разора –
Место, где сгубили
Рощицу дубков бензопилой.

Слух:
Отсохли руки, что воздали
Не добром за доброту твою.
На пеньке –
На круглом пьедестале,
На пеньках –
На каждом пьедестале
Памятник стоит небытию.

ПОГРАНИЧНИК

Пахнет свежестью травной.
Незамеченным он
Там идёт, где недавно
Дождь прошёл за кордон.

Проходя у тропинки
В полдень жаркого дня,
Видит блик на травинке –
Сохнет капля дождя...

АКУЛИЙ ПЛАВНИК

Плотник вместе с помощником дружно
Пилят доски, кладут – к обрезным.
А распилят – черёд наш. Натужно
Мне с моим напарником нужно
Погрузить их – работа двоим.

От нужды мы здесь. Дни крутые:
Вновь с получкой задержка – беда.
За наличку в новой России
С ним пришли подработать сюда.

Боль «Как жить?» безответно усилят
Эти доски, что ждёт грузовик...

Мощно, хищно вращаясь, их пилит
Циркулярки акулий плавник.

ДО СВЯЗИ СОТОВОЙ

Будет почта, если жду.
И приходит почта.
Снова к ящику иду.
Открываю – точно,
Мне письмо,
Простой конверт.
«Кто же?» – мысль упряма.
Взял – и в почерке ответ.
Улыбаюсь: «Мама...

*Садиг
Мамедов,
Иркутск*

* * *

Знаешь, война – совершенно не весело.
Был ты, к примеру, здоровый пацан.
Вдруг вместо глаза – кровавое месиво:
Нету теперь половины лица.

Кто-то взывает молитвенно – Отче наш,
Кто-то – к Аллаху, как вспыхнет заря:
Только бы это когда-нибудь кончилось,
Только бы это всё было не зря...

* * *

Солёный воздух, неба купол
Пронзает взрывчатый металл.
Вздыхает шумно Мариуполь,
Он так же, как и я, устал.

Встаёт светило на востоке,
Тела погибших осветив,

И крови алые потоки
Стекают в Керченский пролив.

Цветущие кварталы выжег
Осадок залповых огней.
Торчат осколки, словно грыжи,
Из позвоночников людей.

В могилах трупы. Черви жрут их.
Ещё ракетник не порос.
А сколько горьких, сколько жутких
Над ними будет литься слёз...

ПАМЯТИ ИГОРЯ ИВАНОВА И ДЕНИСА ОВСЯННИКОВА

«Воздух!» Быстрее бежать до укрытий.
«Воздух!» Команда, которая бьёт.
«Воздух!» Которую мы ненавидим
Из-за осколков, секущих живот.

«Воздух!» Команда заставит нас даже
Двигать обрубками взорванных стоп.
«Воздух!» Команда наглядно покажет,
Как глубоко нами вырыт окоп.

Бум! И солдат окровавленный стонет.
Бум! И за миною мина летит.
Бум! И горит, и трясётся Гостомель!
Ранен – трехсотый. Двухсотый – убит.

Дайте в ответ побомбить по уродам!
Координаты комбат указал.
Тут же приказ: «Расчехлить миномёты!»
Следом – другой: «Приготовиться, залп!»

К бою расчёт подрывается резко.
К бою! Наводчик наводит прицел...
Только б одну написать эсэмэску:
«Мама, я жив. Я всё ещё цел».

* * *

Видна из-под воротника,
Врезается тельняшка в горло.
Тугая ляпка от АК
Полоску на броне натёрла.

А где-то далеко сейчас,
Где дом родной, – не жизнь, а сказка...
На выступ ногу – и в КамАЗ,
С плитой от миномёта, с каской,

На плечи закрепил портплед –
Внутри лежат четыре мины.
И выхода как будто нет –
В башке играет песня «Сплина».

Но выход – вот он, в пустоту
Из самолёта смотрит люто.
Тяни за эту и за ту –
Как прыгнешь – стропы парашюта.

* * *

Я в госпиталь лёг от осколочка, мне было стыдно
Двумя ягодицами впитывать кетолорак
На фоне парнишки, которого ранило с тыла:
Ему до конца своей жизни ходить в говнобак.

И приземлишься даже на
Замёрзший полюс ты немедля.
И батарейный старшина
Вслед проорёт: «За ВДВ, б..!»

* * *

Кузов УРАЛа – набитый трамвай.
Путь – отбивающий почки, несносный.
В прорезях тента – сгоревшие сосны
Жёлтыми иглами машут: «Бывай».

Щепки летели – валил я сушняк,
В печку полешко – топилось бунгало.
Дерево выло, трещало, стонало.
Либо оно, либо я – было так.

Вовсе не женскими ласками пах
Трогала в стужу окопная сырость.
Комья земли с насекомыми сыпать
Не прекращали при танковых «Бах!»

Вовсе не праздничный брызгал салют.
«Фосфорный дождь!» – доносилось из раций.
Выл истерически дрон-камикадзе.
Сунешься, спрячешься – всяко убьют.

Были, кто мне бы сгодились в отцы,
Были и юные, нежные лица.
В госпиталь кто-то отправлен лечиться,
Кто-то – в Россию, положенный в цинк.

Мой обожаемый фрукт – апельсин.
Я – апельсин, только сморщенный, выжатый.
Долг перед Родиной выплачен! Где же ты,
Мой Чебурашка? Приди и спаси...

Враг наступает. Задача проста:
Сдерживать, с места на место кочуя...
Орден? Медаль? Ничего не хочу я.
Только прилечь и уснуть. Я устал.

Ему до могильной плиты в инвалидном быть кресле.
Такого когда-нибудь смогут утешить, скажи?..
Там женщины с гордостью пели гитарную песню
Про русского парня, который от пуль не бежит...

*Андрей
МАРКИЯНОВ,
Тюмень*

СОРОК ПЕРВЫЙ

Он лежал у окопа,
Вкось прошитый свинцом,
Молодой недотёпа
С конопатым лицом,
Лейтенант скороспелый,
Атеист, патриот,
Деревянное тело,
Окровавленный рот.
Он лежал, как колода,
Бесполезный в бою.
Нет стрелкового взвода,
Все ребята в Раю.
И ему предстояло
Скоро кровью истечь...
В стороне прозвучала
Иноземная речь:
Словно смрадом подуло.
Он нащупал курок,
Взвёл. И чёрное дуло
Огрызнулось в висок.
Полыхнула зарница,
И потухла в мозгу.
В ста верстах от столицы
Он затих на снегу,
Не узнав, как отбили
Этот важный клочок,
Как поспешно зарыли
И воткнули сучок
У развесистой ели,
И пропали в дыму...

Ночью волки пропели
«Аллилуйя» ему.

СУДЬБА

Дед уехал на фронт на рассвете,
Эшелон уходил на Донбасс.
Это было давно – сорок третий.
Внук ушёл в двадцать третьем, сейчас.

На изрытом не паханом поле
Дед обрёл вековечный надел.
Он лежал и не чувствовал боли,
Он убитый на небо глядел.

В двадцать третьем, сражённый осколком,
Внук упал головою вперёд.
И у школы в районном посёлке
С ним пришёл попрощаться народ.

И на фронте простились, как надо –
Обложили, рванулись во мрак,
И месили ползучего гада
Потому, что иначе никак.

Мне знакомы судьбы переключки.
И сюжеты из разных времён...
Русский мир не меняет привычки,
Он со злом воевать обречён.

ГРОЗА

Открытое в август окно,
Летучие запахи сада...
Всё тише, темнее. Темно.
И в комнату входит прохлада.

С востока доносится треск,
Как будто бы холст разодрали.
Мгновенье – и огненный крест
Обуглил заречные дали.

И крупные капли в карниз
Ударили чётко и редко.
И слышен заржавленный визг –
Сарай прикрывает соседка.

Потом воцаряется ад –
И сердце восторженно бьётся,
Как только ужасный раскат
Над грешной землей раздаётся.

И снова из молний узор,
И грохот протяжный до дрожи.
И ливня библейский напор
Всей тяжестью, Господи Боже!

Спустя полчаса тишина,
А ночью с улыбкой в окошко
Умытая смотрит луна,
И рядом урчит моя кошка.

ДУХОВ ДЕНЬ

Как в предчувствии скорой беды,
Шевельнётся тревога змеёю:
Человек состоит из воды,
А когда-нибудь станет землёю.

Жизнь промчится – исполнится срок.
Будет имя твоё позабыто.
И развеются прах и песок
И от мрамора, и от гранита.

Все земные законы круша,
Время мчится, сметая преграды...
Но бессмертной пребудет душа,
Вот о ней-то подумать и надо.

На разочарования – плюнь.
Жизнь проходит – и что тут такого?
Скоро Троица. Праздник. Июнь.
День Сошествия Духа Святого

Скоро мы оставим мир подлунный,
Чтоб потом преданиями стать...
Всё равно мне – готы или гунны
Будут эти земли населять.

Птица пролетит легко, беспечно,
Зазвенит в ручье лесном вода,
Многое останется навечно,
Многое исчезнет навсегда.

Здесь же всё останется как было,
Это небо, роща и река,
Это многоликое светило,
Эти грозовые облака...

Не решай судьбу иных столетий!
Не гадай о будущем в тоске,
Слушай, как степной полынный ветер
Говорит на русском языке.

* * *

Остывает родная земля.
Зарастают травой пепелища.
Пусто стало на русских полях.
Тесно стало на русских кладбищах.

Возвратились Самара и Тверь,
Только разве что с этим и вышло.
За базарным прилавком теперь
Русской речи не слышно...

Оборвалась ли долгая нить?
Возвратиться ль спасительной славе?
Ни прощать никого, ни винить
Мы не вправе...

Много время с собой унесло,
Нам никак не очнуться от боли.
Но что было – быльём поросло,
И ещё не распахано поле.

И не брошено семя пока,
И боюсь, как бы ни было поздно...
Вон темнеют в ночи облака
И тускнеют высокие звёзды,

И змеится ковыльно быльё,
Бездна мрачно зияет над нами...
И кружит, и кружит вороньё
Над мерцающими куполами.

* * *

Из ниоткуда в никуда
По небу тучи тянутся.
Какою жизнь была всегда,
Такою и останется.

Невозмутимая луна
Как будто ухмыляется.
Воздастся каждому сполна,
Кому как полагается.

И не суди, и не вини –
Ещё не всё потеряно.
И не считай чужие дни –
Не нам с тобой отмерено.

Не суетись и не спеши –
Длинна дорога...
Хотя бы часть своей души
Оставь для Бога.

* * *

Дымится мгла морозного тумана,
И первый снег отяжелил листву.
И то, что было призрачно и странно,
Отныне проступает наяву:
Покатых крыш немые очертанья,
Высокой церкви чёрный силуэт,
А в небесах, под сводом мироздания,
Далёких звёзд лампадный тусклый свет,
И на сто вёрст – ни недруга, ни друга,
И на сто вёрст – глухая тишина.
И в снежный мрак погружена округа,
Чуть теплится тяжёлая луна.
И сколько мне ещё в пути осталось
Брести среди заснеженных могил...
Когда-то Русь и пела, и смеялась,
А нынче даже плакать нету сил.

* * *

Всё уходит в никуда,
Растворяется в пространстве,
Как весенняя вода,
Как безумный ветер странствий.

Не твоё и не моё,
Не своё и не чужое
Растворится Бытиё,
Как виденье неземное.

Дважды прокричит петух
Перед раннею звездою,
И промчится Божий Дух
Над немеющей водою.

И взметелится волна
Духу Божьему внимая,
И наступит тишина
Неземная ...

ИОСИФ АРИМАФЕЙСКИЙ

Над камнями вечной Иудеи
Солнечный блистает небосклон...
Шёл Иосиф из Аримафеи
К Понтию Пилату на поклон.

Он, на лавке сидя, ждал ответа,
Суть его прощения проста:
Попросил смиренно член Совета
Тело убиенного Христа...

Обернули тело плащаницей,
Схоронили в каменном гробу...
Мало что в Завете говорится
Про его, Иосифа, судьбу.

Не застыл он в ожиданье чуда,
Не дождался Страшного суда,
Появился вроде ниоткуда
И ушёл как будто в никуда.

Жаждут быть святыми лиходеи,
Ждут Иуды царского венца,
А Иосиф из Аримафеи
Выполнил работу до Конца...

Так и ты, не жалуясь, не мучась,
Заверши труды свои сполна,
Что ж поделать, раз такая участь
Нам с тобой Спасителем дана.

Помни, как по вечной Иудее,
Смертною тоскою опалён,
Шёл Иосиф из Аримафеи
К Понтию Пилату на поклон.

* * *

Ночь бездонна, мерцает луна,
Я тоску свою выпил до дна,
До звезды дотянулся рукой
И обрёл долгожданный покой.

Всё растаяло в сумрачной мгле,
Никого на промёрзшей земле...
И объемлет весь мир тишина,
И в ночи индевет луна.

Ну а я – ничего не хочу,
Я в полуночном небе лечу...
И сияет во мгле надо мной
Сфер полуночных звёздный конвой.

* * *

Есть место такое, откуда родом,
жил на земле, занимаясь огородом,
радовал душу редиской и белым наливом,
иногда побывать удавалось счастливым.
А теперь это место иногда лишь снится,
забывается, словно книг любимых страницы
запах воды озёрной весной,
будто бы рядом, но за стеною...

* * *

Дождался – люблюсь деревьев цветенью,
беседуя мысленно с собственной тенью.
Она всегда рядом, подобно охране,
знакомы ей все недостатки и грани.
Закон природы никто не исправил,
но есть у неё исключенье из правил,
когда, словно в бездну, внезапно сорвёшься,
и тень исчезает, а ты остаёшься...

ПРОСЬБА

У меня грустна походка,
да и сам не очень рад –
местная метеосводка
отменила снегопад.

Праздник был бы нам нелишний,
всё бы снегом занесло,
снегом нас посыпь, Всевышний,
предсказаниям назло.
Пусть рассеются туманы,
стань к небесному ковшу,
никакой не надо манны –
снега только лишь прошу.

* * *

Пишут мне:

– Послушай, поэт из Иерусалима.
В тебя не попадёт ракета – пролетит мимо.
Попадёт в соседний дом или что рядом с ним лавку,
ты же для ракеты мелочь размером с булавку.
А у меня под квартирой схрон для всего подъезда,
где диван и стулья –
любому найдётся место.
Но интересно увидеть, как она упадёт возле,
потому что бесстрашным делает человека возраст...

ТАМ, ГДЕ ТЕКУТ РЕКИ

Тоскливо жить в городе в котором нет реки.
Опоясывающей город хотя бы наполовину.
Где зимою плавают льдины, а весной – рыбаки,
Или на катере Буратино обнимает свою Мальвину.
Это сладкий шепот её камышей,
напоминает, что всё уходит навеки,
пусть небольшая – не как Волга и Енисей...
Всегда хотелось жить там, где текут реки.

ДАЖЕ ЕСЛИ...

Перед глазами сводка, как ядовитый гриб.
Горько, пусть даже если близкий твой не погиб.
Даже если не целит в дом твой артиллерист,
Даже если не слышишь страшной ракеты свист.
Если не над тобою хищно зависнет дрон,
и жизнь накрывается сразу тазом или ведром,
даже если спокойно живёшь в далёком тылу,
и каждый день виновато идёшь сочинять к столу.

ЛЖЕВЕК

Этот век назвал бы лжевеком,
Сложно остаться в нём человеком,
А быть подонком нужно умение,
Но мы остаёмся людьми тем не менее.

Видим войны, убийства и драки,
Словно в окошке ночном всё во мраке,
Его ни в какие цвета не закрасим...
Но вот и рассвет!
Боже, как он прекрасен!

СЕМЬЯ

Еврейская хата и русская печь,
 поленья берёзы трескучи и алы,
 а после ухватом умело извлечь
 бульон ароматный и белые халы.
 В шабат собираемся мы всемером,
 за скатертью белой покрытым столом,
 где каждый своё уплетает,
 и в воздухе идиш витаёт...

АНАБИОЗ

Такое чудо есть – анабиоз.
 Заснул, проснулся – и в стране иной,
 Повсюду снег и царствует мороз,
 И не царит везде жестокий зной.
 Глаза протёр – знакомо всё и ближе,
 Из брёвен дом.
 И бабушка жива.
 В печи трещат сосновые дрова,
 А у дверей – меня заждались лыжи...

ГОВОРИЛ МНЕ ОТЕЦ

1

Говорил мне отец после войны той,
 которая сделала его сиротой:
 – Когда я уйду в свой срок,
 у меня не будет ни рук, ни ног,
 но в день Победы мой портрет, сынок,
 подними повыше, чтоб увидеть меня каждый смог,
 в Питере, где в блокаде я воевал,
 в Прибалтике, где под огнём связь давал,
 чтобы видели в радостной Праге,
 где на ветру танцевали наши флаги,
 что жил на свете Арон Минин, гвардии старшина,
 который знал, насколько война страшна,
 но знал, что ещё ужасней, ещё страшней –
 забыть о ней!

2

– Гречка – спасение для человечка,
 говорил отец, вспоминая детство.
 Жили в бедноте, почти в нищете,
 да и времена были ещё те,
 доставшиеся России в наследство.
 – Гречневая каша – пища наша, –
 говорил, вспоминая войну.
 А когда просил рассказать про неё,
 отвечал: – Да ну её, ну...
 Это страх Божий.
 Ад не видел, но думаю – похоже...
 Ароматом гречки тянуло из печки,
 время прошло – остались словечки...
 И уже в другом краю, что ближе к Синаю,
 гречку ем и вспоминаю
 русскую печку,
 русскую зиму,
 срама не иму...

Говорил мне отец: – Не верь сынок,
 что хорошо там, где нас нет.
 Хорошо там, где родиться смог,
 где открыл глаза,
 где увидел свет.
 Верь, что время это, словно река,
 кому-то вода, а кому-то – жечь.
 А что жизнь горька, так у всех горька,
 даже сладкий чай не у каждого есть...

*Юрий
 МОГУТИН,
 Москва*

У жизни нет черновигов –
 Живём мы набело и сразу.
 И произнёсший эту фразу
 Не прочитал её с листков.
 У жизни нет обиняков.
 От огорченья до экстаза
 Душа вынашивает фразу,
 Изрёк её – и был таков.
 Мир состоит из чудачков.
 Они его и сочинили,
 Приправили и поперчили,
 Среди пинков и матерков.
 И я, один из малых сих,
 Плыву сквозь человеческий улей,
 И мне кричит какой-то псих:
 – А поводырь твой где, дедуля?

Увы, я впал ко сну в немилость,
 В кровати лёжа, как во рву,
 И нечто жуткое мне мнилось,
 А, может, было наяву.

Но вот под звуки песнопений
 В ночи возник неясный нимб,
 И отступили злые тени,
 И я склонился перед Ним.

Молился – призраки отстали,
 Химеры испарялись прочь.
 Господь незримыми перстами
 Крестил мою больную плоть.

Когда меня застала жизнь,
 Я стал присматриваться к людям,
 И к обвиняемым, и судьям,
 Себе командуя: «держись»!

За мной охотились хохлы,
 Их квадрокоптеры и дроны.
 Но уходил я от погони,
 Кроша бандер во все стволы.

Со мной случившаяся жизнь
 Всегда зависела от хлеба.

А бомбы, падавшие с неба,
В опасной близости рвались.

Младенцем выслан из Москвы,
Я чудом избежал ГУЛАГа.
Такой исход тогда, увы,
Любой из нас считал за благо.

Неверно понятой страной
И отнесённый к диссидентам,
Я жил тогда в краю иной
Судьбы и лагерных акцентов.

Когда явился я на свет,
То рисковал погибнуть крохой,
Поскольку мы питались плохо,
И пули нам летели вслед.

Но вот живу с моей страной,
Меж той и этою войной,
Вседобрим Господом храним,
С надеждою, что победим...

* * *

Стану под вязом – стоять на своём.
Я не сдаюсь живьём.
Гром чертыхнулся (грохнул тротил?).
Вышний мне не простил.

Хриплая астма древних часов –
Каждые полчаса.
Боль отфутболим, хворь – на засов.
Кто мне вернёт глаза?

Знаю, о прошлом глупо жалеть.
Скачка от бедности, снежная плеть,
Впроголодь на рессорах
В пустопорожних ссорах.

Есть и отмазка: иначе не мог,
Просто не мог никак.
Хоть бы мне Свыше окрик, намёк,
Остерегающий знак...

Ночь наплывает, как батискаф.
Отняли руку – болит рукав,
Отняли душу – телу звездеч.
Мир не жилец без детств.

Веником мокрым прошлись по земле.
Будет сопливых и хворых к зиме.
Слёзы им высушим, сопли утрём,
Если к зиме не умрём.

Детские слёзы в сотни карат.
Тушинский вор им устроил парад –
В небе моторное имя, –
Вскользь наблюдая за ними.

Жили под спудом, под Божьим судом –
Ссылка, война, детдом.
Переплавляли в глаголы боль,
В комплексы, в алкоголь.

Столько поллитр извести для палитр
Может лишь полный шиз.
Из недошедших до Бога молитв
Соткана наша жизнь.

КРАСНОЕ И БЕЛОЕ

Бьётся в тесной печурке Лазо.
В стане белых пирушка и смех:
«Разобьём краснопёрых ужо,
Хватит тесных печурок для всех».

В стане красных хватает штыков.
– Приамурье очистим к весне.
А попавших к нам в плен беляков
Будем вешать на каждой сосне.

Брат брательника взял на прицел,
Сыновья убивают отца,
За кордон утекает, кто цел,
Кто укрыться успел от свинца.

С той весны, с той гражданской войны,
Где сынов убивали сыны,
Жгли и вешали, злобой полны,
Память стёрта с погостов страны.

Только вешние воды в овраг
Принесут человеческий прах:
Тут – костяк, и подальше костяк.
Не понять, кто тут свой, кто тут враг.

Нехватка манны в небесах.
Аз не ядохом, аз писах
О душах, траченных баблом,
Пропащих поделом.

Мамона вас в подкову гнёт
Покруче, чем татарский гнёт,
Хоть кажется наоборот –
Что вы всех гнёте.

Когда пресытишься – купи
Свободы (на длину цепи)
С комплектом клизм и батарей –
Сиди и совесть грей.

Вы, псы одной шестой земли,
Стучали и мозги гребли;
Пролив за родину кагор,
Свалили за бугор.

И за бугром при понятых
В хитоны рядитесь святых.
А по следам за вами вскачь –
Проклятия и плач.

По вас соскучились конвой,
Параша, нары, волчий вой,
И кол осиновый грустит,
И Бог вас не простит.

*Виктория
МОЖАЕВА,
х. Можаявка,
Ростовская
обл.*

У края невидимой битвы
В последнем дозоре стою,
Не помня чужие молитвы,
Одну повторяя свою.
Столкнутся ряды бестолково,
Коснутся зарницы земли,
И поле вздохнёт Куликово
Дыханьем единым вдали.
Подлесок, от солнца соловый,
С травинки глядит стрекоза,
У Дона бессмертник лиловый
Поднимет живые глаза,
Прольётся в кровавом развале
Святая живая вода.
Как люди меня называли –
Не вспомню уже никогда.
И сколько крестов ни носи я,
В немое уйдя забытьё,

Но слово – Россия, Россия –
Запомню, как имя своё.

Когда волхвы пришли с дарами
Почтить Младенца и Творца,
Лежал Господь в разбитом храме,
В вертепе бедном у Донца.
Тянулись нити снежной пряжи
Через пробоину стены,
А рядом люди в камуфляже
Стояли, выйдя из войны.
Гремел обстрел, ложились плети
Разрывов близких ножевых...
Стояли женщины и дети,
Погибшие среди живых.
С одной бедой, с одной мольбою...
Но стрелы сыпались, свистя,
И Богородица собою

Закрывает спящее Дитя,
 На плат Марии снег садился,
 Стекая каплями с лица...
 В такую ночь Христос родился,
 В вертепе бедном у Донца.

* * *

Живём на краешке войны,
 На тонкой грани тьмы и света.
 Накидкой тонкой тишины
 Укрыто плачущее лето.
 Как беззащитна тишина
 Перед чужим, неотвратимым.
 И слово тяжкое ВОЙНА
 Плывёт над нами чёрным дымом.

* * *

Глядит в окно моё луна,
 А мне темно.
 Девятый год глядит война
 В моё окно.
 То хрип, то стон в моей груди,
 То жар, то лёд...
 Я говорю ей: «Уходи!» –
 Девятый год.
 Плету, как кокон, забытьё,
 Но все равно
 Глазницы чёрные её
 Глядят в окно.
 Гремят разрывы по реке,
 Поля красны...
 Стоит мой дом на острове
 Среди войны.
 Её ухмылки нет кривей,
 В грязи, в крови:
 «Отдай мне только сыновей...
 Сама – живи...»
 Мне не по силам с ней в борьбе,
 Не по годам...
 Но сыновей своих тебе
 Я не отдам!
 Они не сгинут, не падут,
 Не смей, не тронь!
 И невредимыми пройдут
 Через огонь...
 Моя молитва – им стена,
 И в стынь, и в зной...

И тенью падает война
 Передо мной.

* * *

На моём берегу
 Может всяк человек
 Пришвартовываться:
 Здесь найдётся ночлег,
 И беседа, и ночью, и днём.
 Я стрелять не могу.
 Я могу только перебинтовывать,
 И молиться за всех,
 Кто сегодня опять
 Под огнём.
 Я могу только ждать.
 И другого не знаю усердия.
 Только плакать могу,
 Как княгиня со стен в старину.
 Может, стану и я
 Для кого-то сестрой милосердия,
 И платком с головы
 Чью-то смертную боль оберну.

* * *

Запеклись в душе слова, как на ране,
 И не сплю до петухов я до третьих...
 Дай мне, Боже, выносить с поля брани
 Во единый лазарет тех и этих.
 Чтобы свечи в лазарете горели,
 Чтобы стражники стояли, крылаты,
 Чтоб в глаза они друг другу смотрели,
 Заключённые в пространство палаты.
 Чтобы понял тот, кто взял меч не правый,
 Братской кровью свою душу чернивший,
 Что под Киевом сидит семиглавый
 Змей поганый, христиан полонивший.
 Чтобы те вдруг сокрушились, как эти,
 Чтобы плакали до дна, до одышки,
 Чтобы спели им донецкие дети,
 Прямо с неба, про рисунок мальчишки...
 Запеклись в моей душе эти грёзы,
 И смешны они, конечно, и странны...
 Дай мне, Боже, отирать эти слёзы,
 Дай мне, Боже, омывать эти раны...

* * *

Вот и рухнула жизнь, как кабинка пляжная
под ударом внезапного урагана...
Как идёт вам эта форма камуфляжная
И глаза ваши из балаклавы
смотрят так же, как смотрели
глаза ваших прадедов,
ваших прапрадедов из-под
касок, фуражек, кубанок...
И нет в них ни лихости, ни удали,
А только лютая усталость
и огрубевшее терпение...
Врут казачьи песни, врут...
Они только душу дерут...
«Ты ж моя пташка, канарейка...»
Умереть бы за вас за всех мне одной,
чтобы больше жизни ни одной
не отдать страшной бабке с вонючим ртом...
Тяжёлые бои в городе Золотом...
Сыночки мои, сыночки,
вы уходите группами и поодиночке,
помните, вы учили, что сумма квадратов катетов
равна квадрату гипотенузы?
И тянутся, тянутся, тянутся
кровные кровавые нервущиеся узы...
И глаза ваши из балаклавы,
как перед ударом казачьей лавы...
Я ведь всего лишь женщина, Господи...
Отведи эту чашу от них, отведи...
Лучше меня одну, Господи,
лучше меня одну...

* * *

Вы же донецкие, вы же из стали,
Видят же ангелы, как вы устали,
Как вы молитвами в небо вращались...
Видимо, сроки ещё не настали...
Знание кончилось, смолкли пророки,
Видно, ещё не исполнены сроки...

Розы донецкие, красные с кровью,
Снова примерили шалочку вдовью,
Чёрные розы из чёрного дыма,
Снова не около, снова не мимо...
Вы же донецкие, вы же прорвётесь!
Вы же от счастья потом нареветесь...
И прибежит она с песнею деда –
Русская девочка, наша победа.

*Василий
МУРЗИН,
Москва*

ИЗ «ВРЕМЁН ГОДА»

ИЮНЬ

И вечный бой: одуванчики и тополя.
 Жара зажигает звёзды
 Совсем не для
 Того, чтобы поднесли зажигалку
 В тот самый миг,
 Когда братаются небо и лес.
 Словом, если ты решил набить
 Невесомостью свой пуховик,
 Выйди сталкером, стань лучом,
 Зелёным, синим,
 Определив цвет на вес,
 Стань художником,
 Которому всё нипочём.
 И рисуй себе зиму, малюй
 Тополя и выпускной.
 Сопрягай сезоны, перемешивай
 Краски между собой,
 А потом – стыковка,
 Склейка, монтаж.
 Зори целуются,
 Дождик, как метранпаж,
 Сверстает жаворонка и соловья,
 А в антракте рождаются
 Бетховен и Хачатурян...
 Чья это картина?
 Ничья!

Это всё оттенки зелёного.
 Называй, как хошь.
 Ведь июнь – это юность.
 А юностью ты
 Живёшь,
 Невозвратность
 Этого мира тебе
 Предъявит свой счёт.

И губы прошепчут
 Упрямо:
 Ещё!

ИЮЛЬ

Путь лета к макушке
 Совсем не прост.
 Зелень, как часовой,
 Занимает вверенный ей пост.
 Свет инкрустирован бликами,
 Словно неуд
 Поставили дрянному художнику
 За его мазню,
 А ромашки, и клевер,
 И таволга, впавшая в ню,
 Упрямо тащат невод
 От полудня
 до бесконечности.

Я тебя не виню,
 Если ты выбираешь
 июль,
 Мошек, комаров,
 А гроза
 Сверкает молнией,
 Как стрекоза,
 Зависая над Арбатом,
 как космический аппарат.
 Солнце пришпилено
 Занозой к асфальту.
 Но только Арбат:

Джинса. Фирма. Попса.
 Я закрываю окна,
 Но слышу, как голоса
 Продолжают длить
 Музыку, лето,
 вершину параболы.

До и после,
Против и за.
Пора заканчивать.
Занавес.
Пузыри на лужах
Стремятся
июль обнулить!

СЕНТЯБРЬ

Меня не учили в школе,
что утренник инея белее дыма,
что от печки исходит картофельный дух,
Как сияние от серафима.
Сентябрь – это лето-лайт,
Когда небо, увязшее по самое «не могу»,
Оставит не след,
а лайк.

Серо и тучно.
В грязи, как бегемот,
Копается грузовик,
керосинка трещит,
Душа истлевает,
как фитилёк.

Но в серой мякоти небес
Рождается, не спеша,
Спелая, как ягода,
Красная, как арбуз,
Бабьего лета душа.

И опять доска диктует вдохновению
Тему: «Как я провёл лето?»
И если душа – всё же арбуз,
То я должен расколоться,
и тем не менее
Излиться дождём,
Сгореть в листве,

Чтобы прогорклость стала данностью,
А я – золой,
Началом конца, конец лета,
Летящая птица,
Ставшая просто
Памятью
Или землёй!

ДЕКАБРЬ

Заморозилось бы враньё,
Остолбенело бы, как с женою Лот,
А тугоухое вороньё
Пропело бы псалом.
Вот

Заканчивается год,
Так в обнимку с ёлочной хвоей
Грезит год о том, что не сбылось.
Всё, о чём мечталось, о чём в твоей
Голове сплелось, спелось,
Но не срослось.

Только жизнь ведь
Не подо льдом трещит,
Раздавленная кирзачом.
Жизнь поверяется лучом,
Рождеством, ещё
Тем, что измерено
На свой аршин.

Что в итоге?
В канувшем в лето году отменили галоши.
Снег не выпал даже в апреле.
А поэтому целой армии дедморозов,
Названных так по оплошности,
Дали отставку.
Досрочно грачи прилетели!

По-девчоночьи озорно заныкалась берёза.
На прочном подрамнике поля.
Поэтому пишите письма
До востребования, беря за
Ориентир габариты картины,
Спрятанной на антресолях.

Комната в тени и лени.
Время для материализации сказок.
Так встанем же все на колени
В чертоге четырёх нулей,
Не встретившихся нам
До сих пор ни разу!

Вячеслав
НЕКРАСОВ,
Калуга

ТОЛИК

Исчезнув бледным силуэтом,
Сказал сосед мой Толик:
– Будь!
Луна своим янтарным светом
Ему очерчивает путь...

За бузиной и за сараем
Никто не ищет и не ждёт.
И дом почти необитаем,
Когда в нём Толик не живёт.

Он, фиолетовые руки
В карманы тёплые вложив,
Плывёт по руслу старой мўки
И обгоняет миражи.

Сквозь ветра тоненькие нити,
В съедобных лунных заливных,
Идёт культурный – извините! –
Встречая путников иных.

Но это только сны и тени
В недвижной сумрачной реке.
Вот кот – реальный – на ступенях,
И два ещё на чердаке.

ОСЕННИЙ КОВЧЕГ

Опустись, красноногий закат,
На мою невесёлую землю,
Где под крышей малейшей из хат
Я вечернюю пищу приемлю.

Я смотрю на свой детский портрет,
На твои покрасневшие руки,
Издают перепёлки нет-нет
В полумраке прозрачные звуки.

Тыквы нынче заполнили дом,
И цветы все под крышу собрались.
Я смотрю, понимая с трудом...
Как же вместе мы все оказались?

В САДАХ НОЯБРЯ

Мы выпускаем кур с тобою
В зелёный сумрак ноября,
Под строгой маленькой звездой,
О столь немногом говоря.

Вопросы мирной сельской жизни
Нас занимают день и ночь.
Природа милая Отчизны,
Ты не могла бы нам помочь?

И зверобой, и одуванчик...
Как много ценного всего!
Мечта! Мечта моя – кабанчик.
Я б любовался на него...

А куры движутся умело
В холодных травах ноября,
Без снов, без мыслей – быстро, смело,
Огнём немножечко горя.

Мы выпускаем их с тобою
В холодном сумраке садов...
Я ухожу своей тропой,
Типичный добрый птицелов.

СЕРЕБРЯНАЯ ПЕСНЯ

Запорошенные травы
Пропадают в белом мраке,
Дальше тёмные дубравы,
Дальше долгие овраги.

Лают мелкие собачки – там,
За кладбищем, в низине.
Да, порой бывают драчки,
Но вообще они едины.

Нить заката над деревней
Проросла в окне соседа,
Свет печной, свечной и древний,
Плюс беспечная беседа.

И серебряные плети
Обвивают борт сарая,
И невидимые дети
Пробегают белым раем.

Запорошенные травы
Пропадают в белом мраке...

*Валентин
НЕРВИН,
Воронеж*

* * *

Ну, вот и закончилось лето,
недолгое в нашем краю.
Под небом осеннего цвета
среди листопада стою.
Нетрудно понять с полуслова,
что этой печали под стать:
Есенина или Кольцова
в такую погоду читать.
Уже безоглядно русея,
на круге печали земной,
Сергея, потом Алексея
цитирую, как заводной.
По русской печали осенней,
на долгие лета вперёд
остались Кольцов и Есенин,
а всё остальное пройдёт.

НА ПЕРРОНЕ

Когда на перроне сухая листва шелестит,
а наши слова и надежды растрочены попусту,
Земля одиноко
в осеннее небо глядит,
как женщина
смотрит вослед уходящему поезду.
За далью своих световых и беспамятных лет

звезда фонаря на последнем вагоне качается.
Составы уходят,
а женщины машут вослед,
и время надежд
на Земле никогда не кончается.

ВОРОБЫШЕК

Жена заплачет,
ангел отвернётся
и за душой не будет ни копыя,
когда на сердце, будто встрепенётся
простая птица, вроде воробья.
Она свободно
крылышки расправит,
и медики руками разведут,
а кто-нибудь из космоса представит
земную жизнь за несколько минут.
Душа бывает
праведной и грешной,
но всякий раз, у жизни на краю,
чирикает воробышек сердешный
бесхитростную песенку свою.

* * *

Сколько листвы под ногами,
 столько любви за душой –
 топчут её сапогами
 на переправе большой.
 Только паром от причала
 не увезёт за моря...
 Долго ли нам от начала
 осени до ноября?
 Прошное ходит кругами
 прямо по кромке воды –
 сколько листвы под ногами,
 столько любви и беды.

ТРАМВАЙ

Я ничего не забываю –
 ни понарошку, ни всерьёз.
 Как я скучаю по трамваю,
 который в будущее вез!
 Он дребезжал, как ненормальный,
 систематически пыля,
 по улочке провинциальной,

где закругляется Земля.
 Мои товарищи-погодки,
 со скоростями не в ладу,
 не дожидаясь остановки,
 выпрыгивали на ходу.
 Я тоже соскочил с подножки,
 перемахнув через года.
 Трамвай уехал понарошку
 и не вернулся никогда.

* * *

Ангел мой,
 для чего мы живём
 в ожидании мора и глада?
 Отпусти меня петть соловьём
 на окраине райского сада!
 Чтобы время текло по ладам
 и сияла звезда на востоке,
 чтобы души, забытые там,
 полагали, что не одиноки...

* * *

На утренний дым над водой ледящей,
 на лес драгоценный за старым мостом,
 на всех, в этот час по земле проходящих,
 кого не слизал ещё век языком –
 смотри...
 И прелестная, в крыльях прозрачных,
 висит стрекоза... И вот-вот за углом
 откроется счастье, что вовсе не значит,
 что кто-то одержит победу над злом.

* * *

Весь в бабочках, мигающий пейзаж
 так радостен, как будто перед взлётом.
 Так много солнца в доме этим летом –
 что дом уже как будто и не наш...

Пока ты спишь, я никогда не сплю.
 Мне кажется – мы под открытым небом,
 и я в него забрасываю невод.
 Поспи ещё, я так тебя люблю...

У нас сегодня счастья – пруд пруди.
Безоблачная летняя суббота.
И лишь одна не сделана работа:
забыть всё то, что будет впереди.

* * *

В. М.

Урюм и странен человек –
но отразится свет
в глазах, утративших навек
свой перевозданный цвет.

Бредёт домой навеселе;
поднимет воротник.
И мысли сохнут в голове,
как спутанный тростник.

Постылых истин отставник,
Бердяева знаток,
он жизнь свою, как стопку книг,
на свалку отволоку.

Идёт теперь навеселе,
несёт в руке винцо.
И отражается в стекле
помятое лицо.

* * *

Розы расцветают...

В. А. Жуковский

Нетронутая, полная весна –
которой человек уже не нужен.
Он слишком вероломен и недужен,
чтоб на него обрушилась она.
Зато деревья, птицы и трава
возьмут себе её тепло живое.
А человек – пространство нежилое:
он просто ниже временно слова.
Вот он стоит с заточкою в руке –
и словом равнодушно точит слово.
И ничего не замечает снова...
И розы расцветают
вдалеке.

* * *

Пион качнёт чалмою иноверца,
немного солнца и дождя пролив.
И ветра недоверчивый порыв
несёт трилистника сухое сердце...
Любви моей роскошный недолёт!
Но с абсолютным слухом первой скрипки,
с блаженным мороком рассеянной улыбки
и точным временем наоборот.

ИЗОБРЕТЕНИЕ ПАРУСА

1

Он где-то долго и бесславно жил.
Покрылся пылью, что-то ел со всеми.
Почти что спятил, с птицами дружил.
Внутри него заканчивалось время.

Но человека всё ведет к воде.
В ней, растворяясь, исчезает старость.
И вот однажды, вопреки судьбе,
он просто так изобретает парус.

2

Щенячье счастье ветра, корабля –
служить хозяину без страха и без слова...
Владыка паруса – прощай, земля! –
он сопределен всем стихиям новым.

На борт поднявшись, чтобы жить опять,
он капитан – теперь уже навеки.
Морская, без единой складки, гладь.
И сумасшедшая свобода в беге.

* * *

И вот садится самолёт,
уже крыло его кренится...
И небо – головой вперёд –
к земле раскрашенной стремится.

И моря неотвязный блеск –
как на бессмысленной открытке.
И эти горы, этот лес
висят сейчас на тонкой нитке.

Когда – отчаянно гребя –
ты был, была... а может, не был?
Опасно чувствовать себя
галлюцинациями неба.

ВЕНЕЦИЯ

1

Мысль об иной – быть может, лучшей –
жизни,
которую сей город воплотил;
и гордость, и любовь к своей отчизне,
и предрасположение светил.

Нет ничего прекрасней этой смерти,
как будто сам Творец нарисовал
роскошный праздник: не пугайтесь, верьте,
жизнь после смерти – тот же карнавал

и свет в окне старинного палаццо.
Ты хочешь знать, что может быть внутри?
Всё можно вспомнить, если постараться, –
лишь стёкла разноцветные протри.

Чьи тени прихотливо оживают? –
когда зовёт невидимый звонарь
смотреть, как вечерами зажигает
Венеция волшебный свой фонарь.

2

Наполненная колокольным гулом дымка,
скользящая гондола-невидимка
по отражению дробящейся луны...
Вода есть время; и покуда сны
ещё способны удержать что-либо,
сквозь сумерки – со стороны залива –
Венеция мерцает красотой.
И Божий дух несётся над водой.

3

Коль жизнь есть дар – то будней не бывает.
Хоть из лагуны время убывает –
вода, напротив, наступает. Но
Венеция опустится на дно
не раньше, чем дойдут у Бога руки
осуществить панические слухи.
И даже если так случится – пусть...
Здесь часть пейзажа составляет грусть.
Плывущие дворцы, туман и запах,
и львы печальные на мокрых лапах –
как будто долгой смертью жизнь поправ,
со смертью не кончаются, ты прав.

* * *

Даже если всего лишь зерно я,
Разве нет зрячей воли в зерне?
Безнадёжное дело земное
Без меня безнадёжно вдвойне!

Хоть и послано было за мною
С мыслью – жизнью за то поплатись! –
Безнадёжное дело земное
Не смогло без меня обойтись....

Рассержу, растревожу, задену
Здравый смысл, но скажу всё равно:

Если всё же я взялся за дело,
Так ли уж безнадежно оно?

Стужа гулко ударится оземь,
С треском реки, как окна, забьёт...
От зерна занимается озимь –
И в крови больно крошится лёд!

Это всё отзывается мною:
Вспухший Дон, зеленеющий лес...
Безнадежное дело земное
Без приставки безжалостной «без».

«ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ»

Артёму Шкуруину

Слов твоих обрывки склею –
Дыбом встанет даль.
«За Изюм», «За Балаклею»
Нет наград, а жаль...

Как теперь ни балагурь ты,
Мол, признал «вину»,
Ты с гармошкой не на гўльки –
Двинул на войну!

В ставшие чумными дали ...
И гармонь сберёг,
Где пристрелянные ждали
Вехи вдоль дорог.

... И, смешок сглотнув, слезу ли,
Вспомнишь то сельцо...
(«Шли на Славянск, за Изюмом
Взяли нас в кольцо»).

Миномёты вражьи жарко
Дышат, рвут, как псы...
И вот-вот надавит арта
Вражья на басы.

Эх, гармонь, резные планки,
Не избыть беды!
Но

«Прощание славянки»
Тронуло лады

Русской болью, русской жалью –
Так, что в горле ком.

И, стихая, стало сталью
Примкнутых штыков.

Так сошлось тогда, так вышло...
Молча постоим...
Чтобы было братьям слышно
Боевым твоим –

Всем, в тот рукопашный вставшим
(Всех – неполный взвод),
Всем, и выжившим, и павшим, –

Марш
не смолкший
тот...

СНОВА О НАЗВАНИИ

Пусть называется так, как назвали.
Нужно уже эту правду нам знать:
Это закончится завтра едва ли,
Если яснее, точнее назвать.

Это уже не удержишь в секрете,
Зубы пытаюсь заговорить...
Грузит сосед камуфляжные сети –
Не карасей разжиревших дурить.

Рады такой вот, не первой, «попутке»,
В той материнской заботе близки,
Тащат соседки блинцы и закрутки –
И шерстяные, хоть лето, носки...

Если взглядеться в страну не спросонок,
Не через наволочь, не через муть,
Видно, что каждый убитый просёлок
Греет под рваной рубахою
Путь.

А в том пути, по глазам ли пороша,
Пот ли солёный как щёлочь их ест,
Честного путника всякая ноша
Знает одно лишь название – крест.

ПОПУТЧИК

Алексею, морпеху с позывным «Ладога»

1

Угли ворошить не стану я,
Глубже их в золу зарюю...
У тебя глаза усталые –
Не медийного героя.

И глядишь ты не из телика –
С полки со второй вагонной.
По кадык захлестнут тельником,
Но – не паникой по горло.

Странный... Сидя по-восточному,
Не спешишь ты вниз, за столик.
То ли ищешь слово точное
На вопрос мой праздный, то ли

Что-то трудное, укорное
Зная – тронуть не рискуешь...
У тебя глаза спокойные,
Но – немеющие скулы.

Нет, на шёпот не срываешься,
Но – как много в той запинке...
«В Томск я... отвозил товарища...»
Просто... А товарищ – в цинке...

2

В новостях – крушим их блиндажи,
Жжём броню... Нельзя не верить фактам...
Но – хоть молча, взглядом – мне скажи,
Ты скажи, ответь мне всё же – как там?

Отмотать назад сюжет нельзя,
И не трать вотще на то слова ты...
Как твои усталые глаза
Понимают взгляд мой виноватый!

Тыловых пророков речи злят,
Что ни скажут, всё выходит боком.
Ты молчишь, но не отводишь взгляд,
Словно слово «Ладога» глубокий.

Что нам позывные говорят?
Про иной – поди, попробуй вызнай.
Твой водил в блокадный Ленинград
По слепому льду «Дорогу жизни».

* * *

Отказался... Зря! Глотаю слюнки,
А сосед-молчун, примёрзший к лунке,
Из горла глотнувши «для сугреву»,
Мыслью растекается по дереву.
Как шуга замёрзшая, шершаво
Дерево это: Киев и Варшава,
Вражья Прага, мутная София –
Соль земли, видал? А мы – плохие!
Вся родова: купола золотые,
Берия – внебрачный внук Батя,
Квас и сказ, побаска и былина,
Русский штык, ходивший до Берлина!
За Уралы счёт нам, за Сибири,
За Христа, что сдуру возлюбили;
Скоро счёт придёт и за Иуду...

– Будешь, брат? Поговорим хоть...
– Буду!

*Иван
НЕЧИПОРУК,
Горловка,
Донбасс*

РАСЦВЕТШИЙ ИЮНЬ

Июнь расцвёл – не передать в словах:
Бревно из бруствера пустило в рост побеги,
Окопы захлестнула мурава.
Земля кружилась словно голова,
И время ехало на солнечной телеге.

Стеной взошли чабрец и молочай,
Был мир в тот миг почти что идеален.
Войною пахло как бы невзначай,
Спадал ремень с натёртого плеча,
И Ангелы-жнецы обстрела ждали.

ДАЖЕ НА ВОЙНЕ

Отцвели форзиции,
Сдав свои позиции:
У весны ротация – зацвела сирень.
Но безлюдны улицы,
Поднебесье хмурится,
Здесь автоматически человек – мишень.

Старой бесприданницей
Ходит смерть и мается,
Косит одуванчики, топчет зеленыя.
А мои окраины
Биты и изранены,
Плачутся околицы в фосфорных огнях.

А весна не ленится,
Всё цветёт и пенится,
Что ей до погибельных огненосных дней?
И с предельной грацией
Кружится в акациях –
Всё по расписанию, даже на войне...

ПОХОЛОДАНИЕ

Хороводит холод, свет не мил.
Этот ветер лют и быстрокрыл
Свищет в кронах мартовского сада...
И не ясно, то ли Ангел вострубил,
То ли это отзвук канонады.

Потепленье оказалось сном,
Бытие перевернув вверх дном,
Март в безумных корчитя ужимках...
За моим простреленным окном
Вьётся одинокая снежинка.

* * *

Моим родителям

Здесь запах тополей родней,
И ярче звёзды.
Я на исходе светодней,
Ловлю течение теней
Под грохот грозный.

За перелесок нет пути,
Ни вдоль, ни между,
И здесь покоя ни найти,
И лишь пока Дзержинск затих,
Дышу надеждой.

Обрыдло всё давным-давно...
Безмолвность улиц,
Не объяснить глубоким сном,
Ночами страх стучит в окно,
Но чаще пули...

БЕЗЫМЯННАЯ ЗВЕЗДА

Она ушла. Тебе почти не верится,
 Что эта ночь была в твоей судьбе.
 В своих воспоминаньях оробев,
 Не смеешь взор поднять к Большой Медведице,
 Что тянет лапы, замерев в мольбе.

Твой городок с извечными изъянами,
 О вас двоих не вспомнит никогда.
 Но счастлив ты, ведь где-то есть звезда,
 Она горит, пока что безымянная,
 И к ней уходят в небо поезда.

ДЕРЖИСЬ, ГОРЛОВКА!

Анне Шибко

Не сдаётся зима, и осколки пронзают сугробы,
 Давят мысли и страхи, когда сам с собой не в ладу.
 Этот город – души моей вечный чернобыль,
 И алтарь, на который я сердце кладу.

Город-мученик, он, опалённый огнём «операций»,
 Так устал содрогаться, и чувствовать привкус вины...
 Я молю: «Продержись! Мы должны продержаться!
 Есть надежда, что мы на пороге весны!»

ОДИН

Виктории П-К

Боль души, как тротилловые мегатонны...
 Рвётся сердце в моей обречённой груди,
 Пожинаю потери свои неуклонно.
 Я остался один из семи Симеонов.
 Я остался один!

Этой боли мне в душу вколочены сваи,
 Плачет сердце, как будто запуганный зверь.
 Это время за ворот тоску заливаает.
 Что мне делать теперь, моя память живая?
 Что мне делать теперь?

Говорят: время лечит, но чаще – калечит!
 Лишь мгновения мимо сознания бегут.
 Страх терзает меня и хватает за плечи.
 Я уже не смогу быть бродягой беспечным.
 Я уже не смогу!

НОЧЬ ПРЕОБРАЖЕНИЯ

В эту ночь второго Спаса
 Каждый холм – Святой Фавор!
 Террикон вдоль пыльной трассы
 Смотрит в небеса в упор.

В небе месяц, словно жёрнов
 В тёмно-звёздной синеве.
 А с вершины рукотворной
 К небу льётся чистый свет.

Комендантский час пустынен...
 Чёрных улиц монолит
 К свету тянется, к вершине
 Силой Ангельских молитв.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег! Он был и не был
Над Глубокою моей.
Посмурневши, смотрит небо,
Как свершает ветер требы,
Среди тощих дымарей.

В контурах домов разбитых
Снег оставил робкий след...
Обречённо и сердито

Дверь сквозь век стучит копытом,
Под веригами примет.

Что ни вечер – арт-дуэли,
Смерть опять пускает яд.
Снег под утро вновь расстрелян,
И в осколках от шрапнели
Клёны, скрючившись, стоят.

НАД ЛАХТОЙ

Над поморской деревней глубокий, как бездна туман...
Тихо плещет Мезень, а вверху отзываются гуси.
Луговиную пахнет, и воздух пьяняше медвян,
Благодать разливается в небе над Северной Русью.

И катает межник пенно-снежную кипень волны,
Над причалом сыреют на вешалах тучные сети.
В море дышащем тают приметы холодной весны,
И усталое солнце сквозь тучи багряные светит.

ЖДИ

Город, словно рыба в молоке,
В выхлопном тумане от ракет,
В окнах глаз тревожная истома.
Не горят в безмолвном далеке
Слёзные огни аэродрома.

Декабрат холодные дожди,
И напитываясь каплями вражды,
Город стонет в горьком исступленьи...
Но назойливо дождейки шепчут: «Жди
Искупленья, исцеленья, избавленья!»

*Николай
НИДВОРАЕВ,
Тюмень*

РЯБИНА

У овощного магазина,
Среди озябших тополей,
Поёт упрямая рябина
Задорный гимн ушедших дней.
Так по-житейски, между делом,
У нас над самой головой –
Она, пурпурная на белом,
Застыла музыкой живой.

* * *

Бурлит и бродит буча мировая,
Безумствуя, лютуя и любя –
Всё это пропускает сквозь себя,
Страдает и болит душа живая.

А будучи – хоть верьте, хоть не верьте –
Вдали от ахов, страхов и обид –
Страдает потому, что не болит...
Безделье для души подобно смерти.

В БУДНИЙ ДЕНЬ

В будний день, из авто своего,
Я гляжу на пейзаж городской
Под какие-то пошлые ноты.

Я пытаюсь понять, отчего
На земле мы несчастны порой,
Нас обманчиво манят высоты.

А за окнами виды просты –
Запоздалый мороз, гололёд...
Оживление у перехода...

Право, нет никакой высоты
В той пучине, где счастье живёт –
Лишь святая любовь и свобода.

ОТ УРАЛА ДО ИРТЫША

Я люблю этот край медвежий,
Хоть брани меня – хоть жалею.
Тут гуляет залётный свежий
Ветерок с ледяных морей.

Тут повсюду тайга сплошная,
Тут болотные пни окрест...
Для чего мне нужна, не знаю,
Красота этих гиблых мест.

Без возврата и поворота,
Не внимая звезде иной, –
Засосали меня болота,
Закружил меня дух лесной.

Где-то суетный дым клубится,
Терабайтов бушует шквал –
Мегаполисы и столицы
Зазывают на карнавал.

Но мои нашептали рощи,
Нажурчала моя вода,
Что исчезнуть гораздо проще
В этом хаосе навсегда.

Что не где-то, но в ареале –
От Урала до Иртыша –
Станет легче земной печали,
Станет выше моя душа.

НОЧНОЕ НЕБО

Балкон, довольно поздний час.
Над горизонтом тучи сизы.
Луна прозрачная анфас –
Как зыбкий образ Моны Лизы...
И вот он – космос, нем и глух,
Зовёт своей бездонной тенью,
И перехватывает дух
От первобытного волнения.
И, замерев минут на пять,
В стихии звёзд, как путник в поле,
Ты что-то силишься понять,
Но не хватает слов и воли...
И взгляд соскальзывает прочь –
И снова голые ракиты,
Безлюдный сквер, седея ночь,
И дверь балконная открыта.

МОЛИТВА БЕЗБОЖНИКА

Когда я беседую с Богом,
К иконе поставив свечу –
Его не прошу я о многом,
Назойливым быть не хочу.

Ну, в чём я нуждаюсь? В прощенье
Своих закоснелых грехов,

И трепетно жду вдохновенья –
Откуда-то посланных слов.

Из личного мне почему-то
На ум не приходит засим
Вообще ничего в те минуты,
Когда я беседую с Ним.

Все фразы мои скуповаты,
И просьбы предельно честны –
Хочу, чтобы наши ребята
Вернулись живыми с войны.

Дорог бы настроили много,
Чудных нарожали детей...
Я мира у Господа Бога
Прошу для России моей...

Я вырос в безбожии строгом –
А нынче, доверчив и тих,
Душевно беседую с Богом
О ноющих тайнах своих.

Слова – это сила.
И дело.
И важно вот так, в тишине,
Сказать, что в душе накопело...
А если Он есть –
То вдвойне...

Олеся
НИКОЛАЕВА,
Москва

ВАРШАВА

Кичливый лях, иль верный росс?
А. С. Пушкин («Клеветникам России»)

1

Варшава гневная! С тобой мы не в ладу.
Не в духе, что ли, ты проснулась на виду

Европы, потерявшей интерес к тебе, и грудью
 ложаешься на стол, чтоб ложку мимо рта
 не пронести, швыряешь нам счета,
 пифически взывая к правосудью?

Варшава шалая, с шипами: всхлип и шип
 из уст доносится, смотри – язык прилип
 к гортани, притупилось жало,
 и жалок голос, он охрип, осип,
 а ведь когда-то под прикрытьем лип
 Речь Посполитая так бурно клокотала!

Варшава ушлая, шальная, широка
 ты Вислой выпренок, в запястьях же узка,
 в ладонях жадная, нежна твоя рука,
 зато легка пощёчина, звонка,
 да вот щека – щетиниста, шершава,
 Варшава!

Варшава шумная, сиди себе сверчком,
 на бледном темени с тревожным родничком
 молчком.

Или забыла ты, как в оные года
 валялась, праздная, в канаве без стыда,
 без платья шёлкового, волоса торчком,
 ничком?

2

За что? За брестский мир, за чёрный сор,
 за сговор воровской, за твой вихор,
 по-петушиному встававший дыбом,
 за спесь твою, неряшество и вздор
 тебя причёсывали, делали пробор,
 плели косу, вели на царский двор,
 где пруд серебряный, и видно до сих пор,
 как отражалась ты на зависть рыбам.

Но ты ушла, надменная, и дверь
 вслед за собой захлопнула с надрывом,
 за что ж ты платы требуешь теперь,
 размахивая векселем фальшивым?
 За что? за одичалые стада
 вражды твоей и вероломства – да,
 за злую похоть, суеты излишек
 и за Москву, спалённую при Мнишек,
 за ход конём, за лютую стрелу,
 за патриаршью смерть в лихом углу,
 за ядовитый привкус святотатства,
 за кровь дурную, за «пся крев»: иглу
 отравленную – униатства?...

3

Строптивая, Европы на краю,
кого желаешь пнуть, кого – потешить:
под «Варшавянку» блудную твою
расстреливать вели и вешать...
Кому готовишь огненную сечь
и огоньки болотных страхов,
зачем ты снова затеваешь речь –
Речь Посполитую и распаляешь ляхов?

Варшава шустрая – до моды, щегольства
охочая – ты жаждешь сватовства
с Парижем женственным и Лондоном лукавым.
Когда суха земля, зыбка листва,
ты корни рвёшь славянского родства:
все шуйцей норовишь за ухом правым.

Давно ли Римским папой нищету
ты прикрывала, била на лету,
как козырем?.. Горящий померанец
твоих волос – он виден за версту,
и папа ныне над тобой – германец.

4

Мне вдруг напомнила – здесь, в ледяном краю,
ты Леокадью – польскую мою
прабабку – в немощи, в тряпье, желая страстно
сломать ход времени, она, швырнув очки,
сжимала крошечные злые кулачки,
лупя одним другой: «Холера ясна!»

Но прадеду была верна во всём –
крестясь по-нашему, молилась Матке Боске,
блюла родство и бледным жглась огнём...
...И ты ходи при ясном свете, днём,
Варшава шаткая! И помни о своём –
кто ты, откуда ты, характер твой каковский...
Пока мы чашу пред Голгофой пьём,
жуй хлеб беспечности, болтай о том о сём
и потчуй паньство «уткой по-жидовски»*.

*«Утка по-жидовски» – польское национальное блюдо

ВСЕ, КАК ЕСТЬ

Грозовые ночи. Дроны смертоносные.
Ливни громы-молнии. Мутная луна.
Дни бегут тревожные, суетные, постные.
От дурных предчувствий грудь раскалена.

До войны рукой подать. Полшажка до гибели.
В голове бьёт колокол, роет нору крот.
Из враждебной местности три посёлка выбили,
скоро и до Киева язык нас доведёт.

Скрипочка столичная на разрыв пиликает.
Древнее пророчество по земле летит.
То балкан кубанский яростно курлыкает,
то удод на Псковщине «хуп-хуп-хуп» частит.

Слизни и улитки этим летом жирные,
словно впрок налитые слизью и слюной,
словно чуют: близятся времена немирные,
воздухи отравленные, хлорофилл чумной.

Вот мы и лелеем всё необходимое:
пусть худое-бедное, но житьё-бытьё.
Ближе, чем рубашка, кровное, родимое,
родовое, Богом данное, своё.

Широко раскинулась, ты, моя Империя,
а Святая Русь взлетала высоко,
прочь от чужебесия, ересей, безверия:
свято материнское грудное молоко.

Дитяtko поруганное, дочка сухорукая,
ноги свои белые сбившая в пути,
Бог-Отец возьмёт тебя на небо, баюкая,
Церковь-мать прижмёт тебя к груди.

Ты – страна-страдалица, ты – земля исконная,
вся из гроз сплетённая, грёз, предчувствий, слёз...
Тело изувечено, а лицо – иконное,
да преобразит тебя, милуя, Христос!

СЕДЬМОЕ АВГУСТА

«Свирель запела на мосту, и яблони в цвету...»

А. Блок

Сегодня умер Блок... И что? А ничего!
Его «за упокой» лишь занесли в помянник,

да юноша-поэт вослед назвал его:
«словесной красоты избранник и посланник».

Тот юноша-поэт – он голоден и сух.
Ему претит совдеп, и хочется стреляться.
И пролетарский слог ему корёжит слух,
особенно когда кивают: «Блок. «Двенадцать»».

Он – социальный ноль, тверёз, небрит и зол.
Он видит: пришлый хам повсюду маракует,
как матушке-Руси ловчей задрать подол,
от дерзости хмельной, со смертью озорует.

Разломана свирель, и яблони в огне.
Ни ангелов, ни звёзд, ни музыки, ни Музы,
а мрачный Петроград, как будто бы в копне
змеящихся волос на голове Медузы.

И юноша-поэт, нося запал в груди,
так думает, сплетя немые пальцы в дулю:
«Блок вовремя ушёл.
Ушёл и не попал
к *двенадцати* на штык,
как Гумилёв на пулю».

Андрей
НОВИКОВ,
Липецк

НОША

По утрам старался быть весёлым,
Хорошо, что рядом нет друзей,
Лист осенний слякотью спрессован,
Но красив, носи его в музей.

В нём багрянец пестованья жизни.
Город чист, глазаст и большерот
И на этот раз безукоризнен,
Что ещё из радостных щедрот?

Мир ещё добавит звон трамвая,
Свежести и дух пчелиных сот
К милости несметной не взывая,
Светом опрокинутых высот.

Уходи обещанное многим,
Ибо эта ноша нелегка,
Так ища всю жизнь ребёнка в Боге,
Радостью изъедена тоска.

КАТОК

Из-под конькового ножа
На синем блюде льда,
Судьба мучительно свежа,
Она не ерунда.

Ещё она не ремесло –
В ней милосерден крест,
Но как прошедшее число
Неспешно время ест.

Вокруг толпы весёлой зыбь,
Каникулы в конце,
Как долгий, лёгкий недосып,
Остались на лице.

Освой дорожку, пробил час,
Метёт крупинки снег,
Застывшая вода сейчас,
Как тайный оберег.

НОВОСТРОЙКИ

Ничего не ново в мире,
Нет и постоянства в нём,
Экскаватор чёрной гирей
Сокрушает старый дом.

Пыль от этой работёнки,
Грохот с грубостью речей,
Возле водяной колонки
С грудой битых кирпичей.

Так умой лицо и руки
Хладной, чистой водой,
Принимая эти звуки
В день беспечный, молодой.

Бытия здесь слишком много,
Ставят рельсы – будет кран.
Уходи своей дорогой,
Не влезай в грядущий план.

Пусть он прагматично скроен,
Энергичен век – отец,
Будет время новостроек,
И оно твоё, слепец!

ОБУВЩИК

Прошивая подошвы и клея,
День рабочий среди мастерской,
Вроде бы ничего не имея,
Обрастает заказов тоской.

Обувщик! Ты спаситель народный,
Непогода, усиль свою мощь,
В час, когда ты с супругой дородной
Уминаешь наваристый борщ!

Вспоминай её толстые ляжки,
Валидол виновато соси,
Восседая в уютной стекляшке
У вокзальной стоянки такси.

Там таджики, они ни бельмеса,
И не знают российских грехов –
Из какого планида замеса,
Или промысел Божий каков?

Если что – довезут до погоста,
По знакомству, Аллах им воздаст,
Только труд, узаконенный ГОСТом,
Умереть, окаянный, не даст.

Вечно чуждый высоких наречий,
Вековой ты нащупал исток,
Вот трясутся сутулые плечи,
Но в умелых руках молоток.

Пусть заказчик язык намозолит,
А от водочки горло першит,
Будет путь навсегда иллюзорен
И суровую нитью прошит.

СОБЕСЕДНИК

Живёшь, сбиваешься с пути,
Шагаешь от вершин к низине,
«Прожить – не поле перейти...» –
Грустишь в дежурном магазине.
Не факт, что одинока ночь,
Всегда найдётся собеседник,
Хотя бы Бог, ему помочь,
Ты напросился сам, посредник.
Немного антивещества,
Ещё нацелит совесть жало.
И ощущение родства
К тому, что память рассказала.
Пытайся осознать до дыр
Затёртый постулат – он мрачен:
Не красота спасает мир,
А лишь покой и сверхзадача.
А также множество дорог,
И проводник на них незрячий.
Высокий перечень тревог
Осознан так или иначе...
Ну а потом, как дважды два,
Очнуться в стылом магазине,
Дождь и сырая голова,
Портвейн и яблоки в корзине.
Средь полок, где теснится снедь,
Под гулкой пустотою зала,
Имей, что надобно иметь,
Судьба другого не сказала.

ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ

Моеет хозяйка посуду
Жгучей холодной водой,
Спорить сегодня не буду,
Я навсегда молодой.

Лёгкое платье и шея,
В них недоступная высь,
Так, прикоснуться не смея,
Чувства мои родились.

Знаком невольной аскезы
Полнится кухонный такт,
В памяти привкус железа,
Впрочем, и это не факт.

Жизнь потянулась к восторгу,
Прямо на цыпочках, вверх,
С тенью фрамуги расторгла
Солнце и Чистый четверг.

Александр
ОРЛОВ,
Москва

ЛЮБИМАЯ

Просто ты умела ждать...
Константин Симонов

Мы присели, обнявшись, на лавке.
Я так много сказать не успел...

Три минуты у нас до отправки,
Я вернусь, не попав под прицел,

Ты волнение скрываешь умело,
Будешь ждать, как умеешь лишь ты.
Это главное женское дело,
В нём секрет неземной простоты.

Ты опустишь задумчиво веки,
И кружочек пришлѐшь мне ВК.
Моё сердце от нежной опеки
На мгновенье заколет слегка.

В час печали молитвой одѐрни,
Дай поверить, что мне повезѐт.
Нам сыграет судьба на валторне,
Подарю тебе весь небосвод,

Когда ночью, приехав с Донбасса,
Напишу, что я дома, живой...
Твоего ожидаю приказа,
Словно спутник, пленѐнный звездой...

КРАСНО-БЕЛЫЙ

Ты будешь спать, а я уеду,
Не расцелованный никем...
Я привезу стране Победу,
С тобой останусь насовсем.
Ну, а пока ты спи, родная,
В дороге дальней я с тобой,
И в нашей схватке затяжной,
Твой сон с оружием охраняя,
Я снова в роте штурмовой.
Наступит ночь, и мы на дело
Пойдѐм, как было, и не раз,
Мне близость смерти надоела,
В неравный бой вступил спецназ.
Я буду жить, ты будь покойна,
Но если вдруг случится так,
Что ты не встретишь больше воина...
Люби Россию и... «Спартак»!
И знай, что я навеки рядом,
И с первым солнечным лучом
Стою у дома с автоматом.
Меня здесь помнят пацаном.

НАПАРНИК

*Его Преосвященству
епископу Макарию (Комогорову)*

В лесах поспела земляника.
Пойти б сейчас за нею в лес,
Но не одобрит риск владыка,
Могучим сном убивший стресс.

Мы дни и ночи не скучали.
Жара, епархии, полки.
Людей запомнишь всех едва ли...
Мы жили страху вопреки.

Ему полезен промежуток,
Но вряд ли отдохнѐт монах...
На фронте сон глубок и чуток,
В который раз мы с ним в войсках.

Что говорить, он мне стал близок
Вдали от дома и родных.
И верю я: в причастных список
Господь заносит нас двоих.

В дорогах видел я так много,
Что в двух словах не передашь.
Но в центре горя мирового
Со мною был небесный страж.

БРАТЯ

Сергею Лобанову

Эти шутки о жизни и смерти
Веселят оттого, что всерьѐз
Мы с тобою на адском концерте
Не впадаем в житейский психоз,

И не ищем заветного фарта,
Не пугаемся ленты из СМИ.
Наши судьбы – небесная карта,
Ты, браток, на педаль поднажми.

Нам поставлены чѐткие цели,
Груз доставим в указанный срок.
Чѐрный холод ползѐт еле-еле,
И становится страшно чуток.

Рассмеѐмся, закурим, а после
Будем спать пять часов в блиндаже,
Смерть опять ходит около, возле...
Но тепло у меня на душе,

Потому что сквозь дальние дали
Ждѐт меня тѐмной ночью она,
Еѐ слѐзы от пуль укрывали,
Нас венчала навеки война.

ДВА БОЙЦА

За себя и за того парня...
Роберт Рождественский

Да, она клялась в любви до гроба,
Только вот который день уже
Ты грустишь один на дне окопа,
Что-то беспокойно на душе.

Как она там? С кем? Да и верна ли?
Между вами тьмы простор крутой.
Ещё час назад по нам стреляли,
А теперь вот ветер и покой.

Скоро будут новые прилёты,
Кто-то будет жить, а кто-то нет...
Здесь ещё от Лёши Полуботы
Книжка и две пачки сигарет.

Вспомним парня, книжку почитаем...
И давай закурим на двоих.
Может, там, за горизонта краем,
Он ещё живее всех живых.

Главное, чтоб нас всё время ждали,
Ни на миг не оставляли нас,
Даже если верится едва ли
И огонь любви в глазах погас.

ГУМКОНВОЙ

*Его Преподобию
иеромонаху Августину (Пирогову)*

По дороге ни к чему горячка,
Едем из Москвы на передок.
Дома ждёт любимая соплячка,
Две недели не смертельный срок.

Гумконвой: дороги и обстрелы,
Краток сон, неприхотлив ночлег.
Трое нас, мы веселы и зрелы,
Впереди на фронт автозабег.

Радость встреч и братские объятия –
Будет всё, когда приедем в полк.
Только смерть здесь смотрит на распятье,
Словно одинокий старый волк.

Умный зверь, чья перебита стая,
Хочет отомстить, ведь он вожак;
Рыщет волк от ада и до рая,
И не изловить его никак.

Хищник снова вышел на охоту,
В этот раз, я думаю, что зря.
Мы сегодня покидаем роту –
Васнецовских три богатыря.

ШЕВЧЕНКО, 11...

*Посвящается
Олегу Кошевому и Любови Шевцовой*

Вновь шаги мои здесь нележки,
Я стою на музейном пороге.
Слёзы брызнули, и кулаки
Сжал до крови, да вот мои ноги

Вдруг ослабли, и мне бы уйти,
И забыть этот дом, эти стены,
Но я здесь уже, как ни крути,
Моё сердце диктует катрены.

Закричать! Убежать! Не смогу...
Рассказать всё, что чувствую, тоже.
Ангел мой, помоги русаку,
Мы же в чём-то с тобою похожи...

Уведи меня прочь; нет, верни,
Я хочу встретить Любу, Олега...
Я их видел, я знаю, они –
Две снежинки крещенского снега.

* * *

Вновь рассвет прохладен и певуч.
 Дом наш полон шорохов и скрипов...
 Вновь, сквозь сон, крадётся солнца луч,
 По ресницам золото рассыпав.

Распахну навстречу солнцу взгляд,
 Счастья дни из памяти достану –
 И опять, как много лет назад,
 Молодою хуторянской стану.

Пробегу по росному двору,
 Словно крылья руки распростёрши...
 Земляники в Крутеньком яру
 Наберу две полные пригоршни.

И замру, увидев, как река
 В бок моста волною бьёт упрямо.

Как по Голой балке, с Маяка,
 Заползает в хутор хвост тумана.

Как бежит тропинка за бугор,
 И ромашки взгляд по-детски светел.
 Как листву черёмух на пробор
 Походя причёсывает ветер.

Опять молчат и сны, и телефоны...
 И даже ветер, что бродил окрест – замолк.
 Ночные думы сумрачно бездонны –
 Бредут и бьются о дверной замок,

Петляют между небом и стеною,
 Забыв, что в степень боль возведена...
 И только память говорит со мною,
 Но оттого лишь гуще тишина...

* * *

За годом – год... Апрели и июли –
 Мелькают дни. Где завтра, где вчера?..
 Ветра сомнений паруса надули,
 Но чувств заноза всё ещё остра.

И вновь, и вновь по замкнутому кругу.
 Прильнув на миг... И обрывая нить...
 Как день и ночь – мы бродим друг за другом.
 Как день и ночь – не можем вместе быть.

* * *

Рисует картину мазками неяркими март.
 По белому – чёрным роняет он кляксы ворон.
 Рисует рассвета, разорванный ветром, штандарт.
 И жмуций к вокзалу озябшую спину перрон.

Толпу фонарей, что бредут вдоль бульвара – след в след,
И месяца отсвет, что прячет за тучами нос,
И город, который, как в панцирь, в заносы одет...
Рисует картину... И нет там ни смеха, ни слёз...

* * *

Безумствам ядерным предтеча –
Огнём террора мир объят.
И снова в храмах плачут свечи,
Как сто... Как сотни лет назад...

Но обретёт ли силу Слово
В молитвах жён и матерей?
Что б возлюбили люди снова:
«Не возжелай, и не убей»...

* * *

В переливы весеннего гула
Звёзды наши вплетали пути.
Я в твоих обещаньях тонула
Без надежды в реальность войти.

Небо – в радуги красила смело,
За ветрами желаний спеша.
Ах, как лето бурлило и пело,
Как летала от счастья душа.

... Полночь с памяти сбросит забрало.
Вскачь минуты прогонят часы...
Краски чувств наших осень слизала,
Словно солнышко капли росы...

* * *

Купчиком встала подушка,
 Ручки скрестив на груди,
 Ходики с хриплой кукушкой
 Мерно считают шаги.

По рушникам полотняным
 Свет серебристый разлит,
 У ноздреватой буханки
 Месяц в солонке блестит.

Шёл я в тоске и истоме
 К выстраданной судьбе,
 Тихая спальенка в доме,
 Я возвратился к тебе.

Встретили нитки да гвоздики,
 Вбитые дедом в бревно,
 Там, где была Богородица,
 Нету теперь никого.

Словно волчонок метнулся,
 Взвыл на седую луну,
 Что-то в проёме блеснуло
 Я припадаю к окну:

Светом с высокого неба
 К домику вдоль камыша,
 Словно по первому снегу,
 Мама идёт не спеша.

* * *

В кольчуге, вспоротой морозом,
 Пар-зыбь встаёт от полыни,
 Под стрéхи с конского навоза
 Со страху бьются воробьи.

Алексей
 ПАТШИН,
 Кемерово

Суровый месяц с полдороги,
 Скользнув по изморози мест,
 В старообрядческом остроге
 В копну жердей по глотку влез!

Мороз трещит в ремнях пороши,
 Позёмкой вьётся звёздный пух,
 Лешак дерёт полу острожки
 И нюхом рыщет житный дух!

Подвластно всё ему в округе!
 А кто об этом не прознал –
 Шинелей льды построив цугом,
 Хребты империям ломал!

Сам-князь, ярясь звериной силой,
 Когтил кору нагих берёз
 И, заломив рога осинам,
 Рассыпал инеем овёс!

РОДОВА

Бродом.
 А там на попутках...
 Манит след-пуп родовой.
 Лет своих пути распутав,
 Я возвращаюсь – домой!

Колосом рухнуть, прижаться
 К тёплой родимой земле,
 Хрустко стрекочет, как жатка,
 Щуплый кузнечик в траве.

Здесь терпеливо все годы
 Мама ждала у плетня,
 Но почему-то сегодня
 Ты... не встречаешь меня.

Странноприимна округа...
Жизнь доживая свою,
Вётлы-монашки друг другу
Тихо поют ектенью.

Чёрная! чёрная пустошь...
Вымесью память прожгло:
Некуда больше вернуться –
Умерло наше село.

Дрогнули с ужасом губы:
Я же когда-то здесь жил!
В изголодавшихся трубах
Дьяконом ветер завыл.

Высохло горло у речки,
Впали из глины бока,
Голосом нечеловечьим
Падают

ниц
облака...

Тихий,
Сутуло и древне,
К небу воздевши персты,
Клён патриархом деревни
Молится паствой листвы.

РУСЬ

Заснул стожок обледенелый,
Кольчугой-панцирем покрыт.
Княж воевода в стягах белых
В полюдьё выехал на мыт.

Посев озимый брошен густо –
На недород и перевес.
Как кметь дружинный древнерусский,
В ополье спит медвежий лес.

Глубинным гулом обморожа,
Парит былинное окно,
Села заветного острожье
Хранит родимое пятно!

* * *

Парит поруба ковылями,
Скрипит возок хромой ногой...

Горбун-стрелец в ногате-яме
Тайменя целит остройгой!

Опричник-лес насупил брови.
Брусничкой давленной в крови
Пот-иней панциря проступит,
Сомкнув суровые ряды...

Холмы кольчугой заблестали.
Посеребрённые судьбой,
Оплечья стружем потрясали,
Как перед битвой бородой!

Рог паром грозно к небу взвоят!
Клобук-шишак с чела под стать:
Боброк-Кирюшин на ополье
Ослябей выехал на рать!

ЗИМНИК

Продрог до колিক старый ворон,
В околках свей – не видно сёл,
Мороз-кержак по косогорам
В подшитых валенках прошёл.

Злой конь сусанит ратниц сани,
Крычат полозья на возах,
Метель, волчицей атаманя,
Петляет в пойменных логах...

Пихтач в набродах глухариных,
Мелькнёт на взгорке кметь-Чулым;
Над каждой крышей, как дружина,
Встаёт жердями хлебный дым!

* * *

Свитки. Пергаменты. «Слово»...
Свечечка маслом чадит,
В буквицы память былого
Церой-писалом бежит...

Сквозь слюдяное оконце
Тускло блестят образа.
Без древнерусского солнца
В келье устали глаза.

Знаю – за это в ответе:
Ненстоящим живу,

Весь я в XII веке,
Летописям принадлежу.

Спать не давали мне раны –
Где-то в безлюдных степях
Злой суховей за курганом
Выбелил кость в ковылях.

Сеча – какой не бывало,
Кыча княжной на скале,
Небо ещё не вращало
Битвы такой на земле.

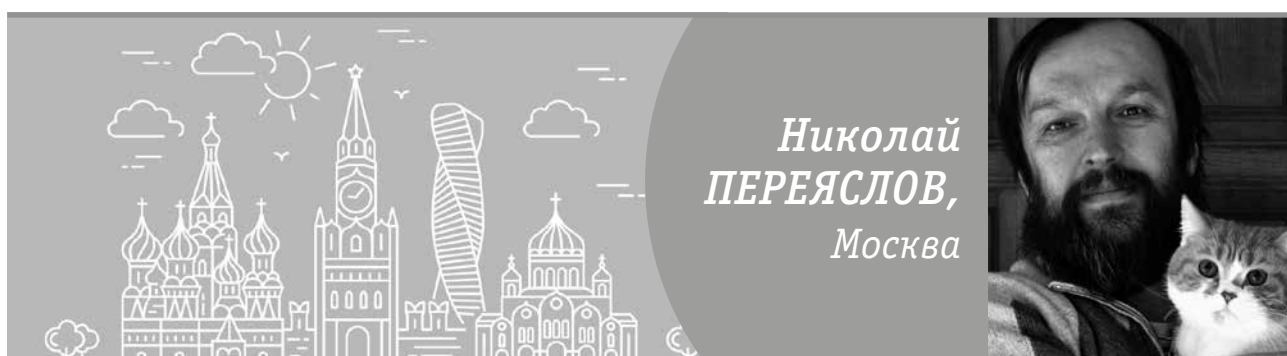
Ветер – пособник невольный,
Стрелы

метал

и метал,

По древнерусскому полю
Раненый месяц бежал...

Век-волк на дыбе ответит:
Ненстоящим живу.
Весь я в XII веке,
Будущему принадлежу.

* * *

Между Москвою и Самарой –
даль неба сера и глуха.
В ней облака бредут отарой,
послушны воле пастуха.

Куда их гонят, нет известий –
то ли в Китай, а то ль в Сибирь.
Ну не стоять же впрямь на месте,
когда вокруг – такая ширь?..

* * *

Являясь в мир с ладоней Божьих,
душа оказывается вдруг
окружена такую ложью,
что не понять, где враг, где друг.

Что не узнать, кто агрессивен,
а кто несёт и свет, и лад...
Все нынче строят рай в России,
но как же он похож на ад!

Повсюду речи, речи, речи,
и в них любовь, любовь, любовь.
А оглянёшься – чуть не речкой
вокруг людская льётся кровь.

Объяло всех непониманье,
утрачен вечной правды свет.
Лежит страна глухонемая –
ни до чего ей дела нет.

Век вновь и вновь трубит: «По коням!» –
а душу гложет всё сильнее
тоска по Божеским ладоням,
где так покойно было ей...

ПУТЬ ВО МГЛЕ

Богородица – не умерла,
а вселилась в просторы России...
Как сияют церковей купола,
высотой оттенённые синей!

Кто-то в узел связал все пути
и злорадно над нами смеётся...

Но я вижу, куда мне идти
в этой мгле, что судьбою зовётся!..

ПОД ЗВОН КОЛОКОЛОВ

Вращая в голове гирлянды дат и дум,
я покидал Донбасс, спеша в Москву обратно.
Вот поезд тормознул у станции «Изюм» –
здесь Игорь-князь давно ждал Всеволода-брата.

Соединив войска, отправились они
за Северский Донец с опасною задачей.
От половцев темно в Степи было в те дни,
и Киевская Русь жила, от горя плача.

Скрываясь вдоль яруг – туда, где блещет Дон, –
шли долгих десять дней сквозь вражеское Поле.
Но пали в ковыли в сражении потом,
как «Слово о полку» поведало нам с болью.

Всё так ли было? Нет?.. Свидетельств – не дано.
Дошла до нас с тех лет лишь копия поэмы.
Минувшее – темно, как мутных речек дно.
Герои спят в земле, а памятники – немые.

Сегодня снова плач стоит по всей земле –
от Дона и Днепра до веж Тмутороканя.
Летит по миру зло, как половец в седле,
неся народам боль, и ложью в сердце раня.

Кто скажет брату: «Брат! О как мне нужен ты!
Ведь оба мы с тобой – родные, слава Богу.
Так сдвинем плечи в ряд, как русичи – щиты
сдвигали, чтоб врагу загородить дорогу.

Смотри – опять кружит над степью вороньё,
надеясь на войну, на мор или на кризис.
А мы всё делим свет: «Моё! И то – моё!» –
к последним рубежам отчаянно приблизясь.

Белеет солью степь, как высохший мертвец,
неужто, впрямь, конец – уже не за горами?
Мчит ветер, как гонец. Его зовёт Донец!
Уж видно, как вдали мерцает степь кострами.

Плывёт над миром звон – мечей? колоколов? –
отсюда не понять, но сердце чует битву.
Душа скулит, как волк. И не осталось слов,
чтоб в них облечь любовь – и прошептать молитву...

ВАРШАВКА

Варшавское шоссе,
сверкающая лента.
Обочины в росе.
Дни завершенья лета.

Висит над головой
небесный свод жемчужный,
под ним – сияет мой
любимый округ Южный.

Как сладостно в груди
становится и жарко,
когда иду бродить
в сень Битцевского парка!

Когда, свернув с Сумской,
иду Кировоградской,
щемительной тоской
мои глаза искрятся.

«Нельзя жить без любви!» –
кричит души державка.
Гудит в моей крови
бегущая Варшавка.

Шумит вокруг листва,
шуршат автомобили,
и просятся слова
в поэмы или были.

О том, что через все
невзгоды и ненастья
Варшавское шоссе
лежит, как вектор счастья...

* * *

Пол-июня громыхали грозы,
а потом – открылась синева.
Жить и жить бы, глядя на берёзы
да на то, как пенится трава.

Жить и жить бы, глядя, как на чудо,
на ромашек простенький букет,
на плывущий к нам из ниоткуда
Богом данный животворный свет.

На друзей приветливые лица,
на родных прекрасные черты,
на тебя, любимая столица –
твои храмы, парки и мосты.

Мчать бы вдаль весёлым конькобежцем,
как по льду, по вечности скользя...
Да вот как при этом не обжечься
о запрет зияющий – «нельзя»?

Ничего под звёздами не вечно!
Для всего положена межа.
Неподвижна жизнь иль быстротечна,
тяжела, скучна иль хороша –

всё однажды кончится финалом,
подводя пугающий итог...
Ах, как мало! Отчего ж так мало
нам для счастья дней отводит Бог?!

Обернёшься, сглатывая слёзы:
«О, Господь! Будь милостив ко мне...»
Жизнь стихает, отшумев, как грозы,
только эхо бродит в вышине.

От тоски огонь бежит по коже,
и вползает в сердце боль-игла...
Жизнь – проходит. Это так. И всё же –
слава Богу, что она – была!

Юрий
ПЕРМИНОВ,
Омск

* * *

По-над рощицей тихой – рассвета полоска...
И печально, и радостно сердцу, зане
долговечный барак на окраине Омска
в ранний час, будто к старости, вспомнился мне.

Прорастают, как зёрна, давнишние годы
из бывшего, которому имя – судьба.
За баракком – вскопали гуртом огороды,
до краёв продышались уже погреба.

Путь-дорога влечётся к небесному крову.
Слава Богу, что память – в попутье со мной,
что родился в бараке, в котором корову –
на четыре семьи – называли Весной.

* * *

Кроткой одышкой по ближним дворам шелещу;
нынешний день – утешительным светом изряден.
Мало-помалу консервные банки ищу:
Господи, дай мне побольше здоровьишка на день!

Всякая тропка и в снежную слякоть видна,
мир поселковый – доведу моя «неотложка».
Вечером станет окопной свечой не одна
банка, хотя бы – такая вот, из-под горошка.

Не раздражает блажливых ворон толковня,
точно вживаюсь в основы планиды бродячей.

...Благостным взглядом окинет собака меня,
будто бы спросит: «Чего тебе надобно, старче?»

Собраны банки, в посёлке стемнело, уже
надобно с холода взглядом любимой согреться...

Надобно, чтобы не гасла свеча в блиндаже –
часть моего не остывшего с возрастом сердца.

* * *

Снег в кустах просветы конопатит...
Продышаться выйду – и замру:
санки незатейливые катит
Лена из десятой по двору.

Двор как двор – не первый, не последний
незабытый Богом уголок.
В санках – улыбается трёхлетний
поселковый житель-ангелок.

Толкотня на горке и потеха –
озорно проказит ребятня!..

...Сердце раскаляется от эха
с дальне-дальней линии огня.
Чем живём, родные, тем и с вами;
не поврозь к весеннему теплу
выйдем! – Под одними небесами
любим – и на фронте, и в тылу!

Снег в кустах просветы конопатит...
Новый день – житейская глава...

Санки незатейливые катит
двадцатитрёхлетняя вдова.

* * *

Вспомнялось в Новый год о прошлых –
обо всём, что было второпях...

Приютилась утренняя прошва
снега на рябиновых ветвях.

Не брани, жена родная, коли
что не так – по взгляду всё пойму,
а скажи мне главное: тепло ли
рядом с мужем сердцу твоему?

Что имеем, то и Божья милость.
Если что не по сердцу – прости.
Мы не станем, что бы ни случилось,
зряшно погремушками трясти,
боронить докуками эпоху,

где и так – не радости одне,
а возьмём землицы под картоху
за околком тутошним – к весне!

В трепотне досужей, точно в дести
коммунальной, правды не видать...

Слава Богу, выстрадали вместе,
вылюбили слово «благодать».

* * *

Мороз лютует... Видимо, не в теме
людских забот с темна и до темна.
Зимую тем, что Бог послал, и с теми,
кто дорог мне в любые времена –
кто жизнь ведёт открытую, земную,
в том смысле, что без фиги за спиной:
я с ними и не то перезимую,
ну и они, конечно же, со мной.

Зимует стойко мой навечный город...
Вот разгребу посконных дум завал
и повесную – с теми, кто мне дорог,
и с теми, кто со мной не зимовал.

* * *

Идут минуты новых суток,
соседи, как младенцы, спят.
А ночь темна, как миска супа
из замороженных опят.

Шуршит в конфорке пламень синий,
сердечный теплится уют...

Идут минуты... Вместе с ними
и все, кто даже спит, идут.

Спит, оплатив квитанций тонну,
мой дом... В седьмой – подушку мнёт
и плачет старшая по дому –
никто к ней в гости не идёт.
Она сурова, словно стужа,
она в подъезде гасит свет,

а мы сочувствуем – ни мужа,
ни деток у тетуши нет:
на этот счёт – немало прений...

... Вот о событии каком
поговорить бы – куст сирени
расцвёл у старшей под окном.

* * *

Провыл барбос, не зная толком,
о чём, и снова – тишина...
Взошла над Солнечным посёлком
на свет не жадная луна.

От суетох живём далече –
почти что в городе, но там,
где местным стать намного легче,
где честно платят по счетам,
где ни в уме, ни на бумаге
не подбивают барыши,
где... сострадание к бродяге
равно бессмертию души.

* * *

С утра за поселковыми домами
всем полем распахнулся горицвет...

В день выходной привёз, как прежде, маме
её любимых яблок и конфет.
Достану сокровенную тетрадку,
прочту стихи – о радостях земных...

...И хорошо бы к осени оградку
установить – вестимо, на двоих.

* * *

В небе, во сне ли, вчера или ныне –
Ваню увидел, а с ним –
бабушка: встретились души родные –
мама, единственный сын...

Месяц за месяцем – время поминок,
то, что ничем не избыть...

Снова забыл у порога с ботинок
супесь погостную сбить...

* * *

Без передряг и нынче в доме, где я
живу ещё не вечность, но давно.
...Ночь проведя в несбыточных идеях,
открою в мир окраинный окно:
весна в мою уютную «однушку»
плеснёт новорождённого тепла
от солнца, что похоже на ватрушку –
из тех, что мама в праздники пекла.

* * *

Цените, люди, нынешнее время! –
За то, что в головах переворот,
за то, что в сердце чванного еврея
проснуться может русский патриот.
Как я ценю юриста жилконторы
(по коридору – третья слева дверь),
Наума Давидовича, который
как волонтёр известен мне теперь.

* * *

Во многом видишь только благодать,
когда тебе изрядно за полтинник...
Жена зовёт – усердно – собирать
малину, разумеется, в малинник.

А дача, между прочим, не курорт,
где люди развлекаются «под мухой»;
у нас – другие радости, а сорт
душевно называется – вислухой.

Так вот где можно душу отвести,
где белый свет из дня земного соткан,
где разлюли-малина! – На шести,
жить по-людски способствующих, сотках.

* * *

По многолетним тропам – наугад,
 ничем не примечательный, брожу я...
 С каких потреб нависла туча над
 подворьем поселкового буржуя?
 Он жлоб и, что прискорбно, нелюдим,
 взят не один лабаз на абордаж им,
 но мы его в обиду не дадим –
 другим буржуям (стало быть, не нашим)
 лишь потому, что этот карабас
 (всегда угрюм и будто бессловесен)
 однажды поселился среди нас,
 и этот факт – иные перевесил.

* * *

*Нас не видно за стенами,
 Каково мы здесь живём...*
 Из «Сибирской тетради»
 Ф. М. Достоевского

Встречаю ночь, сухарик в чай макая;
 тарелка с гречей опустошена.
 Откуда нынче в доме вот такая –
 немотная совсем уж – тишина?

Ну а когда начать беседу не с кем,
 легко сердцебиение принять
 за те слова, что Фёдор Достоевский
 занёс в свою «Сибирскую тетрадь»:
 хотя в посёлке трудно с чудесами,
 хотя всего негусто с малых дён,
 конечно, «Бог, отец небесный, с нами»,
 конечно, «Мы и здесь не пропадём».

ДНЕПР

Разошлись по Днепру
 И стоим супротив.
 Умереть не умру,
 К небу взор обратив.

Там не ангел, а бес
 Нарезает круги,
 И всё круче замес,
 Где ни вздоха, ни зги.

Ты не брат, кровный брат,
 А заклятый мой враг,
 Что обманут стократ
 Наущением врак.

В сорок третьем – вот здесь! –
 Переправа была.
 Так зачем же ты днешь
 Хочешь сгинуть дотла?

Изуверам не верь,
 Жить иначе начни.
 Не людина ты – зверь,
 Братка мой, да очнись!

Мнит Европа во снах:
 Dranq nach Osten опять –
 Пусть идёт она nach!..
 Мне стоять, устоять.

Правый берег займу,
 Потому что я прав.

Быть – как есть – посему
У других переправ.

Берег правый, а он –
До Британских морей,
И тому есть резон:
РККА всех сильней!

Из рабочих-крестьян
Вышли мы – и шагнём,
Чтобы вражеский стан
Выжечь лютым огнём.

ВЫБОР

Имеет жизнь в самом себе Христос,
И под венцом кровавится чело,
А на кресте не зря опорный скос
Качнулся, как весы, – добро и зло
По обе стороны... Где хочешь, будь –
Ты выбор сделал, это выбор твой:
Затянута бронезилетом грудь,
И передёрнут на ходу затвор.

ОРЛИНЫЙ ВЗМАХ

Сорок лет орлу – стончатся клюв и когти,
И тогда летит и бьётся о скалу он.
Это вам не торкать пальчиком тик-токи:
Клюв сорвёт, а вот к гибели не склонен!

Отрастает клюв у птицы за полгода,
И выдёргивает клювом когти с кровью.
Возносима тем орлиная природа,
Что живуча не одной телесной новью.

А выдерживает одоленья муку,
Ожидая час урочный горделиво,
Чтобы вынес взмах орлиный, потому как
Разметалась ковыля степная грива.

КАМЕНЬ ЗАВЕТА

Поляки засели в Кремле
И с Русью почти совладали,
Но камень лежит на Валдае,
То камень завета – кремь!
Поднимет кто камень – и враз

Кончается русская смута,
И конь, буде спутан, – распутан,
И ворог уже не горазд
У русского землю отнять,
И должен уйти восвояси.
И месяц над родиной ясен,
И солнцу сиять, воссиять!
Так это во славу копьё
Георгий заточит о камень –
До искр, до остра... Да и канет,
Как в омут, пришельца враньё.
А гром колокольный о том,
Кем изгнан был враг подчистую,
Гремит на Руси – повествует
Великий Иван под крестом.

* * *

Тучи небо застыт, и пути неведомы,
Деревя на холод костенеют ведьмами.

Други обратились в ярых супротивников –
Вижу с ними брата рёдного: «И ты никак?!..»

Да и брат некровный, с кем навроде близкие,
За кордон свалил и всё чего-то рыскает.

Женщины мои, не вы ли мной любимые?!
Каждую тревожу окликом по имени.

А глазами с каждой больше не встречаемся...
Что же мне такому – горевать, отчаяться?

Тяжелее не бывает быть на родине,
Ворогу уступлена да и распродана.

Только Божья воля никого не минула –
Пробил грозный час Пожарского и Минина.

Сколько жизнью пытан, эх, судьба неладная!
Лишь оберегает матушкина ладанка.

БЕДНЫЕ ЛЮДИ

Траурные чернеют пашни
И седеют в зимнем серебре.
Сколько тех, ни за что пропавших,
Сколько бесприютных – не в себе!
Люди бедные... Я такой же.

Вот иду, а очи – в тротуар.
 Если б мог, то вылез из кожи,
 Чтобы монетизировать дар!
 И деньгú раздать, кому надо,
 И в другой раз на раздачу стать –
 Уберечь от голода-хлада:
 Пусть считают – Божья благодать.
 Высший дар – небесная мета:
 Нате, забирайте у меня,
 А смеяться в голос не смейте –
 Видите: не вижу бела дня!

Где тот Достоевский великий,
 Сам страдалец, чтобы описать,
 Как в храме иконные лики
 Страждут бедных таких вот спасать.
 Бедный люд, несчастный, убогий,
 Будь спасаем от мира сего...
 Не просить бы только у Бога
 Ничего для себя самого.

СОЛОВЬИ

Мы с тобой оба два соловьи сумасшедшие.
 Я тебя не предаю, не продаю по рублю –
 До последнего буду хрипеть, что люблю,
 Если даже разлуки силок сдавит шею мне.

А во мраке почудятся выступы здания,
 Где неясные тени колеблет сквозняк,
 Где пускают по кругу и пьют депресняк...
 Только б свидеться нам и сказать: «До свидания!».

Ты болела – крестила решётка ажурная –
 Ты сходила с ума и едва не сошла,
 Ты искала, сыскать не сумела тепла...
 У палаты не вьюга ли в белом дежурила?

Или кто-то другой, что не ведает промаха,
 Если в обморок вешний упали ветра,
 И почти не колышется лодка с утра,
 И уже задохнулась цветеньем черёмуха.

Селигерское низкое небо увидеть бы,
 На смартфоне молчанье твоё перечесть...
 Как мне сладко испытывать женскую месть;
 Если стоит на свете кому и завидовать,

Так пустое – кривиться нет смысла усмешкою
 И завидовать боле не станется сил,
 И прощенья прошу, как ещё не просил,
 И решиться бы мог, да постыдно всё мешкаю...

Разве можем не петть – соловьи несусветные?
 Любим так, что уже ненавидим теперь!
 Лишь бы поезд упрямо отыскивал Тверь,
 Лишь бы губы твои размыкались ответно мне...

Ну а Волга, совсем на себя не похожая,
Истекает речушкой, меня захватив,
И звучат неумолчно для нас, как мотив,
Плеса гладь и церквушка белёно пригожая.

*Елена
ПИЕТИЛЯЙНЕН,
Петрозаводск*

* * *

Острова, острова – золотые костры
В посиневших ладонях озёрных.
Невесома печаль, а потери – остры,
Словно ели в пейзажах узорных.
Берега, берега...
Не исхожен песок.
Здесь блаженно купается осень!
Ей тунику из листьев кидает лесок,
Но она её больше не носит.
Облака, облака...
Вы – от прошлого дым,
Где надежды мои догорают.
Но гуляют лучи по дорогам пустым
И ведут от земли – и до рая...

* * *

Завтра встану рано-рано –
Проводить тебя в дорогу.
Проводить тебя в дорогу
С забелённого крыльца.
В наши окна будет странно
Ночь глядеть луною строгой.
Не одна звезда прольётся
С почерневшего лица.
Как кончается столетье –
Так иссякнет ожиданье.
И в бессонном, мутном прошлом
Промелькнёт последний крест.
Только ветер белой плетью,

Не переводя дыханья,
Вьюжной плетью небо крошит,
Подгоняя твой отъезд.
Как исчезнет за пригорком
След глубокий, человеческий –
Так исчезнет милый странник
И умрёт нестарый сад.
Станет тихо, станет горько,
Только век – и тот не вечен.
Завтра встану рано-рано,
Буду ждать тебя назад.

* * *

Поздно уже, так поздно...
Город, вздыхая, спит.
Скользят, чуть мигая, звёзды
По лентам своих орбит.
Поздно уже... Наверно,
Ты видишь седьмые сны.
Спи, мой ребёнок первый,
Мой ясноглазый сын.
Тебя я давно не качала –
Вырос из маминых рук.
Начать бы опять сначала!
Пусть только родится внук...

МАМЕ

Позвоню – только ты не ответишь.
А приеду – не выйдешь встречать.

В твои окна стучится ветер,
И скребутся дожди по ночам.
Мама, мама! Ну что мне делать?
Как легко без тебя дышать?
Растворилось в планете тело.

Над планетой парит душа...
Мама, мама! Созрели вишни –
Сладко кровоточат в горсти...
Пусть тебя бережёт Всевышний.
Ты меня береги... Прости.

* * *

Кто там бродит неустанно,
Фонарём скрипучим режет,
Разбивает эхом гулким
Ночи сумрачный покров –
Вдоль по улице Расстанной,
Вдоль по улице Разъезжей,
Соловьёвским переулком,
Вереницею дворов?

Под шинелью солдатской –
Холод, рвущийся наружу,
Горечь смятого окурка,
Хриплый кашель, резкий взмах.
Это ветер ленинградский
Подворотней слепо кружит,
В райских куцах Петербурга
Заблудившийся впотьмах.

Губы – серую полоской,
Соль на веках воспалённых,
Хлеб колючий и нетленный
В кулаке сухом зажат.
У него на Пискаревском,
Серафимовском бездонном,
Да на Волковом смиренном
Все любимые лежат.

* * *

Человек войны входит и говорит:
«Коня отдавай и весь урожай свой!»
За его спиною тёмным огнём горит
Ненависть, рождённая прежде всех войн.

Землепашец глядит на почти остывшую
печь,

Руки его натружены и тяжелы.
Он понимает: ничего не сберечь,
И лицо его – словно кусок скалы.

И когда вновь приходит посланник беды,
В дом, запуская клубящую метель,
И требует сначала кружку воды,
А потом – отдать жену и детей,

Он хватает обрез и стреляет в упор,
Не ощущая ни горечи, ни вины.
Не оборачиваясь, выходит во двор,
И сам становится человеком войны.

«АТАКА МЕРТВЕЦОВ»

Памяти защитников Осовца

Мёртвые, встать! С Богом! Примкнуть штыки!
... Не шевельнуться, не приподнять руки.
Горечью, солью, болью наполнен рот...
Но офицер, пошатываясь, встаёт.

И, поднимаясь, рота идёт в штыки,
Выжженных лёгких выхаркивая куски.
Яростью побеждая последний страх,
В прах обращаясь и попирая прах.

И, тяжело ступая, за взводом – взвод
Неодолимо двигается вперёд,
Кашляя и захлёбываясь в крови...
Их невозможно смертью остановить.

Небо – живым, а мёртвые – на земле:
Это горит в удушливо-едкой мгле,
Это ведёт, заставляя упавших встать,
Ярость, преображённая в благодать.

* * *

Если бы птичья моя мольба,
Птичья моя печаль,
Пела, взрывая, словно труба,
Глухонемую даль,

Если бы немощный голос мой
Был сильнее стократ,
Я бы с посохом и сумой
Пела у райских врат.

Пела бы на перекрёстках дорог
Горечи и любви.
Песню бы эту услышал Бог
И повелел: «Живи!»,

В непостижимости всех путей
Он бы услышал нас –
Слабых и грешных Своих детей,
И пожалел. И – спас.

* * *

Ещё сереет наст несвежею газетой,
Дома, как баржи, спят на ледяной мели,
Но полный воробьёв и тающего света
Мерцает влажный куст на каждый вздох земли.

И кажется, весь мир, несложным ритмам вторя,
Не зная за собой ни страха, ни вины,
Свободный от людских забот, страстей и горя,
Мерцает и звенит на вздохе от войны.

* * *

Она говорит мне: «Я маму не заберу.
Оформляйте куда-нибудь, где будет за ней уход».
Мы сидим в ординаторской, а кажется – на ветру.
Я на травме работаю первый год.

Голос её бесцветен. Она не стара,
Но из-за привычно опущенной головы
Выглядит старше. У мамы – шейка бедра,
И завтра пора снимать последние швы.

У меня всё в порядке: мне целых двадцать пять лет,
Все мои пешки нацелены на ферзей,
Я всё понимаю, на всё могу дать ответ.
Нет ни гроша, но полно надежд и друзей.

У меня – дневники, эпикриз, и, кроме того,
 Надо в приёмный к пяти. А время идёт...
 Я объясняю: «Ухода не будет. Не будет его.
 Некому просто. Понимаете, что её ждёт?»

Пролежни и пневмония в конце концов.
 Может, всё-таки, заберёте маму домой?»
 И краснеет пеплом подёрнутое лицо,
 И она взрывается: «Господи Боже мой!

Может, подскажите, кто нас будет кормить,
 Если я брошу работу и сяду с ней?
 Вы понимаете? Что я могу изменить?
 Много вас, умных. Один другого умней.

Муж у меня – инвалид уже много лет,
 И с грудничком теперь одиночка – дочь.
 А на сиделку денег попросту нет. Ну, нет.
 Вы понимаете? Некому нам помочь».

Она извиняется, потом тяжело молчит,
 Долго и жадно воду из кружки пьёт,
 Роемся в сумке, вытаскивает ключи,
 Кладёт их обратно, и, наконец, встаёт.

И я говорю: «Хорошо. Пишите отказ.
 Мы всё уточним и сразу дадим вам знать.
 Здесь распишитесь, пожалуйста». И первый раз
 Понимаю, что ничего не могу понять.

* * *

Дымной тенью, тонкой болью
 С явью сон непрочно шит...
 Привкус горечи и соли –
 Одинокий воин в поле
 За судьбой своей спешит.

Конь потряхивает гривой,
 Повод стиснут в кулаке,
 Птица стонет сиротливо,
 Беззащитно-торопливо
 Бьётся жилка на виске.

Звóнок светлый щит небесный,
 Глух и тёмн путь земной –
 Обречённый и безвестный...
 Голос ветра, голос бездны,
 Голос памяти иной.

Воин в поле одинокий,
 По стерне примятый след...
 Гаснут сумерки и сроки,
 В омут времени глубокий
 Льёт звезда полынный свет.

* * *

Я люблю гостиницы. Их уют –
 Просто к нам, бродягам, скупая жалость.
 Стол и кров на время тебе дают,
 И ты знаешь, сколько его осталось.

Я люблю гостиничный крепкий чай
 И случайно купленное печенье,
 Я люблю гостиничную печаль,
 За окном чужие огни и тени,

Ты один. Всё честно и без прикрас,
Даже без почти что родных предметов...
Так легко собраться в расчётный час,
Потому что лишнего вовсе нету.

Никаких прощаний. Один сквозняк
Занавеской пыльной махнёт вполсилы.
Дверь закрыта. Всё оставлено так,
Как до меня здесь было.

Андрей
ПОПОВ,
Сыктывкар

* * *

Хватит спать. Вновь душа смущена,
Что никак не очнётся от сна.
И откуда такая усталость?!
Что за нравы, что за времена!
Началась на рассвете война.
Только кажется, что не кончалась.

Под глазами сомненья круги.
Что-то рано проснулись враги –
Канонада войны зазвучала.
Хватит музыки всем и свинца.
Зря ты верил в начало конца.
Нет конца. Снова будет начало.

Надо встать. И принять времена.
Снова небо, не знавшее сна,
В назидание знаки нам чертит –
На рассвете мосты сожжены,
Мир не может прожить без войны,
Как нельзя жить, не помня о смерти.

* * *

Треснет рама от пули шальной –
Непривычно для нервного слуха.
Это Бог тебя будит войной,
Пробуждает для веры и духа.

Ангел смерти парит над страной,
Не какая-то там невезуха,

Не какой-то мороз или зной,
А значенье для веры и духа.

И в своей беспробудной глуши
Не о треснутой раме реши –
С этим справится как-нибудь плотник –

А заснувшую жизнь тормоши,
Что нацелился в окна души
Начинённый войной беспилотник.

* * *

И коснётся небесная влага чела,
И подумаешь, в небо вникая,
Что летит через поле шальная пчела,
Или, может быть, пуля шальная.

Будет дождь. Прижимается память к земле,
Птицы, словно обиды, уснули.
Только дождь не мешает упрямой пчеле,
А тем более маленькой пуле.

До каких я не смог прикоснуться высот
До сих пор в середине июля?
И подумаешь, целится прямо в висок,
Хорошо бы пчела, а не пуля.

ТЕНЬ АПОСТОЛА

Тень проходящего Петра...
Деян. 5, 15

Больных – со смертного одра –
От скорби слабых и усталых
Тень проходящего Петра,
Едва коснувшись, исцеляла.

И мы, желая лишь спасти,
Не ведая порой сомненья,
Заденем ближних на пути
Судьбы своей тревожной тенью.

И как мучительно потом
Гадать о тех, кого мы любим!
Коснувшись тенью, их спасём
Или нечаянно погубим?

* * *

Вечер добрый, но нервная прихоть
Начинает тоскливый скулёж:
– Разбудил ты тревожное лихо.
Всё пропало! И ты пропадёшь.

Ты погибнешь, как дом без запоров,
Как без снега озимая рожь,
Словно пёс, от рифмованных вздоров
Под забором признанья помрёшь.

Славы мало. И женщины мало.
Повезло, что дожил до седин.
Хочешь, чтобы тебя заласкала
Ревность самых таимых глубин?

* * *

Господи, избави меня от сумы, тюрьмы и больницы,
И от всего того, что в вечной жизни мне не пригодится.

От воя избави ночного, творимого втихомолку,
Себе самому измены и слову, и делу, и долгу,

От клеветы человеческой, что сердце приводит в трепет.
Избави меня от всего, что погибнет как прах и пепел.

Что сказать? Выпью крепкого чаю.
Прочитаю из Марка главу.
– Это прихоть, – себе отвечаю. –
Я сто лет с ней ещё проживу.

Уходить собираюсь не скоро.
И разделим с ней риск на двоих.
Как длинны у признанья заборы!
Чтоб стихи записал я на них.

* * *

Кто с утра выбивает мне двери?
Может, это ревнивый дурак?
Может, это не люди, а звери?
Кто долги не простит мне никак?

Не даёт говорить с облаками,
Прерывает свободную речь.
Это чей из-за пазухи камень
Или чей из-за пояса меч

Дверь громит? Так не в силах соседи.
Может, тролли зырянской тайги?
Кто мешает небесной беседе?
Кто никак не простит мне долги?

Кто смущает мой чувственный трепет,
Что теряю от смыслов ключи?
Может, это Клааса так пепел,
Как патруль полицейский, стучит?

Кто стоит над моею душою
И не хочет простить мне вину?
Двери я осторожно открою,
И смотрю, как в беду, в тишину.

И знаю я, что суда достоин, что оправдаться нечем,
Но только оставь мне надежду с сыном убитым на встречу.

Там у Тебя в небесных садах он, верно, душою вырос.
Господи, Ты оставь мне только то, что ему пригодилося.

И не отнимай мой голос, чтоб мог я, как прежде, молиться
О сыне моём, не узнавшем суммы, тюрьмы и больницы.

* * *

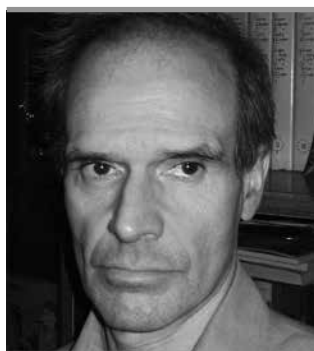
Я научусь находить для созерцания час,
Я научусь созерцать блики речной воды.
И наблюдать, как день совсем незаметно погас,
Как незаметно мысль коснулась Полярной звезды.

И перестану спешить. Искать суете слова.
И буду смотреть, как мысль становится вдруг светла,
Как незаметно жизнь плывёт по реке, как листва,
Не думая, что проходит. Или уже прошла.

* * *

Келья была у монаха проста:
Стол и божница, псалтырь и кровать.
Было окошечко в форме креста,
Чтобы сквозь крест этот мир понимать.

В сердце бы келью такую иметь,
Скромную келью монаху под стать,
Чтобы смотреть на рожденье и смерть,
Чтобы сквозь крест это всё понимать.

*Сергей
ПОПОВ,
Воронеж*

* * *

Районный ДК закрывался, и гас
фонарь у служебного входа –
и шла по звонку Мельпомена в отказ,
звала Терпсихору свобода.

Кружки прекращали свою колготу,
объект принимала охрана,
и вскачь по ступенькам с конфетой во рту
слетала фанатка экрана.

И сыпала всласть новостями кино,
что так обожали кружковцы,

ведь руководитель с детьми заодно,
где ставились «Волки и овцы».

Конечно же, это сплошной нафталин,
но нужно по школьной программе
как общее место среди отчих равнин,
как путь от комедии к драме.

Она улыбалась, а я ликовал
от ярого ретроберета –
начальной луны дальноружий овал
разглядывал действие это.

Там не было ни обмираний, ни слёз,
ни тяжких истерик по теме,
а лишь нежелание плакать всерьёз
и преданность этой системе.

И мы без проблем уходили во тьму
сугубо киношного толка,
где всё получается не по уму
и длится смешно и недолго.

Ревнивый Островский грозит кулаком
при экранизации пьесы,
никто не годится мечтать ни о ком –
в мечтаниях лишь интересы,

и бескомпромиссная пышет борьба
за сердце хозяйки дензнаков...
Традиция совести слишком слаба –
финал всегда одинаков...

Она хохотала, и рушилась тьма,
и было как будто бы утро...
И я понимал, что слетаю с ума
и в фильме снимаюсь как будто.

Про молниеносную здешнюю ночь
и провинциального Феба,
про блудного сына и ясную дочь
неопрровержимого неба,

про утренний смех и решительный свет,
про классику старого мира,
что напрочь обуглен и насмерть запет,
но трепетна ржавая лира.

* * *

Тогда врывалась оттепель в умы
и перспектива выглядела круто
по яростным окрестностям зимы
на юных раскладушках неюта.

В окне как будто зрела бирюза,
в крови без спроса музыка играла,
где партию клеймили за глаза
и уши до полярного Урала.

И на ура встречалась красота,
и сигаретки вспыхивали дико,
когда о жизни с чистого листа
на кухне танцевала Эвридика.

Аккорды никотиновой любви
горячей дрожью шли по средостенью...
Но как сплетенье нот не назови –
мелодия подёргивалась тенью.

Скользило вдохновенье в никуда,
припев смолкал и пестовался снова...
И времени горячая вода
не приносила опыта иного.

Цвели красавиц шальные зрачки.
Заря теряла трепетные краски.
И набирало прошлое очки,
в реальность превращаясь по указке.

Но для поправки мятого лица
прекрасно шли сто семьдесят на рыло,
чтоб счастью не предвиделось конца
и разочарованье не накрыло.

И на подпитке мир существовал,
порой припоминая для порядка
не почитавших сызмальства овал
и живших непростительно и шатко.

И если звук лукавил за окном,
Орфей с гусиной слаживался кожей
и думал о периоде ином
как переобувании в прихожей.

И отходил от мутного окна,
но всё равно от опыта мутило,
где кухонная лампочка одна
пылала как последнее светило.

* * *

Нет башке натруженной покоя –
отменяет разум без труда...
По легенде жили-были двое,
лобызались в парке иногда.

Сердце с лавок прыгало на ветки,
бесновалась общая слюна.
Умопомрачительной расцветки
красовалась наглая луна.

И при распадающемся свете
прорастали праздники из тьмы,
где на соблазнительной планете
от сумы рукою до тюрьмы.

Нагота цвела напропалую,
ночь ложилась на аттракцион,
чтоб телеграфировать «целую»
ладилось затмению вдогон,

чтобы работяги зелентреста
до крутых зазимков берегли
самое безбашенное место
по раскладу стынущей земли,

чтоб на почте тётки не скучали
среди заносов пасмурной Москвы

и не хороводились печали,
разрастаясь выше головы,

выше лесопарковых посадок
и светил в космическом снегу...
На переживания не падох,
мир двоится через не могу.

И не выгорает воедино
ярусы разъятия свести
из очередного карантина,
непреодолимого почти.

По пятам запальчивого смеха
со слезами-вспышками внахлёт
бродит неуступчивое эхо
среди опавших к заморозкам звёзд.

Поздний лёд, прозрачная облатка,
списанная махом на ковид,
низвести до нервного припадка
нынешнее небо норовит.

Но двоим, из времени приличий
вечно вылетающим в трубу,
и садовник машет, и лесничий
со звездой безвременья во лбу.

*Нина
ПОПОВА,
Москва*

Я СЛУШАЛА ВОЙНУ

Я слушала войну, не прерывая...
Набросила потёртый камуфляж,
И перебежкой правда фронтовая
Вела меня в прокуренный блиндаж.

И я отныне ко всему причастна,
Тревожным сердцем слышу каждый крик:
«Вперёд... давай! – потом чуть тише. –
Баста...»

Я видела на небе светлый лик.

И ветер выл, как сиплый волк неистов,
Седая степь взбегала на бугор,

А за спиной, ощерясь зло и мглисто,
Смотрел чужой и целился в упор.

Мы залпом поминали павших братьев,
Туманы выползали из болот,
И, непокорный вражьему проклятью,
Вгрызался в землю поредевший взвод.

Последнюю осмысливая дату,
Усталая солдатская душа
Затешила больничную палату,
Сама в скорбях едва-едва дыша.

Не на войне была я, а – войною,
Бойцам России – кровная, своя.
Была сестрой, солдаткою, вдовою...
Но верю, что Победой стану я!

ПО ЗАКОНАМ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

По законам военного времени
Мы сурово смыкаем строй,
Из пропахшего порохом племени
Вырастает новый герой.

Оживают советские лозунги
И молитвы строгий канон,
И в кармане прадедовской кожанки
Помещается твой смартфон.

И с прабабкиной ветхою Библией
Под иконой в красном углу,
Словно исстари, также незыблемо,
Отгоняешь тьму и хулу.

Это наша с тобою история,
Это наша с тобою жизнь,
Где в эпической оратории
Вера в Бога и – в коммунизм.

Мы ораторам-выскачкам хлопали,
Но не гнули упрямых спин.
В лихолетье бояре с холопами
Вместе бились в рядах дружин...

По законам военного времени,
По призыву отчих знамён,
За спиною геройского племени –
Победители всех времён.

БОЙЦЫ

Погибает василёк,
И скорбит ромашка...
У войны берут урок
Николай и Сашка.

Бьются вместе, как один,
Ярость скулы сводит.
У Коляна – дочь и сын,
Сашкин – на подходе.

Дома их с надеждой ждут –
Где находят силы?
Встал молитвенный редут
Матерей России...

В дыме тонет тихий луг,
Воздух полон гари.
Вновь берут нас на испуг?
И не то видали!

Лютый враг со всех сторон
Навалился скопом,
Неусыпный ворон-дрон
Кружит над окопом...

Кровожадная война
Придавила плечи –
Не насытилась сполна
Горем человечьим...

С героических времён
Завещал победу
Краснозвёздный батальон
Прадедов и дедов.

Бился насмерть Колькин дед,
Сашкин был героем,
Вновь ползут враги на свет –
Встретим нечисть боем!

Встали воины страны –
Память силы множит.
Нет начала у войны
И конца нет тоже...

ДОЛГОЖДАННАЯ ТИШИНА

Позови меня в тишину –
Только я, только ты... Мой милый,
Нескончаемую войну
Схорони под плакучей ивой.

Сбрось на землю бронжилет,
От меня ты не спрячешь сердце,
Я его закрою от бед,
Дам ему тишиной согреться...

И пусть будет недолгой тишь
(Понимаю – такое время!),
Ты её, родной, сохранишь
В беспощадной военной теме!

ПРАВО СЕРДЦА

Не студи меня, зарница,
Слёзыньками-росами,
Не кори меня, криница,
Зябкими расспросами!

Не отвечу ни словечка
Горькой этой сладости,
Ты стучи, моё сердечко,
И в тоске, и в радости!

Сердце вправе уколоться
И пророчить вешнее,
Но на донышке колодца
Ночью звёзды плещутся...

РОДИНА

В сочной пажити отчих раздольных лугов
И в намоленной строгости горниц
Мне вольней, чем под сенью других берегов
И под небом заморских околиц.

Заграниц повидала я – не сосчитать,
Вдосталь хожено мной по планете,
Но чужая земля – не родимая мать,
Ни в одном уголочке на свете.

Тишь, покой и достаток – мечтать о таком,
Быт налажен, во всём изобилье,
Но не станет родным обывательский дом,
На чердак позабросивший крылья.

Не взлететь из такого мне в синь-синеву,
Не бродить по лугам босоного,
А без этого я не дышу, не живу,
Не надеюсь на промысел Бога.

Потому и спешу нестерпимо домой
Из чужбинного сытого рая,
Чтоб наполниться Русью – святой и земной,
К образам и слезам приникая.

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

У лета – ржаные веснушки,
У лета – улыбчивый нрав,
Пьёт лето из солнечной кружки
Чаёк ароматный из трав.

Раскинулись буйные травы
В соцветиях диких цветов –
На вольных просторах державы
Нашли и защиту, и кров.

Не оранжерейные розы
Вдоль парковых тихих аллей –
К невзгодам готовы и грозам
На вотчинах рвов и полей.

Из них не слагают букеты,
Не им посвящают мечты,
Но любы мне, батюшки-светы,
Неброские эти цветы!

И мне с каждым летом дороже
Упорство цветов полевых,
Пусть жизнь и спросила с них строже –
Россия мне видится в них.

Наталья
ПУНЖИНА,
г. Гатчина,
Ленинградская
обл.

НАВОЛОК

Предвечерья вечность по-над Наволоком.
И густа над памятью веков
Неба пролевкашенная паволока
В белой поволоке облаков.

Солнце поостыло раскалённое
В серебре задумчивой ветлы.
Над Никольской церковью белёною
Быстрых чаек росчерки светлы.

И теплы румянцем бальзаминовым
Низких окон сон и глубина.
Духом пряным, яблочным, малиновым
Августа Вселенная полна.

Растеклась береговая линия
Как на акварели. Вечер тих.
Обнимают нежно воды Ильменя
Изумруды островов своих...

Ранет золотой ударяется оземь,
Купается сад в аромате крющона...
Китайским фонариком светится осень –
Так самозабвенно и чуть отрешённо.

Предчувствие снега тебя не отпустит,
Хоть лето ещё отступило едва ли.
В бумажное чрево сентябрьской грусти
Мы, словно подёнки, с тобою попали.

Не вырваться...
Кварцем мерцают тропинки,
Струятся к закату... И нам в утешенье –
Взъерошенных астр нагретые спинки,
Серебряный шорох и крыл мельтешенье...

Синегрудой варакушкой растрезвонился
день.
Он горяч, он в ударе! А лето – в зените.
Даже крошка-улитка не скроется в тень:
В завитке её панциря – солнышка нити.

Доползти бы к речушке. Но та, чуть дыша,
Затаилась в траве – нет былой щебетухи...
Окунётся вдруг вечера огненный шар
В сладко-горький настой луговой медовухи.

И огромный, пьянящий, восторженный луг,
Что так сочно звенит, и поёт, и стрекочет,
Приутихнет, остынет не сразу, не вдруг.
Но и за полночь, видно, уснуть не захочет.

НАВСЕГДА

Утро лучиком щупает нишу,
Оживляет ковёр надо мной.
Простыню, как двускатную крышу,
Мама вносит с мороза домой.

Прислоняет скорей к батарее
Хрустко-ломкий отбеленный лён,
Чтоб на рёбрах чугуновых скорее
И обмяк, и осунулся он.

А за окнами – свежий, крахмальный –
Не согреть, не унять, не обмять –
Куролесит февраль триумфальный,
Чтоб сквозь годы вернуться опять –

Той лучистой зимы эйфорией,
Светлым чувством, что сводит с ума!
Мне всё кажется, будто впервые –
Пробуждение, солнце, зима...

И подобием доброго знака
Сладких слёз голубая слюда –
Только в детстве, спросонья. Однако
Это чувство со мной – навсегда.

В ДОМОДЕДОВО

Памяти бабушки

Есть, быть может, на свете былінка,
Что не гнётся от ветра и гроз...
«Акулина, АкУлинька, Линка...» –
Кто-то имя твоё произнёс.

Взвились лёгкие тени гурьбою
С домодедовской горькой травы...
Здесь ты дома, и деды с тобою,
Да и дочери тоже, увы...

Не стираются в памяти лица,
Хоть пред взором года пеленой...
Акулинушка, Лина, орлица,
Не твоё ли крыло надо мной?

В САНАТОРИИ «РУСЬ»

Год девяностый. Лето. Подмосковье.
Так много солнца в комнате с утра!
Но для него оно пылает – кровью
Под сомкнутыми веками. Вчера

Он точно так же не вставал с постели
До самого обеда. Костыли
Стояли, ждали. Ну а птицы – пели.
И мир был светел. И цветы цвели.

А он глядел закрытыми глазами
В воронку-память, в сердце, что насквозь
Прострелено бедой под небесами,
В которых солнце – болью запеклось.

Пускай два года с той поры минуло,
Но память – как времён ушедших тень:
Под жгучим солнцем города Кабула
Она блуждает каждый божий день

И кликает друзей. Они все живы.
Конечно, живы – все до одного.
И это – гром далёкий, а не взрывы.
Гроза шагает. Только и всего.

И потому с утра влажны ресницы,
Белёдые, как снег с афганских гор.
...Ни слова не скажи ему в укор,
Не обессудь парнишку, медсестрица, –
Он на войне бывает до сих пор.

* * *

... Осень, длись... многоточьем в строке...

Андрей Шацков

Я не ведаю, что мне готовит судьба,
Но примублагодарно, что мне предназначено.
...Нынче мысли чисты, и река голуба,
И воскресная роща небесно-прозрачна.

Ощущаю невольно тончайшую связь
Тишины несказанной и Божьего Слова.
Мир окутан теплом... Только я родилась
Накануне снегов, накануне Покрова.

И внезапно, незримо дёрнув струну
Или выдохнув страх в тростниковую дудку,
Заполосная выпь завопит: «Об-ма-ну!»
И от крика вдруг станет и мрачно, и жутко.

«Обману! Обману!»
«Но кого? Но кого?!
Осень листья лишает.
Пока что лишает...
И ещё не Покров –
Лишь канун, лишь канун...
Улетай до прилёта заоблачной стаи!»

...Даже если развеется вейником стынть,
Даже если от горести сердце зайдётся,
Воскрешу то мгновенье, где мысли чисты,
Где река голуба, где над осенью – солнце.

Анна
РЕВЯКИНА,
Донецк
и Москва

* * *

И если верить в Рим, то только в этот, в твой.
Где жив ещё Фомин. И Тюр ещё живой.
Здесь все наперечёт внутри небесных строк.
Печёт блины, печёт твой справедливый бог –

шахтёрский чёрный бог. Смотри, что на кону.
Теперь он на груди, но помнит глубину.
Как горькая земля прожгла ему нутро,
так вечная война однажды под ребро

вошла, и ни дышать, ни промолчать о ней.
Я научусь прощать однажды всех людей –
друзей или врагов. Не разберу порой.
А надо ль разбирать, что там под кожей:

душа или дыра, слезинка или жар.
Был век из серебра, теперь наш век кевлар.
Его пока не сбить по сниженной цене.
Кевларовая сыпь в расшторенном окне –

не свет от дальних звёзд, а залпов перемах.
Я ощущаю злость в разбитых кулаках.
И верю в новый Рим, где дом твой Колизей,
где на арене сын двух сразу матерей.

* * *

Матери и Херувиму

Покуда здесь февраль свой правит бал,
я вновь и вновь сдаю на высший балл
экзамен по любви и медицине.
В системе боковых кривых зеркал
четвёртый год на норадреналине.

Не смотрим снов. Какие к чёрту сны!
Лишь линии известной кривизны

да жуткие видения под утро,
в которых снова наши пацаны.
И лица их под снежной белой пудрой...

Застыли, не меняя странных поз,
как будто ещё действует наркоз...
И некому их отвезти в палату.
Не рай. Не ад. Чистилищный хаос.
Ты замечаешь, как по циферблату

летит большая стрелка? Нет! Стрела.
И как бы я себя ни берегла...
Мне даже стыдно иногда за это.
Четвёртый год мне грезится весна,
а за весной, конечно, будет лето.

Но здесь февраль. И в нём моя любовь.
В зачётной книжке не чернила. Кровь.
Здесь кровь повсюду. Алым светофоры
напоминают: «Шприцы приготовь!»
И помощь скорая ревет мотором.

– Успеем, Мать, – мне говорит медбрат, –
ещё при выписке подарит шоколад,
а может, даже влюбится. – В меня-то?
– Ну не в меня же! Запахни бушлат,
нам всем ещё лет сто пешком до марта

по рытвинам, по кочкам, по полям,
по бесконечно длинным феврялям,
которые однажды прекратятся.
И будем мы не по госпиталям,
а во дворе под молодой акацией

сидеть, курить, свивать в колечки дым,
скучать по этим диким и святым,
по временам, невыносимо сложным.
Где пацаны мне дали имя Херувим,
хоть я всего лишь делал то, что должно.

* * *

Мне намекнули – всё уж решено.
Вино, сукно и две страны, по Смиту.*
Сторгуются и будут пить элиты.
А ты, солдат, здесь лишнее звено.
Чего молчишь? Как будто в первый раз.
Вся наша жизнь – повтор того, что было.
Вино, сукно и дохлая кобыла,
да старый бесколёсный тарантас.

А завтра снова всё перекроют.
Сошьют тебе по новой моде форму.
И будет штурм, и снова будут штормы
да новых целей сложный звукоряд.
Пока есть ты – высок, силён, умён, –
мне дела нет до Смитовых теорий.
Есть штрихпунктир и карты территорий,
есть маркеры переходных времён.

Амбивалентных, сшитых на авось
из глупости, сомнений и предательств,
где ложь как правда, но без обязательств.
Про них мы позже скажем, что насквозь

* * *

Ну, с днём рожденья, что ли! Август – астроглаз.
Как быстро вырос ты, мой мальчик-скалолаз,
глядишь сквозь время – бородач, миоп.
А хочешь, с головой нырнём в сугроб
или на санках с той горы большой?
(Так в чёрный вторник индекс биржевой
летел почти сто лет тому назад...)
Как быстро вырос ты, мой первый адресат.
И смотришь сквозь, как время, сделав крюк,
в донецкий полдень тенью под каблук
вползает чёрной ленточкой-змеей.
И Дикополье вновь укрыто простынёй.
На белом белым мелом письма, и ни одна строка нам не видна,
как ни старайся, как глаза ни три.
Бывает, в августе мне снятся декабри.
Из астр и звёзд. И сын в кровати спит –
спелёнатый муслином а л ф а в и т.

всё видели, всё знали наперёд,
но нам хотелось веры и надежды.
И выдохнет народ, и станет прежним:
вино, сукно, товарооборот.

Да только ты не выдохнешь ничуть.
И будут памяти наивные всполохи.
Вчера – солдаты, завтра – скоморохи.
В учебниках мы этих амплитуд
так насмотрелись. Век двадцатый весь
и двадцать первого столетия четвертина.
Не слушай их, мой храбрый Буратино!
Не продавай им совесть на развес.

* Адам Смит (1723–1790) – экономист, считается основателем классической политэкономии. Автор теории абсолютных преимуществ.

* * *

А здесь я свёрток на руках у деда.
И сорок лет прошло со Дня Победы.
И мир ещё не треснул по оси,
ещё не бьют военных рифм чечётку.
А здесь на фотографии нечёткой
мои родные. Господи, спаси...

Спаси их от того, что с нами стало.
Я сорок лет внезапно скоротала.
Жила ли? Ты не спрашивай о том.
Но это фото, где мои все вместе,
как будто в небе дальнее созвездие.
И в горле первой строчки блинный ком.

А где же папа? Папа – автор снимка.
Я до сих пор пишу ему на симку,
когда мне хочется услышать не совет,
а просто «егоза, Анюта, дочка».
И всё во мне – от лба до ноготочков –
есть снимка этого зерно и пересвет.

Мы встретимся однажды в том же месте.
Мне снова на вощёной нитке крестик
наденет батюшка. И грянет новый май.
Наш добрый град – небесный Докучаевск,
где ты меня улыбкою встречаешь,
как будто никогда не умирал.

* * *

Разлука для того, чтоб стать сильней.
Цена ей – сто надорванных рублей,
сто надорвавшихся на нелюбимой службе.
Разлуки силикатный жёлтый клей

сквозь пальцы льётся – жидкое стекло.
Разлук земных проверенное зло –
необходимость быть во всеоружии.
Оттачивай стихами ремесло –

сверкучий скальпель, кисть и карандаш.
Звезда заглянет в январе в блиндаж.
Предупредит, направит, станет свечкой.
Родится автор, он же персонаж,

мифический герой из плоти и души,
которого разлука не страшит.
Он наперёд всё знает и уверен,
что будет май, и будут ландыши.

И ты не бойся. Верь. Бери пример.
Наступит май, и русский офицер
вернётся с поля боя на Тверскую
из края терриконов и «хиимер».

И я его так сладко поцелую.

* * *

Печаль пришла на много лет подряд,
пока все спали и ходили в сад,
играли в куклы, рисовали ёлку.
Пришла печаль и постучала в дверь,
да сообщила, что мы все теперь
обречены искать в стогу иголку.

Ей имя – мир. И вдруг возник вопрос,
что ищем мы: иголку или ось?
Саму земную ось, вокруг которой
вертелось всё привычно в ритме дней,
где ты сидел над стопкой словарей
или гитару мучил перебором.

Тот мир исчез, но он существовал!
Я помню твой бесхитростный вокал,
запутавшийся в струнах тонкий лучик.
Он словно бы хотел с тобою петь.
Гитарных струн отзывчивая медь
и нотный стан с полсотней закорючек.

Пришла печаль, затмила всё собой,
и лучик замер под твоей рукой.
Так замирает плод на раннем сроке.
Всего-то семечка, но мог родиться Сын.
Покинул нас, чтоб говорить другим,
что в космосе они не одиноки.

Наталья
РОЖКОВА,
Москва

МОНОЛОГ РЫБЫ

Меня бросит волною на белый песок,
Покорюсь бесталанной судьбе,
Пусть под жабрами след, что оставил крючок,
Узкий шрам от сети на губе,
Нет, меня не поймали, зачем же тогда
Моё море меня предаёт?
И забьюсь на песке... Ах, как близко вода,
Но меня она вряд ли найдёт.
И собратья, мгновенно забыв обо мне,
Плотной стаей сомкнутся опять,
Хорошо им кружить, играть в глубине,
Только солнца и звёзд не видать.
Будет быстро на солнце тускнеть чешуя
И погаснет в воздушном плену.
Вот и всё. Но когда умирать буду я,
На созвездие Рыбы взгляну.

* * *

Я надену бабушкин капот,
Шарфик, что связала ночью длинной,
У дверей меня подруга ждёт,
Санька. Ей четыре с половиной.
Липкую ириску ей в ладонь,
И – вперёд, по лестнице, быстрее,
Чинной парой мисочки несём,
Кормим всех помойных котопфеев.
Во дворе – сплошной Морис Эшер*,
Мир весь отразился в луже сонной,
Правда, Санькин папа, например,
Обзывает «старую вороной».
Говорит: «дружить с тобой – облом», –
Санька мне щебечет, словно птица, –

«Кто дурак, – того сдадут в деДдом**» ...
Я и там найду, с кем подружиться!

* * *

Мы так беспечны; не грустим
Чужих скорбей среди,
Хоть не юнцы, а говорим:
«Всё только впереди!»
Да, научились выжидать.
А время – что вода,
Господь, Отечество и мать
Простят нас, как всегда.
Но всё же – хочется назад,
Смахнув осенний лист,
Уйти туда, где белый сад
Пока ещё так чист...

* Эшер Морис (Мауриц) – нидерландский художник XX века, мастер оптических иллюзий.

** Вероятно, малышка имеет в виду дом престарелых.

ЧЁРНОЕ И БЕЛОЕ НА ЗЕЛЁНОМ

Гуляла белая овца...
 Д. Хармс
Я приснюсь тебе чёрной овцою...
 А. Ахматова

Отличаются разным окрасом
 И траву жуют чуть замедленно:
 Белая овца – от Хармса,
 Чёрная – от Анны Андреевны.
 А трава, как свобода, сочная,
 Каблучки-копытца постукивают,
 А на окнах решётки – прочные,
 Да охрана не близорукая.
 Я б водичкой овец поила,
 Им соломку стелила мягкую.
 Просто беленькая – от Даниила,
 Просто чёрненькая – от Ахматовой.

МОСКВА. ИЮЛЬ

Ветер горячий щекочет мне спину,
 Влажную чёлку ладонью откину.
 Что там мальчишки кидают, играя?
 Мяч? Это молния шаровая!
 Сердце из клетки грудной, не железной,
 Рвётся, как зверь, в ярко-синюю бездну,
 Чтобы повиснуть на солнечной спице
 Над одуревшей от зноя столицей.
 Пусть повисит, с облаками поспоря...
 Там, за домами – наверное, море.

ПОСЛЕДНЕМУ ЧИТАТЕЛЮ СТИХОВ

«Вот станет светлей, когда выпадет снег,
 И лучше увидятся строки», –
 Твердишь невпопад ты, чудак-человек,
 Ненужный, смешной, одинокий.
 Задремлешь над книгой. Снежинка одна
 Падёт к твоему изголовью.
 Как звёзды близки! Как невинна луна!
 Весь мир переполнен любовью...

БЕГУЩАЯ ОТ ДОЖДЯ

О, ты, бегущая под крышу
 С улыбкой греческой богини,
 Дождём обласканная свыше,
 Ты не забыла Его имя?
 Так Аполлон тебя ласкает –
 Ты для него прекрасней Дафны,
 И в этих тёплых струях мая
 Ты стала целью самой главной
 Ах, как он, майский дождик, сыплет,
 Твои лекала обнажив,

Так платьице к тебе прилипло –
 А ты восторженно бежишь.
 Нет на плечах твоих бретелек,
 Лишь две горошины пока,
 Но радость бьётся в тонком теле,
 В извивах рук, в босых ногах.

Тебе пока ещё пятнадцать,
 Но, так проворен Аполлон,
 Что стоит просто опасаться,
 Что там, под крышей, за стеклом,
 Пусть не сегодня, через годы,
 Он всё равно тебя найдёт,

И, выполнив завет природы,
Ты вновь продолжишь чей-то род.

АВВАКУМ

Особенно весной, перед рассветом.
Услышав крик летящих лебедей,
Я вспоминаю старую легенду,

Я вспоминаю Пустозёрск и пустошь.
Вот вековой острог среди замшелых
Огромных неподвижных валунов.
А выше, на оттаявшем пригорке,
Где каплями брусника проступила,
У сруба свежего, елового и в льдинках
Четыре смоляных столба чернели.
Готовых, чтоб...
Стояла тишина.

Какая тишина тогда стояла!
Как будто бы во сне.
И только где-то,
В бездонной высоте,
На неизвестной никому пока что ноте
Звенела птица.

Четыре узника, закопанных по горло,
Четыре земляных и безъязыких...
(Точнее: безъязыких было трое –
Не сжалилась, а дрогнула рука
У палача, когда он вырывал
Источник скверны против православных.)
... Четыре земляных и безъязыких
Недоуменно слушали ту птицу
И радовались бесконечной ноте,
Которая плыла над Пустозёрском,
Символизируя последнюю зарю.

Всегда,
Во все века,
У русских в сердце
Должна быть вера в то,
Что есть на свете
Добро и правда.
И лишь веря в это,
Возможно дальше жить, бороться, мыслить!
Такая это огненная вера.

Как при Нероне первых христиан
Обматывали ветошью и шерстью

И, поджигая, гнали впереди,
Чтоб освещать дорогу ночью войску,
Так тут – такая огненная вера.
В любые годы, трудные, быть может,
С какой-то точки зренья, но в любые,
В России каждый рад и каждый хочет
Гореть, как факел, или вспыхнуть спичкой.

Стрелецкий голос, как пила,
Внезапно:
«И за великие хулы на царский дом...»

Потом к столбам их повели на гору
Полузаснеженную.
Было всё готово:
Солома, пакля, хворост и дрова.
Внизу темнели люди, но немного
И небольшие, все куда-то шли
И останавливались, и чего-то ждали.
Вот здесь, под Пустозёрском, в это время.

Взметнулся вверх огонь
Сквозь дым смолёный,
И бороды взметнулись, а глаза –
Не боль, а удивленье в них горело.
И радость, может быть.

Какая тишина потом стояла!
Озябло сердце. Вот она, любовь
Моя открылась –
Так не земляными
Червями были вы,
А корнем вечным
Моей любви...
И задрожали ноги.

БАЛЛАДА О БУФЕТЕ

Машеньке

Буфет был стар и кое в чём трухляв,
Из витража в цветных фацетных стёклах
Был выбит угол, был готов он для
Того, чтоб опустился меч дамоклов
Решения семейного. Увы:
Буфет стоял уверенно, всем видом
Он говорил о том, что вряд ли вы
Сумеете на нём сорвать обиды.

Он мог бы рассказать, как сотню лет
 Назад он был важней, чем гости, дети,
 И кучер шлёпал пешим по земле,
 Когда его везли в большой карете.
 И как в день свадьбы или похорон,
 А чем событий важность мне измерить,
 Когда навстречу гордо, широко
 Ему открыты были обе двери.

Буфет освоился: он встал в парадный зал,
 Он встал напротив всех и надо всеми,
 И, видя его, каждый сознавал,
 Как безобразны все большие стены.
 Они – для мебели и, может, для картин:
 Сто лет назад убого, или даже странно,
 Смотрелись, как бумажки конфетти,
 Два по бокам этюда Левитана.

В буфете шкафчик был для серебра,
 В который переложенные бязью,
 Приборы запирались. Строго братъ
 Их разрешалось в торжества и в праздник.
 Ведёрко для шампанского, судки,
 Икорницы, солонки и фужеры –
 Всем этим пользоваться было не с руки
 В простые дни в квартире инженера.

Хотя в буфете шкафчик был другой:
 В нём пахло валерьянкою и йодом,
 Здесь бабушка дрожащею рукой
 Хозяйничала при любой погоде.
 А низ буфета, словно арсенал,
 Забит был до отказа перед битвой
 Бутылками заморского стекла
 В наклейках самых-самых знаменитых.

Фарфор корниловский, саксонский и стекло
 Мальцовское, богемское – всё было
 В буфете. Только летнее тепло
 Нас, пацанов, к себе всегда манило.
 Оно стояло в банках и на них
 Карандашом чернильным, глаз лаская,
 Стояли надписи: «клубничное», «черни...»,
 «Крыжовник», «тернослив», «варила Тая...».

Когда вас пригласят зайти в буфет
 В театре, в цирке или на хоккее,
 Сходите, посмотрите: если нет
 Варенья в нём, то требуйте смелее!
 И помните, что, может, это бар,
 Шинок, разливочная, комната иная –
 Я помню с детства, а ведь я уж стар –
 Буфетов без варенья не бывает.

[ИМЕНА]

Николаю РУБЦОВУ –

90 лет

Марианна ДУДАРЕВА

«В ГОРНИЦЕ МОЕЙ СВЕТЛО...»

Известное стихотворение Николая Рубцова «В горнице» всегда привлекало внимание исследователей и критиков, которые подмечали простоту этого произведения и порой воспринимали это как художественную слабость. Так, Б. Т. Примеров однажды подшутил над сюжетом этого текста, задавая вопрос самому автору после его исполнения «В горнице»: «Хорошо, Коля, а что ж ты матушку одну ночью за водой отпустил-то? Взял бы ведёрко да притащил водички в дом»*. В этой поэтической дружеской шутке скрывается не столько соперничество, сколько тонкое наблюдение за внутренним сюжетом стихотворения. Внешне действительно всё просто: горница, тихая ночь, мать и сын. Однако эта простота по-есенински мнимая. Современный критик и литературовед А. М. Марченко писала по поводу метафорического строя есенинской лирики, что поэзия Есенина, его метафора обладают мнимой простотой. Это положение можно отнести и к художественному миру Рубцова, который, стоит отметить, очень любил поэзию Есенина. Возможно, эти далеко идущие литературные связи нам ещё пригодятся при культурфилософском анализе стихотворения «В горнице», превратившегося в песню на музыку Александра Морозова в исполнении литовской певицы Гинтаре Яутакайте.

В работах, посвящённых разбору именно этого текста, у исследователей никогда не вызывало сомнений определение времени суток. Литературоведы и критики, рассматривающие стихотворение с точки зрения фольклорной традиции и выделяющие в нём парадигму «инога царства» (Анастасия Чернова), указывали на странное положение: матушка берёт ведро и молча идёт за водой ночью, что недопустимо и нелогично, потому что ночная вода – нечистая. Так ли это? В горнице светло – от ночной звезды:

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды...

* Из личной переписки с вдовой поэта, Н. В. Кондаковой, которая присутствовала при этом разговоре, когда Рубцов сам исполнял «В горнице».

Но, по мифологическим представлениям, в мировой культуре находим мифологему светотьмы, рождения света во тьме, их сосуществование, что объясняет два понятия: свет вечерний и свет невечерний. Подобный апофатизм может навести на мысль о том, что звезда у Рубцова вовсе не ночная, в прямом смысле слова, а предутренняя. Тогда матушка никакого «нечистого» действия не совершает. Кроме того, мы соглашаемся со многими исследователями в том, что в стихотворении задано особое соотношение времени и пространства: мы наблюдаем континуум, находящийся вне линейных законов земного времени. Подобное положение дел с точки зрения ритуального орнамента сюжета встречаем в стихотворении С. Есенина 1917 года «Разбуди меня завтра рано», в котором поэтически обыгрывается ритуальная встреча утренней зари и проводы вечерней:

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнёт кобылица
Над равниною красным хвостом.

В этом случае встречаются два светила, месяц и заря, а лирический герой всё равно просит матушку разбудить его рано, то есть как бы предупредить зарождение нового дня:

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Но отвлечёмся пока от определения времени суток и обратимся ко второй строфе:

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниёт совсем.

Почему цветы красные? Почему о них вообще думает лирический герой ночью? Конечно, красные цветы являются образом-символом, который связан с традиционной культурой, но здесь необходимы некоторые уточнения. В контексте первой строфы о ночной звезде и воде, которую приносит в дом матушка в пограничное ночное или предрассветное время (скорее всего, не для полива увядших цветов), красные цветы наводят на мысль о купальских лазоревых цветах (они, прежде всего, красного цвета), обладающих особой семантической напряжённостью и онтологическим статусом – они олицетворяют прорыв от тьмы к свету, возрождение в новом качестве и позволяют обладателю цветка открыть сакральные знания. Именно на заре собирают такие цветы и прочие травы, тем самым совершая как бы вместе с годовым циклом поворот в судьбе. Кроме того, именно в эти купальские дни разрешены ночные омовения, которые очищают существо человека, именно женщины ходят за такой водой, «черпают росу».

Но почему же цветы завяли? Современный специалист в области славянской демонологии Л. Н. Виноградова указывает на мотивы о купальской ночи как времени наибольшей активности нечистой силы. В такое «открытое» время рубцовский герой думает о своей судьбе, которая ассоциируется с красными цветами, их возрождением, и лодкой, которую необходимо починить, смастерить заново.

Для поэтических миров Рубцова и Есенина доминантен архетип лодки. Архетип корабля / лодки, нашедший своё отражение в разных жанрах нашего фольклора, в обрядовом комплексе, связанном с проводами Костромы, Масленицы, получил теоретическое

обоснование в теоретическом трактате Есенина «Ключи Марии» (1918). Образ корабельный в есенинской художественной лаборатории связан с космогоническими представлениями о мире; в «Письме к женщине» вся земля приравнивается к кораблю. Корабль / лодка / повозка в мировой культуре выполняют функции перехода и связаны с поисками «инога царства». Кроме того, в этом контексте возникает образ ивы, под которой будет у героя «хлопотливый день». Ива или её родственницы серебряная ветла, ракета в русском фольклоре и литературе наделены иномирной семантикой. Здесь достаточно вспомнить известную колыбельную про серого волчка и ракитовый кусток – место, потенциально связанное с «тем светом». Ива в ритуальном контексте стихотворения Рубцова – дерево границы, воплощающее мировую ось.

В стихотворении Н. Рубцова «В горнице» герой должен возродить красные цветы и починить свою лодку – оба действия семиотически значимы, ритуально маркированы. Кроме того, в этом контексте возникает концепт «судьба», непосредственно связанный с «красными цветами» и «лодкой». С бытовой точки зрения смысл стихотворения, несмотря на простоту формы и средств выразительности, не проясняется: остаётся неясным, почему герой не сам идёт за водой, почему воду приносят ночью, почему полив цветов и починка лодки связаны с его судьбой. Однако дружеское подтрунивание современника поэта Б. Т. Примерова относительно внутреннего сюжета этого текста заставляет исследователя задуматься и обратить внимание именно на этот момент: матушка, женщина, идёт за водой и ещё в пограничное время. Целокупное восприятие и прочтение образов ночной звезды, воды, мифологемы «красные цветы», архетипа лодки позволяет реконструировать ритуальный купальский сюжет. В этом случае поход матушки за водой не кажется нарушением запрета, красные цветы не сами по себе завяли в садике, и лодка сгнила на речной мели – герой должен возродиться в новом качестве и определить, выстроить свою судьбу. Обращение к народной традиционной культуре позволяет также поставить вопрос о скрытых проявлениях фольклорной традиции в стихотворении Рубцова, о поэтическом диалоге-споре с фольклором.

В горнице, то есть поэтической мастерской Николая Рубцова – светло. Его ночная звезда светит есенинским несказанным светом нам, забывшимся цифровым сном сегодня.

ТЕПЛО

Огонь разлился по воде.
 Вода, нагревшись, заблестела,
 И в предвечерней немоте
 Даль подступившая теплела.
 Теплели колеи дорог,
 Края утопанных обочин,
 Где скотьим запахом коров
 Грунтовки профиль оторочен.
 Почти угасшая заря
 Себе чуть под ноги светила,
 Пока окрестные поля
 Тьма наводняла и топила,
 А токи летнего тепла,
 Пронизывая плоть земную,
 Вошли вдруг в нежные слова
 И в звук ночного поцелуя!

ЛИВЕНЬ

Дождь, холодный и сыпучий,
 Зарядил, как чумовой.
 Крутизна сливянки-тучи
 Пахнет влагой и грозой.
 Как расчёсанная грива,
 Даль струиста, а река
 Покрывается, бурлива,
 Пузырями кипятка.
 И на привязи короткой,
 Раскачав свои бока,
 Рвётся пляшущая лодка,
 Как собака с поводка.

ЗАТВОРНИК

Захотелось, чтобы тише
 Было в доме и вокруг,

Чтобы не было и мыши,
 Как у нищих нету слуг.

А потом часы с кукушкой
 Помешали ночью спать,
 И не спасшись под подушкой,
 Гирьки стал с часов снимать.

И кукушка замолчала.
 Мыши кончили шуршать...
 Жизнь – как с самого начала,
 Только как её начать?

РАЗЛИВ В ХУТОРЕ ПОТАПОВ

Дождь, разбивающийся с плеском,
 Был холоден, как сумрак дна
 Реки, что ныне с тусклым блеском
 В лиловой пелене видна.

Река безудержным разливом
 Всех вод, что выше берегов,
 Змеёю поползла по нивам,
 Верблюдом – вглубь солончаков.

Бугры, как жёлтые барханы,
 Желтели высохшей травой,
 Феллахом в крае Асуана
 С бугра следил я за водой.

Она всё щупала собою,
 Но, не нащупав свой предел,
 Текла лицом и головою,
 Лилась частями жидких тел.

Когда же вдруг остановилась,
 Угаснув, зыбкая волна,
 В ней, как душа, вдруг засветилась
 Осенних сумерек луна.

* * *

Люблю холодными ночами
Домашний ощущать уют
И передёргивать плечами,
Когда за дверью холод крут.
Люблю заслушаться в покое,
Как вьюга воет под окном,
А на окне, в тепле, алоэ –
Горшок с тропическим цветком.
Люблю загнутые страницы
Потрёпанных годами книг.
Зачем пришлось остановиться
Читателю, читая их?
И мог ли он уснуть ночами,
Когда, как в сказочный чертог,
Луна, с покатыми плечами,
Ему светила на порог?..

ПОХИЩЕНИЕ

У дома гроздь винограда
Созрели августовским днём.
Одежда – ветхая ограда –
Сквозила ими, как стыдом,

Как спелой наливную плотью
Со сладким запахом греха,
Которую всегда лохмотья
Не меньше красят, чем меха.

Мои глаза на эти кисти,
Что млели в нежной полумгле
Среди широких мягких листьев,
Смотрели в знойной тишине,

Пока на почве вождельня
Со страсти огненной искрой,
Не вызрел образ преступленья,
Как кисть с манящей наготой.

И похищение красавиц
Я, грозди сняв, осуществил
И, как отъявленный мерзавец,
Их в дом насильно поместил.

СИЛА ЖЕНЩИНЫ

Под маской полного покоя
Увидел я в твоих глазах
Души волнение святое,
За красоту великий страх.

Себя ты холодно держала,
Была открыта и горда,
Но слабость женского начала
В тебе сквозила иногда.

В моменты эти становилась
Ты соблазнительно тиха
И женской слабостью светилась,
Как свечка, в поисках греха...

Однако древнее волненье
Темнело мстительно в глазах
О том, что красота – мгновенье,
Мгновенье – первобытный страх...

Мне кажется, такая сила
Тобой владела иногда,
Что ты скрывала и давила
Её и тем была горда.

НАЛЕДЬ

Когда мороз надавит в окна
И засочится холодок.
Стекло, что как от пота взмокло,
Узорами возьмёт ледок.
И где, застывшие навеки,
В окне почудятся глаза –
В углу заиненного века
Блеснёт алмазная слеза.

СЕЛЕЗЕНЬ НА ЗИМНЕЙ СЕТУНИ

Последнюю седмицею
одарит Старый год.
А селезень по Сетуни,
как в сентябре плывёт.
Последуйте, последуйте
за этой мудрой птицею –
она не подведёт.

Уж если эта мощная,
как Енисей, река
не убоялась слабого
двухдневного ледка –
снесла с пути, как мерзкого
авантюриста мелкого,
хотя сама, по совести,
не больно глубока –
то будем верить в мудрые
природные решения:
в догадки птиц сезонные,
в скупые, но резонные,
(плевать на наши мнения!)
поступки наших рек,
свой странный нрав скрывающих,
а вдруг да и взрывающих
святое иго льда
под шумный плеск своих коллег.
Нечасто, иногда...

Причудливы, таинственны
глубины наших вод.
Стволы давно безлиственны.
А селезень плывёт.
Плывёт, была иль не была,
вдоль снежных берегов,
потом у сгнившего ствола,
где ранняя сгустилась мгла,
комочек синего тепла
взлетел и был таков!

Каков таков? Да вот пойми.
Питомец здешних вод,
зазимовавший здесь с людьми,
которых не поймёт,
как не поймёт их ни сосна,
ни дуб, почти слепой,
но помнящий ручей до дна,
ни эта тучная луна,
имевшая здесь водопой
в другие времена,
ни зим не знавший над собой
такой счастливый и живой,
мне видный сквозь туманы,
тот изумрудный с синевой
комочек вольной праны.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Кто приедет во вторник, пусть запишет мой
адрес.

Записали? Вот я нарисую вам абрис
городского посёлка и всех его улиц,
ибо путь без шпаргалки – дорога для умниц.
Ну а умниц среди наших почти не осталось.
Если просто не помер, то такая усталость,
что искать мой домишко в снегах

Подмосковья –
это значит проститься с остатком здоровья.
А здоровье – оно пригодится для встречи.
Без него уж не те будут жесты и речи.
А кого вспоминаем – какой интерес-то
вспоминать их без крепкого слова и жеста...

Говорят, снегопад обещали на вторник.
Пусть я буду последний подлец и позорник,
если я не расчищу приличное место
для прибывших машин от ворот до подъезда.
Но, даст Бог, как обычно прогноз ошибётся,
и тогда расчищать ничего не придётся,

и останется сдать в холодильник бутылки.
Я надеюсь из вас сикофантов горилки
не найдётся? Итак, слава Богу. Я жду.

Зимний дятел свой гвоздь забивает в саду.
Этот звук оглушает январь при норд-осте.
Но не только же в гроб забиваются гвозди.

БАЛЛАДА О КРЕСЛЕ-КАЧАЛКЕ

Юрию Гандлевскому

А весёлый наш шторм, наши чайки,
наш табун диких волн белобровых
вряд ли чувственной кресла-качалки
среди крапив и сиреней махровых.
ибо это волшебное кресло,
понимая все тяготы тела,
возносило над прошлым и трезво
воскрешало судьбу до предела.
И при этом неявный, но внятный
где-то там, у желудка, у чресел
возникал холодок непонятный,
будто сам ты и молод, и весел.

Будто, пьян от вечерней зарницы,
в освещении живом, но не жгучем,
долетаешь почти до синицы,
перепархивающей по сучьям.
О, синица, о эта едва ли
не мельчайшая тварь в Божьей смете,
но она, как и прочие твари,
знать не знает о собственной смерти.
Даже если Синиц и Синица
там, на древе познания грешили –
что с них взять-то: неумная птица,
им о смерти не знать разрешили.
Всем не знать, всем не ведать, что – смертны,
кроме нас, возводящих соборы,
не жалеющих фонды несметны
на рейхстаги, кремли и сорбонны...
Но о том не хочу. Так мне славно
на весёлом взмывающем кресле.
Жизнь, пожалуй, прошла. Ну и ладно.
Но есть время подумать, что если
посильней от колен размахнуться
и лететь, отпустив подлокотни,
в занебесные кущи Господни,
так лететь, что уже не вернуться.

* * *

Что ты знаешь про лето, питомец полуденных стран –
в сотый раз улыбнусь я, любя.
Как строка из Завета, забредшая сдуру в Коран,
наш июль не узнает себя.

Он за время разлуки с собой до конца позабыл:
наш закат и похож, но – иной.
Это тихий небесный, не жгучий, не скажешь, что – пыл,
он и сам-то не знает, что – зной.

Как мы ждём их свои наливные двенадцать недель,
из которых обманут все шесть.
Вот гранёный стакан, в нём надёжный испытанный хмель –
это местная жалкая месь.

Десять месяцев ждать, чтобы тёплая летняя пыль
понеслась над судьбою самой,
и потом эту скучную, серую с палевым быть
вспоминать, словно сказку, зимой.

Или дождь, что чуть позже нам попросту не ко двору,
принимать под веселье ворон,

погружаясь в закатном мерцанье в живую Пахру,
на которой немислим Харон.

Этот дивный вечерней порой полумрак-полусвет
звать даиси у вас, у грузин...
А у нас и названия счастью вечернему нет.
Где ты, голос родимых осин?

«Мало солнышка!» – Розанов всхлипнул над нашей судьбой.
Это правда. И грустная. Но –
и скрипящая ель... И слабеющий луч... И вороний разбой...
Это – счастье? Пожалуй, оно.

* * *

Снегирь с кавалергардской грудью
молчит, хоть смолоду певуч.
Сад подчинился многопудью
тяжёлых и бездвижных туч.
Внутри лишённой солнца дачи
стоит недобрый средний век.
Что Возрожденья ждать? Тем паче
и ранний близится ночлег.
Ну а чем дольше ночь продлится,
тем больше шансов, что с утра
другими станут жесты, лица.
И август явится. Пора!

Пора всему, а страхи наши –
лишь быт терпил, а может, – блажь.
Чай, срок пришёл задравной чаше
сквозь лязг зауспокойных чаш
звенеть. Взгляни на эти лужи,
вчерашний проклянув ушат.
Пора и нам вздохнуть поглубже.
А то дышать не разр...

А может быть... А вдруг... А если...
Чем чёрт не шутит под Москвой...
А вдруг да ахнем мы – все вместе!:
колодец! Да с водой живой!
И капелька дождя с карниза
в похожую на почву грязь
летит, как в бедный пруд свой Лиза,
но не рыдая, а смеясь.

* * *

Дело в призрачном северном такте ли?
Что ж не явишься мне никогда
ни во сне, ни в тверском вольном дактиле
Клинско-Дмитровская гряда?
В той страде принимало участие
травянистое с плоску плато.
Вот где был и свободен, и счастлив я...
А уж после – иль это, иль – то...

Запах теста, простого, не сдобного,
серебристому веку во вред.
Справа Шахматово. Слева Боблово.
Блока нет. Менделеевой нет.
Есть в окне занавесочка белая
да над нею под хохот ворон:
– Эй, москвич!... Растудыть его, Берия,
что б ты думал – английский шпиён!..
Ох, ты, родина, мать моя, мачеха!..
Репродуктор истошно сипит.
И от взмаха дошкольного мальчика
фотомаршал в окошко летит.
И меняется всё во мгновение...
Но останется здесь на века
безуспешное проникновение
под упавший листок мотылька.
На тебя бы глядел до заката я.
Я желаю тебе лишь добра,
тварь ползучая, хоть и крылатая.
Всей-то жизни твоей – до утра.
Всей-то жизни... Но знаю до призыва
в чём-то гулком, что сердцем зовут:
я не вижу малейшего признака
для конца этих русских минут
с тем далёким болотом, завравшимся,
перед сворой гнилых пацанов,

с домом Блока, сто раз разрушавшимся
и в сто первый воссозданным вновь,
с полновесным озлобленным колосом,
шелестящим в вечернюю тьму
полногласным надломленным голосом,
но ведь слышным ещё кой-кому...
В этом дне, незаметном, обыденном,
за лучом уходящим скользя,
мы – зачем? Чтобы слышать и видеть нам
то, что видеть и слышать нельзя.
Ибо так ликовать и так мучиться,
ощущая и гнёт, и родство,
кроме нас, ни за что не получится,
не получится ни у кого.

Мотылёк, ты, мохнатая лапочка.
Тень всё ближе и ближе ко рву.
Ну, хоть ночь, да – твоя! Где там лампочка?
Ты прощай – я ещё поживу.
Вон шальная звезда... И, пожалуйста,
пусть июль на подходе, но ведь
за июлем, за призраком августа
что-то ждёт... Что конкретно – бог весть.
Там, потом, за осенними ливнями
я помру от любви и стыда,
что тебя уж не сделать счастливой мне,
Клинско-Дмитровская гряда.

ЭССЕ

ДЕНЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ПОЭЗИИ

(Размышления издателя)

После возрождения в 2006 году культового альманаха «День поэзии» и его ошеломительного успеха, создатели проекта не стали почивать на лаврах, а стали искать новые формы популяризации отечественной словесности.

И если подготовка к первому выпуску возобновлённого альманаха заняла длительное время: с круглыми столами в Министерстве культуры России, встреч с маститыми поэтами, обстоятельными обсуждениями, то новаторский выпуск 2008 года был молниеносным.

Инициатор издания «Дня поэзии» Андрей Шацков, который в то время работал референтом Министра культуры и массовых коммуникаций России А. С. Соколова, обратился ко мне с предложением совместно реализовать этот проект. И не только потому, что я был причастен к появлению первого возрождённого альманаха, как издатель, а, в большей степени, из-за того, что мною была предложена новая модель сотрудничества с поэтами и концепция, которая позволила «Дню поэзии» появиться на свет.

Суть её состояла в том, что возрождать альманах нужно как некоммерческое издание, это позволило бы освободить издателей от многих неподъёмных расходов. До этого было много попыток определить успешную бизнес-модель поэтического сборника, но расходы на работу редакции, дизайн, корректуру, логистику, типографию, гонорары и налоги могли покрыться продажами не менее 30 тысяч экземпляров в течение года. В условиях тогдашнего резкого падения интереса к чтению и сокращению поэтических тиражей это была маниловщина. Гонорары поэтам и налоги к ним составляли половину из всех расходов.

Шацкову такой ход мыслей понравился, и он взялся убеждать наиболее строптивых и самых известных наших поэтов предоставить стихи безвозмездно. Таким образом, появилась возможность собрать всех поэтов, имеющих имя собственное, в единую витрину русской поэзии. Сделать альманах престижной платформой для самовыражения поэтов. Всё это позволило «Дню поэзии» стать значимым явлением отечественной культуры, при небольшом тираже издания, который бесплатно распространялся по библиотекам и на презентациях.

В новом выпуске – появлялись и новые имена, и новые согласования из-за его специфики – было принято решение сделать «День православной поэзии». Эту идею горячо поддержал Андрей Дементьев, возглавивший редакционную коллегию издания. Работа шла во взаимодействии с Издательским Советом Русской Православной Церкви.

Приветствие читателям альманаха направил Патриарх Московский и всея Руси Алексий II (Ридигер). Он отметил, что «людей, которые только стоят на пути к храму, именно

поэт может пробудить от духовной спячки», и пожелал читателям «сохранять в сердцах чувство евангельской правды и справедливости, твёрдую убеждённость в превосходстве духовного над плотским, небесного над земным».

Вдохновляющие слова Патриарха, признающего поэзию не просто искусством, а духовной практикой, способной вести человека к Богу, являются, по сути, благословением Предстоятеля Русской Православной Церкви всем труженикам поэтической нивы.

От идеи до тиража ушло рекордных два месяца. Первая презентация состоялась 24 мая 2008 года в Твери в ходе празднования Дня славянской письменности и культуры.

Андрей Шацков, который был главным редактором «Дня православной поэзии», очень умело организовал всю работу. С особым тактом и деликатностью подходил к каждому из поэтов. Меня поразило, что он советуется по содержательной стороне творчества поэтов-классиков и со мной – не поэтом.

Стихов я не пишу, но с поэтическим творчеством связан, как квалифицированный потребитель. Читаю я много: и классиков, и современников. Это сформировало определённый вкус. И повлияло на появление в альманахе нетривиальных духовных стихотворений наших классиков: Бальмонта, Блока, Брюсова, Бунина, Волошина, Гумилёва, Есенина, Кольцова, Лермонтова, Ломоносова, Никитина, Пастернака, Пушкина, Тютчева, Цветаевой и других.

Классиков в альманахе было тридцать три – их в альманахе объединил раздел «Звуки небес», а современников – сотня, эту часть мы назвали «Всякое дыхание да хвалит Господа». Они раскрыли все стороны религиозной жизни: от поисков истины, душевных переживаний, религиозного экстаза, нравственных размышлений, до рифмованных молитв и описаний православных праздников.

Православная поэзия альманаха не сводилась к догматическим текстам, а представляла собой живое, личное переживание веры, что сделала её доступной и современной.

Мощная гражданская поэзия была представлена творчеством священника Дмитрий Дудко:

Я – русский, мне границ не надо,
И загранич не надо мне.
Мне хочется родного взгляда
И быть родным в родной стране.
Жить, мыслить, чувствовать свободно,
Везде встречать своих людей.
Россия пролегла широтно
В груди тоскующей моей.

Эту тему подхватывает и развивает Евгений Юшин, обращаясь к сельской идиллии:

... Упало солнце прямо на дорогу
И церковь, золотым озарена,
Стоит, уже не верящая в Бога.
И ставшая хранилищем зерна.
Зерно мерцает золотисто-серым,
Лучи летят по стенам, щели рвут,
И сам Христос хранит его, как веру,
И голуби, как ангелы, поют.

Максим Замшев и Владимир Фирсов, Геннадий Иванов и Виктор Кирюшин, Владимир Костров и Андрей Романов, Олеся Николаева и Николай Переяслов, Аршак Тер-Маркарьян и Иван Щёлоков, Валерий Дударев и Виктор Петров – поэты разных школ

и направлений, у каждого из них самобытная эстетика, каждый по-своему чувствует и передаёт поэтическое слово. Но все их слова, все их строки афористичны, они запоминаются, волнуют разум, тревожат душу и, самое главное, они показывают всю палитру религиозных чувств человека, пути нравственного совершенствования, волнения, которые человек испытывает при встрече со святыней.

Особо волнительно читать строки о, ждущей каждого из нас, личной встрече с божественной вечностью, и поэтический плач по ушедшим близким и родным.

Андрей Шацков передаёт эти свои чувства в цикле «Венок от сына», посвящённом памяти его любимой мамы:

...И пускай распускается поросль,
И шиповника острый венец...
Нам лежать, слава Богу – не порознь:
Я, да ты, да чуть ближе – отец.
Расцветает сирень и черёмуха.
На кресте золотятся слова...
Чёрным страхом могильного омута
Цепенеет с утра голова.
Но над старого кладбища ветлами,
Неба купола нимб голубой.
Там и встретимся милая, светлая.
Незабвенная, в пору, с тобой!

Редкий пример органичного синтеза церковного слова и художественной поэзии – творчество иеромонаха Романа (Матюшин). Его стихи не просто «религиозная лирика», а духовная проповедь в поэтической форме: грань между стихом и молитвой здесь намеренно размыта.

Страх Господень – авва воздержания,
Воздержанье дарит исцеление.
Лучшая поэзия – молчание,
Лучшее молчание – моление.
Лучшая молитва – покаяние,
Покаянье тщетно без прощения.
Лучшее пред Богом предстояние –
В глубине высокого смирения.
Я забудусь в таинстве молчания
Пред иконой чудной – «Умиление».
Да очистят слёзы покаяния
Высшую поэзию – моление.

Поэзия иеромонаха Романа – это молитва, ставшая стихом, и проповедь, обретшая поэтическую форму. Её сила – в подлинности, отсутствии риторической игры и глубокой связи с традицией православной духовности.

В отдельный раздел альманаха были выделены стихи поэтов-современников, пишущих о Куликовской битве. В центре раздела стяжавший известность цикл поэта Андрея Шацкова «На поле Куликовом», отмеченный орденом прсв. Сергия Радонежского РПЦ, воспевающий славу русского оружия. Поэтическое творчество Ларисы Васильевой, Андрея Романова, Валентина Штубова, Алексея Клокова и других.

Обложку альманаха украсило иконное изображение святителя Макария Митрополита Московского и всея Руси (1482–1563) – «российской земли Златоуста». Святая Церковь

читит его как просветителя и покровителя книжного делания – при нём на Руси началось печатание книг. Поэтому первый в XXI веке опыт обобщения духовно-нравственной поэзии – был посвящён святителю Макарию.

Альманах был прекрасно принят критиками и публикой, как церковной, так и светской. Наша новаторская идея удалась. Мы смогли избежать противоречия между необходимостью быть современными и в то же время сохранять историческую преемственность. Поэты – дети своего времени, но отечественная поэзия принадлежит вечности. Лучшее тому свидетельство – поэтические строки от XVIII-го до XXI века, включённые в альманах.

Даже в этом, казалось бы «узком», тематическом сборнике нам удалось выполнить основную миссию «Дня поэзии» – быть зеркалом современной поэзии, объединяющим классиков и новаторов, признанных мастеров и начинающих авторов.

Время от времени Андрей Шацков напоминает, что тема православной поэзии не исчерпана, что придёт время издания нового такого альманаха. Нужно только ещё немного подождать, чтобы появились новые поэты, новые голоса, новые строки, новые чувства, новые переживания.

Искра Божья озаряет людей и через религиозный экстаз, и через творчество. Верю, что новое поколение поэтов разожжёт эти искры в неугасимый огонь и искренним молитвенным подвигом, и своими прекрасными глубокими стихотворениями.

P.S. Воспоминания о «Дне православной поэзии», побудили желание в очередной раз перечитать альманах. И сейчас, как и 18-ть лет назад, я прихожу к выводу, что главное его достижение в том, что он заставляет задуматься, пробуждает душу. Может быть, в этом и кроется секрет его долголетия?

* * *

О любимой России, о чести скорбя,
 Я опять вызываю огонь на себя
 Всей нечистой, неистовой, дьявольской
 силы,
 Что годами над нами кружит на метле,
 Всё святое загадив на русской земле, –
 Даже дедов и прадедов наших могилы.

«Дым Отечества нынче особо горчит!» –
 Вор «в законе», хватаясь за шапку, кричит,
 Понимая, что шапка и уши пылают.
 Матерятся на Родину хлюпик и хлыщ, –
 Им ли нынче до наших седых пепелищ? –
 Словно моськи, сорвавшие привязи, лают.

С омерзеньем на шабаш их наглый смотрю.
 «Бог не выдаст, – с презрением я говорю, –
 И Россия, как Феникс, восстанет из пепла,
 И, от смрада тяжёлого еле дыша,
 Мы проветрим её, чтобы снова душа
 От простора и воли рыдала и пела».

* * *

А. Каберову

Устану от мыслей, прощать разучусь,
 А душу заездят обиды –
 Просёлками памяти в юность умчусь,
 Где грёзы ещё не разбиты;

Где печь да полати, а рядом – безмен,
 Весов незатейливый предок,
 И дни не отравлены ядом измен,
 И смех беззаботный не редок;

Где в старом овине стоят жернова,
 А в горнице – прялка с куделью,

И мысль о бессмертии так же «нова»,
 Как детская тяга к безделью;

Где выгон истоптан стадами коров,
 Где светлые мысли теснятся,
 Где кажется тесным родительский кров,
 Но дали ночами не снятся.

Пусть вечно там росы звенят поутру,
 Земле помогая вращаться,
 И я от обид и тоски не умру –
 Мне будет куда возвращаться.

* * *

Мне некуда больше спешить.
 (из старинного романа)

Как будто я этого стою:
 Со мною прощаясь, ноябрь
 Хрустит пересохшей листвою
 И гонит озёрную рябь.

И лес, на ветру содрогаясь,
 Последний роняет наряд.
 На зов декабря откликаюсь,
 Рябины багрянцем горят.

Перину пуховую тучи,
 Спеша, раздирает норд-ост.
 Денёк – и пушинки, летучи,
 Укроют и крыши, и мост.

А я, озирая пространство
 И следуя в плен к декабрю,
 «Спасибо, – шепчу, – за убранство»,
 «До встречи, ноябрь!» – говорю.

Судьба не представила шанса
С природой в гармонии жить,

И, словно герою романа,
Мне некуда больше спешить...

* * *

Поверьте мне, я чист душою.

Н. Рубцов

Я такое сказать о себе и в бреду не смогу...
Отогревшись душой под багряными зорями, каюсь
И за мелкую месть, и за долгую смуту в мозгу,
И неправедным быть до последней черты зарекаюсь.

Ах, как хочется мне отбелить бытия черновик,
Да не зря говорят, что из песни не выкинешь слова!
И не сдержан я был оттого, что юлить не привык,
И глаза отводить не пытался от взгляда косоного.

Хоть обиды простил я давно и друзьям, и врагам,
И грядущие дни пустотою уже не пугают,
Но бывшие грехи тяжким грузом прилипли к ногам
И в небесную рать записаться меня не пускают.

То ли лодку Харон до сих пор не успел осмолить,
То ли, хуже того, и его обуяла усталость...
Значит, можно грехи, суету одолев, отмолить,
И неважно уже: сколько дней мне на это осталось...

*Юлия
СКРЫЛЁВА,
Истра,
Московская обл.*

ТИХАЯ НОЧЬ

Самая тихая ночь – перед страшным боем.
Вера в победу бьётся в груди, как птица.
Выживем, слышишь, выжить должны с тобой мы!
Завтра – наступит. Будем идти в атаку.
Биться – как волки. Силы и соки выжать.
Чтоб на земле настало мирное завтра.
Только бы выжить. Слышишь, должны мы выжить!

... Храброму сердцу – самая горькая правда.
 Нет тебя больше – впору завывать по-волчьи.
 Вечности мало, чтоб пережить утрату.
 Не было, кажется, тише и мягче ночи.
 – Друг, на земле настало мирное завтра!

* * *

А. Ширяеву

В твоей поэзии – раздолье!
 В ней – словно с лентой коса:
 Бурлацкая тугая доля,
 И Волги-матушки краса.

Переплелись в ней волжский ветер –
 Неукротимый атаман,
 И щедрый дар тысячелетий –
 Сухой песчаный Туркестан.

И счастье было рядом, близко,
 И так дышалось хорошо!
 Суровый увалень Симбирский
 Со светлой солнечной душой,

Ты был угрюмым только внешне,
 И выводил из-под пера
 Нет, не стихи – а воздух вешний,
 Огонь души, печаль утрат,

И звонкой птахой сердце пело,
 Улавливая между строк
 Вкус земляники яркой, спелой,
 Живительный берёзный сок,

Дыхание лиловых высей
 Угарный жар минувших лет,
 И месяц, словно при Чингисе –
 Хрустальный тонкий чёткий след.

* * *

Облака – словно еры и яти –
 Завитушка, кольцо, перекладина.
 В Комсомольском районе Тольятти
 Каждый двор – Марианская впадина:

Как нырнёшь – и затянет, что омут.
 Как бумага наждачная – улица.
 Только здесь ты, действительно, дома.
 Вот скамейка-старушка сутулится.

Вот площадка, цветочки простые,
 И соседка – ну точно из прошлого!
 Уезжать собираешься ты, и
 Обретаешь здесь что-то хорошее...

* * *

Бродить по тихим улочкам Калуги,
 И слышать голоса сквозь времена,
 И колокольный звон, и звон кольчуги,
 И помнящие битвы имена,

И барыни ворчание в поместье,
 И шум травы, не тронутой копьём.
 И думать, что на свете вряд ли место
 Отыщется душевнее её,

Твоей Калуги, нежной, как сестрёнка,
 Любимой, как родная сторона,
 Ворочается, словно шестерёнка,
 Приколота к облаку луна.

Ей снится запах теста с кориандром
 И тонкий хруст калужской пастилы,
 И всё, конечно, растворится в завтра,
 Ну а пока – в потоке ветра плыть.

Ну а пока с веленьем сердца слит ты,
 Умом понять не в силах ничего.
 Дорога расстилается, как свиток,
 И этот русский город только твой.

* * *

Золотом мёда и звоном пчёл
Полнится жаркий июльский день.
Мне бы родное твоё плечо,
Чтоб отдохнуть от насущных дел.

Или стать птицей – и в небе плыть,
С солнышком в салки играть – легко,
И в силуэте Йошкар-Олы
Образ найти для своих стихов.

Оземь удариться – девой стать.
Храмы растут – что в лесу грибы.
Город, в тебе красота и стать,
Древних традиций восторг и быль.

Клёнов канадских резной листок
Тоньше, острее опасных стрел.
Город, затерянный между строк, –
Здравствуй, любовь моя, Марий Эл!

[ИМЕНА]

Анатолию СОФРОНОВУ –

*115 лет**Виктор ПЕТРОВ*

ВОЗВРАТНАЯ СТОРОНА

Незабываем глазуновский портрет молодого Анатолия Софронова ростовской поры. Портрет как портрет, выполнен в лёгкой манере, но вот глаза – распахнутые на поллица и притягивающие своей бездонностью. Вроде бы вбирают они всё и вся, пронизательно угадывая только ещё предстоящее.

Казалось, была некая схожесть этих глаз с иными – на иллюстрациях к Достоевскому того же Ильи Глазунова. Возможно, совпадение: помнится, художник как раз в те годы «создавал» Карамазовых, «Преступление и наказание» и другие вещи для огоньковского собрания сочинений великого писателя. Нельзя исключить также авторскую манеру рисования. Однако для меня софроновский взгляд с того портрета так и остался в одном ряду с пронзительными взорами героев Фёдора Михайловича.

Легко домысливается, что Софронов провидит на портрете не только свою судьбу, а и судьбу целой страны, которую любил и которой больше нет. Рождённый в ином месте, он словно заново родился на Дону – казачий край поставил его на крыло. Строил Сельмаш и работал там, писал стихи. Девятнадцати лет отроду рабочий паренёк Анатолий Софронов опубликовался в ростовском журнале «На подъёме» (нынешний «Дон»).

С началом войны сразу же ушёл на фронт. 7 ноября 1942 года Анатолий Софронов впервые исполнил свою знаменитую песню на музыку Сигизмунда Каца «Шумел сурово Брянский лес» в партизанской землянке на Брянщине, в глубоком тылу врага, куда летал как военный корреспондент.

А ещё в 1941-м был сочинён, по сути, легендарный гимн «Ростов-город, Ростов-Дон...» Там – «Улица Садовая, скамеечка кленовая...» И когда потом улица носила иное название, то один Софронов продолжал утверждать, что она – «Садовая!» Поэт оказался прав. Теперь главная улица в Ростове-на-Дону по-прежнему называется улицей Садовой.

После войны литература захватила без остатка. Рука об руку работал в Союзе писателей СССР с Фадеевым, тоже ростовским человеком, создавшим, кстати, в 1925 году журнал «Дон» (тогда – «Лава»). Долгие годы легендарного редакторства в «Огоньке». Стихи, песни, статьи, пьесы...

Подхваченный ветром времени, он перемещался в пространстве. Изъездил всю страну, часто бывал за рубежом. Но вот жить без Дона не мог. Наезжал сюда при первой же возможности. Трепетно относился к Шолохову. Смолodu был дружен с Калининным,

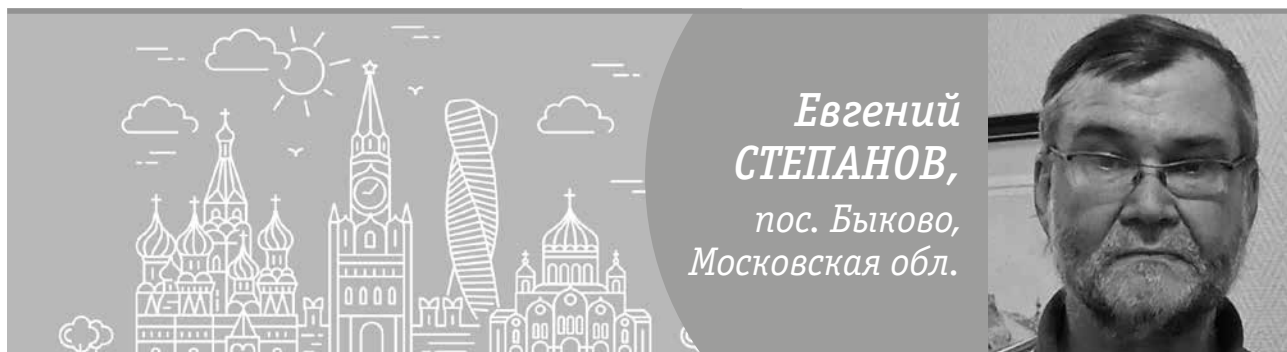
Закруткиным... Причастен к литературной судьбе Бориса Примерова и Бориса Куликова. Да и моя молодогвардейская книжка стихов выходила с предисловием Анатолия Владимировича, которое он с ходу надиктовал стенографистке. Разве такое забыть!

Не удержусь и приведу эпизод личного характера. В Ростове издавалась книга Анатолия Софронова «Посвящение Дону», где под одной обложкой сошлись стихи прежние и новые, а мне довелось стать её редактором. Запевом была софроновская строчка выдох «И судьба моя – твоя рабыня, сладкая задонская полынь». Кстати, и при уже нынешнем издании она вынесена в эпиграф. Автор – в Москве, интернета нет и в помине, сроки сдачи рукописи поджимают, хотя текст надо бы уточнить... И тогда издательство позволило себе (могло!) командировать редактора в столицу.

Работали над рукописью с Анатолием Владимировичем у него дома. Участие приняла и жена, Эвелина Сергеевна, не чуждая издательским делам. Автор, смею думать, остался доволен редактурой... По крайней мере, в награду дал мне на вечер прочесть в гостинице недоступного тогда Гумилёва. Такое тоже не забывается.

Ныне Софронова, очень неудобного для недругов при жизни, кое-кому хотелось бы вытравить из людской памяти. Да не выходит! Помнит и поёт народ Анатолия Софронова и, судя по всему, будет петь всегда, пока стоит Ростов-город и шумит сурово Брянский лес, пока цветёт сирень-черёмуха в саду и горит, ах, эта красная рябина!.. Греет душу холодный огонь рябиновых кистей «среди осенней желтизны», потому что смотрят на нас чьи-нибудь глаза «из невозвратной стороны». А ягода горька – нельзя оттуда вернуться... И только слово возвращает, слово – возвратная сторона.

...Когда решался вопрос о гимне Ростова-на-Дону, то журнал «Дон» в моём лице предложил в этом качестве знаменитую песню «Ростов-город, Ростов-Дон» на стихи Анатолия Софронова с музыкой Матвея Блантера, что и свершилось. Полагаю справедливым установить в Ростове на прославленной улице Садовой памятник легендарной песне-гимну.

*Евгений
СТЕПАНОВ,
пос. Быково,
Московская обл.*

МОЛИТВА

Как беду перебороть,
Что меня переломала?
Пожалей меня, Господь;
Дел – не счесть, силёнок мало.

И душа моя, и плоть
Обгорели, точно ветки.
Пожалей меня, Господь,
Радости предельно редки.

От несчастий, неудач
Дни, сказать по правде, жутки.
... Отвечал Господь: – Не плачь,
Столько у тебя задач,
Что на плач нет ни минутки...

КАК ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Как двадцать лет тому назад,
Живу и знаю: жизнь бесценна.
Как двадцать лет тому назад,
Со мной беседуют Сократ,
Конфуций, Кедров, Авиценна.

Как тридцать лет тому назад,
Избавившись от пут дивана,
Я выхожу в поющий сад.
Как тридцать лет тому назад,
Со мной сестра моя – Диана.

Как сорок лет тому назад,
Я слушаю, благоговая,
Стихи, в которых Божий лад,
Стихи, которые звучат,
Собрата моего – Сергея.

Как тыщу лет тому назад,
Я всматриваюсь виновато
В себя. Не миновав преград,
Я прохожу сквозь рай и ад
И дальше выхожу куда-то.

ЗИМНИЙ ДИАЛОГ

*...налево – Мамона, направо – Аллах.
Денис Новиков*

– Не видно ни зги. И какой-то я лишний.
– Не верю. И хватит нести чепуху.
И слева Всевышний, и справа Всевышний,
И там – наверху.

И, если взглядеться, то каждый прохожий
Имеет прозрачный божественный лик.
И бомж, ужасающий смрадной одежей,
По-своему тоже велик.

Проснулся – успех. Не убит – подфартило.
Поел – хорошо. Что-то сделал – ура.
И страшные граммы земного тротила
Сегодня потише чуть-чуть, чем вчера.

И – скоро весна, и начнётся цветенье,
Цветенье сердец, и деревьев, и трав.
И жизнь зазвучит, точно стихотворенье.
Не стоит грустить!
– Вероятно. Ты прав.

НИ С КЕМ НЕ СПОРЯ

Как ни странно – до сих пор живу.
И, отмечен муравьиным рвением,
Собираю прелую листву
В маленьком саду своём весеннем.

Сколько мне ещё осталось лет
(Или дней?) до финиша-финала?
Я хочу, чтоб суета сует
Жизнь мою ногами не пинала.

Я хочу разжечь большой костёр,
Сжечь листву и партитуру горя.
И сказать себе: – Как ты хитёр!
И спокойно жить, ни с кем не споря.

ПЕРЕУЛОК

Дышит нежностью мать Земля
В переулочке зимнем сосновом,
Восхищаться проходим веля
Этим снежным безбрежным покровом.

Я иду. Две собаки со мной
И соседские малые дети.
Переулочек этот родной
Для меня самый главный на свете.

ТАК ХОЧЕТСЯ СЧАСТЬЯ ПРОСТОГО

Так хочется страсти, простора,
Так хочется счастья простого –
Смотреть в безграничную даль.
Так хочется в молодость снова –
Седа голова, не седа ль...

Так хочется где-то у моря,
Со временем спорым не споря,
Вниманье себе уделить
И файлы фатальные горя
Из грешной души удалить.

Так хочется счастья простого –
Домашнего тёплого крова;
На праздники чтоб – конфетти.
Так хочется точное слово
Найти!..

ЖИВАЯ ЖИЗНЬ

Я страсти не лелею
И свары не терплю.
Но я тебя жалею,
А стало быть – люблю.

Жалею и, желая
Тебе щедрот с лихвой,
Я говорю: – Живая
Жизнь лучше неживой.

Моё простое кредо –
Бесценен каждый миг;
Живая жизнь – беседа
Спокойная – не крик.

А лучше – если вовсе
Двоим не надо слов.
И в этом парадоксе –
Основа всех основ.

... Пускай же эти двое
Не спорят о пустом.
И всё, что неживое,
Оставят на потом.

ГРЯДКИ

Теперь я каждый миг ценю.
И научусь, надеюсь, вскоре
На сердце надевать броню,
Чтоб хоть чуть-чуть утихло горе.

Проклюнулся чеснок – я рад,
Взошли огурчики – ликую.
И подорожник, точно брат,
Спасает жизнь мою мирскую.

С утра на грядочки свои
Я поспешаю из светёлки.
И что мне этот ваш ИИ,
Когда весна царит в посёлке?!

ПРОСТЫЕ ПРАВИЛА

Родился – стало быть, живи,
 Со временем шагая в ногу.
 И территорию любви
 Приумножай хоть понемногу.

Живи, пусть даже жизнь плоха,
 Живи, пусть даже жизнь зубаста;
 На территорию греха
 Стараясь заходить не часто.

ПОСЛАНЬЕ

«Смерть Поэта!» –
 Прочитал колосс.
 От крамолы
 Дрогнула корона.
 Так пророк
 Поднялся в полный рост,
 Потряся
 Основанье трона!

Негодует
 Разъярённый царь:
 «Гвардии поручик
 Просто спятил!»
 (На Сенатской площади –
 Декабрь
 Вспомнил, словно
 Зябкое проклятье).

Подвели стихи
 Под монастырь.
 За непозволительную дерзость
 По этапу –
 В кандалах в Сибирь?!
 Или
 В Петропавловскую крепость!?

Бенкендорф –
 На псарне
 Главный псарь:

«То, что не ломается,
 То гнётся.
 На Кавказ – смутьяна,
 Государь,
 Отрезвит витию
 Пуля горца».

Приговор
 Подписывает сам
 Николай.
 Забыл он
 Про преданье.
 «Мене, текел, фарес» –
 Валтасар
 Огненное
 Так читал Послание!

Тьму ночную
 Рассекает свет.
 И на небе
 Начерталось грозно:
 «Смерть Поэта» –
 Письмена комет.
 Божий суд
 Свершится
 Судьбоносно!

ЖЕРЛА

Пушек жадные жерла,
Жертв вам мало, как будто...
Прадед лёг подо Ржевом.
Правнук лёг под Бахмутом.

Мало пролили крови.
Не закончились беды.
И длиннее День скорби
Дня Великой Победы!

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ВОЙНА

Мама помнила войну по-детски.
В мае родилась в тридцать шестом.
Дом на полустанке у «железки»
Весь ходил от ветра ходуном.

На платформах пролетали танки.
Паровоз их вёз. Гудел, дымя.
Ждали матери на полустанке:
Вдруг мелькнул в теплушках сыновья.

Сохранит всё память-киноплёнка.
За составом шёл другой состав.
Билась в окна вьюга-почтальонка,
Похоронки из сумы достав.

И не знали в грохоте бомбёжки,
Что сильнее: голод или страх?!
Доклевали, как синицы, крошки,
Неба ужас отразив в глазах.

И до крыши снегом заносило
Бедный полустанок Студенец.
Как всё это вынесла Россия?
Мать больная? Высохший отец?

Рвался он на фронт! «И не надейся.
Знай, что за крушение – расстрел!»
С бабами в мороз меняя рельсы,
Бригадир от «брони» поседел...

Проносилась, лязгая на стыках,
Мимо окон по путям страна.
И была воистину Великой
Железнодорожная война!

СОН

Пусть кашляет натужно
Во все стволы война,
Спать перед боем нужно –
Проходит страх от сна.

Коль ты солдат бывалый,
Заснёшь и под огнём –
Голодный и усталый
В окопчике своём.

Чтоб меньше было сирот,
Вздремни хотя б чуток.
Сон прибавляет силы.
Скор под огнём бросок.

Фронт лечит от бессониц –
Да, истина проста.
Спокойно спи, ведь совесть
Солдатская – чиста.

КАСКА

Война – совсем не сказка,
Хоть и страшна она.
Из всех доспехов каска
Осталась лишь одна.

Хоть вряд ли от снаряда
В бою она спасёт –
Надежда у солдата
До смерти не умрёт.

И смел в атаке воин.
В Победу верит он.
Ведь как в бессмертном «Слове»,
На голове – шелом.

Осколок сталь расколет –
Останется в виске.
Оставят каску в поле
На свежем бугорке...

НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА

Память озаряется туманная
От лучины, вставленной в светец.
Вспомнилась вдруг школа деревянная,
Где ещё учился мой отец.

Дети фронтового поколения.
Выпали им горе и нужда.
В печке дымной вспыхнули поленья —
И стекала со стекла слюда.

Ждали и боялись почтальонки.
А её то, бедной, в чём вина?!
Четырёхугольник похоронки,
Как осколок, в грудь вонзят война!

И тогда в селе на всём порядке
Бабы начинали голосить!
И играть бросали детки в прятки,
Подходили — горе разделить...

Всё сердечком детским понимали,
Чёрный видя на вдове платок.
Лёши, Маши, Гриши, Саши, Вани
На всю жизнь запомнили урок.

Азбуки начальная основа.
Состраданием и жив народ!
Школа деревянная суро́ва.
Сорок первый — сорок пятый год.

* * *

Опять колодца чёрная дыра
Ведёт к звезде, мигающей, как бакен.
И сразу вдруг упала с плеч гора,
Что жечь не надо вовсе яркий факел,
Чтоб освещать дорогу к чудесам,
К плетенью строк и бабочек порханью.
Хотя б неделю жить не по часам,
Прислушиваясь к сбиту дыханью!
Но волчьи вновь почудятся огни
В пляде Гончих Псов,
Что мчат по следу.
И жёсткий скрип накатанной лыжни.
И тёмный лес, что празднует победу.
И по-пластунски тащится трамвай,
К земле прижавшись праздничной и белой.
И лунный диск похож на каравай,
Обкусанный по краю и не целый.
Он дышит ледяной слепящей мглой,
Что беспилотник оттенила птицей,

Чьи крылья небо взрезали пилой,
Что протыкает город носом-спицей.
И взрыв петард взлетает, вразнойбой. —
Ведь Рождество, и чудо, и свеченье.
И белый снег, как лист, что стал судьбой.
И колокол выносит к небу пенье...

* * *

Зачем брожу и вглядываюсь в лица
С гранита, что стирает мелкий дождь?
И капля набегаёт на ресницы.
И мелкая бежит по телу дрожь.
И дрожь по веткам в розовой пене.
И сыплются на землю лепестки
На мокрые и скользкие ступени.
И не сбежать от боли и тоски.
Зачем брожу?
Не к смерти ж привыкаю,
Пытаюсь мост понтонный навести

К тем душам, что уже прошли по краю,
Песок сжимая горестно в горсти...
Вот так же в детстве, помнится, лепила
Куличики и замки без дверей.
Зияет раной свежая могила
С землёй, как пух, слетевший с тополей...
Почти одна.
В два пальца ветер свищет.
Я до травы спешу прибрать весь сор.
Брожу, как ищут дом на пепелище,
Не веря в свет, что плещет в коридор.

* * *

И март, как будто впрямь апрель,
Взглянул в глаза прохладной синью,
Разлив по сердцу акварель,
Где всё пропитано полынью...
Стоял, красуясь сухоцвет,
Ведь март другой хранила память,
Хотя прошло немало лет...
А дни те продолжают ранить...
Всё было будто бы вчера.
Там снег лежал в лесу по пояс,
И вдоль дороги льда гора...
...Я всё никак не успокоюсь...
Я шла по насту, что слепил,
Проваливаясь с каждым шагом.
И мачты кораблей-могил
Стеной стояли за оврагом...
А я искала старый крест,
Как будто выписанный вязью,
И одинокая, как перст,
Смотрела в небо без боязни...

* * *

Ночь чернила в доме разлила.
Сон сжимает в сладкие объятья.
От пожара на цветах зола.
Выцвела любовь, как ситец платья.
Но оборки лёгкие к лицу,
И рукав похож ещё на крылья.
Пчёлы собирать спешат пыльцу,
Что мне показалась жёлтой пылью.
Оборву ромашки лепестки –
Выпадет, что любит, но с другою.
...Как вода, ушла любовь в пески,

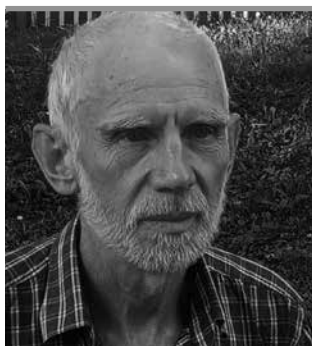
* * *

В чёрный шёлк облеклась стрекоза
И зависла над сизой полынью.
И качается, будто слеза,
На ресницах, подкрашенных синью.
Это неба плеснул лазурит.
Только знаешь, что время прощаться.
И уже под лопаткой болит.
Срок для птиц в страны тёплые мчатся.
Отшумела любовь.
Отцвела.
День последний,
По-летнему щедрый.
От костра вьётся пухом зола,
Будто писем клочки гонит ветром.
Вот и осень...
Щемяще тепло...
Что кружить, стрекоза, над рекою?
День скрипит,
Как под губкой стекло,
И прозрачен, свободного края.
От свеченья обуглился куст.
И полощется листьев кострище.
Солнце, красное, словно арбуз,
Расколовшийся над пепелищем.
Сладкий сок,
Что течёт по губам...
Время кровью стекает с ладони.
Жизнь проходит,
Как весь птичий гам,
Словно удаль солдатской гармонии.

Но песочный замок снова строю.
Вновь накатит нежность – и уйдёт,
Как волна лизнёт закат по кромке.
Темнота все ночи напролёт.
Лунный свет – как белый шлейф позёмки.
Сон глубок,
Но взрывы тишины
Донесёт, как Змей Горыныч, ветер...
Пахнет гарью, порохом войны,
Чёрный камень спит в любой комете.
В лампе красной разольётся свет,
Проявляя тени с негатива.
Шит кровавой ниткой в небе след,
Тянется по зеркалу залива.

* * *

Всё вернулось к началу.
Напрасно мотался клубок.
В наготе ты пришёл,
В наготе ты сплетёшься с корнями.
И взбирается вверх по забору вьюнок.
И сливаются тени с чужими тенями.
День последний у речки –
И снова цейтнот.
И сбивается в ком покрывало заката,
Розовеет, как будто налившийся плод.
Только знаешь: за всё предназначена плата.
Этот ветер в лицо по-осеннему крут.
Сушит слёзы шершавой и твёрдой рукою,
Промокает глаза,
Словно мятый лоскут,
Что надушен ментоловым, мятным настоем.
Полной грудью вдохнуть,
Чтобы долго дышать,
Так свободно,
Как в юности только бывает.
И как будто в конце:
Никуда не бежать
И тянуться к фламинго из облачной стаи.

Александр
ТРУНИН,
Калуга

* * *

Сквозь февральскую серую вьюгу,
чтобы стало кому-то тепло,
кто-нибудь, позвоните в Калугу,
просто так позвоните... Алло.

Сквозь неявную жизнь, сквозь вопросы,
на которые брезжит ответ,
сквозь бездомные сны, сквозь белёсый
ниоткуда струящийся свет,

сквозь последнее наше молчанье,
сквозь оправу, что ночи черней,
просто шёпотом, просто дыханьем,
просто музыкой – это верней.

* * *

Лежал. Не спал. Всё думал о своём –
о том, как хорошо нам жить вдвоём
на самой на окраине Калуги,
как утром просыпаемся, встаём,
пьём кофе, потрудившись, устаём,
гулять выходим по лесной округе,

как смотрим вовремя под ноги или вдаль;
о том, какой тяжёлый календарь

и в прошлом был году и будет в этом –
что ни число, то новая напасть;
нам горечи хватает нынче власть,
вот-вот, чуть-чуть – прощайся с белым светом.

Но снова утро, кашляет сосед
за стенкой. За окном уж много лет
один и тот же дворник, отпрыск юга,
лопатой бодро шаркает. Пора,
не сплю, не сплю. И радует с утра,
что время – есть.
И место есть – Калуга.

ПОСЛЕ СНЕГОПАДА

Выйдет дворник с широкой лопатой
и очистит земные пути,
чтобы девочке маленькой с папой
хорошо было рядом идти,
чтобы женщина с трудной судьбою
поутру в магазин семени,
хорошо говорила с собою
о печалях минувшего дня,

чтоб старушка в цветастом платочке,
на вечерние щурясь огни,
хорошо вспоминала о дочке...
Святой Боже, спаси-сохрани.

БОЖЬЯ КОРОВКА

О. К.

Бирюзовое небо сквозь стебли высокой травы.
Что за срочное дело сегодня у божьей коровки...
Безмятежны улитки, с утра муравьи деловы,
важен увалень-шмель, а кузнечики быстры и ловки.

Продолжается день бесконечно – сияя, сверкая, звеня.
 Не наступит уже никогда тягомотина ночи.
 Это кто – очень взрослый – случайно находит меня,
 поднимает, ласкает, целует, щекочет, хохочет,

отпускает... И снова уводят земные пути,
 снова божья коровка... Шепчу ей заветное слово:
 долети... я тебе помогу... долети, долети
 до родимого неба... лети же, лети... до седьмого.

* * *

В окно сочится свет берестяной.
 Всё утро за бревенчатой стеной
 два петуха орут на всю округу.
 Что им неймётся доказать друг другу...
 И мы не спим, бормочем невпопад
 о том, что осень, дождик, листопад,
 цветы повяли, и пожухли травы,
 и ягоды чернеют на кустах.
 А дома, как ни глянь, всё на местах –
 бессонницы, заботы и забавы.

* * *

Всё пережить, во всём дойти
 до самой подноготной сути,
 но снова, ровно без пяти,
 себя увидеть на распутье.

Родить, построить, посадить –
 всё это было, было, было.
 Что нам осталось впереди
 среди всеобщего распыла...

Ремонт закончить, пыль стереть,
 помыть полы и дом проветрить.
 И долго медленно стареть,
 а значит – жить, любить, и верить.

* * *

Так вот отчего наступает рассвет
 и время приходит, которого нет
 ни в памяти, ни в анналах,
 и будит великих и малых.

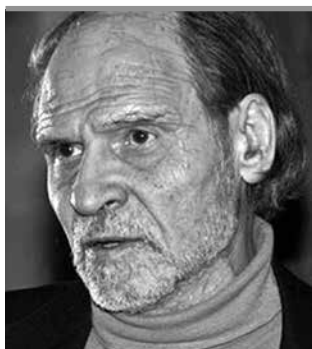
К опасному промыслу сердцем приник,
 ныряю в родимый бездонный язык
 навстречу шипенью и гуду,
 насущное слово добуду.

Так рыбьими тропами плыть вразнобой
 и дна рокового касаться судьбой –
 до самого чёрного ила –
 нам скудное время ссудило.

* * *

За этот день, за этот город,
 за этот небогатый дом,
 за то, что ты уже не молод,
 за неизвестное потом,

за бесконечное далёко,
 за то, что рядом и внутри,
 за каждое мгновенье ока
 благодари, благодари.

*Илья
ФАЛИКОВ,
Москва*

* * *

В бортирнале много сильных строк,
столь завоевательских в истоке –
Фёдор Тютчев смотрит на Восток,
Лермонтов воюет на Востоке.
Давние мои забыты сны,
но у материнского порога
от константинопольской волны
брызжет пена Золотого Рога.
На оставшиеся времена
мучатся поэзия и проза,
кончится ли Крымская война,
не решив Восточного вопроса.

КАМНИ

Мой денщик стрелял не мимо...
Н. Туроверов

Нет урона живой природе
оттого, что таков улов –

камни блещут из моря вроде
конских выскобленных голов.

Были ночки, любовь и скачка,
где в сени молодых олив
черноокой была казачка,
кавалер её черногрив.

Не ищи никакого крова
и за марочным не беги,
если в тучах горит подкова,
не высвечивая ни зги.

В продувных парусах июля
свищет ветер издалека
или множась пуля
белоглазого денщика.

Кто-то шашкой неслабо машет,
кто-то тонет, подстрелен влёт.
Конь не понял – хозяин мажет,
а холоп его в точку бьёт.

НА ЗАРЕ

Ударили в рельсу с утра, ударили в рельсу,
и звон прокатила гора по авиарейсу.
Не колокол, не звукоряд – железное било.
Не звёзды – деревни горят без жара и пыла.
И вёдрами горы гремят, построясь в цепочку.
Кто выкатил с горных громад дубовую бочку?
По звёздам летит водопад. Безветренно, ясно.
Не колокол, не звукоряд. Пожароопасно.
По соснам прошёл богомол на уровень рая.
А номер у нас не прошёл – гореть не сгорая.
А мозг виноградом зарос, сгорающим стоя,
и гроздь молочных желёз вскипают от зноя.
Подглядывает пионер, обещана сказка,

и вспыхивает, например, стыдливости краска,
 поёт Иоанн Златоуст: ни капли не квася,
 обжётся об огненный куст юродивый Вася,
 и струнулась музыка сфер – повозка, савраска,
 а тут уже – легионер, пожарная каска.
 Устроим гнездо на золе и станем крылаты,
 и в каждой грохочут скале зарытые латы.
 И что ни случится потом – будь ласка, будь ласка,
 летит на каррарский фронтон актёрская маска.
 Зарянка сквозит поутру на голос металла.
 Венера красна на миру, Аврора настала.

РОЗЫ В ВАННЕ

Розы выкупаны в ванне,
 в ванне выкупаны розы.
 Всё течёт, существованье –
 наворачнувшиеся слёзы.
 Дождь накапал, кот наплакал,
 или лужа у дороги, –
 выходя из ванны, на пол
 осторожно ставишь ноги.

Это в ванне цвета млека
 в виде раковины уха
 резонирует полвека
 утонувшая старуха.
 Ах, стоячая водица,
 преисполненная ила, –
 опочившая вдовица
 мне жилплощадь уступила.

Но разрозненные мысли
 восстанавливают связи,
 недосмотришь – и прокисли
 розы в вазе, розы в вазе.
 Эта ночь протяжно спета
 в элегическом тумане, –
 отмокают до рассвета
 розы в ванне, розы в ванне.

Это несколько Офелий,
 или белые монашки,
 убежавшие из келий,
 скинув тесные рубашки,
 или группа синхронисток,
 по определенью чистых,
 и одна из них Сусанна, –
 вышел месяц из тумана.

КЕНГУРУ

Для того чтобы так не страдать поутру,
 не ходи под луной в одиночку.
 Слава богу, не снится уже кенгуру.
 Позабудь австралийскую ночку.
 Снизойдёт просветленье на оба зрачка,
 затуманенных недоуменьем.
 Соскочи с каторжанского материка
 на порывистом зюйде весеннем.

Наблюдается в каменноугольной тьме
 самородная звёздная россыпь,
 и содержит детину в набрюшной суме
 молодая прыгучая особь.
 Для чего Южный крест заливал каторжан
 и разинута пасть крокодила?
 Для чего пешеход уходил в океан?
 Таял лёд – или боль проходила?

Оттого, что вулкан по соседству прожёт
 семь небес и рассвет разливанный,
 совершается вновь материнский прыжок
 сквозь кошмарные сны и лианы.
 Намозолив ступни о земную кору,
 существует поверх похоронок
 кенгуру, кенгуру, кенгуру, кенгуру
 и сосущий её кенгурёнок.

Кругосветной лазури положен предел,
 багровеет морская пучина.
 То ли звук, то ли камень огня пролетел
 от Австралии до Сахалина.
 Трус и глад на земле, бой стекла на обед
 и внутривидовые разборки –
 то ли зверь, то ли поезд, летящий на свет
 из кромешной подземки подкорки.

* * *

Эту плеть виноградную
ветер мучает, дую в трубу,
в эту ночь безотрадную
безотрадную прочит судьбу
полуночице ласковой,
иссечённой холодным песком.
Дуй, свежак, прополаскивай
виноградник на камне морском.

Пой, ночная красавица,
по привычке себя не жалеть,
в женском сердце курчавится
длинный ус, виноградная плеть,
и во мраке, помноженном
на сезонную светобоязнь,
небесам обезбоженным
объяви о неявке на казнь.

Кто-то клялся пенатами,
кто-то бешено пёр на рожон,
существами пернатыми
победительными восхищён,
но, имение дедово
получив, не умеет иметь, –
совершенно неведомо,
уцелеет ли бедная плеть.

Только в час полнолуния,
у действительности за спиной,
заключается уния
между шляхтой и здешней волной,
и крылатого ратника
незамыленный глаз различит
в глубине виноградника,
наступая на брошенный щит.

Михаил
ФЕДОСЕЕНКОВ,
Тюмень

* * *

В лоскутном золоте – тропинки.
А в цельнотканом – деревья.
Неторопливый сон глубинки,
Неброских буден кружева.

Царит безветрие на диво
В последних числах сентября.
И смотрит ворон незлобиво,
Вослед, молчание даря.

ЕДИНСТВЕННОЙ

Среди необозримых нив
Созревших зёрен сути
Твоей молитвою я жив,
Бредя в недужной жути...

Твоей молитвой грёзы рая
Да прозвучат, моя родная!

* * *

В облике облака кто надо мною?
Что предвещает валун у воды?
Может, окажется дверью входною
В новую жизнь этот лист череды?

Странные блики в закатном затоне,
Зыблются хвоистые остря.
Мир уподоблен старинной иконе
В просверках будущего бытия.

* * *

На морозе дрожит Семизвездье,
И двоится серебряный серп,
Окружённый алмазною взвесью,
Отороченный кружевом верб.

Снежным мхом обнесло узорчье
Неподвижных и хрупких ветвей.

Что-то вновь зарождается ночью,
Что-то снова надломится в ней.

И в глухом напряжении бездны
Слышен ход неизбежной судьбы.
Все иные пути бесполезны
Вне твоей одинокой тропы.

Алексей
ФИЛИМОНОВ,
Санкт-
Петербург

* * *

Петербург – зыбучие пески,
Ступишь раз – затянет с лёгким хрустом.
Наш район торжественный Пески,
Был народ – и снова в Риме пусто.

На Литейном сплющено авто,
Перекресток Пестеля трагичен.
Тень поэта мельтешит в пальто,
А в парадной бомж дипломатичен.

Всё уходит под культурный слой,
И песок на языке пророка
Провозвествьем в лихолетье злой,
За Невой в пустыне – свет Востока.

Ибо Пасха есть песок небес,
Воскрешает человека праха,
Чей песчаный колокол-гротеск
Прозвенел и рухнул как папаха,

Золотой мундир прибрежных дюн,
Зашипевших под Бореем старца.
Город-остров в бездне вечно юн,
Ключ к нему из облачного кварца.

* * *

Каждый месяц поминальный,
Месяц старый в облаках,
Молодой в тоске астральной,
Что прибудет горький прах.

Вспоминаю, грежу, каюсь
Среди сосен и помех,
Он значительней, чем Кайрос,
Чем удачи тонкий смех,

Запах искренней тревоги,
Что дарила нам сирень,
Оборвав пути-дороги
В распрекрасный этот день,

В день любой и месяц каждый,
Ибо полая луна
От земной тоскует жажды
И раскаяний полна.

* * *

Бог всегда подробен:
В дрёме-полусне
Вижу в синей робе
Старца в полынье.

Здесь – наполовину,
Половиной – вне,
Вяжет пуповину
К вечности во мне,

Рыбе он подобен,
Бог – судьбы налим,
Мал Он и огромен,
Сном неопалим,

Ибо явь бездонна,
Свечкою небес
Свете Его скромный
На кресте воскрес.

* * *

Там Оредеж, двойное дно
И глины красной отраженье,
А в парке сосны, и кино:
Теней безмолвное сраженье.

И в светотени виден он,
Вплетён в узор ветвей и дали,
Кто под пасхальный перезвон
Сюда вернулся из печали.

Хозяин этих мест поэт,
И на просвет слетает муза,
И преломляет вечный свет
Простая бабочка медуза,

Поскольку мир затоплен тот,
И лишь лучина укорижны
Самсона Вырина зовёт
Почтить былые сны отчизны.

Порхает ангелок – душа,
И юный лик, и старца абрис
К нам проступают не спеша,
Колеблясь в сумерках как парус.

* * *

Куда летит Литейный?
Врывается в вокзал,
В тоске своей метельной
Перелетает зал,

И в скорострельный поезд
Садится, взяв билет,
Мгновенно успокоясь,
И шлёт назад привет

Переплетенью улиц,
Впадающих в него,
Владимирский, сутулясь,
Как Достоевский, но

За Загородный, дальше,
Где стынь, и смог, и бред,
Растёкшийся вне фальши,
Перетопил сюжет

О том, что Рим Литейный
Прощается навек,
Рыдает мир метельный,
Где прежний человек

Подпольный, запоздалый,
Под медною пятой,
Клянёт души вокзалы
За сделку с пустотой.

Вернись же! Голос кроток.
Поток машин окрест
Летит за околоток,
От Пестеля до звёзд.

* * *

Все слова сгоряча,
Кроме слова прости,
Кроме слова прощай,
И ещё – отпусти.

Все слова есть позор,
Если обожжены
Твой небес кругозор
И доверия сны.

Все слова так нежны,
Если слово печаль,
Отворившее даль,
На краю тишины.

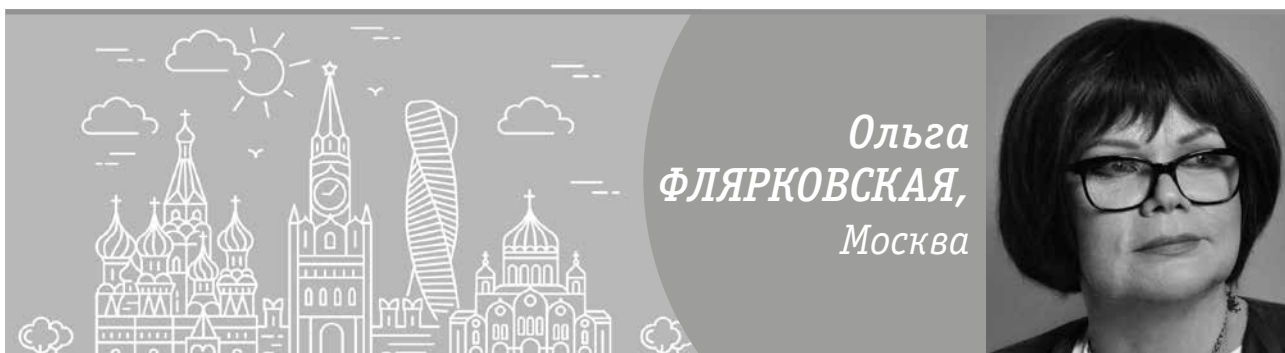
От Фавора до Пулково
Верстовые пути,
Возле облака гулко
Надлежит нам взойти

В кущи райские нежные,
Где нас ждёт Илия,
Не минуты – подснежники
Протянулись, звеня.

Самолёт, улетающий
С возвращённым Христом
Описал над ристалищем
Розу с вечным кустом.

И апостолы прежние
Разбрелись среди нас,
Кто домой, кто в безбрежье,
В аромате сейчас.

За садовником грешная
Устремилась душа,
На Фаворе воскресшая,
Суд над прежней верша.

ВЕСНА В КОНСТАНТИНОВО

Памяти Андрея Денникова

Переменчивый март доедает снега.
Голубеет дорога голубкой во мгле.
Клочковатый туман завершает бега,
Прижимаясь под утро к холодной земле.

Век тумана недолог, и в здешнем краю
Он ручной и домашний, как кот на печи.
Подрастает весна, и тревожный Баюн
По оврагу хвостом в нетерпеньи стучит.

Здесь холмы, словно складки на плате Оки,
Здесь поля разрывают на части тоской.
Здесь от груза неправды в себе отрекись,
Ведь иначе не выдержать этот покой!

Здесь старушки глядят на приезжих в окно:
С кистенём или с миром пришёл на порог?
А тебе показалось, ты умер давно
И в рязанскую землю блаженную лёг.

Здесь простор от остывших пожарниц горчит,
Здесь полынные зори Емелям встречать...
И опять прилетают несчётно грачи,
И внимают берёзы их шумным речам.

Ослепит чешуёй на излучке река,
Приготовится сердце в лебяжий полёт,
И под немощным снегом очнутся века,
И к щекам половодье румянцем прильёт.

И когда ты замрёшь над обрывом Оки,
Где лучами изрыт оседающий склон,
Потечёт с колокольни, как с Божьей руки,
Константиновской церкви серебряный звон.

РОДИНА

*Перестаньте, как над покойницей,
Над Россией причитать!*

Игорь Ляпин

Хоронили её и мыкали, продавали, как нищий вошь...
Заполошно погибель кликая, в голенище ховали нож:
Заревую, лесную, горную – чтоб железом её, кнутом!
Покидая страну озёрную, с ней прощаться не стал никто.

Всё куражились, кляли, фыркали: мол, одно тебе – подыхай!
И судьба тебе: кукиш с дыркою, а не свадебный каравай!
И мечи твои ржою точены, и воители – тля и тлен,
И лежать тебе у обочины в дурнотравии до колен!

Поносили... Считали звонкие забугорные барыши...
А над нею шептали тонкие легкотелые камыши!
Золотыми тугими слитками осыпалась в ладони рожь,
А покров ей живыми нитками ткал негаданный щедрый дождь.

Озирались: чужая улица... Всё казалось им как во сне.
А она им – а вдруг заблудятся? – свечку ставила на окне!
А она заревыми пальцами раскрывала всё шире даль
И предавших звала скитальцами, и ей каждого было жаль.

И, прощая, молилась истово – у иконы поклон клалá,
И всё в небо тянула чистые – в искрах солнечных – купола.
За своих забубённых детушек, недосчитанных в срок цыплят,
Покрывалась на праздник ветошью, власяницу надев до пят.

Становилась для всех юродивой, о блаженстве печаль тая...
А звалась она просто Родиной – и моя она, и твоя...
... Хоронили её и мыкали:
– На позор тебя, нищета!
А она и в скорбях великая, несравненная красота!

...Заревая, лесная, горная... Сердцем кинешься – не обнять!
Только Богу раба покорная, нам до гроба святая Мать.

ЛЕНИНГРАДКА

Памяти

Антонины Михайловны Флярковской

Завитками позднего ампира
Стёкла разукрасила зима.
Вымершие гулкие квартиры.
Лютый холод. Утро. Голод. Тьма.

Женщина в обмотках... баба Тоня!
Ты едва бредёшь, не чую ног,
На твоих руках уже не стонет
Крохотный двухмесячный сынок.

Ты как тень среди других страдальцев –
Еле-еле бьётся жизни нить.
Надо на Смоленском в одеяльце
Младшего в сугробе схоронить!

[ИМЕНА]

Владиславу ХОДАСЕВИЧУ –

140 лет

Илья ФАЛИКОВ

СВОЙ УГОЛ

Влад Блоку, произнёсшему речь «о весёлом имени Пушкин», Ходасевич тотчас сказал «... Мы уславливаемся, каким именем нам аукаться, как нам передвигаться в надвигающемся мраке...»

Шёл 1921 год, отмечалось 84-летие пушкинской гибели. Блок готовился к уходу, Ходасевич – к отъезду. Он был поэтом, его друг М. Гершензон не любил слово «критик» применительно к себе, предпочитая «историк». Ходасевич полагал: «Поэт должен быть литератором».

Он уехал, надеясь вернуться. По крайней мере, гражданство не менял долгие годы. Ждал. Чего? С его-то скепсисом. Легче ли было русскому поэту в Европе? Трудно сказать.

«Европейская ночь» – книга по преимуществу берлинская, в её стихах дана картинка побеждённой страны – Германии, всей послевоенной Европы от Италии до Ирландии, отсутствие надежд, разложение современного человека, вакханалия в ожидании чумной пандемии, ночь накануне фанфарной зари фашизма. Мы знали эту Европу из романов Ремарка или «Кабаре» Боба Фосса. Ходасевич был в числе первых европейских художников, давших диагноз и анамнез болезни.

Надежда Мандельштам во «Второй книге» говорит: «Ахматова, удивляясь, как за рубежом – особенно русские эмигранты – ничего в нашей жизни не понимают, часто повторяя фразу, которая приводила меня в ярость: “Они завидуют нашему страданию”».

Н. М. продолжает от себя: «Как нужно любить себя, чтобы искать на своём теле несуществующую рану или огорчаться, что ты уже не кудрявый ребёнок, которого ласкала мама. Такая самовлюблённость – наследство десятых годов, инстинктивное требование особого отношения к так называемой элите, которой не пристала даже старость и собачья смерть».

Ярость Н. М. вызвана не столько ахматовским язвительным остроумием, сколько причиной страданий – той страшной жизнью, что выпала на долю её современников. Но намёк на Ходасевича – с его стихом «Разве мама любила такого?» – вряд ли справедлив. Осип Мандельштам считал: большевики приняли русскую поэзию из рук символистов, то есть самая иерархия поэтических имён из проклятого прошлого перешла в новые времена по символистской шкале.

Если принять эту мысль, то Ходасевич в глазах большевиков был там, где он и был: в узком кругу полу-уважаемо-авторитетных маргиналов, не представляющих в литературе никого – кроме самого себя. Его лояльность и пребывание на советской службе обеспечили ему возможность относительно спокойного существования и выезда за кордон.

Но спокойное существование было настолько относительным (недоедание, жизнь в нетопленном подвале), что ему, коренному москвичу, москвичу с ног до головы, пришлось переехать в Питер (1920): «... там писателям было вольготнее». К слову, первый Союз писателей – в Москве – выдумал и основал Гершензон. Потом в тот Союз вступил Горький по рекомендации Балтрушайтиса и Ходасевича.

В Москве оставался Брюсов, догорал Бальмонт, метался Белый, бедствовала Цветаева, бушевали Маяковский и Есенин, туда в силу житейских обстоятельств перекочевал Вяч. Иванов, вступив в переписку с Гершензоном, и эта переписка «из двух углов» – знак того, что происходило в литературной Москве: люди жили в одной комнате, но разговаривать уже не могли, пришлось переписываться наподобие интеллигентных супругов после разрыва, вынужденных существовать под одним кровом.

Иное дело – Питер. Остров культуры, единокровной Ходасевичу, Державин и Пушкин – основные, хотя и не единственные константы-консоли его мира. В самом отчестве Владислава Ходасевича – Фелицианович – была заложена сыновняя преданность певцу Фелицы, в какой-то мере он был Державинович, и книга «Державин» – прямое подтверждение сему факту, лишь внешне каламбурному.

Укороченность отпущенного ему срока, нездоровье, газетная каторга и убитые на картах ночи помешали ему закончить книгу о Пушкине.

Одиночка, он прижился в литкоммуналке – Доме искусств, где бок о бок обитали, тёрлись, взаимно зажигались, терзались и воспаряли братья-писатели, по преимуществу поэты.

Главным свойством Державина он считал парение. Сам он не парил и знал об этом. Державин – взлёт могучего духа, причудливая лёгкость гиганта. Лира Ходасевича тяжела. Книгу 1922 года он называет «Тяжёлая лира». Это была его последняя отдельная поэтическая книга – «Европейская ночь», ставшая его вершиной, она вошла в «Собрание стихов», его избранное (1927), как цикл. Свои последние десять лет он стихов не писал.

Он выпустил пять (не считая переизданий) стихотворных книг. Не густо. А надо ли гуще?

Много хворал. Туберкулёз позвоночника, фурункулёз, масса хворей, одну из которых, экзему, в цикле «У моря» он отдаёт Каину.

Ходасевич пишет в разных формах. У него есть триолеты, сонеты, белые стихи, три «Романса». Он умеет всё, с рифмами и без, вплоть до сонета, состоящего из односложной строки («Похороны»). Его две «Баллады» или «Соррентинские фотографии» – это не прямая баллада вроде его же «Джона Боттома», баллада английского типа. Он пишет сюжет, сцену, картинку повседневности. Включается воображение, быт за счёт стиха переходит в бытие, в комнату или на парижскую улицу прилетает ангел или Орфей, автор обнаруживает себя одновременно в Сорренто и Москве, над Неаполитанским заливом и над Невой: «Двух совместившихся миров // Мне полюбился отпечаток...».

Иные стихотворения, как правило, небольшие, писались годами. История стихотворения «Брента» показательна в плане железного авторского самоконтроля. Оно короткое – 21 строка. На них ушло три года. Начато весной 1920-го – по воспоминаниям об итальянской поездке 1911 года: десять лет носил в себе Ходасевич эту речонку, чтобы приступить к слову о ней.

Приступил в Москве, продолжил в Петербурге, закончил в Германии, при этом имея ввиду множество стихов, посвящённых той же Бренте (жалкой, говорят, речонке) массой поэтов от Байрона до графини Ростопчиной.

Основная оглядка – на Пушкина, эпитафия из которого стоит над стихотворением Ходасевича.

Брента вырастает в некий символ. Нет, она не равна Кастальскому ключу – напротив, это «лживый образ красоты», недостойный предмет вдохновения, в конечном счёте фальшь самой поэзии. Свою песню (в итоге получилась песня) Ходасевич замыкает важнейшей для него мыслью: «С той поры люблю я, Брента // Прозу в жизни и стихах». Он публикует «Бренту» в трёх одновременных изданиях, но так и не включает в оба издания книги «Путём зерна». Объяснить это невозможно ничем, кроме упомянутого самоконтроля – или неуверенности в себе. Или сомнения в том, что проза в жизни и стихах – нечто более подлинное, чем поэзия иллюзий с её обманом, как известно нас возвышающим.

Впрочем, в «Собрание стихов» Брента втекла-таки.

Более того. В черновиках у него осталось немало количество совершенно законченных вещей, не дошедших до публикации всё по той же причине.

В 1919 году он пишет, например, «Я помню в детстве душный летний вечер...», стихотворение, которое хотелось бы привести целиком, оно небольшое:

Я помню в детстве душный летний вечер.
Тугой и тёплый ветер колыхал
Гирлянды зелени увядшей. Пламя плошек,
Струя горячий, едкий запах сала,
Взвивалось языками. Тени флагов,
Гигантские, шныряли по стенам.
На дне двора, покрытого асфальтом,
Гармоника урчала. Ребятишки
Играли в коронацию. В воротах
Аксинья, вечно пьяная старуха,
С кухарками ругалась. Петька-слесарь
Подзуживал, и наконец она
Вскочила, юбки вскинула и голый
Всем показала зад.
А между тем вдали
Вдруг пронеслось и замерло протяжно:
Ура! ура! Ва! ва-ва-а! Должно быть,
Там, по Тверской, промчался царь с царицей
На паре вороных коней.

Отдаёт Апокалипсисом. Царь с царицей на паре вороных! Куда они скачут? К гибели. Там же, среди черновых набросков, остались изумительные куски недописанных стихов.

«Пыланье звёзд, и рокот соловьиный, // И повторенный голосом Марины. // Твой стих, Бальмонт».

Нет, это не Цветаева, хотя именно она дружила с Бальмонтом. Это М. Э. Рындина, первая жена, ей посвящена первая книжка «Молодость» да и вообще молодость поэта. Восемнадцати лет он женился на одной из первых московских красавиц, был обманут и брошен, случилось это в 1907 году, боль не проходила, скорее всего, всю жизнь. Такова была его натура, отмеченная поразительным постоянством.

Что же касается Цветаевой, – это ещё один литературный роман Ходасевича со своей нерядовой интригой. Нельзя и вообразить поэтов более разных, нежели Цветаева и Ходасевич.

Выйдя из общего символистского лона, они разошлись в противоположные стороны: Цветаева – стихия, Ходасевич – организация. Её книжку «Волшебный фонарь» (1912)

он счел «неприятно слащавой» и, найдя в авторе «некоторое дарование», всё-таки сказал «нет».

Встретились они на стихотворении «Смоленский рынок» Ходасевича: «что-то вроде дружбы» с Мариной началось с него. «Она их везде и постоянно повторяла». Стихи стоят того: «Смоленский рынок. // Перехожу. // Полёт снежинок // Слежу, слежу».

Это конец 1916-го, Ходасевич не чужд формальным изыскам, демонстрирует полное владение непостоянной, на вид архаической формой, у него воплощённой на диво просто.

Стоя по разным краям стихотворного пространства, поэты рады обнаружить родственный звук, потом совместно пронесённый сквозь общность изгнаннической судьбы.

Это связь непохожестей, взаимное признание права на непохожесть. Ходасевич верен себе, пристально и сочувственно следя «полёт снежинок» – женские судьбы в литературе и жизни.

Е. Кузина, Н. Петровская, Н. Львова, даже, как это ни странно, графиня Е. Ростопчина – один ряд. Ему их всех жаль. Но и об Андрее Белом, испуганном, несчастном, безумном, он пишет, как о них, – с глубочайшей жалостью.

Его предки по отцу восходили по геральдической ветви к Мицкевичу, но «Дактили», посвящённые отцу, лишены шляхетской спеси. Это стихи великого сострадания. У него есть стихи, обращённые к матери («Матери», 1910), но там что-то не получилось чисто поэтически, слишком экспериментально по стиху, да и надрыв, не свойственный ему в общем. В первый поэтический ряд он выведен не матерью, но тульской крестьянкой, своей кормилицей.

Ещё находясь в России (1919), он пишет в частном письме: «... к чёрту Милюковых», не проходит и семи лет, как он начинает работать у Милюкова в газете «Последние новости». Не сработались, был изгнан, как перед этим – из «Дней» Керенского. В результате закрепляется в не слишком близкой ему газете «Возрождение», где, тем не менее, отвоёвывает, по его словам, «свой угол». Счастливый домик давным-давно рухнул, но оставался свой угол.

Свой угол вообще. Навсегда. Для переписки с миром.

Беда в том, мир отвечал ему всё реже и реже, Ходасевич терял охоту к писаниям – прежде всего стихов. В 1938 году, за год до смерти, возникли последние стихи: «Но первый крик Хотинской оды // Нам первым криком жизни стал». Напоследок он подал руку Ломоносову.

Рядом не было никого. Его последняя жена О. Б. Марголина, молодая и верная, дождалась только до 1942-го – её сжёг фашистский концлагерь. «Европейская ночь» – предощущение этой гибели.

Архивное ядро Ходасевича сохранилось у Нины Берберовой. Её книга «Курсив мой» – бесценный памятник Ходасевичу.

Берберова помогала Ходасевичу в его газетной каменоломне, вместе писали под псевдонимом Гулливер, и сейчас трудно определить, кто из них был автором той или иной заметки. Писать под Ходасевича непросто, нужен дар. Жизнь с Ходасевичем не сахар, Нина покинула его. Но представлять от его имени она имела право, в перестроечное время так оно и было, её приезд на родину носил черты триумфа.

Он дружил с жёнами – и теми, кого оставил, и с теми, кто оставлял его. Увозя юную Нину из России, он оставался в сердечной переписке с Анной, сестрой поэта Чулкова, человеком литературным. Она получала от него стихи и передавала в печать.

Детей он не нашёл ни с одной из женщин, но тепло заботился о детях Анны, много и прекрасно писал о детстве, – своём и чужом: «Мальчик // С ведёрком и совочком примостился // У самых ног моих. Насупив брови, // Он возится в песке, и я таким огромным // Себе кажусь от этого соседства, // Что вспоминаю, // Как сам я сиживал у львиного столпа // В Венеции».

Личность Ходасевича – сплав желчности и сострадательности, беспощадности и всё-понимания. «И вот – живу, чудесный образ мой // Скрыв под личиной низкой и ехидной...» Его критические стрелы внушали трепет, его поддержка тех или иных собратьев – при всей объективности тона – не лишена личной подоплёки, бытовых симпатий-антипатий.

Печать раздражения лежит на его журналистике, подённой и пожизненной. Это касается не только современников: как у себя дома он ходит в разных временах, особенно в XVIII и XIX веках, вживую общаясь с литераторами, вельможами и скромными обывателями.

Резкие крайности его оценок – отсюда, из живого, полнокровного участия во всех без исключения персонажах историко-литературной сцены. Жесток его взгляд на Брюсова. Однако в этом случае он не совсем прав: оперировать горьким образом испепелённой женщины, пострадавшей от Брюсова не больше, чем от самой себя («Конец Ренаты»), красть ею всю его огромную жизнь и великую роль – как минимум несоразмерно. Тут она с Цветаевой (её очерк о Брюсове «Герой труда») сходятся.

Но Ходасевич и сам отметил, что в основе холодного отношения Брюсова к Цветаевой – её не приход к мэтру на поклон в качестве ученицы. Между прочим, не кто иной, как Брюсов, был посаженным отцом на первой свадьбе Ходасевича.

Не думаю, что «хам» и «кретин» – справедливая характеристика Маяковского и Хлебникова. Отчуждённо он пишет и о Г. Иванове, здесь немало личного. Кажется, он несколько оскорблён тем, что ему подбрасывают такого соперника: де, не ровня.

О нём тепло писали Белый и Гумилёв. Высказывался Горький: «лучший, на мой взгляд, поэт современной России». Набоков, едкий, высокомерный сноб Набоков, сказал о нём: величайший поэт столетия.

В его жилах текли две трудные струи – польская и еврейская, гремучая смесь, в итоге – русская судьба. «И вот, Россия, «громкая держава», // Её сосцы губами теребя, // Я высосал мучительное право // Тебя любить и проклинать тебя» – сказано в мощном стихотворении о няне Елене Кузиной. Пять лет (1917–1922) он писал эту вещь, завершив на чужбине.

За пятнадцать лет до того первую книгу «Молодость» он открывает циклом «В моей стране». Написано, как сегодня (прошло более ста лет):

А в шалаше – что делать? Выть да охать.
Точить клинок нехитрого ножа
Да тешить женщин яростную похоть,
Царапаясь, кусаясь и визжа.

А женщины, в игре постыдно-блудной,
Открытой всем, все силы истощив,
Беременеют тягостно и нудно
И каждый год рожают, не доносив.

В моей стране уродливые дети
Рождаются, на смерть обречены.
От их отцов несугубо вам песни эти.
Я к вам пришёл из мертвенной страны.

Послечернобыльские стихи. Однако в их русской ноте слышны отзвуки французских символистов – Бодлера, Верлена, Рембо. Незамутнённый взгляд на голую реальность особого рода физиологизм как подоснова человеческой трагедии.

Но и русских «проклятых поэтов» не исключить из опыта Ходасевича. Он внимательно и не без отклика читает стихи нищего, многодетного и вечно пьяного К. Фофанова (между прочим, Игорь Северянин громко декларировал свою любовь к Фофанову).

ву), в его приятелях состоял А. Тиняков, неразгаданный, разнузданный, небесталаный. Дружба с Б. Садовским, выброшенным из живой жизни дурной болезнью, была долгой, умной и искренней. Ходасевич охватывал всё литературно-жизненное пространство, не чураясь теневой стороны. Он был хищно любопытен, за жалким персонажем баллады «Под землёй» не поленился проследить в берлинской подземке от Viktoria-Luise-Platz до Kurfurstendamm.

Сноп света, столб лирики возникал там, где обитали отверженность, низость и паденье. «Как будто Ангелу Паденья // свободно руку отдала» – кто она? Девушка Лида, по сути – Муза.

Ходасевич назвал Хлебникова кретином – сейчас у меня на полке они стоят рядом, объёмистые, в превосходном и схожем, почти аналогичном полиграфическом исполнении.

Ходасевичу это понравилось бы.

*Владимир
ХОХЛЕВ,
Санкт-
Петербург*

ЧУДО

За лесами, за горами, за туманными морями
бродит чудо...
Откликается на эхо, громко радуется смеху,
ищет люда.

Люд приходит и уходит, вовсе чуда не находит –
весь в заботе,
в беспокойных разговорах... Что-то утверждает в спорах
по работе.

Чудо очень терпеливо – в тишине, не суетливо
жить стремится.
Иногда приходит в город... отыскав достойный повод
смотрит в лица.

* * *

Когда погасли свечи в тихом храме,
и запах ладана рассеялся во мгле,
Он, прошагав по припорошенной земле
и руку приложив к оконной раме,

в храм заглянул... Затем в него вошёл.
Без всякой цели тронул аналой...
Хозяином пришёл к себе домой,
чтоб убедиться – всё ли хорошо.

Пройдя в алтарь сквозь царские врата,
Он рассмотрел престол, коснулся сени...
Предметы, не отбрасывали тени
под светом, исходящим от Христа.

Вглядевшись в золотой иконостас –
сойдя с амвона, как обычный человек –
Он слышал за спиною шумный век,
который сам себя пока не спас.

На паперти Он вновь незримым стал.
Залаяла собака на луну...
Мир ждал весёлую, беспечную весну
и о кресте не часто вспоминал.

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Ты знаешь, здесь сегодня ветрено,
снег хороводит между соснами...
Как много светлых мыслей вверено
совместно прожитыми вёснами.

Они, подобно снежным вихрям,
свиваются в одну метель.
Я, веря безглагольным рифмам,
вручаю ей свою свирель.

Чтоб воспринять твоё тепло,
и отогреть замёрзший разум...
С утра дорожки замело
зимы прощальным, белым сказом.

И нет на них следов недавних
непониманий и обид.
Всё прощено! На лёгких ставнях
весна по-новому искрит.

И кажется, что вихри вьюги
ткуют новой жизни полотно.
Мне здесь теплее, чем на юге –
твой взгляд проник через окно.

Своей уверенной улыбкой
февральский растопила лёд.
Метель искусно... первой скрипкой,
аккорд гармонии берёт.

Я вслушался и вдохновился...
стал вновь с поэзией на «ты».
Мне в соснах образ твой явился
«как гений чистой красоты».

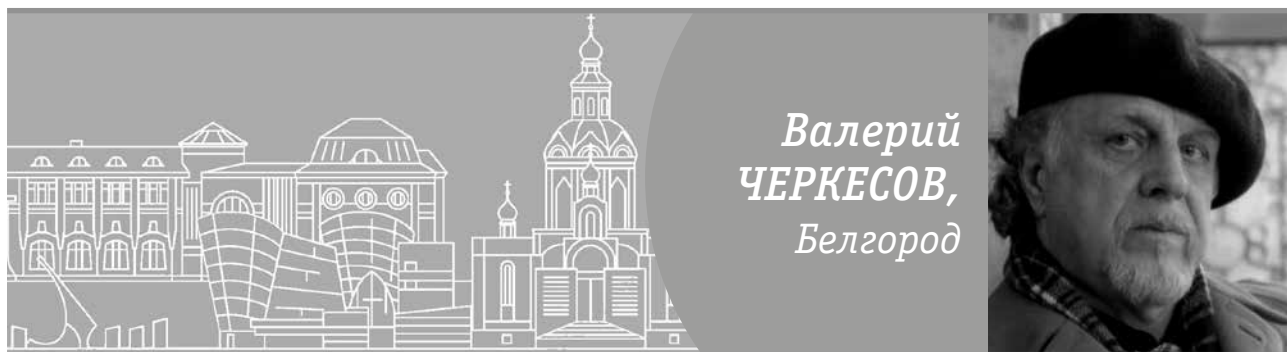
СНЕГИРИНАЯ СВАДЬБА

Насупилась сосна, стряхнула снег с иголок –
гремит лесной оркестр с зари и до зари.
Ворчит сердитый пень, торчащий между ёлок –
над ним, который день, порхают снегири.

Рябин облюбовав натруженные ветки
пируют снегири, не помня про мороз.
По насту разбросав оранжевые метки,
Пьянит сердца любовь... О силе брачных грёз

Поёт зима... Опять сосне мешает старой
с невестами возня заправских женихов.
Залюбовался свет торжественною парой
огнём горящих птиц, среди снегов и льдов.

Насупилась сосна, стряхнула снег с иголок –
гремит лесной оркестр с зари и до зари.
Кряхтит сердитый пень, торчащий между ёлок –
который день, над ним порхают снегири.

Валерий
ЧЕРКЕСОВ,
Белгород

БОЕЦ

После ночной смены
он – боец территориального полка.
В руках автомат, в подсумке – гранаты.
Не то, чтоб герой, но знает, пока

враги точат когти на Родину, надо
защитить – нет дороже страны.
Он любит её и очень.
А ещё, чтобы видела только мирные сны
малая, вся в папу, дочка.

ВЯЗАНЫЕ НОСКИ

Тёплые носки
лишними не бывают,
когда зима
и в тебя стреляют.
Да и ты стреляешь,
стараясь врага поразить,
хотя понимаешь:
нам всем предназначено жить.

А потом в землянке
носки шерстяные наденешь –
и на мгновение
война отступит,
и веришь, конечно же, веришь:
для тебя смерти не будет.

Носки связаны
женщиной незнакомой,
а надел – и словно
оказался дома.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Торкнулась дверь. Голос. Она
его из тысяч узнает.

– Комбат отпустил на сутки, сказал:
«Матушка – это святое».
Тебе я, родная, ромашек нарвал
прямо на поле боя.

Летняя ночь незаметно пройдёт.
Наглядеться бы! Наговориться!
Утром сыну снова на фронт.
– Буду молиться...

КРЕСТИК

Он говорит:
– Одной молитвы, пожалуй, мало,
чтоб одолеть этих бесов.
... И рука до боли автомат сжала.
А чёрные «птицы» кружат по-над лесом.

Что будет завтра, боец не знает,
но понимает – бессмертия нет.

И крестик нательный никогда не снимает –
такой же надёжный, как бронжилет.

* * *

Когда увидишь из окна,
как разлетелась тишина
обломками ракеты вражьей,
услышишь, как она рычит
зловеще, то один есть щит –
Иисуса образок бумажный.

Жизнь, может быть, не сбережёт,
но от неверия спасёт.

БЕЛГОРОД. БЛОКАДНИЦА

Пережившая девчушкой блокаду
в Ленинграде,
она, услышав вой воздушной тревоги,
истово крестится и говорит:
– Вот и детство моё вернулось...

ЧЁРНЫЙ ПЛАТОК

В семейном сундуке
она отыскала чёрный платок.
Его повязывала бабушка,
когда в 41-ом пришла похоронка на мужа.

Едва ли родная думала,
что он ещё кому-то пригодится.

А в кровати
безмятежно спала девчушка,
не зная,
что ей тоже расти без отца.

* * *

Станиславу Минакову

Переключка колоколов,
завыванья воздушной тревоги...
Нереальность материализовалась
и страшит, а не удивляет.

Но когда наступает затишье,
как святое помнится только
звон врачующий, а не разрывы
беспощадных вражьих ракет.

Избирательна память – дороже
ей всё то, что жизнь утверждает.
А война – она ляжет в граниты,
в обелиски, дай Бог, навсегда.

ПЕЙЗАЖНАЯ ЛИРИКА

1

По зеркальной глади пруда
плывёт отражение военного вертолётa –
как гигантская угрожающе рокошущая
стрекоза.

2

Посечённые осколками снарядов
ветви весенних деревьев.
На рваных срезах
капельки сока, как слёзы.

3

Воробьи,
спугнутые с покачивающихся проводов
близким грохотом,
залетели на балкон –
тоже убежище ищут.

4

От близких разрывов ракет
тюльпаны на газонах вздрагивают,
но цветут, цветут –
наперекор смерти.

* * *

Выкричаться и выплакаться,
помолиться, послать проклятья врагу –
вот всё, что могу.
А черёмуха вновь в снегу
белопенном, красавицей видится.

И весенние птицы в небо взлетают,
что – жизнь продолжается – подтверждают.

Андрей
ШАЦКОВ,
Москва

МОНОЛОГ О РОДИНЕ

По небу развешана серая хмарь.
Не стынут бездонные хляби.
Бесснежный февраль и бесснежный январь.
И всеу прожитый декабрь.

Вещуют: беда опустилась на Русь,
Но я – в оборонение гама,
За Родину, встав на колени, молюсь
С бревенчатой звонницы храма.

Средь святых канонов и давних былин
Я помню:
Под красной присягой
Мой дед в сорок пятом ворвался в Берлин
И взвёял знамёна над Прагой!

Я с Родиной кровью повязан былой,
Свой меч-кладенец поднимая.
Сражённный в полях васильковых стрелой
Безбожного хана-Мамаю.

Мой голос хрипел средь солёной волны,
Под крестоандреевским стягом.
Где Невскому-князю молились сыны,
Стяжавшие славу с «Варягом»!

Я, Родина, в землю твою положил
И маму, и старшего сына.
И Сириным вещим кричал и кружил
В краях, где моя пуповина

Привязана плотью к родимым местам.
Где пишутся лучшие строки.
Где снятся стихи и не спится мечтам,
И в небо ведут все дороги.

ЗАРИСОВКА ДЕТСТВА

Растревожена памятью кровной
Безмятежность ребячьей поры.
Майский жук – скарабей подмосковный
Из земной выползает коры.

И упившись берёзовой брагой,
Обгоняет в полёте шмеля.
И небесною Троицы влагой
Полнит реки родная земля.

Эти звонкие ливни косые,
Эти сполохи майские гроз.
Всё звучит, как акафист России,
Где мальчишка задумчивый рос.

Сандалеты, сачок и панама.
Общий снимок, как счастья венец.
Строго смотрит усталая мама,
И с улыбкою смотрит отец.

Бережит это душу доселе
И приходит во снах поутру:
Дачный дом, за околицей – ели,
Земляника в соседнем бору.

Помни: светлую летнюю пору,
Запах трав, медуницы елей...
И плывёт облаков омофору
Вслед –
Бумажный, из рук твоих, змей.

ПРОЩАНИЕ С ОКТЯБРЁМ

День нежностью осеннею объят.
«Михайло» вскоре, а печёт, как в мае.
И я душой, замёрзшей, принимаю,
Не завершённый в пору листопад.

И яблоки на ветках – на потом
Оставленные, средь хозяйских буден,
Чей строй досужим толкам не подсуден,
Как этот стих, над письменным листом,

Парящий, зимней чайкой над рекой.
Неразличимой – белою на белом.
Так благовест несётся по уделам,
Когда в церквях звонят за упокой...

Над Нижним – тучи, а в Москве теплынь.
Лишь вспомнилось, как хмурился сурово
Небесный свод в преддверии Покрова.
Но снова пахнет свежестью полынь!

Ты в этот день припомнишь без труда
Любовь, что ярим воском отгорела,
Напомятая болью то и дело
В унынии прошедшие года.

Да будет светозарен этот мир.
Хотя зима уже не за горами,
Но бабочка стучит в оконной раме,
И солнце вновь сияет, как потир!

О, это день, пришедший невпопад,
Прощально освещённый горним светом!
Вернувшийся не в пору бабьим летом,
Которому дороги нет – назад.

ДОРОЖНОЕ

Снова день, а значит – будет пицца
Горем воспалённому уму.
Прошлого былого пепелища
Прячутся в отеческом дыму.

Май жестокий смутен, словно брага.
Шаток, как устои бытия...
Я один, лишь старая собака
Мой последний друг и судия:

За печаль стихов, за непогоды,
 За любви цветные хрустали.
 За бесцельно прожитые годы,
 Что дождём меж пальцев протекли.

За всегдашней осени кручину.
 Куликова поля прах в персти.
 И за то, что на могилу к сыну
 Не сумел на Дмитровской прийти...

Вот среди кустов чертополоха,
 Дымно догорая у межи,
 Наша окаянная эпоха
 Сбитым квадрокоптером лежит!

Поднимайся, пёс, зовёт дорога.
 Покидаем миражи весны.
 Нам с тобой осталось так немного.
 Расскажи свои собачьи сны.

МОИМ СОБАКАМ

Алисе и Поле

Положи мне лапы на ладони,
 Носом ткнись в серебряный висок.
 На окне морозном скачут кони,
 В снегом запорошенный лесок.

Не слышать во льдах матёрых – речки,
 По которой утица плыла...
 Мы с тобой сейчас поставим свечи
 Той, что в доме до тебя жила.

Рыжая, с глазами светлой сини,
 Разом прикипевшая к душе...
 Что скажу своей ушедшей псине,
 Что с потерей справился уже?

Нет, неправда! На могилу к маме,
 Я отнёс твой прах на склоне дня.
 К женщине с небесными глазами,
 Что всегда ждала и ждёт меня.

И с тревогой сердце не рассталось,
 И ночной развеялся покой.
 Кажется, собака – эка малость,
 Но собака может быть судьбой!

И поверил Бог моей порухе,
 И привёл, простив мои грехи
 В тихий край, где маленькие уши
 Прятались в большие лопухи!

И когда в свой срок приходит вечер,
 Грозной ступой бабою-Яги,
 Я стою, согнув смиренно плечи
 И читаю псалтыря стихи

Положи мне лапы на ладони,
 Носом ткнись в серебряный висок.
 Верность спит хозяйкой в этом доме –
 Горний свет любви во снах висок.

*Владимир
ШЕМШУЧЕНКО,
Всеволожск,
Ленинградская
обл.*

* * *

Ноябрьский лес – приют печали.
Берёзки – кофе с молоком.
А мне сейчас бы кружку чая,
Горячего, да с сахарком!

И кружка чтоб была – «сиротской»!
(Любой турист меня поймёт...)
Здесь по ночам слезится Бродский,
И Пушкин голос подаёт:

Его «очей очарованье»,
Его «унылая пора»
Всю ночь тревожит подсознание,
А утром гонит со двора.

Дыханьем пальцы согреваю,
Ногами листья ворошу:
Подобен изгнанным из рая –
И жить, и чувствовать спешу,

Вдыхаю хвои терпкий запах,
Рябиновую горечь пью,
А рядом снег на задних лапах
Стоит у бездны на краю...

* * *

По городу гуляют холода –
Не день, не два, а добрых три недели...
Скулят на Невском утром провода,
А раньше пели.
И губы замерзают, и слова,
И голуби в смиренных рубашках,
Аничков мост звенит, как тетива,
И клодтовские кони – все в мурашках.
Всё замерло, но лишь на первый взгляд:
Так вопреки всему, неумовимо
В скалу врастает дикий виноград,
И злые холода проходят мимо.
От центра чуть – и нету никого.
На крышах ледяные ксилофоны.
И всё-таки случится Рождество!
И вынесет церковный люд иконы!
Мой зимний город, ты неповторим!
В тебе и небывалое бывает.
Яви небесный град Иерусалим,
И пусть он человекам согревает!

* * *

... Фёдор Михайлович Достоевский
В руки студента вложил топор –
Пятнами крови заляпан Невский,
Кровью пропитан Гостиный Двор.
И не укрыть свой позор занавеской
Сытым рабам золотого тельца...
Фёдор Михайлович Достоевский,
Я допишу ваш роман до конца!

* * *

Замерзают берёзы и жалобно в окна стучатся.
 На звенящем асфальте растут ледяные грибы.
 Ну, а мне какво – между жизнью и смертью качаться –
 На изломанной линии жизни под взглядом судьбы.

Хорошо у окошка тетёшкать свои рефлексии
 И берёзы и слёзы морозу назло рифмовать...
 У калитки дрожит на трёх лапах несчастная псина
 И тихонько скулит... Не охота, но надо вставать.

Надеваю пальто. Выхожу, колбасою воняю...
 Холодина собачья... «Ну, ну! Ты мне пальцы оставь!»
 А собачьи глаза – вон, какие стихи сочиняют! –
 Хоть ладонью черпай и на первую полосу ставь.

Ничего. Проживём. Не такое уже проживали.
 «Ну, давай же, хромай и за воздух покрепче держись...»
 А морозы и слёзы – они на листе танцевали,
 Чтоб собаке – не смерть, а собачья, но всё-таки, – жизнь.

* * *

Февральский дождь ворвался в город,
 Раздел деревья и дома.
 Спина сутулится сама,
 Когда подняв повыше ворот,
 Перехожу Заневский вброд
 У Александро-Невской лавры...
 А где-то звёзды бьют в литавры
 И лето длится круглый год,
 И полной грудью океан
 В объятиях муссона дышит...
 А тут (ба-бах!) сосуля с крыши –
 Огромная, как чемодан,
 Заехавшей на часик тётчи...
 Мне голос был: «Пиши попроще!
 А ты стоишь, как истукан,
 К тому ж в буквальном смысле слова!»
 А я в ответ: «Мне так хреново,
 Что впору заглянуть в стакан...»
 Поставил точку. Задохнулся
 От злого приступа стыда...
 Ведь где-то люди насмерть бьются,
 И кровь дешевле, чем вода,
 И «всероссийские» поэты,
 Помяв заёмный камуфляж,
 С «передовой» нам шлют приветы –
 Оно понятно, Крым-то – наш,

Артёмовск – далее по списку –
 Сожжённая дотла земля...
 Я утром был у обелиска
 В Дубровке... Мокли тополя,
 Надгробья на Аллее Славы...
 Не имут срама те, кто правы!
 А мы, а ты, а он, а я!?
 Оно конечно – так бывает,
 И всё случится – но когда!
 А время, между тем, смывает:
 Людей, посёлки, города...

* * *

Ледник заплакал, и сошла... строка,
 И унесла проезжую дорогу,
 И мост, как будто он из тростника,
 И, прихватив попутно облака,
 Вприпрыжку поскакала по отрогу,
 Всё на пути бессмысленно круша,
 Как человек в безумной жажде власти,
 Когда любая низость – хороша,
 И жизнь сама не стоит ни гроша,
 И пролитая кровь – мерило страсти.
 О, человек с убийством в тёмном взгляде, –
 Ты сам – одушевлённая вода...
 Куда, зачем – скажи мне Бога ради –

*Алексей
ШОРОХОВ,
Москва*

ПРАВДА

Друг друга за что нам стыдиться?
Ведь крови товарищей нет
На наших проснувшихся лицах,
Когда наступает рассвет.

Ведь мы не кричим от обиды
На песню, страну и судьбу
И те, кто имел на нас виды,
Кусают в сторонке губу.

Чадят ещё, встретив болванки,
В горячей предутренней мгле
Твои почерневшие танки,
Уже осыпаясь в земле.

И то, что казалось далёким,
Пришло, повторилось, сбылось –
Взрывною волною по лёгким,
Осколками в тело впилося...

Не денег искали и воли
Твои золотые сыны,
Что стынут в Авдеевском поле,
А правды. Одной. Для страны.

БЕЗ ВЕСТИ ПАВШИЕ

Сплю... и как будто пожарище
В нашем привычном дому.
Вижу погибших товарищей.
Радуюсь и не пойму:

– Братцы, неужто из плена вы?
Мнутя, глаза опустив.
Чёрный полиэтиленовый
Страшный пакет не закрыв...

Час или два воевавшие,
Так и не ставшие в ряд.
Там они, без вести павшие,
Где раскроил их снаряд.

Входят ночами укромными
Средь безразличья и лжи.
Просят губами бессонными:
– Ты про Победу скажи...

НОВОРОССИЯ

Сны стали яркие сниться,
Детские вещие сны.
Где-то пылают зарницы
Близкой по крови войны.
Где-то становится летом
Парень, сгоревший в броне.
Только ведь я не об этом,
Я не о том совсем... Не
Понимая, откуда
В нас эта вечность течёт,
Наспех прощаемся с чудом,
Свой не жалея живот.
Что же нас встретит на древнем
И бесконечном мосту?
Домик над речкой в деревне?
В детстве уроненный стул?
Жизни мелькнувшей начало?
Тёмные волны извне?
... Старый отец у причала
С парнем, сгоревшим в броне.

* * *

Рождество, но растёт неуклонно
Звук тревожный в предутренней мгле.

Снова танков с крестами колонны
По родной проезжают земле.

Им, конечно, гореть, и от жажды
Не спасёт русский снег наглецов.
Но хотелось бы просто однажды
Тем, кто выживет – глянуть в лицо.

КАЧЕЛИ

Снова в небо взлетает малыш,
На земле воцаряется тишь.
Ни разваленных миной домов,
Ни налившихся тьмой проводов –
Только тишь и малыш, и весна...
Почему ж твои ночи без сна?
Почему, прикрывая блокпост,
Он, не ты, поднялся в полный рост?
И теперь его юная мать
Будет в памяти долгой качать:
Сквозь года, и стрельбу, и метель,
Раз за разом – пустую качель...

НОВОГОДНЕЕ

С. Гудкову

В огне и пене белый бэтээр,
Как взмыленная лошадь у барьера.
И у кого-то рушится карьера,
А у кого-то встал секундомер.

Горит и стонет, умирая, взвод,
И бьёт в туман без смысла и без цели.
А мы опять на ёлку не успели...
Как скверно наступает Новый год!

А, впрочем, слава Богу – жив радист!
И ангелы-хранители плечисты –
Уже летят, и горизонт их чист,
И НУРСы* под крылами серебрясты!

* НУРСы – неуправляемые реактивные снаряды, основное вооружение российских боевых ударных вертолётов Ми-24.

ЧЁРНЫЙ ВОРОН ГОРЛОВСКИЙ

(песня)

Что ж ты вьёшься, что ж ты кружишь
Чёрный ворон надо мной?
И кому ты, ворон, служишь –
Беспилотник иль живой?

Ох, не клюй ты, чёрный ворон,
Очи чёрные мои!
Не от злобы они чёрные –
А от угольной пыли...

Да, не знал я, чёрный ворон,
Что за Кальмиус-рекой
Буду я лежать, недвижим,
Со кровавой головой...

Ты не вейся, не надейся!
Моего не трогай рта!
То не громы в поднебесье –
То работает арта...

Ты увидишь, ты дождёшься,
Как у Бахмутки-реки
Навсегда придут и встанут
Наши русские полки...

Вот тогда меня поднимут,
Бросят в кузов на мешки.
А тебя с винтовки снимут
Мои снайперы-дружки...

Что ж ты вьёшься, что ж ты кружишь,
Чёрный ворон, надо мной?
И кому ты, ворон, служишь –
Беспилотник иль живой?

ПАМЯТИ «БАРСА-19»

Не из Голливуда, не с Марса –
Со Ржева и Махачкалы,
Встают добровольцы из «Барса»,
Рывком отодвинув столы.

Их ждут полковые «Уралы»,
«Камазы» с едой и БК.
Семь-восемь минут – слишком мало
Стихам – до конца, до рывка!

Что знаешь о смерти, о «Ветре»?
Стрелковка, разрывы вдали...
О том девятнадцатом метре
Двадцатой последней зари?

Боюсь, что не смог, что не сдюжил! –
Сказать, подойти, приобнять...
Тушёнка и гречка на ужин,
На завтрак – последняя пядь!

Вот так и останемся вместе
Мы целую вечность стоять:
Живые и те, что «груз двести»,
В расчёте – четыре на пять...

* * *

Слово исходит из уст, и мир обрастает
подробностями.

Гулкая пустота зовёт тебя и манит.
Собственно, это жизнь – с возможностями
и способностями.

Если сказали «сын» – воин, герой, гранит.
Если сказали «дочь» – умница и красавица,
Ровный надел тепла в чьей-то чужой ночи.
Собственно, это Русь. Нравится или

не нравится,
Если сказали «петь» – пой! А лучше молчи...

Маргарита
ШУВАЛОВА,
Кстово,
Нижегородская
обл.

* * *

Убегает река, с небесами сливаясь.
Две лазури, два зеркала в вечном сближении.
Снизу вверх в эту синь с головой окунаясь,
Забываешь, где сам, где твоё отражение.
В чистоте отражается самое лучшее.
И, пытаясь увидеть его продолжение,
Совершаешь свой путь по скользящей излучине –
Этих двух бесконечностей к точке сближения.

СВЕТЛЫЕ

*В тёмные времена хорошо видно
светлых людей...*

Эрих Мария Ремарк

Во всякое время, в любую погоду
Светящийся нимб теплоты ощутим
Над теми и с теми, чей свет мимоходом
Становится словно прозреньем твоим.
Твоим узнаваньем забытой надежды

О встрече такой, что не меркнет во мгле.
Их лик человеческий, простые одежды
И та же способность ходить по земле.

Есть в каждом из нас изначально крупица
Такого свеченья. Не всякий лишь сможет
В себе её полнить и с ближним делиться,
Идя налегке по судьбы бездорожью,
Не ведая скуки и злобы не зная,
Во всякое время, в погоду любую.

Людей этих свет и во тьме осязаем:
Как звёзды – глаза их, пространство целуют.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Пускай не в яблочном году,
Пускай без твёрдого решенья –
Я с яблоком на Спас приду
К тебе, где ждёт преображенье
Двух заблудившихся людей,
Что друг за другом шли по кругу,
Так долго среди земных страстей
Не находившие друг друга...
Всё, знаю, будет без прикрас:
Без лишних слов и без движений,
Лишь Божий Свет прольёт на нас
С небес высокое прозренье.
Всё встанет на круги своя,
Надежд закончится крушенье.
Твоя в моей,

 в твоей – моя –
Душа найдёт преображенье.

* * *

Падают листья жёлтым дождём.
Листья, как числа, прожитых лет.
Всё что упало, осень сожжёт, –
Точки возврата к прошлому нет...

Точки возврата к прошлому нет,
Будь ты богатый или бедняк.
Мысли и чувства рвутся на свет,
Чтобы рассеять забвения мрак...

Чтобы рассеять забвения мрак, –
В жизнь нужно верить и сеять добро,
Волю сжимая в твёрдый кулак,
Всем неудачам и бурям назло...

Всем неудачам и бурям назло
Сердцем горячим кого-то согреть,
Если кому-то с тобою светло,
В пламени света не страшно сгореть.

* * *

В зареве кровавом дни и ночи
Плавится и стонет вновь земля.
Святой Сергей! Преподобный Отче!
Да прольётся светом Весть твоя!

Туча саранчи поганой снова
Хочет Русь сравнять с землёй-травой.
Вновь идёт на поле Куликово
Со своей дружиной Князь Донской.

И копьё сжимают крепко руки,
И шаги упрямы и тверды
Пересвета, вставшего в клобуке,
Против полчищ Западной Орды.

Вместо схимы – прежний груз кольчуги
На Ослябе с поднятым мечом.
Рядом соплеменники и други
Подставляют верное плечо.

И Всевышний в небе, на престоле
Ведает «заказан нам покой...»
Русь, Россия, Поле Куликово...
Омофор плывёт над головой!..

* * *

Покинуло Солнце зенит.
Вечерняя дымка легка.
А сердце тревогой болит
Без слёз, не дождавшись звонка.
Пусть каждому крест свой нести,
На части не рви свою суть.
Обидела если – прости.
Спаси... Сохрани...
Не забудь.

* * *

Потускнел к предзимью старый сад.
Пусто всё, и ни души вокруг.
Лишь на ветках яблоки висят,
Словно ждут тепла хозяйских рук.

Их старик гостинцем приберёт:
Съедутся внучата, соберут.

Терпеливо ждал, да занемог,
И над ним сомкнула вечность круг.

Почернел в предчувствии беды
Старый сад. Не слышно никому,
Как со стоном падали плоды
Словно слёзы в снег, по одному.

Как сердца разбитые лежат,
В сладких каплях застывает жизнь.
А вокруг хозяина душа
Птицею беспомощной кружит...

В жизни эта драма не нова:
Горек в одиночестве уход...
Всё ж любовь останется права,
В ком-то непременно прорастёт.

Вновь воспрянет духом старый сад,
Ощутив тепло хозяйских рук.
И, вдыхая яблок аромат,
Вспомнит деда благодарный внук.

Андрей
ЩЕРБАК-
ЖУКОВ,
Москва

МЕДАЛИ

*Дмитрию Байкалову –
спасибо за точную фразу*

Дымкой подёрнуты дали...
Густо – попробуй рассей!
Мы получаем медали
Памяти наших друзей.

Мы ещё крутим педали,
Мы ещё ходим в бассейн,
Но получаем медали
Памяти наших друзей.

Жизнь расплзлась на детали –
И не сказать обо всей...
Мы получаем медали
Памяти наших друзей.

Все, что собрали, – раздали.
Стой, будто столб, и глазей.
Мы получаем медали
Памяти наших друзей...

ГЛАГОЛ «КИНКАЖУ»

Я хожу, я брожу,
Целый день шатаюсь где-то –
Я тебя кинкажу...
Только, видно, без ответа.

Покажи миражи,
Я прошу, крича и плача,
Ты меня покинкажи,
Может, будет нам удача.

Будет бою отбой,
Шашлыки, глотки-боржомы –
Будем вместе с тобой,
Будем оба кинкажомы.

ПЛАЧ КРОКОДИЛА

Кто знал, что будет крокодиллом?
Кто знал, что станет страшным львом?
Что будет жить, зарывшись илом,
Иль с дерева смотреть кругом?

Или, как слон, трубить в саванне?
 Как носорог, пугать народ?
 Иль в грудь стучать по-обезьяньи?
 Иль тину мять, как бегемот?

Кто знал, что станет страшным зверем?
 Приобретёт зубов оскал...
 И я не знал, и я не верил...
 А мне скажи, ты сам-то знал?

НАЛИЧИЕ И НАЛИЧНОСТЬ

Что у нас есть в наличии?
 В наличии перси девичии –
 Одетые и нагие,
 Но, безусловно, тугие.

Что у нас есть в наличии?
 В наличии песенки птичии –
 Веселые и не очень,
 Вечером, днём и ночью.

Что у нас есть в наличии?
 В наличии нормы приличия –
 Мягкие нормы и строгие,
 Словно козлы полорогие.

Что у нас есть в наличии?
 Колючие ветки гледичии –
 Некоторые в прострации
 Её называют акацией.

Что у вас есть?.. Но личности,
 Переходя на личности,
 Нам говорят
 Забыть всё подряд,
 Поскольку у нас нет наличности.

ПОДРАЖАНИЕ ЕВГЕНИЮ ЛЕСИНУ

Лесин пишет, как креветку
 Раз на море привезли,
 Словом он стреляет метко,
 Словно по команде «пли!»

Только не увидеть моря
 Ни креветкам, ни котам.
 С ним у нас случилось горе –
 Все мы здесь, а море там.

Не увидеть, не услышать
 Ни прибой, ни лёгкий бриз.
 По карнизам пляшут мыши
 И сползают сверху вниз.

ТРАМВАЙНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Приходят трамваи, уходят трамваи,
 Гудят самолёты, пыхтят поезда,
 Метро равнодушно свой рот разевает,
 Да только не сдвинуться нам никогда...
 Движения нет ни на небе, ни в море,
 Хоть плавают щуки, а утки летят.
 По трое рождаются истины в споре –
 Рождаются, а умирать не хотят.
 Кишат эти истины всюду, как блохи,
 Бросаются под ноги, лезут на свет...
 А в целом дела не настолько уж плохи:
 Мелькания много – движения нет!
 Стоят на бульваре скульптуры и вазы,
 И я пополняю их смешанный строй –
 По форме похож, одним голубем мазан,
 Недвижно-бетонной структуры одной.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Диалогия

ПЛАКАТ

Нарисуйте меня на плакате,
 А потом на базаре продайте,
 Помолитесь и тут же предайте,
 Разорвите плакат, разметайте,
 Растопчите и ветру отдайте,
 А теперь убирайтесь, прощайте!
 Не кричите! Без паники! Хватит!
 Я совсем не такой на плакате...

АВТОПОРТРЕТ

Ты видишь мой автопортрет:
 Иду в веселье иль в унынье
 За той мечтой, которой нет,
 За той рукой, которой нет,
 За той спиной, которой нет,
 Сквозь суету и сумрак синий...
 И если это всё не бред,

То, раз уж я иду за ними,
Меня, наверно, тоже нет
На этой небольшой картине.

ВЕСНА-МОСКВА

Диалогия

1

В Москве весна
до сна
пьянит,
зовёт одних
познать вес дна;
на стык стихий
суёт других,
послав вдруг их
писать стихи...

2

Вот вышло солнце –
Словно на нити –
Снова на небо,
Словом – жара...
И я, как солнце,
Снова в зените,
Словно и не был
Сломан вчера.

* * *

Две вороны пролетели,
Ходит кошка без хвоста.
Судя по следам на теле,
Жизнь животных не проста.

*Юрий
ЩЕРБАКОВ,
Астрахань*

ХОЖДЕНИЕ ЗА СЧАСТЬЕМ

Саблями лучей казачье солнце
Разрубило облачный засов.
Пойманной жар-птицей ветер рвётся
Из холста узорных парусов

На степную ширь, где на просторе
Тает горизонта тетива.
– Волга-мать, неси в Хвалынско море! –
То моя гуляет родова!

Вольница души, ватажье племя,
Где на семь на бед – один ответ,
Занесло песком забвенья время
Счастья твоего разбойный след.

Волга летописные страницы
Берегов отмыла за века.
Только до сих пор мне это снится:
Утро. Струги. Парус. И река.

Пусть земные гибельные страсти
Оставляет вечно за кормой
Этот путь хождения за счастьем –
И неуловимый, и прямой...

Для чего живу на белом свете?
Пращур мой, сомненья размети.
Может, жизни суть в простом ответе:
В обретенье этого пути?

Астрахань, души моей столица,
Видишь, как меж волжских берегов

Ветер рвётся пойманной жар-птицей
Из холста узорных парусов...

* * *

Страна неотвратимых потрясений,
Полузабытых, проданных побед,
Страна неокончательных решений,
Страна былых надежд, страна Совет...

Страна, где становиться на колени –
И мода, и обычай, и завет,
И грех, и крест для новых поколений,
И на вопрос единственный ответ:

Что впереди, за чередой мгновений,
Где борются за душу тьма и свет?
Страна моих падений и прозрений,
Другой не будет, не было и нет.

САЛЮТЫ

Опять салюты над «Аль-Пашем»*
Расцветивают волжский лёд.
Там, не скупясь, победы наши,
Наверно, празднует народ.

Поди, икрою и шампанским
Он щедро славит в этот час
Тех, кто в Донецке и Луганске
Так храбро защищают нас!

Воистину, богатым людям
Красиво жить не запретишь.
Ура! Героев не забудем!
...И снова над рекою тишь.

За полыньёй, на хлипкой льдине,
Как в измерении ином,
Туристов пара – гусь с гусыней –
Забывлась беспокойным сном.

А где-то над передовою,
Там, где чудес давно не ждут,
Ракета небо рвёт ночное –
Ответный, стало быть, салют...

У ПОГРАНИЧНОГО ПУНКТА ПРОПУСКА «КАРАОЗЕК»

Что такое Ворота Позора?
В них в Дербенте с далёких веков
Убегали несмелые в горы
От нахлынувших полчищ врагов.

Бесконечны степные просторы,
Где гектаров пустынных не честь.
Что поделать? Ворота Позора
И у нас получается есть.

Там не больше, не меньше – на совесть
Проверяет безжалостный век
Всех подряд, население то есть,
На детекторе Караозек.

Пропускное окошко границы,
Где легко обнажается суть,
Где стремится машин вереница
В то окошко скорей проскользнуть.

Где Ахмет из Большого Могоя
Зло и весело трусам орёт:
– Зря стараетесь драпать, герои!
Всё равно вас шайтан заберёт!

Эй, Махмуд и Муса, может, хватит
Дурковать безо всяких причин?
Пацаны, в нашем военкомате
Ждут сейчас настоящих мужчин!

Ну, а мы с вами что, не батыры?
Но молчанье Ахмету в ответ.
– Ну, а сам ты, герой простодырый,
Неужель не боишься, Ахмет?

У него за прищуром за узким
Чертенята-смешинки в глазах:
– Я хочу заступиться за русских,
Потому что я русский казах!

И Россия мне жизни дороже!
Знаю, батя, такой дорогой
Может, будет цена... А похожи
Два названья – Луганск и Могой!

Буква «Г» у обоих, в натуре!
И никак не обманешь судьбу!

* Аль-Паш – элитный отель в Астрахани.

Кто трясётся о собственной шкуре,
У того эта буква на лбу!

У меня её нет и не будет!
Никогда свет не выдам за тьму!
... Пожелайте же добрые люди
Непременной удачи ему!

И она самым главным ответом
Как бессмертник в степи прорастёт:
Если в битву уходят Ахметы,
То вернётся оттуда народ...

* * *

– Ябки е бюджетэ'? –
Где ты, бабка Марьяна,
Что меня напугала когда-то всерьёз,
На пороге, как ведьма, возникнув нежданно,
Принеся до сих пор не забытый вопрос?

– Ябки е бюджетэ'? –
А в ведре, как литые,
Ядра яблочек лежат, что румяней зари.
А слова у яги вовсе не колдовские,
А простые и добрые:
– Хлопчик, бери!

Год полёта Гагарина. Маленький Хы'ров –
Городишко, куда просто так из села
Галицийская бабка в «москальску» квартиру
Кацапятам в подарок яблочек принесла.

– Ябки е бюджетэ'?
Будем, бабушка, будем,
Чтобы стало сегодня прекрасным былым!
На земле нелегко жить всегда добрым людям.
Как же яблоки мира порой тяжелы...

Им, увы, суждено превращаться в ракеты
Для того, чтобы там, на последней черте
Для всего бела света звучало вот это
Заклинанье опять:
– Ябки е бюджетэ'?

*Иван
ЩЁЛОКОВ,
Воронеж*

* * *

Октябрь напридумывал время туманов,
Туманов любви и туманов войны.
Дожди по распахнутым душам каштанов
Шагают без всякого чувства вины.

С дождями и я – торопливо-невнятный.
И каждый мой шаг – будто новый
фальстарт.

Ах, сколько расколото душ, перемято,
Впечатано в серый холодный асфальт!

Любовь – это сказка, война – это сущность.
А время меж ними – добро либо зло...
На фоне дождей и туманы всё гуще.
С ненастьем и нас не туда повело.

И сердце разбитым каштаном тревожит,
И ищет для счастья надёжный приют.
Но вряд ли увидит и вряд ли поможет
Дождями упрятанный в зонтики люд.

Придумал бы что-то другое, багряный!
Всё меньше любви и всё больше войны...
И падает сумрак на землю каштаном.
И нет ни намёка на чувство вины.

* * *

Через сны мои и бессонницу,
Размыкая створ тишины,
Полночь выпалит по околице
Раскалённым ядром луны.

Будет свет, как напалм, накрапывать,
Выжигая остатки сна,
Чтобы полночь смотрелась храброю
В стороне, где живёт война.

А на сотни вёрст от околицы
Смерть в ответку пальнёт внахлёт
Бронебойным или осколочным
С приземлением на погост.

Ты, душа моя, в несуразности,
В беспросветности чёрной лжи
Доберись уже по-спецназовски
До сокровищ, где прячут жизнь.

В небе коптеры – словно кречеты.
Над окопом у нас – луна:
Видно, трудно ей рядом с вечностью,
Если здесь, на земле, война.

ЗА КОМБАТА ЛЁХУ

Когда нам бывает плохо,
Встречаемся по звонку,
Клянёмся не ныть, не охать,
Не нагонять тоску.

Всё сказано, даже слишком.
Всё считано по зрачкам:
И смерть от ракетной вспышки,
И жизнь вопреки врагам.

Всей мощью былое сцапав,
Мчит с грохотом порожняк...
Найдём себя по вацапу,
Простим, если что не так.

Глаза велики у страха.
По спинам ползёт сквозняк...
Клянёмся не ныть, не ахать
И пьём по глотку коньяк.

У сущего нет мгновений,
Чтоб к точке, а дальше – мрак...
Идёт строка в наступленье
На фоне других атак.

А ночью был гром, и бахал,
И бухал, как ушлый чёрт...
Послать бы всех хитрых на фиг,
Да совесть наружу прёт.

Толпятся у врат эпохи
Герои, мерзавцы, чмо...
Мы пьём за комбата Лёху,
За пацанов СВО.

* * *

Птица белая. Время чёрное...
Что здесь делаю? Дёрнул чёрт меня...

Что здесь делаю? И по праву ли
Птицей белою душу правлю я?

То ли не жил я, то ль живу сейчас...
Жил бы, нежился в свой досужий час.

Но пришли горя, беды прочие...
Голосит заря девкой спорченной.

Над яругами, над болотиной
Вдаль с хоругвями смотрит родина.

Птицей чёрною – время дымное...
Заграничный чёрт до войны довёл.

Матерь божия – птица горняя –
Растревоженной вьётся горлицей

Над Оскол-рекой, над овражками...
Я и сам такой, взбудораженный.

Распростёр крыла в небе родины.
Эх, была ль, не была – целы вроде бы!

Звоны. Благовест... Сердце – птахою...
Лишь поправлю крест под рубахою.

* * *

Старая салфетка,
Абрисы стрекоз...
Мы встречались редко
И любили вскользь.

Из забытой книжки,
Как из туч гроза,
Выпорхнула вспышка,
Обожгла глаза.

Может, было что-то,
Может, никогда...
За стрекозьим летом
Спутались года.

Память машет веткой
Из гремучих гроз...
Старая салфетка –
Счастье не всерьёз.

Дождь уйдёт под утро.
Стихнет гул грозы.
Блещут перламутром
Крылья стрекозы.

Лишь желтинкой едкой,
Как речной песок,
Старая салфетка
Давит на висок.

* * *

Пусть будет дождь, а с ним гроза и град,
Зато не зной: он тягостен для сердца,
Как крик вороний третий день подряд
На тополях с пивбаром по соседству.

Я выйду в дождь с ветровкой за плечом,
С зонтом в руке и без попутной грусти,
Чтобы понять ещё раз и ещё,
Как важно не скудеть друг к другу
в чувствах.

Пусть в небе громыхнёт, и ливанёт,
И пух собьёт, очистив парк от скверны,
Любовь и в дождь из сердца не уйдёт
На обнажённом перекрёстке нерва.

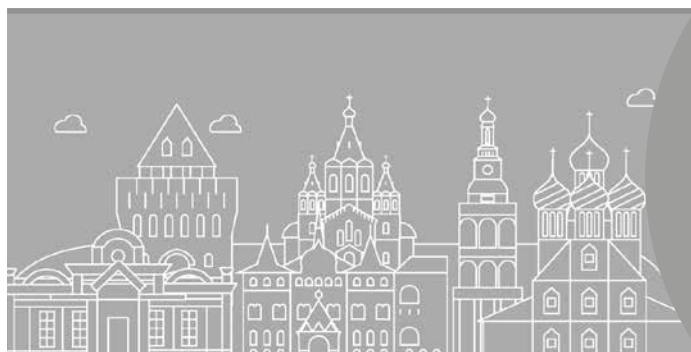
* * *

Мне солнце ничего не обещало,
Ответных слов и я не обещал.
Оно всходило и меня вращало,
Чтоб я себя вокруг него вращал.

Всё это в нас ещё со дня творенья,
Всё будет до скончания времён...
И солнцем станет, даже на мгновенье,
Девчонка, если ты в неё влюблён.

Случатся войны и затихнут снова,
Тьму потеснит небес победный свет...
Во мне звучит, как и в начале, слово,
И до сих пор ему замены нет.

И счастлив я, что в сердце много солнца.
Оно меня вращает, я – его.
И свет повсюду мудрым словом льётся,
Не требуя в награду ничего.

Евгений
ЭРАСТОВ,
Нижний
Новгород

Не ковшом, решетом подносили
В Иудее, в замшелой Руси ли
Брагу пенную к тонким губам.
А когда о пощаде просили,
Метко били в ответ по зубам.

Не ковшом, а напёрстком дырявым
Подносили, глумясь и смеясь,
Под ракитой, под вязом корявым,
Виноватым ты был или правым,
Мних безнозий, Великий ли князь.

Под берёзой, под гибкой оливой,
Клейким клёном, цветущею сливой
Я ухмылку видал подлеца.
Как кривлялся он, хмурый и потный!..
Брагу пенную жизни вольготной
Удалось мне испить до конца.

Я – везунчик, мучений не знавший.
Я не сгинувший и не пропавший.
Хоть была моя жизнь не проста,
Всем страдальцам всегда сострадавший,
Я всегда лишь *стоял* у креста.

Бесконечную чуж разлуку
На развилке вселенских дорог
Счастлив тем, что на горе и мýку
Не велел посылать меня Бог.

И твержу средь сырого ненастья,
Незнакомый с тюрьмой да с сумой:
«Сколько всё-таки выпало счастья!
Сколько счастья-то, Боже ты мой!»

На пороге смерти добровольной
Алчной императорской ночи
По бульварам Вены своевольной
Резвые порхают скрипачи.

И наставник в музыкальной школе
Педантично смотрит сквозь очки,
Как летят шестнадцатые доли.
Снова забывают про бемоли
Учениц ленивые смычки.

Глядя в криворукие потёмки,
Штрауса играя на балах,
Рыжеусых Габсбургов потомки,
Сказочной империи обломки,
На дунайских кружатся валах.

Помыслы о Сербии отбросив,
Забывая козни при дворе,
Престарелый кайзер Франц-Иосиф
Слышит звуки скрипок на заре.

Страшные настанут перемены.
Разжиреют платяные вши.
По бульварам сладострастной Вены
Будут рыскать пьяные сирены,
У солдат выманивать гроши.

Что шалавам ушлая команда
Деспотов, садистов, палачей?
В шкафчике у дяди Фердинанда
Тысячи замочков и ключей.

Есть часы, но сломана кукушка.
Кровью перекроена страна.
Жалкая австрийская игрушка.
Штыковая жуткая война.

Глад и мор гуляют по планете,
От приказов сохнет голова.
Ничего нет вечного на свете —
Только эта музыка жива.

* * *

Веток вишнёвых сплетенья и листьев дрожь
Так поэтичны, и вкрадчивы, и добры.
Вечер в беседке на редкость всегда хорош,
Как агрессивны бы не были комары.

Вечер в беседке намного удачней тех,
Где говорили так много, и пили чай
Или покрепче чего, и иных утех,
Что нам казались забавными незначай.

Много курили там, спорили, и стихов
Столько прочитано было, что вспоминать
Даже неловко. Особенно тех лохов,
С их фанатичным: «А можно мне прочитать?»

Вечер в беседке гораздо достойней, чем
Вечер у телеэкрана, где бодрый псих
Скороговоркой объявит вам список тем
В калейдоскопе медийных шутов, шутих.

Здесь тишина, наверное, родилась,
И первозданный, исконный царит покой.
Только антоновка жёлтая бухнет в грязь —
Неудержимый китайский десант такой.

Их, жёлтолицых, так много лежит в грязи,
Ну, а пока ты шлифуешь свою строфу,
С ветки срывается бравый капрал Цици,
Свой парашют раскрывает сержант Ду Фу.

Эта китайская мудрость стара как мир —
Жить только мигом, не думая о конце.
Так в горной хижине сказывал твой кумир —
Старый поэт и отшельник в одном лице.

* * *

Ты оставишь на память потомку
Кривобокую нежную кромку
Льдистых, пористых мартовских луж.
И поскольку ты с ним не лукавишь,

Ты стихи свои тоже оставишь —
Вдохновеньем отрезанный куш.

Ты оставишь читателю даже
Цвет небесных мучительных скважин,
Слабогрудый огарок свечи.
Пусть читают армяне, евреи,
Депутаты, бомжи, лиходеи,
Эти дактили, эти хорей,
Что рождались в валютной ночи.

Слово ранит, но слово и лечит,
Не ложится ни в чёт и ни в нечет,
Слово вроде тоски стержневой,
Где ничтожны сюжет или тема,
Лишний шелест, немая фонема.
Это реки из крови живой.

* * *

Струится с неба несказанный свет,
И ничего-то нет дороже света.
«Поэт в России — больше, чем поэт».
Я не хочу быть больше, чем поэтом.

Осенний дождик кончит моросить —
В ответ ему ни криков, ни оваций.
Мне ни к чему в стихах своих просить,
Чтоб Ленина убрали с ассигнаций.

Я сделал выбор. С лунной тишиной
Остался, с лучезарною волной,
Не в ваших закулисных кривотолках.
Не станут комиссары надо мной
Склоняться в пыльных шлемах
и в бейсболках.

Уж лучше спать тяжёлым русским сном
В бревенчатой избе на русской печке,
Чем быть продажным клоуном, вруном,
Бесплатно не промолвившим словечка.

Не ваш я, бодрячки и рифмачи,
Не вашей гуттаперчевой команды
Игрок, и не таскаю кирпичи
На храм и хлам казенной пропаганды.

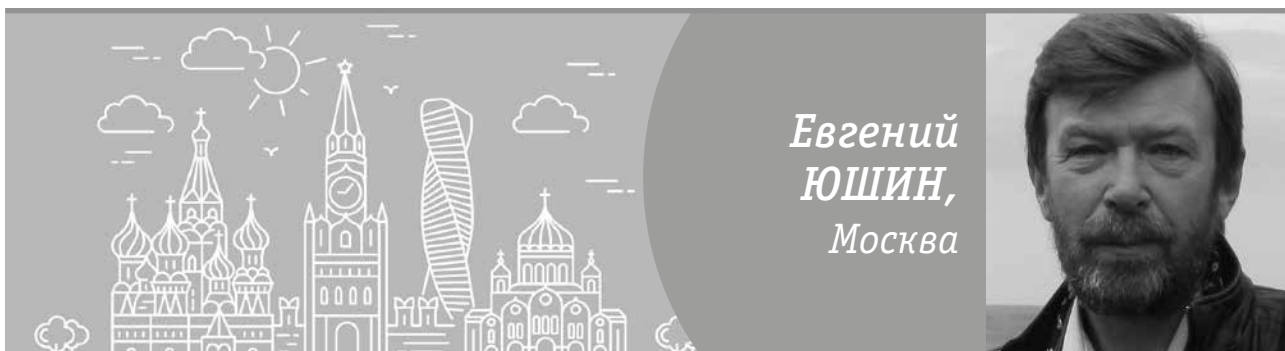
Но я не враг вам. Никому не враг.
Живу среди барыг и доходяг

В родимой мукомольне и давилъне,
И мне милее зубчатый овраг
Всея вашей меркантильной говорильни.

Не дай мне Бог стать громче камыша,
Отважней лягушонка на болоте
И говорливей камня-голыша.
Мне жить бы только, глубоко дыша,

И видеть на ромашке мураша
Да облако в закатной позолоте.

К чему ж пугать, что кану в Никуда?
Всё к лучшему, и горе – не беда,
Когда ты был правдив перед народом.
... Я – лучик солнца, талая вода.
Я стану водородом, кислородом.

* * *

Россия начинается с дороги,
С бурана, бурелома и берлоги,
С разбойников, узорочья берёз,
С молитвы светлой и горючих слёз.

Россия начинается с тревоги.
Кто наши не притаптывал пороги?
Ордынцы и тевтонцы – всё разбой.
... Узорный плат, наличники – резьбой.

Россия начинается с надежды.
То рядит европейские одежды,
А то китайский примеряет шёлк.
И – щёлкает клыком тамбовский волк.

Распевом красок инока Рублёва
Россия начинается со Слова.
Веди судьбу – душою не криви.
Россия начинается с любви.

С разгульной песни тракториста Сашки,
С горячего глотка из тёртой фляжки,
С горючей, горькой правды, в мире лжи,
И с васильков, мерцающих во ржи...

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПЕРЕД ФРЕСКАМИ

Сумрак чадом тянется у донника.
Бухулёр – в котлах у краснотала.
Кровью помню: конский пот и конники,
Зычный крик: «Гони, урус, отару!»

Волчеглазо смотрят чернокодые.
Лица, словно бронзовые блюда.
У костров, вихляясь, тени ёрзают,
На кривых ногах у юрт толкутся.

Зори – кровяными полотенцами.
На полях – опалины и стоны.
По дорогам – матери с младенцами.
Мироточат скорбные иконы.

И летит польнью песня грозная.
А не все помрём. Осилим пришлых!
Стрелы вьются по небу стрекозами.
Да зияют раны спелой вишней.

Костровищи, грязь да зенки узкие.
Пали в поле хищные ордынцы.
«Русские» теперь звучит, как музыка.
Будем жить, творить, любить, молиться!

Светел храм иконами и фресками.
Я и сам – на фресках. Право слово!

Я – потомок Александра Невского
И потомок Дмитрия Донского.

СОЛДАТКЕ

Памяти Алексея Полуботы

А когда я вернусь, мы с тобою поедem на реку.
За кувшинкою рыженькой я для тебя заплыву.
Но смогу ли забыть пятна крови – по свежемy снегу,
В перекрестии дронов задымленную синеву?

Но когда я вернусь, ты опять запоёшь нашу песню
Про калину, цветущую в поле у кромки ручья.
И когда ты обнимешь меня, я и вправду воскресну.
И не плачь, дорогая. Уж больно слеза горяча!

Всё теперь для меня и спокойнее стало, и тише.
Будут луг и туман золочёное зарево ткать.
А когда я вернусь, наши спелые росные вишни
Будут губы твои, будут слёзы твои целовать.

Доплыву я к тебе. Ты поверь, для меня это просто –
Через трель соловьиную, через раскаты громов.
Сядем рядом на волны смотреть, на плывущие звёзды.
Всё-то в мире не сложно, когда согревает любовь.

* * *

Вдруг почувствовать боль. И запеть, и заплакать.
Я и сам-то себе не сумел рассказать
Наших синих дорог неуютную слякоть,
Наших бледных, пастушьих небес благодать.

Кружит небо весна и хмелеют сирени,
Всё слышнее припевки ручьёв у дорог,
И бредут на ходулях еловые тени
Сквозь рябые болота, туманы и мох.

Дышит поле в просторах, негромких и древних,
Слышат реки мерцающих звёзд голоса.
О прожитом деревья поют на деревне.
Входят в окна домов синевой небеса.

Вольной песней душа и щедрa и богата.
Если что утаил, то, пожалуй, прости.
Пляшут чёрные семечки, как цыганята,
У дремучей старухи в корявой горсти.

Пляшут в наших озёрах мятежные волны.
 Подношу я к глазам, слёз и радости полным,
 Золотую пчелою расшитый платок –
 Молодильного луга платок.

В ЗАСТОЛЬЕ

Что, батя, понемножечку, по сотке?
 На щучьих ямах – помнишь? – на реке...
 Волна беззлобно шлёпала по лодке,
 Плыла заря густая в молоке.

Ты помнишь, батя, как родня съезжалась?
 И жарко было, пели за столом.
 Потом – частушки с перцем, хрен да шалость.
 Плясали так, что в пляс пускался дом.

И детский смех, и внуки на закорках.
 Роса и луг, а и в глазах – роса...
 И бабушка за ситцевою шторкой
 На красные молилась образа.

И камыши шептали: – Тише, тише...–
 Не туча шла, но тёмная стена.
 И – громыхнуло! Покатились крыши.
 Не то пожар, не то опять война.

Из века в век всегда одно и то же:
 Жиреющей Европы хищный взор
 На сталь Урала и меды Поволжья,
 На колокольный голубой простор.

И прошептал, прихрипывая, батя,
 И придержал рюмашку на весу:
 – Воспоминаний – выпивки не хватит. –
 И отвернулся, чтоб смахнуть слезу.

ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ

А ты и не знаешь, как тайно любить я умею.
 Мол, шёл я тут мимо, а вот и решил заглянуть.
 Зайдусь болтовнёй, даже сам от себя оробею,
 И – сердце в набат, что едва ли не вышибет грудь.

Горячего чаю нальёшь мне с аиром, кипреем.
 Подвинешь варенье. Улыбку пуцу по усам.
 И ложечку робко возьму и губами согрею,
 Ведь ложечка эта к твоим прикасалась губам.

Твой чай колдовской разольётся во мне, словно солнце.
И разве куда-то уйдёшь от такого тепла?
И трепет, и нежность... Герань расцветёт на оконце.
Но будут сурово иконы смотреть из угла.

Ты шаль распахнёшь, и затеплятся тайною очи.
Взойдёт за окошком луна, как насупленный страж.
И муж твой войдёт. Улыбнётся, но как-то по-волчьи.
– Харе чаевать! Помоги. – И потянет в гараж.

И станет показывать мне там свои железяки.
Вот тут закрути, а вот тут подними, поддержи.
И редких прохожих пугнут для порядка собаки.
Умоюсь в кадлушке. Зачем мне всё это, скажи?

А нету ответа. И в думах – одни многоточья.
Калитку открою – дорогу туман побелил.
Хозяин опять улыбнётся и снова по-волчьи.
И только вослед уже спросит: – А что приходил?

* * *

Дождь! Барабан! Держись, дорога!
Смотает всю тебя в клубок!
Сороки помахали стогу
И скрылись в реденький лесок.

И что за музыка явилась,
И засияла, проходя!
Трава и та, как сердце билась
В объятьях страстного дождя.

От поцелуев капель звонких
Робели нежные цветы.
И дождь шумел, и в струях тонких
Из музыки явилась ты.

Смеясь, счастливая, босая
Ко мне бежала у берёз.
И дождь всё шел не угасая –
Хватало музыки и слёз.

* * *

В осеннем праздничном саду
 В предошущении покоя
 Взгляд укололся о звезду –
 И слёзы хлынули рекою!

Но не о том, что было сном,
 Растаявшим или забытым, –
 О неизбывном и родном,
 О том, что вверено молитвам
 И осенью взлетает вверх
 С листвой багряно-золотою...

Но если Ты, Господь, отверг
 Всё сказанное пред Тобою,
 И опадают с высоты,
 Подняться более не смея,
 Не сновиденья и мечты,
 А жизнь, и всё, что было с нею, –

Господь, в прозрачный этот час,
 Вселенской осенью пронзённый,
 Убереги живыми в нас
 Твоей весны грядущей зёрна!

* * *

Январь у моря – сон во сне:
 В далёкой северной стране
 В станице с именем Буранная
 Вздывает ветер гриву рваную
 И сбрасывает седока
 Ничком в густые облака.

И тот летит сквозь пену снежную,
 Пронизывая муть кромешную –
 Летит сквозь время напролом,
 Глаза прикрывши рукавом...

Пустынный пляж. Чужие, синие,
 Толкают берег волны, с силою
 К его ногам бросаясь ниц...
 Ты море? – Море. – Поклянись!
 Волна выносит страшной клятвою
 Какую-то железку, смятую
 Немыслимую глубиной,
 Таящей морок ледяной...

Январь. Проснуться ли, очнуться ли,
 Но всё равно пора туда,
 Где свет плывёт по снегу блюдцами,
 Пока не рвутся провода,
 Где больше не о чём печалиться,
 Как проглядеть до солнца муть,
 Где шаг – и сразу твердь кончается,
 Но больше некуда шагнуть.

* * *

И только на Севере сердце – дома...
 Черна и прозрачна река Тулома,
 И камушки светят на самом дне –
 И свет рассыпается по волне.

Сбежав к воде по хрусткому насту,
 Войдёшь в её ледяную ласку –
 Мостки в серебряной шёрстке льда
 Лизнёт разбуженная вода...

О, нету пламени пламенее,
 Чем этот миг между мной и ею,
 Когда открываются в небесах
 Ворота в гиперборейский сад,

И розы его, высыпаясь в полночь,
 Зелёным сиянием воздух полнят
 И смотрят в зеркало чёрных вод...
 Но так ни одна и не упадёт.

Небесному здесь, на земле, не место –
Но нам с тобою, сестра, небесно!
И только ослабнет сплетенье рук,
Тебе – на Север, а мне – на юг.

* * *

Заря ходила бисер собирала,
Узорчатую ленточку плела.
От старого белёного вокзала
Неслышно электричка отошла.

Её пустые окна были тёмны,
В них всё быстрее плыли облака...
А за стеклом последнего вагона
Взмахнула, тая, женская рука –

Прощаясь, неизбежное прощая,
Коротким взмахом отпуская ввысь –
И впереди из кущи иван-чая
Дневные птицы ей отозвались.

Что это было? Много или мало
Она покорно небу отдала?..
Заря ходила, бисер собирала
Узорчатую ленточку плела.

* * *

Идёшь по берегу, легка,
Но остановишься невольно:
Покатый шёпот тростника
Легко соскальзывает в волны,

Воды касается едва,
Её движенью не мешая,
Простые тихие слова
Со всхлипами перемежая...

А помнишь, у другой воды,
О скалы бьющей белокрыло,
Вот так же всхлипывала ты
И говорила, говорила...

И ни одно из тихих слов
В стихии грохота и гула
Твою печальную любовь
Ни на мгновенье не вернуло...

Но так же ни одно из них
Не потеряло боль и силу –
Сухой безмысленный тростник
Весенним солнцем просквозило,

И вот теперь, золотокрыл,
На тихой набережной мая,
Он слово в слово повторил,
А ты стоишь, не понимая...

* * *

Что из дома? – Пара строчек в личке.
Некогда – почти что никогда.
Вымокли столбы, как будто спички,
По полу февральской электрички
Загуляла талая вода.
У зимы в Москве свои привычки,
И не угадаешь – вот беда! –

Посреди какого перегона,
Смешивая грохот с тишиной,
Прямо через палубу вагона
Ночь перехлестнёт тугой волной

И сметёт нечаянно в пучины,
Где плывут обрывками сетей
Тёмные – во тьме неразличимы –
Ветви, тени, призраки ветвей...

Ничего, что в мире удержало б
И могло позвать издалика.
Только лишь наивных детских жалоб
Лодочка бумажная легка –

Но смешны мечты или обиды.
Господи, остави всё как есть!
Видишь, буквы сразу же размыты –
И уже ни слова не прочесть.

Только эта лёгкость и чудесна,
Бессловесна и во тьме бела,
Только эта лодка через бездну
К берегу добраться бы смогла.

* * *

Мы все увидимся, увидимся
У родника в горячий полдень!
Мы удивимся, мы обнимемся,
Мы горький век с улыбкой вспомним:

Его темницы, узы, тернии,
Его утраты и заботы,
Смиренье жизни и терпение
В пустые мертвенные годы –

И, воду ласковую черпая
В ладони, сложенные сердцем,
До золотистого вечера
Впервые сможем засидеться.

И слов серебряная складчина
Заблещет в токе родниковом,
И жизнь, пройдя всё предназначенное,
Своим поклонится оковам.

Литературно-художественное издание

День поэзии — XXI век. 2026 год

Альманах:
СТИХИ, СТАТЬИ

Анастасия ЕВМЕНОВА –
художественный редактор (Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-6055912-2-1

Подписано к печати 20.02.2026. Формат 60x90/32
Бумага офсетная. Печать офсетная,
гарнитура «PT Serif». Печ. л. 9. Тираж 400
Заказ № 18848

Отпечатано в типографии «Эталон»
Санкт-Петербург, ул. Трефолева д. 2 литера АУ
Телефон: 8 (812) 241-17-79